

**СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
НАУКА** **ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ**
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

Иваново
23–25 мая 2024 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

**СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА:
ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ**

*Сборник материалов
Международного симпозиума*

Иваново, 23–25 мая 2024 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2024

УДК 80
ББК 80
С56

Современная филологическая наука: достижения и инновации : сборник материалов Международного симпозиума. – Иваново, 23–25 мая 2024 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2024. – 528 с.

ISBN 978-5-7807-1460-6

В сборнике публикуются материалы Международного симпозиума, посвященного актуальным проблемам филологической науки, лингвистики и литературоведения.

В конференции приняли участие филологи, лингвисты, литературоведы, преподаватели вузов из многих регионов России, а также ученые из зарубежных стран (Белоруссия, Монголия, Китай, Турция, Казахстан, Узбекистан, Вьетнам, Сенегал, Нигерия, Таиланд и др.). Исследования проведены на материале русского, английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, турецкого, сербского, китайского, арабского и др. языков.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук **С. А. Маник**,
(ответственный редактор),

доктор филологических наук, профессор **О. М. Карпова**
доктор филологических наук, профессор **Ф. И. Карташкова**,

доктор филологических наук, профессор **Е. М. Тюленева**

кандидат филологических наук **О. А. Мелентьева**
(ответственный секретарь)

ISBN 978-5-7807-1460-6

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University

**MODERN PHILOLOGICAL SCIENCE:
ACHIEVEMENTS AND INNOVATIONS**

Proceedings of International Symposium

Ivanovo, May 23–25, 2024

Ivanovo
Publishing House “Ivanovo State University”
2024

Modern Philological Science : Achievements and Innovations : Proceedings of International Symposium. Ivanovo, May 23–25, 2024. – Ivanovo : Ivanovo State University, 2024. – 528 p.
ISBN 978-5-7807-1460-6

The Proceedings of International Symposium discuss a great number of issues on philology, linguistics, and literary studies. The conference was attended by philologists, linguists, specialists in literary studies, and university teachers from many Russian regions, as well as from other countries (Belarus, Mongolia, China, Turkey, Kazakhstan, Uzbekistan, Vietnam, Senegal, Nigeria, Thailand, etc.). Such languages as Russian, English, German, French, Italian, Spanish, Turkish, Serbian, Chinese, Arabic etc. are taken as the research material.

Editorial Board:

S. A. Manik, Doctor of Sc., Philology
(*Editor-in-Chief*)

O. M. Karpova, Doctor of Sc., Philology
F. I. Kartashkova, Doctor of Sc., Philology
E. M. Tyuleneva, Doctor of Sc., Philology
O. A. Melentyeva, Cand. of Sc., Philology
(*Executive Secretary*)

Организации-партнеры симпозиума

Минский государственный лингвистический университет

Yeditepe University
(Университет Едитепе, Стамбул)

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
Министерства просвещения Российской Федерации

Национальное общество
прикладной лингвистики (НОПриЛ)

Российское общество
преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ивановский научный центр
Российской Академии Образования (ИНЦ РАО)

Журнал
«Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки»

Журнал
«Научный поиск: личность, образование, культура»

ФИЛОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современной филологической науке, как части гуманитарного знания, свойственен динамичный характер и использование новых подходов. Современная наука разрабатывает исследовательский инструментарий с учетом междисциплинарных связей в парадигме гуманитарного знания. Статус филологии как вида деятельности, а затем и определенной академической дисциплины, сильно изменился за последние два столетия, в той же степени, если не в большей, как любая другая научная деятельность.

Филология возникла в период становления эпохи Возрождения, традиционно предметом ее изучения является история языков и литературы. Слово «филология» пришло в русский язык от греческого слова «*filia*», что означает «любовь», и «*logos*» – язык. Помимо исторического развития языков, филология также изучает их структуру, взаимосвязь и влияние на культуру народов. Филология вместе с тем включает в себя ряд самостоятельных наук, таких как литературоведение, этнография, фольклористика и лингвистика.

На протяжении веков «филология» была почти синонимом гуманитарной интеллектуальной жизни, охватывая не только изучение греческой и римской литературы и Библии, но и все другие исследования языка и литературы, а также религии, истории, культуры, искусства, археологии и многого другого. Одним словом, филология считалась королевой гуманитарных наук. В книге «Филология», первой когда-либо опубликованной на английском языке истории западного гуманитарного образования как единого целого, Джеймс Тернер рассказывает увлекательную, забытую историю о том, как изучение языков и текстов привело к появлению современных гуманитарных наук и современного университета. В этом повествовании прослеживается развитие гуманитарного образования от его зарождения среди древнегреческих ученых и риториков, через Средневековье, Ренессанс и Просвещение до англоязычного мира XIX и начала XX в. Тернер показывает, как развивающиеся исследования текстов, языков и материальных артефактов прошлого на протяжении многих веков привели к сложным сравнительным методам

и глубокому историческому осознанию уникальности предыдущих эпох. Но около 1800 года, объясняет он, эти взаимосвязанные филологические и древние исследования начали дробиться на отдельные академические области. В результате этих расколов через столетие или около того возникли новые, независимые «дисциплины», которые мы сегодня называем гуманитарными науками. Однако разделение этих дисциплин лишь затушевывает, а не стирает их общие черты. Сегодня понимание их общих истоков и того, что их объединяет, никогда не было столь актуальным.

Настоящее издание представляет собой сборник научных материалов по итогам международного симпозиума «Современная филологическая наука: достижения и инновации», проходившего 23–25 мая 2024 г. на базе Ивановского государственного университета при поддержке ректората и ректора А. А. Малыгина. Данное научное событие приурочено к 50-летию вуза, который исторически является общепризнанным центром гуманитарного образования и флагманом филологической подготовки в Ивановской области.

Симпозиум объединил более 350 исследователей из разных городов России (Москва, Курск, Калуга, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Саранск, Новосибирск, Казань, Ярославль, Краснодар, Хабаровск, Одинцово, Тверь, Владимир, Кострома, Шуя, Тула, Челябинск, Воронеж, Нижний-Новгород, Серпухов, Пермь, Балашиха, Самара, Калуга, Коломна, Тюмень, Череповец, Тамбов и др.) и стран (Белоруссия, Монголия, Китай, Турция, Казахстан, Узбекистан, Вьетнам, Сенегал, Нигерия, Таиланд и др.).

Тематика выступлений на фестивале затрагивала многие филологические аспекты, подтверждая многогранность и междисциплинарность филологии, отражая ее вековые традиции и актуальные инновации: язык как ценность, воспитание ценностного отношения к русскому и иностранным языкам и литературе как задача филологического образования; лингводидактика в плюрилингвальной парадигме; философия языка, когнитивные основы изучения текста и дискурса; междисциплинарность научных исследований языка; цифровые технологии и искусственный интеллект в исследовании и преподавании языка

и литературы; межкультурная коммуникация в условиях мультилингвальности; языки для специальных целей; традиции и инновации в лексикографии в XXI веке; компьютерная и корпусная лингвистика; перевод в условиях новых цифровых реалий; семантико-прагматические исследования языка; русская литература в контексте мировой литературы; поэтика текста и контекста.

Рассмотрев такое количество направлений, справедливо утверждать, что филология вполне может означать нечто, что в той или иной степени выходит за рамки литературоведения, критики или германистики, являясь корнем, от которого происходят многие гуманитарные дисциплины, или «зонтичным термином». Вместе с тем, научный симпозиум по филологии объединяет исследователей для решения общих задач по описанию языков, их истории, литературы и культуры.

*С. А. Маник,
ответственный редактор*

УДК 372.881.161.1:316.77
ББК 81.411.2:74.480.25

Ю. В. Алешкина, Е. Н. Стрельчук

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва

ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В статье описывается опыт работы с китайскими социальными сетями, рассматриваются возможности их использования для обучения РКИ. Представлен краткий анализ возможностей каждой платформы.

Ключевые слова: китайские социальные сети, обучение РКИ, учебник русского языка, китайская аудитория.

Yu. V. Aleshkina, E. N. Strelchuk

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow

POTENTIAL OF CHINESE SOCIAL NETWORKS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article describes the experience of working with Chinese social networks and discusses the possibilities of using them for teaching RFL. A brief analysis of the capabilities of each platform is presented.

Keywords: Chinese social networks, RFL training, Russian language textbook, Chinese audience

В эпоху глобализации происходит активный обмен информацией, что требует от человека овладения иностранными языками и культурами. «Научно-технический прогресс вносит значительные изменения в жизнь миллионов людей, меняет их мышление и поведение, повышает требования к овладению современными профессиями в глобальном информационном

пространстве» [2, с. 164]. Получают развитие новые типы СМИ, социальные сети и платформы, которые начинают играть большую роль в образовании в силу своей доступности, наглядности, интерактивности. Все больше людей учит русский язык в образовательных учреждениях или самостоятельно.

В данной статье мы провели анализ китайских социальных сетей на предмет возможности их использования для обучения русскому языку. Потенциал социальных сетей изучался во многих работах филологов, например, в работе Азимова Э. Г., Кулибиной Н. В., Вана В. «Лингводидактический потенциал социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному» [1], Каплуновой М. Я. «Русский язык в современном Китае» [3], Ли Юань «О роли социальных сетей в изучении русского языка» [4], Сюй Бо «О роли социальных сетей в обучении русскому языку» [5], Чжан Лу «Роль социальных сетей в обучении русскому языку в старшей школе» [6] и других, но нигде не было общего анализа возможностей китайских ресурсов.

Важно подчеркнуть, что в Китае существует множество популярных местных социальных сетей и платформ, мы рассмотрели 6 из них: *WeChat* (微信), *Douyin* (抖音) (китайский аналог *TikTok*), *Weibo* (新浪微博) («китайский *Facebook*»), *Youku* (优酷), *Kuaishou* (快手), *Xiaohongshu* (小红书) (аналог *Instagram*). Эти платформы можно разделить на непосредственно социальные сети и платформы для просмотра видео и фото.

Вначале рассмотрим *WeChat* (微信, <https://www.wechat.com/>) – многофункциональную социальную сеть, которая совмещает в себе мессенджер, платформу для обмена видео, фото, а также различные службы, в том числе «кошелек», покупку билетов, бронь отелей, вопросы здоровья, своеобразный поисковый браузер и искусственный интеллект, а также шопинг и развлечения. В ходе обучения русскому языку возможно использовать раздел видео ленты для загрузки обучающих видео (в России недоступна функция создания собственного канала, это возможно сделать только с территории Китая), можно создать свою мини-программу для обучения языку (включить приложение в набор встроенных Вичат-программ). Есть вариант пользования «стеной» (朋友圈) для публикации

видео- (ограниченная длительность), фото- и текстовых материалов, но проблема заключается в том, что видеть публикации могут только добавленные друзья-пользователи, что ограничивает круг читателей. На встроенных платформах для продажи товаров есть опция платно распространять материалы для обучения языку, в частности учебники, тетради, пособия, пакеты курсов.

На платформе *Douyin* (抖音, <https://www.douyin.com/>) (сервис коротких видео), которая, как и *TikTok*, принадлежит интернет-компании *ByteDance*, есть возможность создания аккаунта для обучения желающих русскому языку (для создания требуется наличие китайского номера телефона). Данная платформа имеет колоссальное число пользователей, большая часть которых принадлежит молодому поколению, в связи с чем ориентация образовательных материалов должна быть, в основном, на молодежь. Вероятно, стоит задействовать современные тренды, слэнг, сделать упор на разговорную речь. Некоторые русские тренды данной платформы популяризируют русский язык (например, последний тренд: исполнение русской песни «DaDaDa» Танир&Тюмча, #俄罗斯神曲 #dadada). На данной платформе есть различные способы продвижения для привлечения аудитории, а также возможность получения заработка при достижении определенного количества подписчиков или просмотров (как и на платформе *Youtube*). Некоторые преподаватели русского языка пользуются *Douyin* для раскрутки, расширения аудитории и привлечения рекламодателей. Есть возможность поиска определенного контента и ведения прямых эфиров. На наш взгляд, в целом данное приложение имеет привлекательную цель.

Социальная сеть *Weibo* (新浪微博, <https://weibo.com/>) служит целям публикации постов, созданию групп, а также страниц, посвященных определенной теме. Также можно выкладывать видео, вести стримы. Аудитория более возрастная по сравнению с *Douyin*. Данной платформой пользуются в основном предприниматели, официальные компании и организации для предоставления информации о себе, публикации новостей, ознакомления пользователей со своей продукцией и привлечения

клиентов. Целесообразно отметить, что некоторые авторы выкладывают информацию, касающуюся России или русского языка под хэштегами, но аудитория данной тематики небольшая. Есть группы, а также чаты для практики русского языка, распространения учебников, помощи на стажировке в России, обмена валюты (подпольного) или помощи в перевозке вещей при перелете в Россию или возвращении в Китай. Образовательного контента немного, основная масса публикаций под хэштегами, связанными с Россией или русским языком, посвящена российским новостям. На данной платформе также распространены различные способы популяризации контента и увеличения числа подписчиков.

Видео-платформа *Youku* (优酷, <https://youku.com/>) позволяет помимо коротких видео от пользователей или официальных медиакомпаний также смотреть сериалы. По функциям она во многом похожа на *Youtube*. На данной платформе размещены материалы по русскому языку, в том числе от российских блогеров в свободном доступе, российские сериалы и фильмы. Однако большинство видео доступно по подписке. Также, как и в *Weibo*, есть возможность оформления платного аккаунта с возможностями продвижения. Можно публиковать посты. Также, как и в *Weibo*, образовательный контент по русскому языку не пользуется особой популярностью, максимум подписчиков одного аккаунта – до 9 тысяч человек. Аудитория платформы принадлежит к разному возрасту. Основная цель площадки развлекательная, поэтому скорее всего она не подойдет для размещения материалов для обучения русскому языку.

Kuaishou (快手, <https://www.kuaishou.com/>) – ресурс наподобие *Youku* для просмотра видео разной длины, сериалов и иных видео материалов, но по контенту она ближе к *Douyin* и *Xiaohongshu*, которую мы рассмотрим далее. У пользователя также есть возможность зарегистрировать аккаунт и самому создавать контент. На данной платформе больше материалов по обучению русскому языку, и они пользуются большей популярностью, чем видео на платформе *Youku*. Есть как российские блогеры, так и китайские, владеющие русским языком. Помимо чисто обучающих видео, где преподаватель объясняет новый

материал, есть также видео российских блогеров, нарезки из российских сериалов и фильмов с русскими субтитрами и переводом для практики языка. Но оценок данных видео немного.

Xiaohongshu (小红书, <https://www.xiaohongshu.com/>) («маленькая красная книга») можно назвать аналогом *Instagram*. На своей страничке возможно выкладывать короткие видео и фото, писать посты. Есть группы пользователей, изучающих русский язык, где можно найти единомышленников. Поиск также происходит по хэштегам, есть материалы по русскому языку, а также о России, российских новостях. Как и в остальных китайских социальных сетях материалы для обучения русскому языку имеют свою аудиторию. Данная платформа, как и *Douyin*, удобна для рекламы и раскрутки, но плохо подходит для серьезных обучающих материалов. Маленьких постов недостаточно для полноценного обучения, можно охватить лишь небольшие темы или, например, наборы интересной лексики. По своей сути это развлекательная платформа.

Таким образом, можно прийти к выводу, что каждая платформа имеет свои особенности, в создании контента надо ориентироваться на возраст аудитории, цели создания контента (будет ли это полноценный образовательный материал или дополнение к основному обучению, материал по лингвокультурологии или иное) и формат материалов (видео, изображения, текст). Для удобства пользования лучше иметь китайский номер мобильного телефона, китайский способ оплаты (на случай оформления подписки). Для загрузки дополнительных материалов к основному обучению лучше всего подойдут платформы *Douyin*, *Kuaishou*, *Xiaohongshu*. Для размещения объявления с целью поиска учеников подойдут *Weibo*, *Wechat*, *Xiaohongshu*, *Douyin*, *Kuaishou*. Полноценные образовательные материалы можно собрать в приложение в *Wechat*-программах (при поддержке программистов), либо разбить их на маленькие темы и подтемы и пользоваться вышеназванными платформами.

Библиографический список

1. *Азимов Э. Г., Кулибина Н. В., Ван В.* Лингводидактический потенциал социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2023. Т. 21, № 2. С. 133–147.

2. *Елисеева А. В.* Взаимосвязь восприятия и усвоения аудиоинформации в зависимости от способов фиксации письма в эпоху цифровизации / А. В. Елисеева, Е. Н. Стрельчук // Science for Education Today. 2022. Т. 12, № 4. С. 163–182.

3. *Каплунова М. Я.* Русский язык в современном Китае // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremennom-kitae> (дата обращения: 28.03.2024).

4. *Ли Юань.* О роли социальных сетей в изучении русского языка (李渊 浅论俄语学习中互联网的运用) // Отчет современности (вторая половина месяца) 时代报告 (下半月). 2012. Выпуск конца апреля (4 月 下). URL: <https://www.ixueshu.com/document/e593e93b446046f3783e3e0e31419b2f318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 29.03.2024).

5. *Сюй Бо.* О роли социальных сетей в обучении русскому языку (许波浅谈互联网资源在俄语教学中的应用) // Частные технологии (民营科技). 2016. № 12. URL: <https://www.ixueshu.com/document/07ab6bb454441f20326c248bc156b617318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 29.03.2024).

6. *Чжан Лу* Роль социальных сетей в обучении русскому языку в старшей школе (张璐 互联网在高等俄语教学中的应用) // Образование Хэнани: издание высших учебных заведений (河南教育: 高校版). 2011. Апрельское издание (9 月). URL: <https://www.ixueshu.com/document/e593e93b446046f35cad346fc691c067318947a18e7f9386.html> (дата обращения: 29.03.2024).

УДК 811.111'42
ББК 81.055.1

И. А. Анашкина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА КАК СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению звучащего текста с точки зрения культурной аксиологии. В статье описывается разработанная автором модель формирования аксиологических оценок субъектов восприятия в отношении звучащих текстов в исполнении разных типов английского речевого голоса.

Ключевые слова: культура, аксиология, звучащий код, восприятие, оценка.

I. A. Anashkina

National Research Mordovia State University, Saransk

PROLEGOMENA TO THE STUDY OF ORAL TEXT AS A SOCIO-CULTURAL VALUE

Abstract. The article is devoted to the prolegomena of analyzing the oral text from the angle of cultural axiology. The article presents the model of formulating the axiological assessment of the spoken text done by the subject. When perceiving a spoken text, the subject assesses it in full accordance with the position of this text in the field of culture and also with the characteristics of the segmental and super segmental levels of realization, and with the speaker's voice qualities.

Keywords: culture, axiology, oral code, perception, assessment.

При восприятии звучащих текстов, принадлежащих разным жанрам, воспринимающий субъект оценивает конкретный текст в соответствии с его положением в поле культуры, а также характеристиками звучащего текста: сегментного и сверхсегментного уровня реализации, качествами речевого голоса

исполнителя/говорящего. Под аксиологическим (ценностным) подразумевается тот аспект звучащего текста, который выявляется через уровень восприятия и может быть представлен в виде конкретных оценок субъекта в отношении воспринятого текста. Высказанные оценки позволяют судить о той ценностной позиции, которая может быть отведена конкретному тексту в субполе вербальных ценностей культуры. Оценки формируются на основании наиболее существенных для оценивающего субъекта аспектов звучащего текста, а именно: смысла, просодии, производимых звуков (дикции) и качеств речевого голоса.

Аксиологический аспект любого явления связан с рассмотрением его как факта культуры, представляющего ценность для членов общества. В этой связи выделяемый функциональный аспект звучащего текста своеобразен по своей природе в том плане, что его изучение вовлекает в орбиту исследовательского поиска такие категории, как оценка, ценность, модус ценностных отношений.

Концептуально исследование аксиологического аспекта звучащего текста связано с развитием лингвистики на современном этапе, проходящим в условиях новой, более широкой парадигмы мышления, которая характеризуется тенденциями объединения в своих рамках различных исследовательских методик. Экспериментальная часть исследования была выполнена по типу аксиологического шкалирования. Аксиологическое шкалирование представляет собой определенным образом организованную методику прослушивания текстов испытуемыми с целью выявления общих аксиологических характеристик в отношении текста в целом и аксиологических предпочтений относительно того или иного параметра звучащего кода. На основании аксиологических предпочтений испытуемых делается вывод о том, что звучащий текст получил положительную или отрицательную оценку или вызвал затруднения субъектов оценки. Дальнейший анализ результатов шкалирования был направлен на выявление звукопроизносительных, просодических и речелосовых характеристик звучащего кода текста. Слово «шкалирование» в рамках указанного сочетания имеет традиционный смысл – измерение (*Ferguson G. A. Statistical Analysis in Psychology and Education. 5th ed. L.: McGraw-Hill., 1976. 529 p.*). В связи

с этим аксиологическое шкалирование интерпретируется автором как измерение ценностных отношений в пределах субъектно-объектной системы, в которой объектом оценки является текст, субъектом – испытуемый, воспринимающий текст на слух.

Под аксиологической оценкой понимается такой вид субъективной оценки, который отражает модус ценностных отношений между индивидом и звучащим текстом. Звучащий текст в связи с этим рассматривается как вербальная ценность, как объект ценностных отношений. Он может оцениваться воспринимающим субъектом в плане того, насколько эстетически приятное впечатление создается при восприятии текста на слух, насколько комфортен и благоприятен сам процесс восприятия, насколько значимым и информативным является текст по смыслу, насколько адекватны смыслу и выражаемым эмоциям произносимые звуки, просодия текста, качество речевого голоса исполнителя/говорящего.

В ходе исследования было проведено моделирование процесса формирования аксиологических оценок индивида в отношении текста, анализ модели в структуре выделяемых уровней, определение смысловой структуры текста в формировании аксиологической оценки. В дальнейшем работа была направлена на создание методики аксиологического шкалирования звучащих текстов с участием испытуемых, включая такие этапы постановки эксперимента, как выбор звучащих текстов, составление групп испытуемых, выбор статистических методов обработки результатов шкалирования и методики принятия статистических решений. Экспериментально были проверены два тезиса: тезис об относительной самостоятельной значимости компонентов звучащего кода текста в их воздействии на аксиологическую оценку текста и тезис о трансформации аксиологической оценки под их влиянием.

УДК 81'33:769.91
ББК 81.055.1

В. О. Андреева

Московский городской педагогический университет, г. Москва

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА 1945–1953 ГГ.

Аннотация. В статье обосновывается рациональность использования междисциплинарного подхода при анализе плакатного дискурса 1945–1953 гг. Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и в качестве одной из методик исследования опирается на принцип учета как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Дискурсивный анализ советского массового искусства периода послевоенного восстановления позволяет изучить вербальную составляющую плаката и рассмотреть декоративное обрамление речевого сообщения.

Ключевые слова: междисциплинарность, когнитивно-дискурсивная парадигма, дискурсивный анализ, советский плакат, послевоенное восстановление.

V. O. Andreeva

Moscow City University, Moscow

THE SOVIET POSTER OF 1945–1953: COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH

Abstract. The article provides rationale for implementing an interdisciplinary approach to analyze the poster discourse of 1945–1953. The research is conducted within the cognitive-discursive framework and relies mostly on linguistic and extralinguistic factors intertwining. The discourse analysis of the post-war period Soviet poster enables us to tap into both verbal and visual poster content.

Keywords: interdisciplinarity, cognitive-discursive paradigm, discourse analysis, soviet poster, post-war period.

Плакат – это вид изобразительного искусства, выполненный при помощи средств живописи или графики и сопровождаемый текстом [5, с. 338]. Из предложенного определения следует, что данная форма образной коммуникации обладает вербально-визуальным единством и включает несколько семиотических кодов. Таким образом, плакат имеет сложную мультимодальную структуру, состоящую из визуального и текстового сообщения, и выступает в качестве поликодового образования [5, с. 90]. В связи с этим представляется релевантным изучить советский плакат 1945–1953 в рамках дискурсивного анализа и проанализировать его с позиции междисциплинарного подхода, позволяющего рассмотреть совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов.

Согласно французской школе дискурсивного анализа для комплексного изучения образно-символического языка советской визуальной пропаганды не следует ограничиваться лишь лингвистической интерпретацией текста. Напротив, учет ситуативного контекста позволяет раскрыть коммуникативно-прагматические установки и получить более широкое представление о плакатном дискурсе указанного периода [1; 4; 5]. В связи с этим обращение к социально-историческому контексту служит одной из основных методик настоящего исследования.

Так, при работе с плакатным материалом необходимо учитывать достижения ученых из смежных гуманитарных наук. Например, в работе исследователей в области искусствоведения Н. Бабуриной и К. Вашика содержится информация о творческом застое в плакатном искусстве 1948 года [3]. В монографии упоминается постановление ЦК партии «О недостатках и мерах улучшения издания политических плакатов», в котором критиковалось недостаточное освещение проблемы послевоенного восстановления экономики. В частности, в документе отмечалось, что массовое плакатное искусство слабо отражало достижения советского народа в борьбе за досрочное выполнение пятилетнего плана 1946–1950 гг. и потому нуждалось в повышении количества и качества выпускаемой продукции, что впоследствии и было достигнуто.

Действительно, в ходе работы с эмпирической базой исследования установлено, что наиболее многочисленную группу

плакатов образуют единицы, объединенные тематикой экономического подъема и развития народного хозяйства: 70 единиц составляют примерно 30,4 % от общего числа отобранных плакатов в количестве 230 штук.

К данному кругу тем относятся вопросы восстановления критических объектов инфраструктуры (например, реализуются программы газификации и электрификации некоторых районов: *Колхозам, совхозам МТС – электроэнергию!*; *Осуществить строительство и ввести в действие линию электропередач Куйбышев-Москва*; *Будьте активными участниками газификации Ленинграда!*) и благоустройства разрушенных населенных пунктов (*Больше благоустроенных поселков для шахтеров*; *Досрочно выполним план строительства жилищ для шахтеров*; *Восстановление родного города – кровное дело трудящихся*). Кроме того, тексты плакатов данной категории направлены на развитие промышленного и аграрного секторов экономики. Так, основное внимание уделяется задаче увеличения объемов сельскохозяйственной и промышленной продукции в рамках выполнения пятилетних планов (*Выполним и перевыполним новый пятилетний план*; *Изучайте и выполняйте сталинский план!*; *Стройкам пятилетки – высокие темпы!*). При этом особое значение приобретает высокая производительность труда: в большинстве рассматриваемых плакатов содержится указание на скорость и эффективность производственной деятельности советских граждан (*Ответим Родине богатым урожаем!*; *Равняйтесь по передовикам социалистического строительства!*; *Образцовым проведением весеннего сева добьемся высокого урожая на всей колхозной земле!*). Следует отметить, что развитие производственного потенциала страны осуществляется в области:

1. Животноводства (*Приложим силы и умение к тому, чтобы вывести область в число передовых областей по коневодству!*);

2. Растениеводства (*Дадим стране 127 тонн зерна в год!*; *Вырастим и соберём высокий урожай картофеля!*);

3. Легкой промышленности (*Больше красивых и добротных тканей!*);

4. Тяжелой промышленности (*Больше металла советской стране!*; *Дадим стране в 1950 году 25,4 миллиона тонн стали!*);

5. Добывающей промышленности (*Увеличим добычу и переработку нефти!; Шахтеры! Дадим 250 миллионов тонн угля в 1950 году!*).

Перейдем к типичным средствам и тактикам речевого воздействия в плакатах, призывающих к усилению производственно-экономического потенциала государства и преодолению последствий войны. Указанные плакаты обращены ко всему трудоспособному населению, что свидетельствует о широкой целевой аудитории плакатных произведений.

На лексическом уровне распространен прием интенсификации и генерализации оценки, который характеризуется мощным персуазивным зарядом за счет обильного использования средств с семантикой гиперболизации и обобщения (*Проведен сев в лучшие агротехнические сроки!; Выше темпы уборки урожая; Большие овощей и фруктов Советским городам и промышленным центрам; Выполним и перевыполним новый пятилетний план; Летать выше всех, дальше всех и быстрее всех!; Каждый % сверх плана – удар по поджигателям войны; Землю колхозную сделаем навеки плодородной!*).

На грамматико-синтаксическом уровне языка специфическими средствами воздействия является использование рифмы (*Хорошо трудиться – хлеб уродится!; Как работали они, показали трудодни!*), вопросительных конструкций (*Вот наши показатели, а ваши?*), лексических повторов (*Строим счастливую, строим культурную, нашу колхозную жизнь!*). Интересен с точки зрения воздействующего потенциала такой прием, как сочетание глаголов в форме прошедшего, настоящего и будущего времени в границах одного предложения: *Победили в боях, победим в труде!; Работай, сынок, как воевал; Победили в боях, победим в труде!; Побеждали в боях, побеждаем в труде.* В основе данного средства лежит явление коллективной памяти о событиях Великой Отечественной войны – советский человек отличается трудовыми подвигами и самоотверженной борьбой за мир (рис.).

Таким образом, социально-исторический контекст определяет процессы, отраженные в языковом материале. Синтез лингвистической и экстралингвистической информации дает возможность расширить представление советском плакате и

Рис. Плакат «Побеждали в боях, побеждаем в труде!»
(В. Корецкий, 1947 г.)

получить систематизированное знание о плакатном дискурсе послевоенного периода. Так, тема восстановления экономики после Великой Отечественной войны широко отражена в плакатах 1945–1953 гг. и наиболее полно раскрывается с опорой на общественно-политические факторы. Отсюда следует, что явления внеязыковой действительности позволяют обосновать выбор тех или иных языковых единиц.

Библиографический список

1. *Андреева В. О.* Дискурсивный анализ советского плаката в годы Великой Отечественной войны // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2 (54). С. 349–353.
2. Большая Российская энциклопедия / отв. ред.: С. Л. Кравец. Т. 26. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 2014. 766 с.
3. *Вашик К.* Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века / К. Вашик, Н. И. Бабурина. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 422 с.
4. *Сулейманова О. А.* Принципы и методы лингвистических исследований / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2020. 352 с.
5. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Книжный дом “ЛИБРОКОМ”», 2009. 248 с.

УДК 811.111'373.46
ББК 81.055.52

А. Г. Анисимова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: АВТОРСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ РОЛЬ В РАСШИРЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье описывается появление авторских терминов в англоязычных терминосистемах, а также процессы перехода авторских терминов в региональные и универсальные (интернациональные) при закреплении их в описываемых терминосистемах.

Ключевые слова: термин, авторский термин, интернациональный термин, терминосистема, амелиоративная коннотация, пейоративная коннотация.

A. G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

LANGUAGES FOR SPECIFIC PURPOSES: A CASE STUDY OF AUTHOR TERMS AND THEIR ROLE IN THE EXPANSION OF TERMINOLOGICAL SYSTEMS

Abstract. The research deals with author terms in different terminological systems: their use by a certain author, the processes of entering a terminological system, their role in the system, transition from author terms to regional and international ones.

Keywords: term, author term, international term, terminological system, ameliorative connotation, pejorative connotation.

В наши дни, в эпоху глобализации, изучение английского языка для специальных целей в основе которого лежит терминология, становится совершенно необходимым. «Именно

терминология позволяет нам создать единое информационное пространство для международного научного общения» [1, с. 295].

Общеизвестно, что одним из требований, предъявляемых термину, является его соотнесенность с определенной терминологической системой. Так, согласно В. М. Лейчику термином называется «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [2, с. 96]. Термин должен не только соотноситься с одним понятием, но и давать представление об определенной системе понятий. Создание термина всегда осознанно. В случае филологических и общественно-политических наук основным способом создания термина является заимствование слова из общелитературного языка и сужение/уточнение его значения.

Однако, существуют и авторские термины, которые по определению Н. А. Слюсаревой, созданы в рамках определенной научной концепции как элементы системы понятий, взаимосвязаны с другими терминами и с конкретной авторской идеей [3, с. 23].

Так, например, в начале XX в. в Германии зародилось новое направление в искусстве, которое получило название **Bauhaus**. Термин впервые был использован в 1923 г. Вальтером Гропиусом (1883–1969). Данный термин можно было бы отнести к разряду терминов региональных, т. е. распространенных в рамках одной страны. С течением времени (а с точки зрения истории, это произошло мгновенно), т. е. в течение 25–30 лет, работы представителей этого (довольного узкого) направления в искусстве были признаны и вошли в мировую историю искусства. Термин **Bauhaus** из регионального перешел в разряд интернационального.

Приблизительно в то же время, в 20-е гг. нашего столетия, подобная история случилась с термином **Art Nouveau**. *The term Art Nouveau first appeared in 1880s in the Belgium journal L'Art Moderne to describe the work of Les Vingt, twenty painters and sculptors seeking reform though art. The term is now used in English and French. It had different names in different countries: Style*

Guimard in France, Jugendstil in Germany and Stile Liberty in Italy, Nieuwe Kunst in the Netherlands and Sezessionstil in Austria [4]. Возникнув как термин авторский, он быстро стал региональным. Спустя 30–35 лет он был зарегистрирован как интернациональный термин во всех искусствоведческих словарях. Приведенные выше временные значения касаются терминов, возникших относительно недавно.

Или, например, широко употребляемый теперь политический термин **genocide** вошел в английский язык после второй мировой войны. Общеизвестно, что в 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла *Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него*. Менее известно, что в *Конвенции* был впервые использован неологизм «геноцид», и что создателем термина и инициатором концепции геноцида как преступления, нарушающего нормы международного права, был американский юрист российско-польско-еврейского происхождения Рафаэль Лемкин. Термин «геноцид» вошел во многие языки благодаря прозрачной этимологии: компонент «ген-», означающий «народ», «нация» взят из греческого языка; компонент «-цид», имеющий значение «убийство» взят из латыни; сложенные вместе они создают лексему «геноцид», то есть «уничтожение народа». Менее 20 лет потребовалось термину, чтобы превратиться из авторского термина в термин интернациональный, что неудивительно в данном случае, если принять во внимание тот резонанс, который получил Нюрнбергский процесс во всем мире.

Рассмотрим авторский термин, который возник в конце XIX в. Термин **Leitmotiff**, который придумал Ганс фон Вольцоген – яркий вагнерианец to designate a musical theme associated throughout a whole work with a particular recurring images, actions, words, or other often metaphorical elements that contribute to the narrative are known as **leitmotifs**. К постановкам опер Вагнера в Байройте, где проходит ежегодный летний фестиваль, основанный самим композитором, был издан первый каталог тем (лейт-мотивов) *Кольца Нибелунга*. Затем последовали путеводители и по другим музыкальным драмам.

Томас Манн был первым, кто использовал данный термин относительно литературных произведений to denote a recurrent

theme or unit. Так, авторскому термину, придуманному лишь для описания повторяющихся музыкальных тем в операх Вагнера, потребовалось немногим более 50 лет для того, чтобы сначала стать термином музыковедения, затем искусствоведения, литературоведения, а позже и киноведения.

Другим примером является политический термин **long hot summer**, который зародился в негритянских гетто крупных городов Америки во второй трети XIX в. Он означал: *the climate in which inner city tensions boil over into riots*. Примерно через 100 лет (в 1960-е) этот термин, образно говоря, пересек Атлантический океан и начал употребляться в Англии практически в том же значении: *violence on summer nights in Britain's inner cities and run-down housing estates* [5]. Таким образом, был начат процесс перехода термина из категории региональных в интернациональные.

Примером полного перехода термина из разряда региональных в разряд интернациональных может послужить термин **lynching**, который известен сейчас во всем мире: **lynching** – *to take hold of a person thought to be guilty of a crime and kill him, especially by hanging, without a legal trial* (692:812). Термин возник как региональный в конце XVIII в. в США по имени печально известного капитана Уильяма Линча. **William Lynch** (1742–1820) – a Virginia magistrate who on 22 September 1780 formed a band to clear “Pittsylvania County of unlawful and abandoned wretches” [6, с. 261]. Спустя примерно 150 лет Мартин Лютер Кинг напишет: “It may be true that the law cannot make a man love me, but it can keep him from lynching me, and I think that's pretty important” [6, с. 261]. Термин **lynching** превратился из термина регионального в термин интернациональный.

Другим региональным термином, вошедшим в некоторые романские языки в XIV–XV вв., является термин **masterpiece**. Теперешнее его значение известно всем, но первоначальное его значение было совсем другим: *it used to mean a work produced by an artist or craftsman on the completion of his apprenticeship to qualify him for the rank of Master of the Guild* [7, с. 106]. Данному термину потребовалось значительно более 100 лет, чтобы войти в терминологические системы искусствоведения, литературоведения, музыковедения и архитектуры.

Особая роль авторских терминов заключается в том, что они становятся как бы «визитной карточкой» той или иной концепции. Расцвет терминотворчества приходится, как правило, на период творческих исканий отдельных ученых или целых научных школ. Нередко новизна авторской терминологии заключается в переосмыслении имеющихся терминов. Так, например, термин **Renaissance** стал использоваться в том значении, к которому мы привыкли, только с XIX в., а придумал его в середине XVI в. знаменитый Вазари – он пользовался этим словом, описывая творческие удачи одного художника, а именно – Боттичелли. В XIX в. французский искусствовед Мишле заимствовал этот термин, но использовал его в широком смысле слова, называя **Renaissance** всю ту цивилизацию, что пришла на смену культуре Средневековья. В наше время этот термин имеет следующие значения: **Renaissance** – it may designate a flowering of the Arts, such as the “Renaissance of American literature” – usually refers to artistic or cultural movements characterized by a revival of Greek and Roman forms [7, с. 263].

Термин **Renaissance** не только стал интернациональным, но и родовым термином в терминосистеме искусствоведения:

Early Renaissance (ранний Ренессанс);

High Renaissance (высокий или поздний Ренессанс).

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что под определение региональных и интернациональных подпадают термины «отстоявшиеся» в течение 30–50 лет, вошедшие в широкое пользование, хотя они порой имеют специфику в пределах разных концепций. Именно эти термины и включаются в словари специальных терминологий. Кроме того, выделение универсальных критериев может считаться исчерпывающим, если оно выполнено при совмещении дедуктивного подхода к лингвистическому анализу, т.е. анализу того, что свойственно человеческому мышлению, с эмпирическим подходом, направленным на анализ языковых единиц с меньшим уровнем абстракции (e.g. терминов). Все вышеприведенные термины выполняют номинативную функцию в рамках соответствующих терминологических систем и зарегистрированы в соответствующих терминологических словарях.

Однако авторским терминам свойственна и коннотативная функция – авторы наделяют термины амелиоративными или пейоративными коннотациями.

Так, например, в сборнике эссе *The Tenth Muse* мы встречаем следующие словосочетания – **image-making, image-reading**: ...*The scienza della pittura (history of art) was focused on specific problems of painting (such as perspective and colour). Not only did it not deal with the specific problems of the other arts, such as sculpture, but it omitted many general aspects of image-making and image-reading that now seem part and parcel of art theory...* [8, с. ix].

Термины **image-making** и **image-reading** не зарегистрированы ни в одном искусствоведческом словаре. Это, безусловно, так называемая авторская терминология. Причем, даже из такого небольшого контекста видно, что автор наделяет собственные термины положительной коннотацией. Говоря о том, какова была история искусств раньше, он и стилистически, и грамматически (инверсией и двойным отрицанием) подчеркивает свою мысль: *Not only did it not deal with the specific problems... etc.* У того же автора мы ниже находим *...it concerns the scope of the subject matter. This book deals with the theories of the image-producing arts...* [8, с. ix].

Взятый сам по себе термин **image-producing** может показаться нейтральным, хотя он и является авторским. Но, если рассмотреть его в контексте, мы увидим, что автор спорит со своими коллегами, доказывает свою точку зрения, наделяя собственные термины высокой положительной коннотацией: *...This book deals with the theories of the image-producing arts, that is primarily, painting and sculpture. It is a matter of historical knowledge and will be amply borne out by the testimonies here adduced that the artist who carved his work in stone and his colleague who shaped an image by putting colour on a panel or a wall were largely faced with similar problems. This is not to suggest that the similarities between painting and sculpture altogether overshadow the differences between them. Painters and sculptors have, of course, specific problems, which are unique to each medium; and these problems, distinguishing between the two arts, occupy an important place in their respective theories. Yet any historical study of the*

theories of painting and sculpture shows that in the thought of most periods they had a strong common basis: this basis was frequently described by the much-used worn-out formula, "representation of nature". The enterprise of representing nature – that is of depicting a piece of reality known from everyday (extra-artistic) experience in an artistic medium – is to a large extent the same to the two- and three-dimensional arts. The close relation between theoretical reflections on painting and on sculpture results from the similar tasks imposed on both... [8, с. ix].

Из более широкого контекста становится понятно, что, с точки зрения автора, живопись и скульптура хотя и имеют *specific problems which are unique to each medium*, но, тем не менее, основа у них общая – *representation of nature*, следовательно, считает автор, как живопись, так и скульптура, являются ***image-producing arts***.

Судя по более широкому контексту, мы видим, что желание автора доказать свою точку зрения столь велико, что терминологические словосочетания, которые он вводит, обладают высокой степенью положительной коннотации: ***image-making, image-reading, image-producing, to shape an image***.

В работе *The Dark Side of the Landscape* ее автор John Barrell дает нам бесконечное множество аналогичных примеров. Так, анализируя творчество Констебля и очень желая привлечь читателя именно к своей точке зрения, он пишет: *...But Constable – and especially in the period of his work I shall be examining – is not simply a landscape painter as Wilson wished him to be, but one clearly concerned to express in his landscapes a social vision – the image of a **productive and well-organized landscape**, as it relates to the idea of a well-organized society. It's remarkable, then, how little **social** his landscapes are... [9, с. 36].*

Итак, описывая творчество Констебля, автор вводит следующие термины – они, безусловно, “авторские”, а не универсальные – ***productive landscape, well-organized landscape, social landscape***.

Термины эти представляют собой, как и все рассмотренные нами выше, авторские инновации, наделенные в данном случае положительной коннотацией. И только дочитав эссе до конца, читатель понимает, что же хотел выразить автор,

используя вышеупомянутые наименования. Итак, пейзаж вообще, и Констебля в частности, только тогда может быть **productive** (понимай «достойным написания»), когда он **well-organized** (понимай «правильно композиционно решен») и когда этот пейзаж **social**, т. е. помимо природы на нем, с точки зрения автора, должны обязательно быть изображены люди. Это и является основной проблемой всей работы – сравнение «чистых» пейзажей Констебля с так называемыми **social landscape**, безусловно, в пользу последних. Доказательством, а также примером могут послужить два небольших отрывка, взятых из статьи этого же автора. Итак, *...the painter offers us a more **civilised landscape** than Constable, but the existence of the men who have civilised it has for the most part to be inferred from the image of what their effort achieved... Millet put an end to the possibility of painting a **peopled landscape**, by sticking his figures, exhausted and degraded as they often are, so embarrassingly near to the picture surface that they seem rather to obscure our view that to be part of it...* [9, с. 43].

Таким образом, позиция автора, а также его мировоззрение, т. е. приверженность к определенным эстетическим идеям, очевидны: пейзаж обязательно должен изображать людей, но не людей *exhausted and degraded*, а людей, занятых производительным трудом, который превращает просто пейзаж **landscape** (пейоративная коннотация) в **civilised landscape** (амелиоративная коннотация).

Далее рассмотрим термины **form** и **modern art** или просто **modern**. Автор – Mark Roskill. Работа называется *Understanding a Modern Picture. Picasso's GUERNICA*:

*...he worked with incredible speed, which was characteristic of him, so that eight days later he had already determined the general **form** that his composition would take...;*

*...all the major elements of the picture are present, but Picasso first drew in **forms** with a rapid, fluent line, and then went over the canvas section by section, blocking in large areas of black and gray...;*

*...He has been able to show that these revisions had the double role of making each image more powerful and the compositional relations between each **form** and its neighbours more and more interlocking... [10, с. 114].*

Далее в статье, объем которой всего 9 печатных страниц, термин **form** употребляется автором 18 раз. Но приобретает свое значение этот термин, конечно, не от частотности употребления. Автор противопоставляет **form** всему остальному: цвету, композиции и т. д. – т. е. он утверждает, что основная заслуга Пикассо в этой работе – это создание пластической формы. Термин **form**, безусловно, наделен автором особой значимостью. Создается впечатление, что это – основной термин искусствоведения.

Посмотрим, как этот термин употребляется другими авторами. Например, Herbert Read в своей книге предлагает толкование о содержании искусства: *...canons in criticism are as unessential as subjects in painting. There are no ends to which a variety of means are equally good: the artist's end is to create significant form, that of the critic to bring his spectator before a work of art in an alert and sympathetic frame of mind. If we can realise that Giotto, with his legends, and Picasso with his cubes are after the same thing, surely we can understand that when Vasari talks of "Truth of Nature", or "nobility of sentiment" and Mr. Roger Fry of "planes" and "relations" both are about the same business...* [8, с. 97].

Итак, термин **form** в данном случае в сочетании с **significant** и здесь наделен высокой положительной коннотацией, т. к., с точки зрения автора, именно создание «формы» и есть главная задача живописца. Более того, из этого отрывка становится понятна трактовка и других терминов (таких авторских терминов, как **Truth of Nature, nobility of sentiment, planes, relations, etc.**). Знаменитый Вазари, с которого в полном смысле слова началась история искусств, видимо, пользовался терминами собственного изобретения (**Truth of Nature and nobility of sentiment**), когда писал об истинных целях искусства. А для знаменитого художественного критика Роджера Фрая такими терминами были: **relations** и **planes**. Он создал и широко пользовался данными терминами. Известность Вазари столь велика, и терминами этими он пользовался столь широко, что они известны профессиональным искусствоведам уже не одно столетие (Вазари умер в 1574 г.). Представляется необходимым отметить, что если два вышеупомянутых термина являются авторскими, то другие два **relations** и **planes** не являются авторскими, а заимствованы

из общелитературного языка и наделены амелиоративной коннотацией высокой степени.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторские термины играют большую роль в различных терминосистемах гуманитарных и общественно-политических наук, входят в терминологическую систему этих отраслей знания, реализуют помимо номинативной коннотативную функцию. Процесс перехода авторского термина в другие категории (региональные термины, интернациональные термины) и, соответственно, включения слова в качестве термина в соответствующие словари занимает, в среднем, свыше 30 лет.

Библиографический список

1. *Анисимова А. Г., Архипова М. А.* Англоязычные юридические термины: оптимизация процесса обучения // Вестник МГИМО. 2014. № 4 (37). С. 295.
2. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура: учеб. пособие. М.: Наука, 2006. 296 с.
3. *Слюсарёва Н. А.* О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 23.
4. URL: <http://art-nouveau-around-the-world.org/en/index.htm>
5. URL: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/>
6. *Barrel L.* The Dark Side of the Landscape. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 179 p.
7. *Comfort N.* Brewer's Politics. L.: Cassell, 1995. 480 p.
8. *Mayer R.* A Dictionary of Art Terms and Techniques. N.Y.: Crowell, 1980. 447 p.
9. *Read H.* The Tenth Muse. L.: Routledge and Kegan Paul, 1957. P. IX.
10. *Roskill M.* What is Art History. Understanding a Modern Picture: Picasso's Guernica. Massachusetts: University of Massachusetts Press. 169p.

УДК 372.881.111.1:004.6
ББК 74.480.26:81.432.1р

А. В. Анферова

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ВНЕДРЕНИЕ БЛОГОВ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена важному дидактическому вопросу использования блогов при обучении английскому языку. Раскрывается понятие «блог», приводится ряд образовательных блогов, выделяются их виды. Кроме этого, в работе описываются характеристики текстов блогов, включая их функции и дидактические свойства. Также говорится о преимуществах и недостатках работы с блогами в учебных целях, даются советы по их устранению. В заключении предлагаются рекомендации относительно применения такой современной интернет-технологии как блог в процессе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: блог, социальные сети, интернет-технологии, английский язык, учебный процесс, обучение.

A. V. Anferova

Ivanovo State University, Ivanovo

THE INTRODUCTION OF BLOGS INTO THE EDUCATIONAL PROCESS WHEN LEARNING ENGLISH

Abstract. The article deals with the important didactic issue of using blogs in teaching English. The notion of "blog" is disclosed, a number of educational blogs are presented, and their types are emphasized. In addition, the paper describes the characteristics of blog texts, including their functions and didactic properties. It also talks about the advantages and disadvantages of working with blogs for educational purposes, and gives advice on how to eliminate them. In conclusion, recommendations regarding the application of such a modern Internet technology as a blog in the process of teaching a foreign language are given.

Keywords: blog, social networks, Internet technologies, English, educational process, education.

Инновационные технологии становятся все более востребованы учителями в преподавании иностранного языка. Эти технологии трансформируют традиционное образование в активное обучение школьников. В настоящее время образование с применением мультимедиа предусматривает внедрение новых средств и технологий в учебный процесс, одной из которых является блог-технология.

Блогом называется сетевой дневник или журнал событий. Основное его содержание – это записи, добавляемые регулярно. Они могут включать не только текст, но и изображения, а также мультимедиа. Им присущи короткие записи, которые расположены в обратном хронологическом порядке, т. е. последняя запись стоит сверху.

Блоги в основном публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступать в открытую дискуссию с автором записей. Формой блога является дневник, который определяет специфику его текстов. Когда человек ведет блог в социальной сети, он рассчитывает, что его блог будет читать большое количество людей [6, с. 68–69].

Среди популярных программных сред для англоязычных блогов можно выделить *blogger.com*; *Livejournal.com*; *blogspot.com*. Для создания учебных блогов можно использовать ресурсы *SchoolBlogs*, *Webblogg-ed*, *Blogosphere.us* [7, 2.2].

Преподаватели иностранных языков одними из первых оценили преимущества использования блогов в учебном процессе. Дж. А. Оравек говорит о влиянии блогов на развитие креативного мышления обучающихся. Б. Дио использует блоги для работы над групповыми проектами. А. Джонсон находит в блогах возможность осуществления проверки уровня знаний школьников, когда они выполняют самостоятельную работу. А. П. Кэмпбелл использует блоги с целью приобщения детей к определенным веб-сайтам для коммуникации с носителями языка. Д. Хаффейкер работает с блогами с целью улучшения грамотности обучающихся через сочинение историй и диалог. Ч. Лоу и Т. Уильямс рассматривают преимущества использования блогов для обучения письменной речи (выразить свои впечатления о прочитанном, обсудить интересные статьи или записи в Сети, поделиться личными впечатлениями). Дж. Блох

справедливо считает блоги одной из популярных форм онлайн-дискурса [5, с. 199].

Для того чтобы понять, какие блоги нужно использовать при изучении английского языка, необходимо познакомиться с их видами. Существует несколько блогов, согласно их признакам: блог учителя, личные блоги учеников, блог учебной группы (по авторскому составу); текстовый мультимедийный, подкаст, фотоблог, видеоблог (по типу мультимедиа); основной, поддерживающий (по степени интегрированности в учебный процесс); открытый, закрытый (участие в обсуждениях и публикация сообщений). Есть несколько блогов на английском языке, которые заинтересуют обучающихся. Например, *My EnglishTeacher.eu*, *FluentU*, *Real Life* и другие [3, с. 119–121, 8].

Использование блогов при обучении английскому языку может быть очень полезным для школьников. Во-первых, благодаря аутентичному материалу, у обучающихся есть возможность ознакомиться с первоисточниками и научиться использовать реальные выражения и фразы. Во-вторых, ученики могут выбрать блоги, которые соответствуют их интересам и предпочтениям, что может сделать процесс изучения языка более захватывающим и мотивирующим. В-третьих, чтение блогов на английском языке поможет улучшить навыки чтения школьников, понимание текста, обогатить свой словарный запас, развить навыки письма и развить критическое мышление. Также в блогах могут быть размещены учебные материалы, ресурсы и задания для обучающихся, что будет полезно для самостоятельного изучения языка и дополнительной практики. Наконец, благодаря использованию блогов в обучении, ученики увидят, как они прогрессируют в изучении языка, и получают обратную связь от носителей языка и других сверстников [4, с. 12–14].

Можно выделить еще ряд причин использования блогов на уроках английского языка: обеспечение дополнительной практики чтения для школьников; в качестве онлайн-журналов обучающихся, с которыми могут знакомиться их сверстники; направление учеников к онлайн-ресурсам, соответствующим их уровню; повышение сплоченности в классе; поощрение застенчивых ребят к участию; стимулирование внеклассного обсуждения; в виде онлайн-портфолио письменных работ обучающихся;

построение более тесных отношений между учениками в больших классах [9].

Кроме преимуществ существуют также недостатки, возникающие при внедрении блогов в учебный процесс. Для работы с блогами необходима определённая материально-техническая база и стабильный интернет. Использование блогов отнимает много времени на уроке. У более сильных обучающихся снижается уровень мотивации: они готовятся по заданиям заранее, быстро устают, и занятие проходит скучно и монотонно. Работу учеников в блогах трудно оценивать по существующей балльной методике, к тому же блоги носят неформальный и личностный характер, поэтому трудно встроить их в традиционную классно-урочную систему [6, с. 70; 2, с. 236].

Немаловажным фактором при создании блога является его структура. Она зависит прежде всего от целей и задач блога. Традиционно она включает несколько разделов, среди которых можно выделить общую и организационную информацию (рабочая программа дисциплины, календарный план ее изучения, учебно-методические материалы, рекомендуемая литература для школьников, правила проведения экзамена и промежуточной аттестации, информация об изменениях в расписании и другие вопросы); архив блога; практические задания (комплекс упражнений на перевод); работы обучающихся; вопрос-ответ (при работе с блогом); форум (обсуждение сложных, спорных, противоречивых и дискуссионных переводческих задач); новости/доска объявлений [5, с. 200].

Чтобы создать тексты блогов, нужно знать некоторые моменты как преподавателям, так и обучающимся. Тексты содержат в основном только современную и наиболее употребительную лексику, в них присутствует большое количество разговорных слов и выражений, используются упрощённые синтаксические структуры и грамматические конструкции, характерные для английского языка, присутствуют усечённые грамматические формы, содержится большое количество синонимов и эмоционально окрашенной лексики, а тематика близка проблемам современной молодежи [6, с. 69].

При изучении английского языка, учителю важно понимать методическую составляющую блогов. Для начала нужно

написать комментарий к блогу, затем расставить записи дневника во временной последовательности. Далее попросить учеников вести блог самим, рассказывая о своих повседневных делах, и сделать чат на доске, чтобы обучающиеся обсуждали блог «виртуально», по очереди выходя к доске и записывая свои мысли там [6, с. 70–71].

В заключении целесообразно сделать вывод о том, что использование блогов является эффективным средством изучения английского языка. Для того, чтобы у школьников появилась мотивация к изучению иностранного языка, учителю необходимо делать уроки творческими, разнообразными, познавательными, направленными на формирование всех видов речевой деятельности. На сегодняшний день подростки проводят много времени в интернете впустую, но они могут использовать это время с пользой, выполняя интересные задания, связанные с блогами.

Библиографический список

1. *Елецкая О. В., Тараканова А. А., Матвеева М. В.* Информационные технологии в специальном образовании. М.: Издательство ВЛАДОС, 2019. 319с.
2. *Стародубцев В. А., Горохова Л. А., Киселева А. А.* Блоги в учебном процессе // Народное образование. 2011. № 4. С. 232–240.
3. *Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н.* Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных технологий: учебно-методическое пособие. М.: Глосса-Пресс; Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 182 с.
4. *Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н.* Технологии Веб 2.0: Социальный сервис блогов в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2009. № 4. С. 12–18.
5. Тамбов: Грамота. 2016. № 9 (63): в 3 ч. Ч. 1. С. 198–202. ISSN № 1997–2911.
6. *Флеров О. В.* Блог как средство обучения английскому // Наука и просвещение. 2014. № 4 (16). С. 66–73. (DOI: 10.7256/2306-434X.2014.4.14306).
7. URL: <https://www.bibliofond.ru>.
8. British Council/Blogging for ELT/TeachingEnglish.
9. URL: <https://study-english.info/it-blogs.php>

УДК 811.111'42:316.77
ББК 81.055.1

Н. Н. Асташкина

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКУРСИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению стратегий манипуляции общественным мнением в современной британской политической статье. В частности, в работе освещается роль интертекстуальных знаков в реализации манипулятивных стратегий авторов. Стратегии построения дискурса рассматриваются на материале британских политических статей из журнала *The Economist* за 2024 год.

Ключевые слова: британский политический дискурс, дискурсивная манипуляция, стратегия, интертекстуальность, интертекстуальный знак.

N. N. Astashkina

Moscow State Linguistic University, Moscow

INTERTEXTUALITY AS A MEANS OF DISCURSIVE MANIPULATION IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article highlights strategies of public opinion manipulation in modern British media. Specifically, it is focused on the role that intertextual signs play in it. The discursive strategies are examined on the material of *The Economist* articles published in 2024.

Key words: British political discourse, discursive manipulation, strategy, intertextuality, intertextual sign.

Среди важнейших прагматических задач, которые реализуют авторы в политическом дискурсе, – привлечь и удержать внимание читателя, а также повлиять на общественное мнение,

что часто достигается с помощью различных манипулятивных стратегий.

Под манипуляцией понимается склонение реципиента к какому-либо мнению, в то время как он не осознает настоящие намерения манипулятора и следствия продвигаемых им идей [4, с. 361] (перевод наш. – Н. А.).

Технически манипулятивное воздействие обычно строится на определенных стратегиях, нацеленных на формирование заданного мнения у потенциального читателя. Здесь стоит отметить, что дискурсивная деятельность вообще может рассматриваться как «реализация разнообразных эвристических стратегий порождения и интерпретации дискурса» [1, с. 246]. При этом любая стратегия нацелена на «оптимизацию соотношения между стремлением достичь максимального успеха» и минимизацией связанных с этим усилий [1, с. 248]. В манипулятивном дискурсе мерилом успеха выступает оказание заданного воздействия на реципиента.

В данной работе стратегии манипуляции в политическом дискурсе рассматриваются на материале британских политических статей из журнала *The Economist: Europe is caught between Putin and Trump* от 22.02.2024 и *From Napoleon to Vladimir Putin, disease has shaped history* от 15.02.2024.

В первой статье поднимается вопрос о готовности Европы к войне и обосновывается необходимость больших затрат на военные цели, что связывается автором с пресловутой «военной угрозой» со стороны России. Лексически эта мысль воплощается посредством определенного набора слов и выражений, которые вписываются в структуру фрейма НАПАДЕНИЕ: (*Russian*) *attack, murder, ruthlessness, violence, wreck, economy on a war footing, launching hybrid operation against* и т. д. Все они относятся к России, описывая ее как врага Европы. В данном случае фрейм, т. е. структура знания, организованная вокруг определенного концепта, описывает типовую ситуацию, которая в обыденном сознании ассоциируется с войной.

Вступительная часть анализируемой статьи прежде всего производит эмоциональное воздействие на читателя, что достигается, по сути, путем запугивания: концентрация лексических средств с негативной семантикой не дает возможности двоякой

интерпретации текста. Помимо этого, данная тактика удерживает интерес читателя. При этом автор прибегает к экстенсивному пути построения смыслов, который относится к категории аддитивных стратегий [1, с. 249]. Этот вид стратегий требует меньших усилий со стороны реципиента и предполагает «заполнение и конкретизацию стереотипных... структур знаний» [1, с. 248].

Последовательно активизируя в сознании читателя фрейм НАПАДЕНИЕ, автор тем самым подготавливает его к иной, более тонкой форме манипулирования: в заключительной части статьи применяется неаддитивный вид стратегий, которые направлены на «запуск самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [1, с. 250]. Иными словами, реципиент умело подводится к неким смыслам, которые были изначально запрограммированы автором. Лингвистическими инструментами реализации подобной стратегии могут выступать интертекстуальные знаки.

Под интертекстуальностью понимается принцип построения текста «на основе поглощения и взаимопроникновения других, прецедентных, текстов, принадлежащих к различным временным слоям» [2, с. 155]. Такое соприкосновение различных текстов в рамках единого текстового пространства достигается как при помощи литературных приемов, как цитация или аллюзия, так и посредством конкретных интертекстуальных знаков [Там же]. К их числу можно отнести прецедентные имена и высказывания, фразеологизмы, слова с символьным значением и другие культурно-языковые знаки, которые служат отсылкой к релевантному знанию.

Так, в анализируемой политической статье автор использует зооним с символьным значением *the bear* (*But the bear can still spread destruction and misery*). Использование данного интертекстуального знака позволяет автору запустить процесс приращения новых смыслов в сознании читателя. Стоит отметить, что образ медведя в английской культуре ассоциируется с агрессивностью и жестокостью. Отождествление России с медведем направлено на присвоение ей указанных характеристик. Этот прием позволяет избежать прямого убеждения читателя, оставляя у него ощущение самостоятельно принятого решения, поскольку конечный смысл он «достраивает» сам. Однако,

благодаря наличию фоновых знаний, являющихся общими для всех представителей данной лингвокультуры, процесс происходит в полном соответствии с намерением автора.

В статье *From Napoleon to Vladimir Putin, disease has shaped history*, посвященной истории пандемий, имя Наполеон ставится в один ряд с именем президента России: *...plagues have shaped history, from the typhus that crippled Napoleon's invasion of Russia to the covid-induced isolation... that might have aggravated Vladimir Putin's paranoia*. Представляется несколько необоснованным включение современного политического лидера в диахронный анализ влияния пандемий на человечество, однако подобный логический ряд выглядит оправданным с точки зрения создания заданного имиджа российского президента.

В культуре европейских стран имя Наполеон представляется прецедентным. В Великобритании имидж Наполеона является глубоко негативным: Франция под его началом была непримиримым врагом Англии и, как известно, это противостояние закончилось войной. Соответственно в сознании британского читателя намеренно проводится параллель между тираном-завоевателем Наполеоном и президентом России, что отвечает стратегии запугивания британцев Россией и вероятностью войны с ней.

Таким образом, можно утверждать, что смысловое пространство каждой их рассмотренных статей выстраивается в соответствии с прагматическими задачами автора и реализуется с помощью определенных стратегий. Причем в процессе их реализации авторами задействуются наиболее эффективные и экономичные языковые инструменты («максимальный успех минимальными средствами»). В изученных материалах заданные цели достигаются среди прочего при помощи интертекстуальных знаков. Являясь информативно ёмкими языковыми средствами, они обеспечивают значительное приращение смысла и одновременно создают эмотивную оценочность текста, что отвечает намерению автора и влияет на мнение читателя.

Библиографический список

1. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
2. *Огнева Е. А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд., доп. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
3. *Рыжкина Е. В.* Интертекстуальность фразеологизмов, образованных по аналогии, в современном английском языке // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Языкознание. 2012. № 21 (654). С. 154–162.
4. *Dijk T. van:* Discourse and Manipulation // Discourse Society. 2006. 17; 359. С. 359–382.
5. «Europe is Caught between Putin and Trump» // The Economist. 22.02.2024. [Электронный ресурс] URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/02/22/caught-between-putin-and-trump>.
6. From Napoleon to Vladimir Putin, Disease has Shaped History. The Economist. 15.02.2024 [Электронный ресурс] URL: <https://www.economist.com/culture/2024/02/15/from-napoleon-to-vladimir-putin-disease-has-shaped-history>

УДК 811.111:39
ББК 81.432.1

Л. Л. Баранова

МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ И КУЛЬТУРНО- СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых лингвокультурных и культурно-специфических аспектов английского речевого этикета. Среди них: фразовая недосказанность, семиотический характер данного компонента английской лингвокультуры и его использование в качестве кода, позволяющего англичанам распознавать принадлежность говорящего к тому или иному социальному классу. Кроме того, речь идет о наличии нескольких стилистических вариантов одного и того же аспекта речевого этикета, что позволяет говорящему выбирать нужный вариант в зависимости от того, к кому он обращается – к незнакомому человеку, близкому другу или просто знакомому. Так как указанная тема является довольно обширной, языковой материал статьи ограничивается лишь особенностями приветствий, представлений и прощаний. В качестве источника материала использована книга известного британского антрополога Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами». Обращение к изучению английского речевого этикета открывает новые перспективы для обучения студентов языку, т. к. лингвокультурный компонент занимает важное место в образовательном процессе.

Ключевые слова: британский английский, речевой этикет, английская лингвокультура, фразовая недосказанность.

L. L. Baranova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

ENGLISH SPEECH ETIQUETTE AS A LINGUOCULTURAL AND CULTURE-SPECIFIC PHENOMENON

Abstract. The article is devoted to such a vital part of cultural studies as speech etiquette, or the language of socialising in English. The following aspects of English speech etiquette are brought to the fore: its oblique modality, understatement, less directness and straightforwardness; its semiotic nature, as it is a kind of a code; its reliance on the existence of clearly defined stylistic variants, which are picked depending on who a person addresses – a mere acquaintance, a stranger or a close friend. As the subject is rather vast, the article focuses only on Greetings-Introductions-Leave-Takings. The material is gleaned from the well-known work by a famous British anthropologist Kate Fox “Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour.” Turning to the study of English speech etiquette opens up new vistas for teaching students, because linguocultural studies are becoming increasingly more important in the education process.

Keywords: British English, speech etiquette, English culture, understatement.

At present the significance of cultural studies in English Language Teaching can hardly be overestimated. Without them it is next to impossible to learn English as a living language and use it effectively in cross-cultural communication. As Professor S.G. Terminasova observes, “The problem is that the idea of meaning as a reference to reality invariably leads one out of the world of language into the world of reality. Consequently, bringing words together means bringing objects of reality together. The real worlds may coincide in some physical features but the visions of the world by different peoples representing different speech communities do not coincide” [4, p. 103].

It goes without saying that English speech etiquette is a vital part of cultural studies. It certainly differs considerably from the Russian one in a number of respects, and thus is worth considering in greater detail. Firstly, there is much more oblique modality, understatement and less directness and straightforwardness in it [1, p. 4]. A famous British anthropologist Kate Fox observes in her book

Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour: “What I am noticing is that there is rarely anything straightforward or direct or transparent about English social interaction... We are always oblique, always playing some complex, convoluted game” [3, p. 271].

According to Kate Fox, the English usually “say the opposite of what they mean, and say *sorry* when someone bumps into them” [3, p. 271]. Moreover, the English speech etiquette is a kind of code: one is expected to use only a certain clearly defined set of phrases when socialising. For example, if in weather talk someone says: “Oh, isn’t it cold today” one anticipates to hear “Yes, it’s unseasonably cold.” If one fails to do the same and says: “No, actually it’s quite mild”, this may result in a serious breach of speech etiquette: “If you deliberately break the rule...you will find that the atmosphere becomes rather tense and awkward...No one will actually complain or make a big scene about it...but they will be offended, and this will show in subtle ways. There may be uncomfortable silence, then someone may say, in piqued tones, “Well, it feels cold to *me*”, or “Really? Do you think so?”... Among highly courteous people, the response to your “No, actually it’s quite mild” might be, after a slightly embarrassed pause, “Oh, perhaps you don’t feel cold – you know, my husband is like that: he always thinks it’s mild when I am shivering and complaining” [3, p. 40].

Besides, in English speech etiquette there are different stylistic variants of saying the same thing, depending on who you address: a mere acquaintance, a stranger, or a close friend. Students of English should know how to pick the right variant depending on the context of this or that situation. Clearly, the subject of socialising in English is so vast, that of necessity in the present article it seems reasonable to focus only on the language of Greetings, Introductions and Leave-Takings.

As far as greetings are concerned, it is generally believed that the most stylistically neutral ones are *Good morning/Morning*, *Good afternoon/Afternoon*, and *Good Evening/Evening*. These are neither formal, nor informal, and can be used in any situation, certainly taking into account the time of day [1, p. 24]. As for informal greetings, *Hello* or even *Hi* are used. Interestingly, according to the Longman

Dictionary of Contemporary English, *Hi* sounds more friendly as compared with *Hello* [5].

One more aspect of English speech etiquette which is worth discussing is Introductions. Turning to the earlier mentioned book by Kate Fox, we find that she thoroughly examines this aspect of socialising. The anthropologist mentions *How do you do* first, adding that although it may be regarded as rather old-fashioned and quite formal, it is still used in the upper- and upper-middle strata of the British society [3:50]. It is not really a question, in spite of the question-mark, and the reply is the same: *How do you do?* [1, p. 24].

It is worth mentioning in passing that *How are you?* is a question, and, as Kate Fox underlines, "...even though it does not require an honest answer, ...it is far too personal and intimate a question for first-time introductions" [3, p. 53].

Turning to introductions one cannot but comment on *Pleased to meet you*. The fact is that this phrase is usually viewed with a certain degree of class prejudice, as a lower-class expression. Therefore, Kate Fox believes that *Nice to meet you* is a possible alternative: "Presumably because *nice* is a more neutral term than *pleased* – and *nice* is so overused as to be virtually meaningless" [3, p. 54].

As for leave-takings, their most important aspect is fear of "outstaying your host's welcome", according to Kate Fox [3, p. 73]. Thus, on the one hand, the parting process may (though deceptively) turn into "an unseemly rush" [3, p. 73]. On the other hand, the anthropologist warns that if one is visiting an English home one should expect that there might be up to twenty minutes from the first *good-bye* to one's final departure: "Just when you think that the last farewell has been accomplished, someone always revives the proceedings with yet another *Well, see you soon, then...*, which prompts a further chorus of *Oh, yes, we must, er, goodbye...*, ... *Goodbye, Thanks again, Lovely time, Oh, nothing, thank you, Well, goodbye then...*, *Yes, must be off – traffic, er...*, *Don't stand there getting cold, now!*, *No, fine, really...*, *Well, goodbye...*" [3, p. 74].

Thus, the English frequently refer to this aspect of socialising as "saying goodbyes" in the plural, and not "saying goodbye" [3, p. 75]. In Kate Fox's opinion long goodbyes are yet another example of "the irrational excesses of English politeness" [3, p. 77].

Summing up her description of speech etiquette in British English Kate Fox arrives at the following conclusion: “But our polite sorries, pleases and thank-yous are not heartfelt or sincere – there is nothing particularly warm or friendly about them. Politeness by definition involves a degree of artifice and hypocrisy, but English courtesy seems to be almost entirely a matter of form, of obedience to a set of rules rather than expression of genuine feelings. So, when we *do* break our own courtesy rules, we tend if anything to be more obnoxious and unpleasant than other less “polite” nations. We need all these rules to protect us from ourselves. Key phrases include: *Sorry, Please, Thank you/Cheers/Ta/Thanks* (every culture has these words, but we use them more); *I’m afraid that..., I’m sorry, but..., Would you mind...?; Could you possibly...?; I don’t suppose...; How do you do?; Nice day, isn’t it?; Yes, isn’t it?; Excuse me, sorry, but you couldn’t possibly pass the marmalade, could you?; Excuse me, I’m terribly sorry but you seem to be standing on my foot; With all due respect, the right honourable gentleman is being a bit economical with the truth, Sorry, but I’m not going to apologise for that* [3, p. 556–557].

The above-adduced examples demonstrate virtually all salient features of English speech etiquette: 1) oblique modality – *Would you...?; Could you...?*; 2) understatement – *With all due respect, the right honourable gentleman is being a bit economical with the truth* (instead of saying that a person is lying); 3) indirectness and non-straightforwardness – *Excuse me, I’m terribly sorry but you seem to be standing on my foot; Excuse me, sorry, but you couldn’t possibly pass the marmalade, could you?*

To conclude: learning more about various aspects of the language of socialising in English opens up new vistas for teaching students, as linguacultural studies are becoming increasingly more important in the education process. As an outstanding British linguist David Crystal pointed out, “it is essential to provide a perspective which will enable the students of English to move towards deeper understanding of various cultural aspects of the language they are learning” [2, p. 13].

Библиографический список

1. Баранова Л. Л. Основы английского речевого этикета: учебно-методическое пособие на английском языке. М.: МАКС Пресс, 2003. 72 с.
2. Crystal D. The Future of Language. The Routledge David Crystal lectures. L.; N. Y.: Routledge, 2009. 184 p.
3. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder&Stoughton, 2014. 583 p.
4. Ter-Minasova S. G. Language, Linguistics and Life (A View from Russia). M.: Human Knowledge, TEIS Moscow, 1996. 156 p.
5. *The Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 27.01.2024).

УДК 811[161.3+111]’42

ББК 81.055.5

И. М. Басовец

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ТИПОВ СУБЪЕКТА И КАТЕГОРИЙ МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. В работе на материале современных англо- и белорусскоязычных медиатекстов определены корреляции референциальных типов субъекта – источника информации с категориями медиатекста: референтный субъект соотносится с авторизацией и точностью, а нереферентный – с деавторизацией и неточностью. Установлено, что референциальные характеристики субъекта участвуют в реализации категории эвиденциальности, влияют на категорию достоверности и в сочетании с семантическими характеристиками создают различные прагматические эффекты.

Ключевые слова: (не)референтный субъект, (де)авторизация, (не)точность, эвиденциальность, достоверность.

I. M. Basovets

Minsk State Linguistic University, Minsk

INTERCONNECTION OF REFERENTIAL TYPES OF SUBJECT AND CATEGORIES OF MEDIA TEXT

Abstract. The paper, which is based on the material of modern English and Belarusian media texts, determines the correlations of the referential types of the subject – source of information with the categories of the media text: the referential subject is correlated with authorization and accuracy, and the non-referential subject is correlated with deauthorization and inaccuracy. It has been defined that the referential characteristics of the subject are involved in the implementation of the category of evidence, influence the category of reliability and, in combination with semantic characteristics, create various pragmatic effects.

Keywords: (non)referential subject, (de)authorization, (in)accuracy, evidentiality, reliability.

Оперирование источниками информации является неотъемлемой чертой сообщения сведений в медиатекстах. С формально-структурных позиций источник сведений либо а) указывается в составе авторских слов, вводящих прямую речь; главного предложения с косвенной речью; вводных слов и вставных конструкций, либо б) подразумевается (в бессубъектных конструкциях). С учетом текстовых категорий к традиционным способам документирования источника информации в медиатекстах относятся такие категории, как авторизация, деавторизация, эвиденциальность (в ее прямой или косвенной разновидности), которые в свою очередь влияют на коммуникативно-прагматические категории точности и достоверности. Упомянутые текстовые категории в ряде случаев пересекаются и демонстрируют общие черты в отношении маркирующих их языковых средств и реализуемых прагматических функций. Наличие вербализованного или подразумеваемого источника сведений не только сигнализирует об авторстве сообщаемого, но и может создавать определенные коммуникативно-прагматические эффекты в зависимости от семантико-референциальных характеристик субъектов – источников информации.

Если в качестве источника указывается конкретное лицо или группа лиц (референтный субъект, который соотносится с субъектом в реальном мире), то активируются категории: а) авторизации (посредством конструкций авторизации, содержащих указание на источник сведений), б) точности (в части языковой номинации субъекта) и в) достоверности (с учетом возможности верификации вербального действия субъекта – источника информации). Например: *Paul T Levin, director of the Stockholm University Institute for Turkish Studies, said the political mobilisation of Kurds in Sweden in recent years has been high* (The Guardian. 2024, 7 Feb.); *Кіраўнік аддзела макраэканомікі і эканомікі Кёльнскага інстытута эканамічных даследаванняў Міхаэль Грэмлінг заявіў, што нямецкую эканоміку чакае чарговы сур'ёзны ўдар* (Звезда, 26.01.2024). В приведенных контекстах присутствуют общие для авторизации и эвиденциальности маркеры – конструкции с источником информации. Однако при этом категория авторизации реализуется в своей квалифицирующей разновидности, а категория эвиденциальности не реализуется. Известно, что эвиденциальные значения маркеров активируются только в случае наличия сообщаемого факта в пропозиции, а поскольку в сообщаемых пропозициях передаются оценочные суждения, то категория эвиденциальности не обнаруживается.

Сравним контексты, содержащие сообщаемые в пропозиции факты, которые подаются от имени идентифицируемого источника и предоставляют возможность для их верификации: *The House of Representatives judiciary committee added on social media: "They didn't bring charges against President Biden for the classified documents case"; Аня Брукер, прадстаўніца Deutsche Bahn, галоўнага апэратара чыгунак Германіі, адзначыла, што грузавыя перавозчыкі, якія ўдзельнічаюць у забастоўцы абслугоўваюць электрастанцыі і нафтаперапрацоўчыя заводы* (Звезда, 26.01.2024). При подобном употреблении наблюдается пересечение четырех категорий: авторизации, точности, достоверности и эвиденциальности (в форме цитатива).

Если в медиатекстах осуществляются ссылки на анонимный, неопределенный источник информации, который выражен вербально или подразумевается, то реализуются категории

деавторизации, неточности, возможной недостоверности передаваемого, и в случае наличия сообщаемого факта косвенной эвиденциальности, например: ***A source said:** “Russia is straining every sinew to get around our sanctions but we need to do more”; The president makes contemptuous references to Netanyahu such as “this guy” and “asshole”, according to unnamed sources who spoke to NBC News (The Guardian. 2024, 14 Feb.); In an effort to win over Erdoğan, say some, Swedish authorities are increasing surveillance of Kurdish people living in Sweden; It was announced that public broadcaster Sveriges Radio would be shutting its Kurdish newsroom (The Guardian. 2024, 7 Feb.); Партії «Альтэрнатыва для Германіі» прадказваюць перамогу на мясцовых выбарах у трох рэгіёнах краіны ў верасні; У «святлафоры» гэта таксама разумеюць (Звязда, 26.01.2024).* Подобного рода конструкции с неизвестным, анонимным источником могут использоваться для реализации различных коммуникативных стратегий и тактик автора сообщения: от снижения порога профессиональной ответственности за передаваемые данные до маскировки дискредитирующей лжи. Деавторизация и неточность реализуются и в случаях, когда в качестве источника приводятся языковые единицы в обобщенно-собирательном значении, категория достоверности выступает как переменная (сведения могут быть как достоверными, так и недостоверными), а категория эвиденциальности реализуется только при наличии сообщаемого в пропозиции факта. Семантико-референциальные характеристики субъектов – источников информации оказывают непосредственное влияние на прагматические функции конструкций. Так, если кодирующая источник единица имеет значение «экспертности», то сам факт его упоминания в тексте может создать видимость достоверности и эффект весомости передаваемых данных несмотря на то, что источник информации не идентифицируем адресатом, представлен неточно и верифицировать сообщаемое не представляется возможным, к примеру: *After walking fine line between Israel and US Arab community, experts say Biden has justification to take ‘harder line’ before election; Most economists believe the Bank will ignore these developments and cut interest rates several times this year (The Guardian. 2024, 14 Feb.); Эканамісты папярэджваюць, што канфрантацыя паміж уладамі*

і чыгуначнікамі можа каштаваць Германіі больш за мільярд еўра; Па словах спецыялістаў, адна шасцідзённая забастоўка значна горшая, чым дзве акцыі па тры дні (Звезда, 26.01.2024). Эффект весомости усиливается в случае с интенсификаторами со значением множественности (например, *most, большшасць*), а в сопровождении определителей с диффузной семантикой в составе речевых штампов типа *according to multiple researchers, шматлікія эксперты сцвярджаюць* обладают манипулятивным прагматическим потенциалом, предоставляя автору медиатекста определенную речевую свободу в части освещения событий.

Таким образом, в современных медиатекстах на английском и белорусском языках референциальные типы субъекта – источника информации а) обнаруживают четкие корреляции с такими категориями медиатекста, как (де)авторизация и (не)точность: референтный субъект соотносится с авторизацией и точностью, а нереферентный – с деавторизацией и неточностью; б) участвуют в реализации категории эвиденциальности при наличии сообщаемого факта в пропозиции; в) влияют на категорию достоверности с учетом (не)возможности верификации сообщаемого и/или вербального действия субъекта; г) в сочетании с семантическими характеристиками создают различные прагматические эффекты.

УДК 811.161.1:378.1
ББК Ш 141.12

Н. А. Белова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск

**ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО
ПОСОБИЯ-ПРАКТИКУМА «РУССКИЙ ЯЗЫК
ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ГРАЖДАН
ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ»**

Аннотация. В статье представлен опыт создания и использования электронного учебного пособия-практикума, адресованного студентам-иностранцам, владеющим первым сертификационным уровнем русского языка и обучающимся в вузах г. Саранска. Автор акцентирует внимание на том, как достижения последних лет в области лингводидактики и методики обучения русскому языку как иностранному отразились на принципах формирования содержания и отборе дидактического материала практикума для развития языковой, лингвистической, коммуникативной и межкультурной компетенций студентов.

Ключевые слова: лингводидактика, методика обучения русскому языку как иностранному, коммуникативная компетенция, речевая (риторическая) задача, межкультурная компетенция, электронное учебное пособие.

N. A. Belova

N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

**PRINCIPLES OF CREATION AND LINGUODIDACTIC
FEATURES OF ELECTRONIC MANUAL WORKBOOK
«RUSSIAN LANGUAGE FOR STUDENTS
WHO ARE CITIZENS OF FOREIGN COUNTRIES»**

Abstract. The article presents the experience of creating and using an electronic manual workbook addressed to foreign students who possess the first certification level of Russian and study at universities in Saransk. The author focuses on how the achievements of recent years in the field of

linguodidactics and the methodology of teaching Russian as a foreign language have affected the principles of formation of the content and selection of didactic material of the workbook for the development of linguistic, communicative and intercultural competencies of students.

Keywords: linguodidactics, methods of teaching Russian as a foreign language, communicative competence, speech (rhetorical) task, intercultural competence, electronic workbook.

В Национальном исследовательском Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарёва образовательные услуги для иностранцев оказываются с 1987 года. За этот период в университете прошли обучение свыше 1000 граждан из 70 стран Европы, Азии, Африки, Америки, на ступенях бакалавриата, магистратуры, специалитета, в том числе аспиранты с защитой диссертации на соискание степени кандидата наук. Активизация деятельности в области обучения иностранных граждан произошла после получения в 2010 году статуса национального исследовательского университета. На филологическом факультете в феврале 2014 года была организована кафедра русского языка как иностранного, которая стала выпускающей по направлению подготовки 45.03.01 Филология (бакалавриат), профиль «Преподавание русского языка как иностранного», 45.04.01 Филология (магистратура), профиль «Русский язык как иностранный». Значительную часть учебного плана названных направлений подготовки (например, чтение дисциплины «Современный русский язык» по разделам и др.) осуществляют преподаватели кафедры русского языка. Кроме того, обучение русскому языку студентов-иностранцев проходит и на факультете довузовской подготовки.

С целью помочь студентам, владеющим ТРКИ-1, углублять и развивать представление о системе русского языка, формировать лингвистическую, языковую, коммуникативную и межкультурную компетенции в 2014 г. было разработано электронное учебное пособие-практикум *Русский язык для студентов-граждан иностранных государств* Н. А. Беловой, А. Ю. Масловой. Данное пособие также прошло апробацию в работе со студентами-иностранцами в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне университете) имени М. Е. Евсевьева в 2014–2016 гг. [2]. В настоящее время оно готовится к переизданию

в дополненном и переработанном виде с учетом новых научных данных и актуальных подходов лингводидактики и методики обучения русскому языку как иностранному.

Пособие содержит два раздела: «Материал для совершенствования языковой и лингвистической компетенции» (модули 1–7) и «Материал для совершенствования коммуникативной компетенции» (модули 8–11). Каждый из модулей включает тематически объединенные упражнения и задания на развитие языковой и коммуникативной компетенций, тексты для анализа, материал для наблюдения и собственной речевой деятельности студентов, материал для контроля (тесты и специальные коммуникативные задачи). В каждой теме студентам предлагаются задания для самостоятельной работы, предполагающие их собственную текстовую деятельность.

Обозначим основные принципы в отборе содержания практикума с ориентацией на подходы современных ученых, в частности коммуникативный, концептуальный, межкультурный, к обучению русскому языку как иностранному.

Значимый вклад в обоснование необходимости коммуникативного метода в обучении иностранному языку сделал Е. И. Пассов, разработав принципы и признаки коммуникативного метода, в частности принципы конструирования упражнений для развития речевой деятельности обучаемых на основе индивидуализации обучения, функциональности речевых единиц, ситуативности, новизны, речемыслительной активности [7, с. 146]. Данный подход является ведущим в лингводидактике и методике обучения иностранным языкам при формировании коммуникативной компетенции.

М. Н. Балыхина высказала мнение, что коммуникативная компетенция опирается на лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компетенции. Традиционная структура занятия в русле коммуникативного обучения лексическим и грамматическим единицам, согласно ученому, должна включать «три П» (презентация – практика – применение) [1, с. 54]. Этап презентации предполагает ознакомление студентов с функционированием в речи языковых единиц; на практическом этапе обучающиеся выполняют упражнения, направленные на обработку лексического и грамматического материала, который

должен быть коммуникативно ориентированным на реальные ситуации общения; на этапе применения студенты должны быть вовлечены в проигрывание коммуникативных ситуаций, имитирующих жизненные случаи, поэтому уместно использование ролевых игр и подобных интерактивных методов обучения, позволяющих студентам активизировать изученные на занятии языковые единицы и речевые формулы. Об эффективности данной модели в практике обучения РКИ взрослых обучающихся или студентов вуза свидетельствует А. А. Занкова. На основании собственной практики обучения русскому языку как иностранному она утверждает, что данная трехчастная модель хорошо себя зарекомендовала для развития лексических и грамматических навыков и коммуникативной компетенции в целом: «за время одного урока обучающиеся способны усвоить материал и эффективно использовать его в речи, чтобы донести значение и понять собеседника» [3, с. 149].

Важной считаем также необходимость формирования у студентов межкультурной компетенции, что отражено в заданиях практикума. По мнению О. А. Леонтович, межкультурная компетенция предусматривает понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры [5]. Согласно И. П. Исакжановой, «межкультурная компетентность предполагает обязательное наличие широкого круга социокультурных знаний, готовность субъекта к взаимодействию с другими системами ориентации и основывается на уважении разных культурных ценностей» [4, с. 106].

Коммуникативная ориентированность пособия диктует активное использование во всех учебных модулях коммуникативных (риторических) задач. Эффективность подобных заданий обеспечивается продумыванием всех элементов речевой ситуации (кто говорит, кому говорит, о чем говорит, где, когда и зачем говорит). Мы предлагаем студентам коммуникативные (риторические) задачи двух типов.

К первому можем отнести такие задачи, в которых речевая ситуация детерминируется экстралингвистическими условиями (условиями задачи), а результатом должно стать высказывание, которое соответствует именно этой речевой ситуации.

Например,

1. Прочитайте текст. Какова его основная мысль? Обозначьте односоставные и двусоставные предложения.

Дорога! Я люблю дорогу. Движение радует меня. Едешь в дальние дали и чувствуешь тревожную радость новых встреч с людьми, с жизнью. За окнами вагона веселая толпа дубков, кленов и берез. Едешь живым коридором, пронизанным солнечными лучами. Разные мысли теснятся, разные чувства вскипают и затухают у каждого. И все-таки есть общая дума у тех, кто часами стоит у окна вагона и любит бежущей мимо многоцветной лесной красотой... (по С. Никитину).

Коммуникативная задача.

Каждый из нас оказывался в дороге, когда путешествовал или ехал в гости к родным или друзьям. Эти поездки могли проходить на поезде, автобусе, автомобиле, велосипеде и др. Мимо мелькали леса, деревни, города, поля... Вспомните, о чем вы думали, видя сменяющиеся картины природы.

Составьте небольшой рассказ на тему «Дорога открывает мир» – о том, что вы увидели в дороге, о людях, с которыми познакомились в пути, о ваших впечатлениях и мыслях. Нужно включить в свой рассказ безличные конструкции: *хотелось поехать, хорошо гулять, приятно встретиться, интересно поговорить, захотелось осмотреть, удалось посетить, не хватило времени, нужно увидеть, пахнет, стоит отправиться.*

В другом типе – экстралингвистические условия уже заданы в тексте, но это должна быть проблемная ситуация, требующая коммуникативного выхода из нее: например, зачитывается начало авторского текста и в определенном месте чтение текста обрывается и ставится речевая задача: продолжить текст. Проиллюстрируем постановку задачи второго типа.

2. Прочитайте отрывок из книги Льва Успенского «По дорогам и тропам языка». Определите тему, основную мысль текста. Какие слова в названии книги употреблены в переносном значении?

Вот в учебнике говорится: «Каждое слово что-нибудь обозначает, то есть имеет лексическое значение. Это значение указывается в толковых словарях».

Да, тут всё совершенно точно. Раскрываю «Толковый словарь русского языка»...

Перескажите текст, дополнив свой рассказ о слове, о его лексическом значении примерами из толкового словаря С. И. Ожегова. Придумайте концовку для вашего текста.

Во всех заданиях коммуникативной направленности в практикуме студентам предлагается соответствующая лексика, речевые формулы для использования в собственных текстах.

Приведем примеры подобных коммуникативно ориентированных заданий.

1. Подберите 5 русских пословиц о языке и речи. Какие пословицы в вашем родном языке посвящены языку и речи. О каких качествах хорошей речи в них говорится, какие функции языка они называют? Подготовьте устное сообщение по результатам наблюдения за пословицами, раскройте в своей речи смысл выбранной вами пословицы. Можно использовать в своем сообщении следующие словосочетания: *народная мудрость гласит..., согласно опыту народа....; в пословицах русского языка (родного языка) отражен многовековой опыт народа...; так, в пословице «.....» говорится о том, что...; обобщая содержание русских (родного языка) пословиц о языке и речи, мы можем сделать вывод о том, что...; положительными качествами русской речи, согласно пословицам (...), считаются...; в пословице... осуждается такое качество речи, как....*

2. Используя приведённые ниже слова, напишите сочинение-миниатюру (10 предложений) об особенностях искусства слова (музыки, живописи или др.) или о произведении искусства, поразившем вас: *творческий замысел, знать в совершенстве, художественный талант, искусство поэзии, звуковые свойства слова, вызывать в нашем воображении живые картины и образы, искусный мастер, творческое воплощение, живопись, скульптура, архитектура, музыкальные инструменты, оттенки, краски, владеть пером, уметь выразить тончайшие оттенки мысли и чувства, подлинное искусство берёт за душу, задеть за живое, слушать затаив дыхание, иметь успех у публики, быть у всех на слуху, исполнить с блеском, сочная палитра, шедевр.*

В пособии особое внимание уделено словарной работе в модуле «Лексика и фразеология», а также работе с лексикой русского языка в других модулях. Мы разделяем мнение С. Б. Королевой и Н. В. Макшанцевой о том, что одним из базовых положений методики преподавания иностранных языков должно быть расширение фоновых знаний обучающегося о слове, понятии им обозначаемом, месте, занимаемом этим понятием, и (если возможно) явлением, связанном с ним, в культуре изучаемого языка [6]. Ученые в русле концептуального подхода обозначают следующие важные положения: «1) за словом может стоять не просто понятие (значение) и коннотативные (в том числе, оценочные) значения, но и целый комплекс заданных в культуре эмоционально-чувственных образов; 2) слово может обозначать такое ментальное явление (т. е. явление коллективно-го сознания носителей лингвокультуры), которое укоренено, проявлено в культуре самыми разными способами; 3) в соответствии с первыми двумя пунктами следует выработать особую методику освоения слова не как слова как такового, а как наименования концепта» [6, с. 232–233]. На примере 4-х этапной работы со словом «рябина» авторы научной статьи показывают, как применение концептуального подхода в методике преподавания иностранных языков (в том числе РКИ) на уровне работы с лексикой позволяет иностранцу включить новое слово изучаемого языка сначала в синтагматические ряды, затем в круг ассоциативных связей, обеспечивающих представление о месте понятия, обозначаемого этим словом, в контексте культуры [235–236].

Практикум содержит задания, ориентированные на отдельные положения концептуального подхода в обучении иностранным языкам, например:

Прочитайте высказывание С. Я. Маршака: *«Слова и сочетания слов связаны со многим множеством самых сложных ассоциаций и способны поднять со дна нашей души целый мир воспоминаний, чувств, образов, представлений»*. Докажите справедливость этих слов, обратившись к текстам, приведённым ниже.

К какому стилю относится каждый из текстов 1–5? Докажите свою позицию.

№ 1. *Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух...* (Н. В. Гоголь).

№ 2. *Рядом с зарницей стоит в одном поэтическом ряду слово «заря» – одно из прекраснейших слов русского языка.*

Это слово никогда не говорят громко. Нельзя даже представить себе, чтобы его можно было прокричать. Потому что оно сродни той устоявшейся тишине ночи, когда над зарослями деревенского сада занимается чистая и слабая синева (К. Г. Паустовский).

№ 3. *Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое это слово видится мне голубоватым...* (И. С. Шмелев).

№ 4. *Любимое русское слово – «достопримечательность». Потому что напоминает бесчисленные экскурсии и приключения по России. И кто не любит достопримечательности? Никто. Особенно когда 21 буква в слове. Русский язык очень богат – к каждому слову на английском языке в русском, наверное, найдется три варианта перевода* (Друша Диксон, выпускница Стэнфордского университета в Калифорнии).

№ 5. *Любимое русское слово – «люблю». Оно напоминает мне о моей первой поездке в Россию. Я приехала по программе школьного обмена, и каждое утро, когда мы завтракали, отец семьи заставлял меня повторять это слово, потому что я не умела произносить мягкий звук «лю». Я не знаю, сколько раз я говорила это слово, но теперь, когда я использую его, я всегда думаю о том прекрасном времени, и я надеюсь, что я правильно произношу эти звуки* (Элеанор Далглиш, выпускница Кембриджского университета).

Напишите сочинение-миниатюру (5–7 предложений, тип речи – рассуждение) на тему (по выбору): «Самое прекрасное слово русского языка» или «Мое любимое слово русского языка».

С целью формирования у инофонов межкультурной компетенции в пособии предлагаются тексты о русской культуре с иллюстрациями, например, об истории Палеха и палехской лаковой миниатюры, жостовской живописи; знакомящие с созданием валенок; рассказывающие о тульских пряниках, о памятнике Левше в Туле, о тульском самоваре; повествующие

о Гжели и гжелских мастерах, о хохломе; описывающие города, входящие в Золотое кольцо России; дающие представление о Республике Мордовия и ее столице – г. Саранске, где находится университет (описание Саранска, реки Мокша, знакомство с Музеем изобразительных искусств имени С. Д. Эрьзи) и мн. др. Тексты сопровождаются субтестами на проверку понимания содержащейся в них информации и коммуникативно ориентированными заданиями, в том числе предлагающими студентам высказаться по поводу особенностей природы, а также памятников истории и культуры своей родины.

Приведем примеры подобных заданий. Студентам предлагается ознакомиться с текстом «С. Д. Эрьзя – сын Земли Мордовской» Л. Г. Бертяевой, посвященном описанию творческой судьбы известного эрзянского скульптора С. Д. Нефедова (Эрьзи), в честь которого назван республиканский Музей изобразительных искусств в г. Саранске. Даны иллюстрации ряда его скульптур. После чтения и обсуждения содержания текста, работы с лексикой и синтаксическими конструкциями, предлагаются задания: 1) используя материал текста, а также интернет-источники составьте речь экскурсовода, рассказывающего о творчестве С. Д. Эрьзи; 2) подготовьте в парах диалоги на тему «Экскурсия по выставке картин (скульптур)», включающие следующие содержательные блоки: приглашение на выставку; обсуждение увиденного; впечатления от экскурсии; 3) используя ресурсы Интернета, подготовьте материал для виртуальной экскурсии по музею или выставке произведений искусства в вашем родном городе / любом из городов вашей страны.

Таким образом, важными составляющими обучения по данному пособию являются следующие:

- во-первых, актуализация социального мотива (изучение языка как средства общения), чему способствует создание потребностей в коммуникации, лучшем усвоении языка, моделирование речевых ситуаций, вызывающих желание высказаться (анализ и составление тематически актуальных диалогов, продуцирование текстов по плану и образцам с включением необходимой лексики и грамматических конструкций);

- во-вторых, стимулирование познавательного интереса посредством использования текстов различных стилей и жанров,

в первую очередь – учебного, делового и бытового содержания; контроль речевой деятельности учащихся; ориентация образцов и моделируемых высказываний студентов на актуальные речевые конструкции разговорного стиля в типичных коммуникативных ситуациях;

– в-третьих, использование принципа проблемного обучения, моделирование на учебных занятиях ситуаций, аналогичных коммуникативным ситуациям учебного, делового и бытового общения студентов;

– в-четвертых, визуализация языковых явлений (включение в текст практикума иллюстраций, схем, таблиц), позволяющая студентам лучше воспринимать учебный материал;

– в-пятых, адаптивные виды контроля (индивидуальные задания, субтесты на проверку понимания содержания текстов, задания для самостоятельной работы), позволяющие использовать индивидуальный подход для обучения студентов с разным уровнем успеваемости;

– в-шестых, использование на занятиях технических средств обучения, ресурсов Интернета.

Электронное учебное пособие-практикум имеет эргономичный интерфейс и эстетичную анимацию перехода между информативными блоками, обеспечивает удобство работы с ним во время аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов.

Библиографический список

1. *Балыхина Т. М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2007. 185 с.

2. *Белова Н. А., Маслова А. Ю.* Русский язык для студентов-граждан иностранных государств: учебное пособие (практикум) [электронный ресурс]; Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2014. 2,62 Мб. Эл. опт. диск CD-ROM. Зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр» № гос. регистрации 0321402288 (регистрационное свидетельство № 36818 от 5 августа 2014 г.).

3. *Занкова А. А.* К практике использования коммуникативного подхода в преподавании русского языка как иностранного // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2016. № 4 (11). С. 141–150.

4. *Исакжанова И. П.* Понятие межкультурной компетентности, ее признаки, структура и элементы // Педагогические науки. 2023. № 3–1 (78). С. 104–106.

5. *Леонтович О. А.* Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 398 с.

6. *Макианцева Н. В., Королева С. Б.* Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта: культура, ментальность, аспекты языка // Язык и культура. 2019. № 47. С. 231–244. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000673083> (дата обращения: 15.02.2024).

7. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

УДК 81'38:004.02

ББК 83.011.7

Е. И. Бойчук, А. Е. Голубева

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПОИСКА СРЕДСТВ КОМИЧЕСКОГО

Аннотация. В статье представлена классификация стилистических средств различных языковых уровней, которые могут быть рассмотрены в качестве основных средств создания комического. Кроме того, представлены те средства, которые возможно использовать для автоматизированного поиска и анализа средств иронии и сатиры в различных типах текста.

Ключевые слова: ирония, сатира, комическое, автоматизированный анализ, стилистические средства.

E. I. Boychuk, A. E. Golubeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after. K. D. Ushinsky,
Yaroslavl

ON POSSIBILITY OF AUTOMATED SEARCH OF COMIC FUNDS

Abstract. The article presents a classification of stylistic means of various language levels, which can be considered as the main means of creating a comic effect. In addition, the tools that can be used for automated search and analysis of irony and satire in various types of text are presented.

Keywords: irony, satire, comic, automated analysis, stylistic means.

Для осуществления автоматизированного поиска и анализа средств комического, что представляет собой сложнейшую задачу, необходимо определиться с понятиями, которые включает в себя комическое, а именно понятия юмора, сатиры, сарказма, иронии. Часто в работах лингвистов данные понятия ставятся в один ряд и четко не классифицируются. Но все они объединены понятием комического.

В соответствии с природой объекта, с одной стороны, и целями субъекта с другой, комедийно-эстетическое отношение (комическое) имеет два основных типа: сатиру и юмор.

Сатира – бичующее изобличение всего, что не соответствует передовым эстетическим идеалам, гневное осмеяние всего, что стоит на пути к их полному осуществлению, в корне отрицающее осмеиваемое явление и противопоставляющее ему идеал [4, с. 48].

Юмор же видит в своем объекте стороны, не вступающие в противоречие с идеалом. Объект юмора, заслуживая критики, все же сохраняет свою привлекательность. Юмор, утверждая сущность явления, стремится его совершенствовать, очищать от недостатков, помогая полнее раскрываться всему общественно ценному. Юмор – смех дружелюбный, хотя и не беззубый [4, с. 48].

Между юмором и сатирой – целая гамма оттенков смеха. Это многообразие соответствует эстетическому богатству действительности. Мера, оттенок и цель смеха определяются и особенностями объекта эстетического отношения, и идейно-эстетическими принципами художника. Каждая литературная

эпоха выдвигает свои принципы и свою исходную точку эмоциональной критики.

Что касается **иронии**, то это (от греч. *eiponeia* – притворство, насмешка) – осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается; одна из форм отрицания. Отличительным признаком иронии является двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречие между ними, тем сильнее ирония. Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны [2].

Ирония превращается в сарказм, становясь средством обличения и разоблачения уродливых сторон социальной действительности.

Сарказм – это едкая издевка, отправная точка которой является негодование, возмущение. Нередко сарказм, если он носит политический оттенок, трансформируется в целое отдельное произведение – памфлет [4, с. 49].

В нескольких источниках ирония, сарказм и сатира, наряду с насмешкой, шуткой, анекдотом, рассказом, каламбуром, афоризмом, парадоксом, оксюмороном, остроумием, пародией рассматриваются как различные формы юмора. Это говорит о том, что юмор, классифицирующийся внутри комического, обобщает все остальные формы проявления комического в разной степени и мере их интенсивности.

Особый вид юмора представляет собой черный юмор. У некоторых народностей существуют ещё и такие формы юмора как народные устные юмористические повествования – сноавэ.

Важно отметить, что статусы юмора, сатиры, иронии и сарказма абсолютно разные.

Юмор – способность или качество людей, объектов или ситуаций доставлять радость, вызывать смех. Здесь также следует отметить значение юмора как общей доброжелательной формы выражения комического в целом.

Сатира – литературный жанр.

Ирония – фигура речи.

Сарказм – форма словесной иронии, то есть также может быть отнесен к фигуре речи.

В связи с тем, что основной задачей в вопросе автоматизации поиска является определение основных языковых средств выражения комического, необходимо решить, для какого его типа мы будем рассматривать средства. Понятие комического слишком общее, понятие юмора рассматривается с точки зрения общей доброжелательной формы выражения комического в целом, поэтому также является недостаточно четко отражающим все грани комического. Сатира ограничена жанром; сарказм имеет довольно узкое значение и выражает лишь колкие едкие замечания; ирония, являясь фигурой речи, может реализовываться через конкретные языковые средства как стилистическое средство.

Ирония способна создаваться практически всеми известными языковыми средствами, на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом).

Сложность здесь составляет то, что то или иное высказывание часто становится ироническим лишь благодаря правильно выбранному контексту.

Г. В. Колшанский отмечает, что реализация иронического смысла происходит по следующей схеме: интенция автора (замысел создания иронического текста) – конструирование определенного контекста в соответствии с объективными нормами, действующими на уровне сознания и на уровне языка, – текст (от предложения и выше), компонентом смысловой структуры которого является ирония.

Важно понимать, что при создании иронического текста речь идет не о случайном внесении контекстом дополнительного (в данном случае переносного) значения лексической единицы, а именно о соответствующем конструировании контекста, которое состоит в сознательном выборе тех значений языковых единиц и такой их комбинации, которые воплощали бы иронический смысл, тем самым отражая определенный аспект действительности и его восприятие автором [3, с. 115].

Основным классифицирующим признаком языковых средств выражения иронии, по мнению Ю. Б. Борева, является их принадлежность к различным уровням языковой структуры. В этом случае соответствующим образом организованный контекст вместе с коммуникативным заданием определяет

ироническую смысловую структуру текста (то есть речь идет не об одном предложении). На каждом уровне языковой структуры ирония выражается разными языковыми средствами.

– Фонетический уровень в текстах реализуется посредством фонетических и просодических средств, а также паронимии – стилистической фигуры, состоящей в комическом сближении слов, которые вследствие сходства в звучании могут каламбурно использоваться в речи (Нечего их ни жалеть, ни жаловать!), посредством таутицизма, механического повторения без осознания значения.

– На морфологическом уровне ирония выражается с помощью использования множественного числа, превосходной степени имен прилагательных и императива.

– Для синтаксического уровня характерны такие языковые средства создания иронии, как повторы, риторические вопросы (это те же повторы вопросительных конструкций), градация и градационный повтор, синтаксическая игра слов, притворные восклицания (повторы восклицательных предложений), парцелляция, перечисления, вводные конструкции, использование многоточия и кавычек.

– К уровню текста относятся стилистические средства создания иронии, такие как: гипербола и литота; метафора и клише; парадоксальные сочетания; иронические эпитеты, тропы и фразеологизмы (разложение фразеологических единиц); фразеологические сочетания; иронический перифраз (погрузился в сон вместо заснул); олицетворение; необычные словосочетания; овеществление отвлеченных понятий; пародия; гротеск и т. д.

– Лексическими средствами выражения иронии являются использование омонимии и полисемии для создания иронического эффекта (игры слов), аффиксация, парадоксальное словосложение, лексическое противопоставление реального изображаемому, антитеза, словосложение и использование имён собственных [2, с. 324].

Окказиональная трансформация лексического значения на семном уровне выражается в его способности проявляться в зависимости от коммуникативной ситуации с разным набором релевантных для данного речевого акта семантических компонентов. Окказиональные изменения лексического значения связаны,

прежде всего, с импликационалом –элементом значения, обусловленным контекстом. Эффект комического заключается во взаимном недопонимании, поскольку слово употреблено с изменением грамматического или лексического значения.

Рассмотрим проявление некоторых перечисленных средств иронии на разных языковых уровнях на материале произведения Дугласа Адамса «Автостопом по галактике».

Лексические средства выражения иронии

Лексическими средствами выражения иронии, найденными в романе, являются антитеза и использование имён собственных.

Oh dear you seem to have fallen down a thirty-foot well, are you alright? [5, с. 29].

«О Господи! Ты, кажется, упал в шахту?! С тобой все в порядке?» [1, с. 13].

В этом моменте романа один из героев Форд Префект рассказывал о привычке людей задавать глупые вопросы и говорить то, что всем и так известно. Автор в этом случае противопоставляет вопрос ответу, так как всем понятно, что если человек упадет в шахту, ничего хорошего с ним не случится. Функция антитезы заключается в том, чтобы создать особую выразительность речи.

Кроме антитезы, примером лексических средств выражения иронии может служить использование имен собственных:

Oh don't give me none more of that Old Janx Spirit. No, don't you give me none more of that Old Janx Spirit! For my head will fly, my tongue will lie, my eyes will fry and I may die. Won't you pour me one more of that sinful Old Janx Spirit! [5, с. 14].

«Не наливай мне больше старого Дженкс-спирта. О нет, не надо больше старого Дженкс-спирта! Ведь заляшет все вокруг, Голова помчится вдруг Прямо в черную дыру, Сдохну, точно, я к утру. Так налей мне старого, грешного Дженкс-спирта!» [1, с. 4].

В этом отрывке Форд рассказывает Артуру об игре, в которую недавно научился играть, и вспоминает песенку, в которой бутылку с алкоголем назвали в честь древнего орионского рудокопа. Благодаря этому автор высмеивает содержание песенки, в которой сначала не хотят пить, а потом говорят

«налей». Здесь также присутствует функция привлечения внимания к данному отрывку.

Синтаксические средства выражения иронии

Как уже было отмечено ранее, для синтаксического уровня характерны такие языковые средства создания иронии, как повторы, риторические вопросы, градация, притворные восклицания, парцелляция.

Среди синтаксических средств выражения иронии наиболее распространены в романе притворные восклицания, т. е. показное выражение эмоций, которые в контексте обретают характер псевдоэмоций. Подчёркнутость притворного тона – необходимое условие для реализации комического эффекта, основанного в данном случае на несоответствии ситуации и реакции. В итоге представленный фрагмент обретает напускной драматический характер и вызывает у читателя смех.

“Hello Arthur,” said the shadow. Arthur looked up and squinting into the sun was startled to see Ford Prefect standing above him. “Ford! Hello, how are you?” “Fine,” said Ford, “look, are you busy?” “Am I busy?” exclaimed Arthur. “Well, I’ve just got all these bulldozers and things to lie in front of because they’ll knock my house down if I don’t, but other than that... well, no not especially, why?” [5, с. 13].

– Привет, Артур, – сказала она. Артур глянул вверх и, прищурившись, не без удивления увидел, что над ним стоит Форд Префект. – Форд! Привет, как живешь? – Отлично, – ответил Форд, – слушай, ты очень занят? – Занят? – воскликнул Артур. – Вот, посмотри – я раздобыл все эти бульдозеры и прочую ерунду, чтобы полежать перед ними, а если я встану, они снесут мой дом, к тому же... да нет, не особенно, а что? [1, с. 4].

В данном примере главный герой Артур Дент лежит в грязи перед бульдозерами, чтобы они не снесли его дом. В этот момент подходит его друг Форд и задает глупый вопрос, не занят ли он. На что Артур говорит, конечно, нет. Данное восклицание усиливает выражение чувств персонажа, показывает всю его злость на сложившуюся ситуацию.

Следующим синтаксическим средством выражения иронии является градация, т. е. расположение слов и выражений,

а также средств художественной изобразительности по возрастающей или убывающей значимости. Например:

"You barbarians!" he yelled. "I'll sue the council for every penny it's got! I'll have you hung, drawn and quartered! And whipped! And boiled... until... until... until you've had enough" [5, с. 21].

– Варвары! – выкрикивал он. – Я отсужу у вашего городского совета все деньги! Я вас повешу, утоплю и четвертую! И высеку! И буду варить вас в кипящем масле, пока... пока... пока не решу, что с вас хватит! [1, с. 9].

В данном отрывке Артур показывает свое негодование по поводу сноса его дома. Парцелляция здесь играет изобразительную функцию, она растягивает действие, что позволяет подчеркнуть важные детали и зафиксировать внимание читателя.

Еще одним синтаксическим средством выражения иронии является диакোпа:

"Listen," she said, "we picked up those couple of guys..." "What couple of guys?" "The couple of guys we picked up." "Oh, yeah," said Zaphod, "those couple of guys." [5, с. 50].

– Слушай, – сказала она, – мы подцепили этих парней... – Каких парней? – Тех, которых мы подцепили. – А, ну да, – сказал Зафод, – этих парней. [1, с. 32].

Стилистические средства выражения иронии

На стилистическом уровне ирония выражается с помощью гиперболы и литоты, парадоксальных сочетаний, иронических эпитетов, фразеологизмов, иронических перифразов, олицетворений, необычных словосочетаний и т. д.

Дуглас Адамс отдал свое предпочтение гиперболам, литотам, парадоксальным сочетаниям, эпитетам и олицетворениям:

A towel, it says, is about the most massively useful thing an interstellar hitch hiker can have [5, с. 19].

Полотенце, возможно, самый необходимый предмет для межзвездного путешественника [1, с. 8]. Автор рассказывает о полотенце, как о самом необходимом и важном предмете для человека. Гипербола здесь выявляет комизм изображаемого предмета и подчеркивает нелепость этого суждения.

"Going to watch the match this afternoon then?" Ford glanced round at him. "No, no point," he said, and looked back out of the window. "What's that, foregone conclusion then you reckon

sir?” said the barman. “Arsenal without a chance?” “No, no,” said Ford, “it’s just that the world’s about to end” [5, с. 17].

«Игру сегодня смотреть будете? Форд обернулся. – Смысла нет, – сказал он, и уставился в окно. – Так вы что, думаете, что все заранее известно, сэр? – спросил бармен. Шансов у «Арсенала» никаких? – Ну почему, – ответил Форд. – Просто скоро конец света» [1, с. 6].

В данном примере с помощью литоты автор показал, что Форд совершенно не волнуется по поводу конца света. Литота позволила резко усилить выразительность изображаемого и придать этому диалогу комизм.

Следующим стилистическим средством выражения иронии является олицетворение:

Southend seems to be melting away... the stars are swirling... a dustbowl... my legs are drifting off into the sunset... my left arm's come off too [5, с. 43].

Дувр, кажется, тает... звезды крутятся... пыльная буря... и ноги мои плывут в закат... и левая рука покинула меня... [1, с. 26]. Здесь с помощью олицетворения был создан яркий образ, вызывающий улыбку.

Так как роман принадлежит к жанру фантастики, в нем присутствует очень много парадоксов. Парадокс является определённой словесной композицией и как фигура речи несёт в себе большой заряд стилистической информации, является одним из эффективных средств воздействия на читателя. Парадоксальное сочетание также относится к стилистическим средствам выражения иронии:

“Death’s too good for them,” he said [5, с. 38].

– Просто смерть – это еще слишком хорошо для них, – заявил он [1, с. 22].

Еще одним стилистическим средством выражения иронии, который был выявлен в романе, является фразеологизм:

“Let’s get shot out of this hole,” said Zaphod. “If whatever I’m supposed to be looking for is here, I don’t want it” [5, с. 106].

– Давайте уносить ноги, – сказал Зафод. – Если то, что я, предположим, ищу, находится здесь, то мне этого уже не надо [1, с. 62]. В данном случае словосочетание «уносить ноги» используется для усиления экспрессии при выражении трусости.

Безусловно, для определения тех средств создания иронии, которые могут быть распознаны автоматизированным способом необходимо провести дополнительный анализ корпусов текстов. Их предварительный анализ показал, что к сформированному из приведенных обзоров списку, включающему паронимию, превосходную степень имен прилагательных, повторы (риторические вопросы и восклицания, редупликацию, градационный повтор, диакопу), фразеологизмы, омонимию, полисемию, перечисления, аффиксацию и использование имен собственных, следует добавить феминитивы, жаргонную лексику, иностранные слова, старорусские слова и инвективную лексику.

Библиографический список

1. *Адамс Д. Н.* Автостопом по галактике. М.: АСТ, 2013. 252 с.
2. *Борев Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель, 2003. 575 с.
3. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 115 с.
4. Словарь литературоведческих терминов. Ред. С 48 / сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
5. *Adams D. N.* The Hitchhiker's Guide to the Galaxy. L.: Pan Books, 2005. 323 p.

УДК 811.111'37(045)

ББК 81.432.1–32

Е. И. Будникова

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск

ЧТО СКРЫВАЮТ КЛАССИФИКАТОРЫ, ИЛИ О РЕЛЕВАНТНЫХ ПРИЗНАКАХ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сущности релевантных, классообразующих семантических признаков в структуре лексического значения и их выявлению на основании анализа деривационных данных на примере английских наименований веществ. Установлено, что концептуальный стержень исследуемой категории представлен релевантным признаком «содержимое». Индивидуальная семантика единиц класса обеспечивается наличием таких признаков, как «покрытие», «контейнер», «поверхность», «действие» и пр.

Ключевые слова: классификаторы, релевантность, лексическое значение.

E. I. Budnikova

Minsk State Linguistic University, Minsk

WHAT IS HIDDEN BY CLASSIFIERS, OR ON RELEVANT FEATURES IN WORD MEANING STRUCTURE

Abstract. The article deals with the essence of relevant, class-forming features in word meaning structure and suggests the methodology to reveal them using derivational data analysis. A case study on English substance terms showed that the conceptual skeleton of the class is represented by the feature “contents”. Individual semantics is achieved by the relevant features “cover”, “container”, “surface”, “action”, etc.

Keywords: classifiers, relevance, lexical meaning.

Начиная от аристотелевского разграничения родовых и видовых признаков понятия, во всех последующих функциональных типологиях содержательных компонентов слова

прослеживалось различие интегрального и дифференцирующего типа знания. Ср. термины *markers – distinguishers* (Дж. Катц, П. Постал, Дж. Фодор, М. Бирвиш), *архисемы – дифференциальные семы* (В. Г. Гак), *архисемы – классемы – дифференциальные семы* (И. В. Арнольд), *гиперсемы – гипосемы* (И. В. Арнольд, М. В. Никитин), *категориальные – субкатегориальные – классифицирующие* (З. А. Харитончик) и мн. др. При этом определить дифференцирующие признаки зачастую оказывается проще, чем выделить, какие именно характеристики являются общими. Тем более, как убедительно показал еще Л. Витгенштейн, для значений многих слов выделение классовообразующих признаков вообще не представляется возможным. Только поочередное сходство одного объекта класса с другим, а не один или несколько общих признаков, позволяет мыслить о них как о каком-то классе [4, с. 109].

При определенных сложностях в определении классовообразующих, релевантных признаков в структуре лексического значения нельзя не отметить их ключевую роль в определении контекстного поведения слова и направлений развития деривационных процессов. По данным проведенного ранее исследования [1], контекстная и деривационная востребованность того или иного типа знания о денотате во многом детерминирована его отнесенностью к таким общим классам, как физические объекты vs. абстрактные понятия, биологические организмы vs. артефакты или вещества и пр. Отнесенность к классу физических объектов детерминирует высокую частотность перцептивной и локативной информации (описание параметров объекта и его пространственного положения), а принадлежность к классу биологических организмов – высокую частотность контекстной реализации признаков, характеризующих биологические аспекты жизнедеятельности денотата. Поэтому именно перцептивные, локативные и биологические типы признаков являются наиболее значимыми в контекстном употреблении наименований растений и животных. Для наименований же лиц наиболее востребованными в контексте являются поведенческие и социальные компоненты их значений ввиду отнесенности денотатов к классу людей. Деривационные данные показывают абсолютное доминирование перцептивных признаков в качестве мотивирующих

при образовании производных слов и выражений от наименований животных и растений. Для наименований же лиц значимым в процессах деривации зачастую является целый ряд компонентов (поведенческих, перцептивных, социальных и пр.) [Там же, с. 113].

Думается, что та ключевая роль, которую играют классообразующие признаки в определении доминирующих типов контекстного окружения единицы и специфики значений производных от нее выражений, может помочь в выявлении этого типа знания. Иначе говоря, установление типов знания, которые скрываются за классификаторами типа «человек», «вещество», «животное» и пр. в структуре лексического значения, может проводиться с опорой на анализ значений производных единиц и коллокационную специфику слова.

Для проверки данной гипотезы и в целях установления круга релевантных, классообразующих семантических признаков в семантике единиц одного класса, нами проведено исследование на материале 33 наименований веществ английского языка¹. Для анализа были отобраны семантические, морфологические, фразеологические и синтаксические производные исследуемых наименований, в образовании которых задействовался механизм метонимического переноса, который опирается на общекатегориальные и классообразующие компоненты исходного значения (см. обоснование методики в [5, с. 436] и [2]).

Исходя из полученных данных, своего рода концептуальный стержень класса веществ составляет признак «содержимое» или «способность наполнять что-либо», который выявлен в значениях производных всех исследуемых единиц. В зависимости от задействованного способа словообразования в разных производных модели метонимического переноса могут отличаться, сохраняя при этом профилирование указанного релевантного признака в семантике исходного слова (см. таблицу).

¹ Отбор проводился с помощью программы WordNet 2.1 по ключевому слову *substance* «вещество», далее из реестра исключались единицы, не зафиксированные в списке частотных слов Longman Communication 3000 [6].

Реализация признака «содержимое» в значениях производных
от исследуемых наименований веществ

Модели метонимии, основанные на признаке «содержимое»	Примеры производных единиц
вещество → наполнять веществом	<i>alcohol</i> «спирт» → <i>alcoholize</i> «насыщать спиртом»; <i>sand</i> «песок» → <i>sand</i> «наполнять песком»
вещество → (не)содержащий вещество	<i>air</i> «воздух» → <i>airy</i> «воздушный, насыщенный свежим воздухом»; <i>butter</i> «масло» → <i>buttery</i> «маслянистый»; <i>dust</i> «пыль» → <i>dustless</i> «не содержащий пыли»
вещество → объект, состоящий из вещества	<i>blood</i> «кровь» → <i>blood</i> «кровные родственники»; <i>candy</i> «карамель» → <i>candy floss</i> «сахарная вата; досл. карамельная нить»; <i>cheese</i> «сыр» → <i>cheesecake</i> «чизкейк; досл. торт из сыра»; <i>beef</i> «говядина» → <i>beef sausage</i> «говяжья колбаса»

Значимость признака «содержимое» подтверждается и данными деривационного анализа родовых понятий исследуемых единиц: *material* «материал», *substance* «вещество», *matter* «материя» (см. подробнее в [3]), из которых следует, что этот признак выступает единственным смысловым компонентом, профилируемым в процессах образования производных как по метонимической, так и по метафорической модели от данных имен (ср. *material* «ткань» (метонимия) vs. *material* «сырье; незавершенный продукт» (метафора); *substantial* «вещественный; относящийся или состоящий из вещества» (метонимия) vs. *substantial* «существенный» (метафора) и пр.).

Кроме признака «содержимое», общего для дериватов всех единиц исследуемого класса, обнаружен и ряд других релевантных компонентов, которые профилируются в значениях части производных. Таковыми являются признаки:

- «покрытие» / «свойство покрывать ч.-л.» (*dust* «пыль» → *dust* «покрываться пылью»; *sand* «песок» → *sands* «пески»),
- «контейнер» / «свойство вмещать в себя ч.-л.» (*blood* «кровь» → *blood clot* «тромб»; *food* «еда» → *food-borne* «переносимый с едой»),

- «действие» (*soil* ‘почва’ → *soil creep* ‘ползучесть почвы’),
- «источник» (*alcohol* ‘спирт’ → *grain alcohol* ‘зерновой спирт’; *coal* ‘уголь’ → *coal* ‘обуглиться; сгореть дотла’),
- «внутреннее строение» (*blood* ‘кровь’ → *blood cell* ‘клетка крови’),
- «утилитарная оценка» (*air* ‘воздух’ → *air conditioning* ‘кондиционер воздуха’).

Думается, что по этим магистральным линиям в том числе идет дифференциация среди единиц класса. Например, ввиду различий в денотатах имен веществ *air* ‘воздух’ и *butter* ‘масло’ различен и состав релевантных, классообразующих признаков в структуре их значений. Для *air* это «содержимое», «поверхность», «контейнер», «действие», «внутреннее строение», «утилитарная оценка», то есть денотат концептуализируется как нечто, способное наполнять некоторый контейнер, быть контейнером для чего-то другого, служить поверхностью для перемещения чего-либо, двигаться или влиять на другие объекты, имеющее составные части и оцениваемое человеком с точки зрения пригодности². В свою очередь, денотат наименования вещества *butter* по данным деривационного анализа концептуализируется лишь как нечто, способное наполнять некоторый контейнер и покрывать некоторую поверхность, поэтому состав классообразующих признаков сужается до двух: «содержимое» и «покрытие».

Таким образом, выявленные на основании деривационного анализа релевантные, классообразующие признаки в структуре лексического значения являются более глубинными семантическими слоями, стоящими за лексико-семантической отнесенностью единицы.

² В задачи данного исследования не входил поиск всех аспектов значения исследуемых имен, детерминирующих значения производных единиц и выражений, поэтому данный перечень для *air* исключает салиентные признаки, профилируемые в процессе метафорического переноса.

Библиографический список

1. Будникова Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2016. 175 с.
2. Будникова Е. И. Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 30–38.
3. Будникова Е. И. Экспликация релевантного знания в деривационных процессах // От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость смыслов: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 мая 2023 г. Мн., 2023. С. 68–69.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16, Лингвистическая прагматика. 1985. С. 79–128.
5. Харитончик З. А. Салиентность и релевантность знания как факторы деривационной активности лексических единиц // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 432–442.
6. Longman Communication 3000. 2nd ed. London: Pearson Longman, 2009. URL: https://archive.org/details/longman_3000_list (дата обращения: 24.03.2024).

УДК 81'1:39
ББК 81.006.3

Н. А. Быстров

Московский государственный университет им. М. И. Ломоносова,
г. Москва

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Аннотация. Комплексность языковых систем способствует тому, что на них оказывает воздействие множество экстралингвистических факторов. Одним из важнейших является национальная культура, через которую окружающая действительность влияет на нацию. В работе затронута история изучения взаимосвязанности культуры, мышления и языка, а также продемонстрированы практические результаты такой взаимосвязанности. Кроме того, в диалектическую связь культуры и языка можно добавить третий элемент, концептосферу. При сильном взаимовлиянии, существующем между этими тремя явлениями, представляется возможным выделить культуру как основной элемент, формирующий как языковую систему, так и область концептов. Из этого можно сделать вывод, что в основе полного изучения того или иного национального языка и концептов, выражаемых им, лежит всестороннее изучение культурного поля данного народа. При этом, чем выше уровень иноязычной коммуникации, тем выше требуется уровень культурной компетенции для адекватного ее понимания.

Ключевые слова: языковые системы, идиом языка, концепт, концептосфера, культурная компетенция

N. A. Bystrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

CULTURAL CONDITIONALITY OF A LANGUAGE SYSTEM AND ITS CONCEPTUAL FRAMEWORK

Abstract. The complexity of language systems contributes to the fact that they are influenced by many extralinguistic factors. One of the most significant factors is national culture, through which the surrounding reality impacts a nation. The paper demonstrates the practical implications of such a connection, as well as discussing the history of the study of the interconnection between culture, thought, and language. Additionally, a third element, the conceptual sphere, might be added to the dialectical relationship between culture and language. Taking into account the strong mutual influence existing among these three phenomena, it is possible to identify culture as the primary element shaping both the linguistic system and conceptual field. Consequently, a comprehensive examination of a people's cultural sphere is essential for a thorough understanding of their language and its concepts. At the same time, the higher the level of communication in the foreign language, the higher level of cultural competence is required for its proper understanding.

Keywords: language system, language idiom, concept, conceptual framework, cultural competence.

Языковые системы, как сложные явления, подвергаются воздействию множества аспектов, не касающиеся языка напрямую. Одним из таких аспектов является культура. При взаимодействии с иноязычной средой возникает неизбежное столкновение с культурой (или культурами) исследуемого языка.

Взаимосвязь культуры и языка исследовалась многими учеными-лингвистами. В этом контексте стоит упомянуть идею о «внутренней форме языка» и ее последующее развитие: гипотезу лингвистической относительности и «языковую картину мира».

Вильгельм фон Гумбольдт стал одним из родоначальников современной лингвистики как науки. Немецкий ученый уделял большое внимание соотношению языка и культуры, выводя четкую взаимосвязь между «духом народа» и языком, выражающим его и участвующим в его формировании. Он утверждал,

что «каждый язык описывает вокруг народа, которому принадлежит, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка [2, с. 80].

Гипотеза «Сепира-Уорфа» (или гипотеза лингвистической относительности) являлась развитием и продолжением идей В. Гумбольдта. Э. Сепир полагал, что язык является системой, которая отображает все возможные разновидности нашего опыта [5]. В свою очередь, Б. Уорф добавлял, что мировосприятие и поведение обуславливаются языковой категоризацией [6]. То есть язык формируется под воздействием коллективного опыта народа, а значит можно сказать, что язык обусловлен культурой, которая является способом адаптации человека к окружающей среде [3].

Упомянутые выше идеи легли в основу появившейся концепции «языковой картины мира», которая является ментально-лингвальным образованием, обусловленным этническим языком и в нем же представлена [1, с. 400]. Ее элементами являются концепты.

В рамках языковой картины мира осуществляется связь языка с мышлением, окружающим миром, культурными и этническими явлениями, а также явлениями внутри самого языка. Отсюда вытекает двойственность ее природы, когда окружающая действительность и условия жизни людей определяют сознание, а с другой стороны, языковой коллектив воспринимает окружающую действительность посредством родного языка, его семантики и грамматики, таким образом они в каком-то смысле определяют мышление и поведение [Там же, с. 401].

При этом стоит понимать, что результаты диалектического взаимодействия языка и мышления, языка и национальной культуры могут быть видны как на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне различных текстов [Там же]. При этом под текстами, согласно семиотической парадигме, стоит понимать не только языковые тексты, но и социальные тексты и материальной памятники культуры. То есть во внимание должен приниматься и общественно-культурный контекст народа.

На лексико-грамматическом уровне это особенно заметно во время педагогического процесса, когда в сознании обучающегося неизбежно сталкиваются родные язык и культура с

иностранными языком и культурой. Исследования показывают, что носители того или иного языка тяготеют к определенным грамматико-синтаксическим конструкциям и шаблонам. Причем такое тяготение часто и неосознанно переносится на иностранные языки при их изучении и использовании. Результатом этого становится появление национальных идиомов того или иного языка. Например, наблюдаются особенности использования в английской речи инфинитивов и инфинитивных конструкций носителями русского языка, не владеющих аутентичной английской речью [8].

Помимо влияния на язык культура оказывает воздействие на концептуальную систему народа. Более того, концептосфера «является производной от культуры как специфического способа деятельности, направленного на адаптацию к окружающему миру и консолидацию общественного целого» [7, с. 184]. Национальный язык также соприкасается с концептосферой народа, определяя ее как напрямую, так и опосредованно [4, с. 144–145]. При этом концепты, сформированные на основе единиц языка, представляют собой «культурно-искаженное» отражение объективной реальности в нашем сознании [7, с. 183].

Таким образом, диалектическую пару «культура-язык» можно дополнить третьим звеном – концептами. Культура определяет язык, который является основой возникновения и закрепления концептов, которые, в свою очередь, произрастают из культурного фундамента нации.

В качестве примера можно привести один из центральных концептов американской культуры, концепт «американской мечты» (the American Dream). Сам концепт впервые был упомянут в трудах Бенджамина Франклина и с тех пор активно используется как во внутреннем медийном пространстве США, так и «экспортируется» за рубеж с целью привлечения талантов со всех стран мира.

В 2012 году американский президент подписал акт о решении незаконным мигрантам, попавшим на территорию США еще детьми, получить освобождение от депортации и разрешение на работу на территории страны. Этот закон был связан с непринятым актом о развитии, свободе и образовании незаконных малолетних иммигрантов (*Development, Relief, and*

Education for Alien Minors Act, или *DREAM Act*). Таким образом, всех, кто незаконно попал в Соединенные Штаты еще ребенком, в прессе стали называть «мечтателями» (*DREAMers*), проводя сложную культурно обусловленную ассоциативную связь с глубинными основаниями американского государства, как места, где может найти себе места любой человек, обладающий трудолюбием и упорством.

Язык как инструмент коммуникации коллектива должен удовлетворять потребностям такого коллектива. Таким образом, национальный язык является продуктом «селекции», при которой «отбираются» наиболее подходящие для описания окружающего мира и человеческой деятельности языковые средства. На процесс такого «отбора» влияет культура этноса, как продукт рефлексии и восприятия объективной реальности. Кроме того, национальная культура является основой для формирования концептосферы народа, которые артикулируются и закрепляются в сознании с помощью языка.

Это обуславливает важность принятия во внимание национальной культуры и формирования культурных компетенций, без которых невозможно ни полноценное усвоение языка, ни понимание мышления народа. При этом, чем сложнее уровень коммуникации (например, внутренняя политическая коммуникация, где целевой аудиторией являются носители той же культуры), тем менее очевидны представителю иной культуры присутствующие в такой коммуникации общественно-культурные и концептуальные связи, а значит, тем выше должен быть уровень культурной компетенции у участников такой коммуникации.

Библиографический список

1. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
2. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
3. Казан М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
4. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык

и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

5. *Сэтир Э.* Грамматист и его язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5–22] А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. С. 248–258.

6. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1.

7. *Федоров М. А.* От лингвистической относительности к относительности культурной // Вестник ИГЛУ. 2013. № 2 (23). С. 181–185.

8. *Щенникова Н. В.* Русский идиом английского языка: специфика употребления инфинитива и инфинитивных конструкций // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 1. С. 87–97.

УДК 372.881.1:81'23

ББК 81.006:74.480.25

Валле Чилина Ирина Доменика

Университет науки и технологий МИСИС, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ОБУЧЕНИИ. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье описано влияние психолингвистических факторов на педагогический опыт автора как носителя испанского языка в России. Эти явления формируются под воздействием мультикультурного и многоязычного контекста. Автор кратко демонстрирует, как выражение идентичности, переключение кода и явления «на кончике языка», а также языковая тревога определяют её речевое производство, а следовательно, и педагогическую практику, и динамику занятий.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультилингвизм в обучении, психолингвистика, преподавание испанского языка.

Irina Domenica Valle Chilina

University of Science and Technology MISIS, Moscow

PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENA INFLUENCE IN TEACHING. A PERSONAL EXPERIENCE

Abstract. The article describes the influence of psycholinguistic factors in the author's teaching experience as a native Spanish language teacher in Russia. These phenomena are shaped by the multicultural and multilingual contexts. The author briefly showcases how the expression of identity, code switching and tip-of-the-tongue experiences, and language anxiety, defines her speech production, hence the teaching practice and classroom dynamics.

Keywords: multiculturalism, multilingualism in teaching, psycholinguistics, Spanish language teaching.

Multilingualism, the ability to use more than two languages for communication, on a regular basis, and multiculturalism, which according to the Cambridge Dictionary is "the belief that different cultures within a society should all be given importance" [1], can play a significant role and shape the teaching and learning experience in the classroom. However, it has always been seen and analysed mainly from the learner's perspective rather than from the instructor's. As a foreign teacher in Russia, I have lived through several situations that have been strongly influenced by the cultural differences involved and the use of several languages (Spanish, English, Russian). Hence the showcase of my practice, especially as a teacher of Spanish, can serve as a tool of awareness of veiled features that have an impact on the quality of the class. In addition, the analysis of the different happenings can lead to question if it should be talked about and reflected among teachers and students, or if it is just an isolated case.

This article briefly touches upon several factors connected with psycholinguistics, mainly speech production. The first one is related to the limitation in the expression of my own identity through my dialect, which is Spanish spoken in my home country Ecuador. The second one deals with code switching and tip-of-the-tongue experience (TOT), considerably influenced by English. And the third one is language anxiety, which derives from my challenging Russian language learning.

Context

To understand the implications of multilingualism and multiculturalism, it is essential to be aware of the key cultural dimensions and elements which, in turn, delineate the context of this case (see table below).

	Teacher	Spanish language student (19–22 y.o.)
Country of origin	Ecuador	Russia
Language	L1 Spanish L2 English (B2-C1) L4 Russian (A2-B1)	L1 Russian L2 English (B1-B2) L3 Spanish (A2-B1)
Cultural dimensions*	High power distance (78) Uncertainty Avoidance (67)	High power distance (93) Uncertainty Avoidance (95)

* According to The Culture Factor. Marks are out of 100 points.

The high mark in the *High Power Distance* dimension denotes the gap between a teacher and a student. The image of authority is clearly established and mainly respected. According to The Culture Factor's Country comparison tool, *Uncertainty Avoidance* in Russia refers to that "Russians prefer to have context and background information. As long as Russians interact with people considered to be strangers, they appear very formal and distant. At the same time formality is used as a sign of respect" [3].

Psycholinguistic phenomena in teaching

Expression of Identity

One of the biggest challenges in my Spanish classes has been speaking my dialect (Spanish spoken in Latin America), which is not the Spanish (Spain's dialect) that is primarily taught in Russia. Although Spanish language has a polycentric reality, meaning that there are different models of reference for its correct use [2, p. 27], I must mainly stick to Spain's version due to its predominance in textbooks and previous teachers who have worked using this variant. Also, there is the idea that the Spanish spoken in Spain is the standard and

official form of the language. Some students even intend to achieve this variant's common pronunciation, for instance, because this is mainly what they have been exposed to. Some examples that may generate confusion in the learning process include some uses of *subjuntivo* (subjunctive form), the use of *vosotros* (plural "you" used in Spain) instead of *ustedes* (plural "you" used in Latin America), and my lack of differentiation in pronunciation of the letters: "c", "s" and "z".

The lexical variety is large in Spanish language, i.e. each country or region may have its own set of words, however not big enough for the language to not be understood among speakers. When examples of these appear in the text or an audio file, I sometimes view them as unfamiliar and distant, limiting my natural use when trying to give examples. This might probably lead students to question my knowledge and preparedness. In addition, I cannot impose my dialectal vocabulary and need to go to the lexical context familiar to students. For example, in Spanish, the word "banana" has a lot of variants, like *banana*, *guineo*, *plátano* or *cambur*. I do not even use the word *banana* in common speech; for me, it is *guineo*. Or, for example, in Spain, to say "That's cool!" people use *¡Qué guay!*, which for me sounds quite distant to my language. In these situations, I always must highlight that this is how I say it and how it is said in Spain.

Code Switching and Tip-of-the-tongue Experience

Since I started teaching Spanish, I noticed an increased TOTs in my classes. In my case, this moment, "when you are trying to retrieve a word, you have a strong subjective impression that you know the word, but you are temporarily unable to consciously recall and pronounce the word" [4, p. 45], might occur due to two situations. First, daily I am mostly exposed to English and Russian. So, regardless of being my native language, consumption of formal Spanish has been very low since my arrival to Russia. Second, many Latin American young adults are influenced by American media and English, being code or language switching a common practice in speech. Besides, I have spoken English almost my whole life. I tend to have a casual language in classes and use a lot of phrases in English, which, in a way, I use because they fit better to what I want to say, and I know my students will get the idea. However, this might exclude the real phrase used by Spanish speakers that do not tend to

switch codes with English, limiting the students' opportunity to learn the variants of these phrases in Spanish.

Language Anxiety

My level of Russian is not sufficient for me to explain Spanish grammar, equivalents in Russian, or work on translation exercises. This limitation is mainly rooted in my foreign language anxiety, which is the fear of speaking a foreign language. From my standpoint, the feeling of insecurity in pronunciation or using the precise words, which can lead to making mistakes and miscomprehension in students, can make my position, as a teacher and authority in the classroom, be judged and lost.

The presented examples of how psycholinguistics factors influence my teaching experience are just the tip of the iceberg. Leaving aside the expression of my own identity to adjust to students' expectations and needs is strongly connected with cultural awareness and stereotypes. Code switching adaptations have made me slightly step away from my comfort and familiar speech in Spanish. To avoid TOTs, I started to modify my media consumption by increasing my readings and audio-visual material in Spanish. My personal anxiety with the Russian language is mainly determined by my self-esteem and confidence, which needs to be constantly built. Directly associated with multiculturalism and multilingualism, these occurrences can lead to the consideration of making students and teachers conscious of the factors involved and their influence. This might help avoid assumptions and future misunderstandings, increase cultural awareness, and enhance the teaching and learning experience.

Библиографический список

1. Cambridge Dictionary Multilingual. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/multilingual> (Accessed on: 28.03.2024).
2. *Moreno-Fernández F.* Variedades de la lengua española. L.: Routledge, 2020. 169 p.
3. The culture factor country comparison tool. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=ecuador%2Crussia> (Accessed on: 2.03.2024).
4. *Traxler M. J.* Introduction to Psycholinguistics. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. 568 p.

УДК 801.7
ББК 81.18

А. М. Витошнова

Национальный исследовательский технологический университет
«МИСИС», г. Москва

**ГЕРМЕНЕВТИКА ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТАНИ Д. ДЭВИС
RUSSIAN-ENGLISH ROMANCE)**

Аннотация. В статье анализируется роман, написанный русскоязычным автором на английском языке. Анализ осуществляется с применением методов межкультурной герменевтики и интерлингвокультурологии. Синтез двух подходов к анализу произведения диктуется многоплановостью объекта исследования. Доказывается необходимость и успешность подобной методологии в применении к транслингвальному тексту.

Ключевые слова: межкультурная герменевтика, транслингвальный текст, интерлингвокультурология, внутренний перевод, лингвокультура.

A. M. Vitoshnova

University of Science and Technology «MISIS», Moscow

**HERMENEUTICS OF TRANSLINGUAL TEXT
(BASED ON TANYA D. DAVIS'S
RUSSIAN-ENGLISH ROMANCE)**

Abstract. The article analyses the novel, written by a Russian speaking author in English. While conducting the analysis, the methods of intercultural hermeneutics and interlinguaculturology are applied. The synthesis of the two approaches is justified by a multidimensional nature of the research object. In the present work, the necessity, as well as success, of applying the combination of such methods is argued.

Keywords: intercultural hermeneutics, translingual text, interlinguaculturology, internal translation, linguistic culture.

Современные исследования в области гуманитарных наук характеризуются двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, происходит разветвление, дробление некогда однородных, фундаментальных областей знания на несколько, которые взаимосвязанно функционируют как в рамках данной области, так и за её пределами. С другой стороны, разные научные дисциплины, имевшие некогда разные предметы исследования, начинают всё чаще пересекаться; их объектные области наслаиваются друг на друга. Подобная трансформация обусловлена спецификой предметов исследования: они характеризуются многоаспектностью, всё чаще представляя собой комплексные конструкты, не поддающиеся исследованию в рамках одного направления.

Как пишет Ф. Е. Ажимов, «парадокс герменевтики в том, что она растворена во всём многообразии конкретных методов социально-гуманитарного познания» [2, с. 199]. В данной работе мы предлагаем рассмотреть транслингвальный текст с позиций межкультурной герменевтики (МКГ), с применением методов интерлингвокультурологии. Объект исследования – транслингвальный текст – характеризуется многоаспектностью и усложнённой (по сравнению с монотекстом) структурой. Именно это даёт нам основание считать правомерным интегрирование в методологию МКГ принципов интерлингвокультурологии. В случае с транслингвальной литературой смыслов зачастую оказывается больше, чем может «охватить» методология герменевтики, так как мы имеем дело с пересечением, слиянием языков и культур. Подступить к тексту, написанному автором на неродном для него языке, с позиций межкультурной герменевтики означает сфокусироваться на способах достижения взаимопонимания между автором и читателем.

Транслингвальный писатель, находясь на стыке языков и культур, вступает с читателем в диалог из своего транскультурного пространства, вовлекает его в хитросплетение смыслов, концептов, ценностей минимум двух лингвокультур в одном диалоговом пространстве. Анализ такого вида межкультурной коммуникации становится возможным, если рассмотреть герменевтику не просто как методологию интерпретации, но как особую философию бытия. В основе данного подхода лежит идея

В. Дильтея о том, что всё, что создаёт человек, направлено на взаимопонимание; М. Хайдеггер, в свою очередь, подошёл к проблеме понимания шире, рассматривая понимание не только как способ постижения духовной целостности человека, но как сам способ человеческого бытия. Это привело к тому, что в настоящее время существование и понимание являются тождественными категориями [2]. В эпоху глобализации полисемантичесность любого межкультурного взаимодействия (мы включаем сюда диалог между автором и читателем транслингвального произведения) диктует необходимость переосмысления традиционных понятий. Как отмечает С. Е. Ячин, для МКГ в таком прочтении являются ценными идеи Ч. Тейлора о «презумпции внимательного чтения», Д. Дьюи о «принципе включённого наблюдателя» [5]. Интерлингвокультурология (ИЛК) как дисциплина, изучающая особенности иноязычного описания культуры, в общем и целом, направлена на анализ достижения взаимопонимания между отправителем и получателем текста. В основе методологии ИЛК лежит концепция внутреннего перевода – такая разновидность переводческой деятельности, в ходе которой автор создаёт оригинальный текст описания иноязычной культуры [3]. Транслингвальный текст как продукт внутреннего перевода, таким образом, не имеет за собой никакого исходного текста – оригинала: он и есть оригинал. Все переводческие процессы и трансформации происходят в сознании и в рамках творческого мышления автора-транслингва. В этой связи любопытно отметить высказывание Ф. Шлейермахера о том, что переводить надо «так, как бы перевёл сам автор, зная язык перевода» или «так, как бы написал сам автор на языке перевода, если бы этот язык был бы для него родным» [4, с. 23].

На примере романа Тани Д. Дэвис *Russian-English Romance* мы проанализируем, насколько яркий контраст представляет собой соположение двух различных лингвокультур в пределах одного текста, и к каким способам прибегает автор, чтобы донести свою мысль до читателя.

Задуманный как экскурс в русскую культуру для любимого автором английского писателя Джона Фаулза, сюжет текста строится в основном вокруг романтических отношений мужчины-англичанина и молодой русской женщины. Поочередно

помещая героев романа в чуждые им культурные пространства (англичанина – в Россию, русскую – в Англию), Тania Д. Дэвис даёт читателю возможность взглянуть на привычный культурный ландшафт с нового ракурса. Стоит отметить, что здесь важно не просто знакомство с иными реалиями, поэтому автор идёт чуть дальше: предлагает свою трактовку, облегчая читателю задачу, и – приглашает его к осмыслению, открывая возможности иных интерпретаций, вовлекая в двусторонний активный диалог. Транслингвальный текст, выстроенный таким образом, представляет собой активное диалоговое пространство, где переживание опыта вместе с персонажами романа (как минимум) и вариативность адекватных интерпретаций (как максимум) требует от читателя занять позицию «внезаходимости», что отображает идею о герменевтическом «принципе включённого наблюдателя» в новом аспекте.

Интерес представляют размышления Тани Д. Дэвис о несоответствии этноязыкового выражения, разного по объёму и содержанию семантического наполнения одних и тех же понятий.

Так, размышляя о содержании слова *love*, автор пишет, что данное слово в английском языке – лишь распространённая форма обращения к хорошеньким девушкам и женщинам; сразу же после этих рассуждений главная героиня заглядывает в глаза мужчине *as if searching for a gleam of love* [6, с. 72], в привычном для русскоязычного человека понимании этого слова.

Автор прибегает к приёму транслитерации, если в английском языке отсутствует эквивалент русскому понятию, или имеет место семантическое несоответствие.

Russian babushka means more than just a grandmother. Babushka is the key element of Russian child-rearing [6, с. 82].

A good old game, so popular with students called “glyadelki”, so simple, yet so provocative... [6, с. 81]. Стоит заметить, что автор чуть позже приводит английский эквивалент, “stare-me-down game”, что может помочь англоязычному читателю провести необходимые аналогии со своей родной лингвокультурой.

Подобные размышления вслух отчасти снимают с читателя необходимость самостоятельно «копаться» в смысловых тонкостях и отправляют сразу на поиски смысла, стоящего за явным смыслом, что, по словам П. Рикёра, представляет собой

герменевтику в классическом её понимании. Транслингвальность автора, его способность к внутреннему переводу, снабжают читателя мощным инструментом для интерпретации. По мысли Н. С. Автономовой, «перевод – это не смена одеяний», это процесс, в ходе которого анализ и интерпретация тесно переплетаются на всех уровнях. Именно это делает перевод не просто участником, но условием возможности современной рефлексии [2, с. 31]. Рефлексивность, в свою очередь, является условием межкультурных коммуникаций; иными словами, вступать в межкультурное общение (в нашем случае диалог «автор-читатель») можно лишь при ясном самопонимании смыслов, носителем которых является каждый из участников общения [5].

Весь нарратив в некотором смысле опирается на принцип противопоставления «своё-чужое»; это достигается по большей части за счёт осторожной игры со стереотипами, лексического повтора и ряда других стилистических приёмов.

Так, тётя главного героя-англичанина сокрушается по поводу национальности его возлюбленной: *It's a pity she is a Russian though... Russians are too emotional, troublesome and unpredictable* [6, с. 97]. Оправдывая свою чрезмерную эмоциональность, главная героиня будто подтверждает эти слова: "I'm not too emotional. I am Russian" [6, с. 124].

Восприятие главной героиней Англии и англичан опирается на устоявшиеся, малоподвижные образы, часто выражаемые посредством эпитетов: *the sacred English distance, distance, distance...* [6, с.5 6], *that horrible English distance* [6, с. 67], *...[the house] looked very elegant and thoroughly English* [6, с. 106], *David's voice, so perfectly English, an ideal English male voice* [6, с. 74], и т. д.

Стереотипы также отпечатываются в направленности на русскую культуру: *mysterious Russian soul* [6, с. 105], *harsh Russian life* [6, с. 56], *I can drink vodka and know how to play balalaika* [6, с. 48], и т. д.

Однако, подчёркивая стереотипное восприятие чужих культурных реалий, автор едва ли может быть обвинён в предубеждениях. Предлагая читателю поразмышлять о некоторых «малоподвижных» образах «чужого», Таня Д. Дэвис, вместе с

тем, постоянно смещает перспективу взгляда: читатель имеет возможность занимать попеременно позицию представителя каждой из двух лингвокультур, тем самым активно участвуя в процессе интерпретации культурного диалога.

По мысли Ф. Дальмайра, сам факт чтения есть принятие Другого, встреча читателя с текстом предполагает «внимательное, неагрессивное вслушивание» в смыслы. МКГ раскрывает, на наш взгляд, один из ключевых принципов самоидентификации человека. По мысли С. Е. Ячина, «соотнесение себя с Иным экзистенциально необходимо каждому человеку, так как от этой способности зависит личное самосознание» [5, с. 25]. В этом отношении транслингвальный текст, а именно текст, который является продуктом внутреннего перевода, представляет собой исключительно плодотворный материал как для размышления, так и для дальнейших междисциплинарных исследований.

Библиографический список

1. Современные методологические стратегии: интерпретация, конвенция, перевод: коллективная монография / Ф. Е. Ажимов [и др.]; под общ. ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2014. 526 с.
2. Язык. Жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / Белоглазова Е. В., Бобырева Е. В., Боженкова Н. А. [и др.]; под ред. Н. А. Боженковой, М. Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2023. 293 с.
3. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2012. 252 с.
4. Мишуров Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): монография. М.: Военный университет, 2018. 299 с.
5. Ячин С. Е. Герменевтика межкультурной коммуникации: теория, методология, практика. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2017. 349 с.
6. Davis Tanya T. Russian-English Romance. Homage to John Fowles. М.: КДУ: Университетская книга, 2017. 248 с.

УДК 81'374.2
ББК 81.2/81.8стд1-4

И. А. Воронцова

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СЛОВАРЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Настоящее исследование обобщает результаты анализа практики лексикографирования прецедентных имен в современных англоязычных словарях энциклопедического, лингво-/толково-энциклопедического и собственно лингвистического профиля и содержит некоторые предложения относительно выбора и порядка организации информационных категорий для включения в словарную статью, составляющуюся для прецедентного имени. Сформулированные предложения в наибольшей степени соответствуют концепции лингвокультурологического словаря.

Ключевые слова: прецедентность и интертекстуальность, культуроспецифичная единица, прецедентное имя, лингвокультурологический словарь, лексикография.

I. A. Vorontsova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl

STRATEGY FOR DESCRIBING PRECEDENT NAMES IN DICTIONARIES (WITH SPECIAL REFERENCE TO ENGLISH)

Abstract. The article addresses the approaches taken by modern English-language dictionaries and encyclopedias to describing precedent names and contains some proposals concerning the choice and arrangement of the information categories in an entry made for such language units. The above proposals are most consistent with the concept of a dictionary of language and culture.

Keywords: precedence and intertextuality, culture-specific unit of a language, precedent name, dictionary of language and culture, lexicography.

© Воронцова И. А., 2024

Прецедентные имена (ПИ) образуют особую категорию культуроспецифичных единиц, характеризующихся узнаваемостью, эмоциональной и когнитивной ценностью, прагматической значимостью, способностью к реинтерпретации [1, с. 124], формальной и содержательной трансформации. Благодаря активной эксплуатации ПИ в новых текстах, в сознании носителей языка формируются новые представления об их (имен) содержании, условиях употребления, выполняемых ими функциях. Вышеназванные и другие аспекты семантики и прагматики прецедентных имен подлежат описанию в словаре.

Обобщение результатов анализа практики лексикографирования прецедентных имен в современных англоязычных словарях энциклопедического, лингво-/толково-энциклопедического и собственно лингвистического профиля (энциклопедиях (например, мифологии и фольклора), лингвокультурологических, толковых, переводных словарях, тезаурусах) показывает, что словари с выраженной энциклопедической составляющей сосредоточены, прежде всего, на описании научно-исторического, культуро- и литературоведческого компонента содержания прецедентного имени. Содержание словарной статьи «энциклопедически-ориентированных» словарей, как правило, включает дефиницию имени (*Achilles, the son of Peleus and Thetis, was the greatest of all Greek heroes who took part in the Trojan War...* [5]), биографическую справку (если прецедентная единица является именем реального человека, например, *Niccolò Machiavelli* [3]) / историю возникновения (вымышленного персонажа, например, *Othello* [3; 10]) / описание локации (для прецедентных имен, развившихся из топонимов, как реальных (например, *New York City / Gotham / the Big Apple / New (Big) Orange* etc. [3]), так и вымышленных (*Asgard* [7], *Mount Olympus* (мифолексема) [3; 10]) и др.). В статьях содержатся отсылки к другим прецедентным именам через отсылочные пометы или гипертекстовую разметку, например, *Athene – see also Zeus* [9], что обеспечивает нелинейный характер лексикографирования материала. Добавлены этимологическая и орфоэпическая пометы, приводятся списки источников и графические иллюстрации. Прецедентный характер единиц демонстрируется отсылками к ритуалам, традициям, праздникам, фестивалям, посвященным

носителям прецедентных имен, указаниями на литературные источники, кинофраншизы и т. п., содержащие упоминания о лице или локации, носящей прецедентное имя, эксплуатации прецедентных образов, закрепившихся за именем, в популярной культуре и др. Так, в разделе *Pop Culture* словарной статьи, посвященной *Одиссеею* (энциклопедический ресурс *Mythopedia*), приводятся отсылки к литературным произведениям: Alfred Lord Tennyson's *Ulysses* (1842), James Joyce's *Ulysses* (1918–1920), Nikos Kazantzakis' *The Odyssey: A Modern Sequel* (1938), Eyvind Johnson's *Return to Ithaca* (1946), Eric Shanower's *Age of Bronze* graphic novel series (1998–), Margaret Atwood's *The Penelopiad* (2005), David Gemmell's *Troy* trilogy (2005–2007), Glyn Iliffe's *Adventures of Odysseus* series (2008–2017), and Margaret Miller's *The Song of Achilles* (2011) and *Circe* (2018), кино- и телепостановкам: *Ulysses* (1955), *The Trojan Horse* (1961), *Troy* (2004), *Xena: Warrior Princess* (1995–2001), *The Odyssey* (1997), *Troy: Fall of a City* (2018) и др., песням: *Tales of Brave Ulysses* (1967) by the British band Cream, видеоиграм: *Total War Saga: Troy* (2020) [7]. В сетевом ресурсе *BabelNet Pandora* – это не только героиня древнегреческого мифа, но и персонаж американских комиксов, вымышленная планета в фильме Дж. Кэмерона *Avatar*, название 4-го сезона телесериала *Law and Order*, 9-го сезона телесериала *Smallville*, название романа о вампирах и т. д. [2]. В отдельных случаях приводятся фразеологические обороты и поговорки, содержащие в своем составе прецедентное имя (*To this day, the phrase "Achilles' heel" refers to a vulnerable spot* [9]). В то же время в лингвистических словарях полнее представлен прагмалингвистический компонент прецедентной единицы. Это выражается в фиксации в словарных статьях множества определений ПИ [4], примеров употребления имени с опорой на современные тексты (*The culinary odyssey of Top Chef returns for its 21st season, turning the spotlight on Wisconsin's gastronomic allure for its latest season. – Stephanie Gravalese, Forbes, 23 Feb. 2024* [6]), включении помет и справок этимологического характера, сведений о частоте употребления прецедентного имени, в том числе в диахронии (график распределения частоты в *Collins Dictionary* [4]), списка устойчивых сочетаний (преимущественно, идиоматического

характера) с искомой единицей в составе, в отдельных случаях – родственных слов [4; 6] и др. Тезаурусы фиксируют соотносимые в смысловом отношении единицы, в том числе для устойчивых выражений [8].

Обобщая стратегии лексикографирования прецедентных имен, используемые современными словарными ресурсами, выскажем предположение, что на текущем этапе развития лексикографической практики наиболее перспективным является изъяснение прецедентного имени через лингвокультурологический (толково-энциклопедический) словарь, представляющийся релевантным инструментом описания ПИ как единицы лингвокультуры. Отдельное внимание должно уделяться репрезентации «прецедентного» содержания единицы, определяющего ее коммуникативный потенциал. Продуктивным мыслится описание данной категории прецедентных единиц с применением идеографического подхода, позволяющего продемонстрировать связи с другими прецедентными единицами.

В аспекте содержательного наполнения словарная статья должна включать дефиницию и историю (этимологию) прецедентного имени, интеркультурные и интертекстуальные референсы, подчеркивающие прецедентный статус ПИ, демонстрацию его употребления в составе идиоматических выражений, словообразовательное гнездо, включающее отпрецедентные дериваты (при наличии таковых), отсылочные пометы и иллюстративные примеры. Желательным является включение в словарную статью орфоэпической характеристики, графических иллюстраций, сведений о частоте употребления прецедентного имени. Такой набор информационных категорий позволит пользователю словаря уяснить диапазон вариативности представлений о самой единице и ее референте, а также оценить значимость имени в динамическом тезаурусе носителей данного языка и культуры.

Библиографический список

1. *Воронцова И. А.* Прецедентность как маркер авторского стиля // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 123–129.
2. BabelNet. URL: <https://babelnet.org/> (дата обращения: 28.02.2024).

3. Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 25.03.2024).
4. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Greek Mythology. URL: <https://www.greekmythology.com/> (дата обращения 27.02.2024).
6. Merriam-Webster's Dictionary Online. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 26.03.2024).
7. Mythopedia. URL: <https://mythopedia.com/> (дата обращения 16.02.2024).
8. Power Thesaurus. URL: <https://www.powerthesaurus.org/> (дата обращения: 10.01.2024).
9. *Sherman J. Storytelling: an Encyclopedia of Mythology and Folklore*. 2008.
10. Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/> (дата обращения: 26.03.2024).

УДК 372.881.1:004.8
ББК 81.11:81.432.1р30

Д. В. Ворошкевич, М. С. Савинова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Отрицательное отношение к использованию генеративного искусственного интеллекта, в частности ChatGPT, в образовательном процессе в основном связано с проблемой плагиата и определением авторства письменного текста, предоставляемого студентами. В данной статье рассматриваются различные способы определения текста, сгенерированного чат-ботом, а также предлагается подход к решению данной проблемы через изменение содержания письменных заданий и формулировки задач для выполнения упражнений по созданию письменного текста.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, чат-бот, обучение иностранным языкам, обучение письменной речи.

D. V. Voroshkevich, M. S. Savinova
Moscow Pedagogical State University, Moscow

THE USE OF GENERATIVE AI IN TEACHING WRITING IN A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The use of generative AI and ChatGPT, in particular, is mostly considered challenging as it raises the issues of plagiarism and establishing the authorship of students' papers. The article analyses different ways of detecting AI generated texts and gives possible solutions to the problem through altering the way writing assignments are designed.

Keywords: AI, Chat GPT, foreign language teaching, teaching writing, writing assignments.

Расцвет информационных технологий и, в частности, генеративного искусственного интеллекта вызвал неизбежный интерес со стороны участников образовательного процесса, как преподавателей, так и студентов. В ноябре 2022 г. компанией OpenAI был выпущен чат-бот GPT-3 – чат-бот с генеративным искусственным интеллектом, способный вести диалог, отвечать на вопросы и генерировать тексты на различных языках в разных предметных областях. Возможностям интеграции чат-ботов в процесс обучения посвящено множество работ в области теории и методики преподавания иностранных языков. В фокусе внимания исследователей оказываются вопросы, связанные с различными аспектами обучения: разработка современных учебных материалов [3; 6], повышение мотивации к обучению и когнитивной активности учащихся [1], персонализация и индивидуализация траектории обучения [5], проверка и оценивание выполненных заданий [4; 7; 8], – возможности генеративного ИИ кажутся безграничными, а перспективы его использования исключительно радужными.

Выпущенная в 2023 году версия чат-бота GPT4, которая, как утверждают, сможет сама сдавать экзамены [8, с. 53], сразу же обрела огромную популярность у пользователей. Однако появление и использование чат-ботов вызвало немало споров и разногласий в академической среде. Массовая доступность и простота использования ИИ для генерации контента по запросу неизбежно приводит к проблемам, связанным, в первую

очередь, с авторством выполненных письменных работ и уникальностью авторского текста. В этой связи представляется весьма уместным и интересным термин «академическая GPT-непорядочность», предложенный Н. С. Гаркушей и Ю. С. Городовой [1, с. 8]

Как показывает практика преподавания английского языка в Институте иностранных языков МПГУ, студенты чаще всего прибегают к использованию чат-ботов при выполнении репродуктивных и продуктивных речевых письменных заданий, предполагающих создание уникального связного текста: написание эссе на заданную тему (essay), отзыва о прочитанной книге (review), комментирование текста или высказывания (commentary), краткое изложение предложенного текста (summary) и т.п. Необходимо с сожалением отметить, что использование возможностей искусственного интеллекта в процессе изучения иностранного языка в большинстве случаев связано не с желанием студента освоить прогрессивные обучающие технологии, а со стремлением получить положительную оценку, «обойдя систему» и затратив минимальное количество времени на выполнение задания. Данную проблему не обходят вниманием как отечественные, так и зарубежные ученые, признавая, что процесс взаимодействия между преподавателем и студентом в этом случае все больше становится похож на игру в «кошки-мышки» [6, с. 8], в ходе которой задачей студента становится выдать сгенерированный текст за авторский и не быть пойманным, а задачей преподавателя – выявить случаи GPT-непорядочности и снизить оценку, что, очевидно, является абсолютно бессмысленным с методической точки зрения.

Само по себе определение авторства письменной работы зачастую может представлять сложности, так как на данный момент не существует абсолютно достоверных способов идентификации текста, сгенерированного при помощи чат-бота. Различные сервисы-детекторы ИИ, анализирующие вероятность участия Chat GPT в создании письменного текста, лишь выносят предположения о степени его оригинальности. Элементарный эксперимент, проведенный авторами статьи, показал, что, хотя 8 из 10 подобных детекторов определяют текст, полностью сгенерированный чат-ботом, как «машинный» (с вероятностью от 62

до 100 %), 2 сервиса воспринимают этот текст как созданный человеком (с вероятностью 82 и 100 %).

Тем не менее, выявить случаи GPT-плагиата представляется возможным даже без использования инструментов, сконструированных на основе нейросети. Как отмечают многие исследователи [2; 4; 8] к отличительным характеристикам сгенерированного текста относятся:

- абстрактность и поверхностность, отсутствие попыток анализа и критического осмысления проблемы;
- отсутствие индивидуального стиля и выражения личной позиции автора;
- отсутствие ориентации на конкретную аудиторию;
- отсутствие ссылок на другие мнения и источники;
- полное отсутствие лексико-грамматических и орфографических ошибок и опечаток.

В случае, когда речь идет о выполнении письменного задания в рамках учебных занятий по иностранному языку, следует также обратить внимание на следующие «настораживающие» факторы:

- несоответствие или неполное соответствие структуры текста предложенной установке;
- несоответствие лексико-грамматического оформления текста пройденному материалу;
- несоответствие сложности текста уровню развития языковых навыков и речевых умений предполагаемого автора письменной работы.

Представляется, что, в связи со всем вышеизложенным, преподаватель может попытаться предотвратить несанкционированное (и, зачастую, бездумное) использование студентами чат-ботов при выполнении продуктивных письменных упражнений посредством соблюдения следующих принципов при постановке задач:

- максимально точная формулировка задания и предоставление пошагового алгоритма его выполнения;
- требование обязательной опоры на «активный» языковой материал;
- требование конкретизации абстрактных идей (примеры, ссылки, аргументация);

- по возможности, установка на максимальную персонификацию: обращение к собственному опыту, выражение собственного мнения.

Кроме того, по нашему мнению, необходимой частью современного образовательного процесса является открытый диалог преподавателя и студента о возможностях адекватного использования средств ИИ в процессе изучения иностранного языка. Если мы не можем предотвратить использование ИИ при создании работ, мы можем обучить использованию ИИ для решения определенных образовательных и исследовательских задач.

Еще одним важным аспектом является обсуждение со студентами этической стороны использования ИИ при создании работ: вопросов авторского права, академической непорядочности.

Наряду с этим университеты должны разработать правила по использованию ИИ в образовательном процессе и обеспечить преподавателям доступ не только к системам антиплагиата, но и к детекторам ИИ для проверки студенческих работ.

Библиографический список

1. *Гаркуша Н. С., Городова Ю. С.* Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2023. Т. 11, № 1. С. 6–23.

2. *Гузь Ю. А., Мелконян А. А., Куликова Э. А.* Влияние искусственного интеллекта на образование и обучение студентов письменному высказыванию (эссе) на иностранном языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 5 (102). С. 146–148.

3. *Сысоев П. В., Филатов Е. М., Сорокин Д. О.* Искусственный интеллект в обучении иностранному языку: чат-боты в развитии умений иноязычного речевого взаимодействия обучающихся // *Иностранные языки в школе*. 2023. № 3. С. 45–54.

4. *Cotton D. R. E., Cotton P. A., Shipway J. R.* Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT. 2023. P. 1–11. URL: https://www.researchgate.net/publication/367030297_Chatting_and_Cheating_Ensuring_academic_integrity_in_the_era_of_ChatGPT (дата обращения: 20.03.2024).

5. *Ifelebugu A. O., Kulume P., Ckerukut P.* Chatbots and AI in Education (AIEd) Tools: The Good, the Bad, and the Ugly // *Journal of Applied Learning & Teaching*. 2023. Vol. 6 No. 2. P. 1–4.

6. *Kohnke L., Moorhouse B., Zou Di.* ChatGPT for Language Teaching and Learning // *RELC Journal*. 2023. 54.

URL: https://www.researchgate.net/publication/369743021_ChatGPT_for_Language_Teaching_and_Learning (дата обращения: 22.03.24).

7. *M. Amin M.* AI and Chat GPT in Language Teaching: Enhancing EFL Classroom Support and Transforming Assessment Techniques // International Journal of Higher Education Pedagogies. 2023. 4 (4). P. 1–15.

8. *Mapletoft N., Price A., Smith K., Mapletoft O., Elliott M.* An Attempt to Cheat Using GPT-4: Findings, Discussion and Recommendations for Academic Staff and Students // Enhancing Teaching and Learning in Higher Education. 2024. Vol. 1. P. 52–73.

УДК 37.013

ББК 74.480

А. С. Ворсунова

Московский авиационный институт, г. Москва

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ В ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОМ МИРЕ

Аннотация. В данной работе рассматривается гуманистический подход к обучению студентов высшей школы, как способ развития их личности и гибких навыков, который не утрачивает своей актуальности.

Ключевые слова: гуманизм, гуманистическая педагогика, гибкие навыки, плюрилингвальный мир.

A. S. Vorsunova

Moscow Aviation Institute, Moscow

HUMANISTIC PEDAGOGY AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF FLEXIBLE SKILLS IN A PLURILINGUAL WORLD

Abstract. This paper examines the humanistic approach to teaching higher school students as a way to develop their personality and skills, which to this day has not lost its relevance.

Keywords: Humanism, humanistic pedagogy, flexible skills, a plurilingual world.

Общество является заказчиком образовательной системы, поскольку именно оно определяет цели и задачи образования, а также финансирует его. Общество заинтересовано в том, чтобы образовательная система готовила специалистов, которые будут востребованы на рынке труда и способны вносить вклад в развитие общества. Глобальное развитие мира предоставляет новые вызовы для преподавателей высшей школы, в том числе для преподавателей профессионально-ориентированного иностранного языка, которые должны подготовить студентов к конкурентоспособной трудовой жизни. Конкурентоспособность определяется владением не только знаниями, но и гибкими навыками. Гибкие навыки, необходимые специалисту, включающие языковую подготовку специалиста, определяются реалиями плюрилингвального мира. Фонологическая, лексическая или грамматическая безупречность речи не является более целью обучения. Важность приобретает общение, где коммуниканты являются носителями нескольких языков, а качество коммуникации определяется достижением коммуникативной цели.

Целью нашего исследования стал поиск новых принципов и подходов к обучению профессионально-ориентированному иностранному языку в техническом вузе, которые бы учитывали реалии современного плюрилингвального мира, диктующего новые компетенции. Мы сформулировали задачи согласно поставленной цели: проанализировать методы и подходы, которые могут быть использованы для развития новых гибких навыков, и систематизировать эти методы и подходы для использования в учебном процессе.

Среди рассматриваемых гибких навыков были: информационная грамотность, критическое мышление (в том числе умение предвидеть кризисы и быть к ним готовым), самоорганизация (самооценка), постоянное совершенствование профессиональных навыков, цифровая компетенция (удаленная работа). Гибкие навыки развиваются в вузах в рамках гуманитарного цикла, в том числе в рамках иноязычной подготовки. Среди методических подходов, методов развития данных компетенций можно выделить проектное обучение, проблемное обучение, индивидуализацию обучения, когнитивный подход, контекстный подход. Все эти подходы реализуют принципы гуманистической педагогики и были бы без нее невозможны.

«Гуманистическая педагогика – направление в теории и практике воспитания и обучения, основывающееся на том, что ребенок – высшая ценность и самоцель исторического развития человеческой деятельности в области образования, центр «педагогической Вселенной»; провозглашающее уникальность личности подрастающего человека» [4]. За время своего совершенствования и развития данная наука получила ряд следующих определений от ведущих советских педагогов и писателей, основоположников этого направления педагогики В. А. Сухомлинского и А. С. Макаренко: «это система взглядов на воспитание и обучение детей, основанная на признании ценности личности ребенка, его права на свободное развитие и самореализацию» [5]; «задача воспитания состоит в организации жизни ребёнка, в насыщении её богатством человеческой культуры и богатством подлинно гуманных отношений людей» [1].

Данное научное направление стремится создать среду, в которой ученики чувствуют себя в безопасности, уважаемыми и поддерживаемыми, и где они могут свободно выражать свои мысли и чувства, что и позволяет формировать навыки необходимые современному конкурентоспособному специалисту.

Гуманистическая педагогика – это направление в педагогике, которое ставит в центр образовательного процесса личность учащегося и его потребности. Гуманистическая педагогика возникла в ответ на авторитарный стиль преподавания и подавление индивидуальности ученика. «В центре внимания гуманистической педагогики – уникальная целостная личность, стремящаяся к самоактуализации, открытая для восприятия нового опыта, поиска новых знаний» [2]. Индивидуализация обучения, создание индивидуальной траектории обучения конкретного студента базируются на личностной ориентации гуманизма.

Гуманистическая педагогика фокусируется на развитии личности учащегося, его потенциала и способностей, а также на поощрении критического мышления, творчества и самовыражения. Она подчеркивает важность эмоционального и социального развития учащихся, а также необходимость уважения к их уникальности и индивидуальности.

Проводя анализ, гуманистическая педагогика имеет несколько своих уникальных принципов:

1. За счет гуманистического образования развивается личность студента, его таланты, навыки и ценностные ориентиры.

2. Свобода и ответственность студента, когда он берет на себя полную ответственность за развитие своей личности, процесс получения знаний, умений и навыков для дальнейшей интеграции в современном обществе.

3. При обучении с применением гуманистической педагогики студенту необходимо быть активным и самостоятельным, поскольку от него напрямую зависит его процесс обучения, коммуникация как с другими учениками, так и с преподавателями, его активная студенческая позиция.

4. Гуманистический подход во время учебы помогает развить такие базовые навыки общения как сотрудничество и взаимопомощь, которые необходимы студенту для дальнейшего существования и развития в современном обществе.

5. Творчество и самореализация учащегося, проявляющиеся у студентов через гуманистическую педагогику благодаря фокусу на развитии их личности, его потенциала и способностей, а также на поощрении критического мышления, творчества и самовыражения со стороны непосредственно преподавателя.

6. Доверие и уважение между преподавателем и учениками. Поскольку гуманистическая педагогика построена на принципах гуманизма («гуманизм – это система взглядов, в основе которой лежит признание ценности человеческой личности, ее права на свободное развитие и проявление своих способностей» [3]), доверие и уважение являются основополагающими качествами для обучения и прогресса педагогики.

7. Индивидуальный подход к студентам необходим для более качественного развития как уже имеющихся навыков и умений ученика, так и только что приобретенных.

На эти аспекты должны быть ориентированы всевозможные процессы воспитания и педагогики, преподавания материала, творческих способностей студентов.

Таким образом, развитие гуманизма в преподавании предполагает следование следующим принципам: приоритет личности студента, где преподаватель должен ставить в центр своей

деятельности личность студента, его потребности и интересы. Обязательным является индивидуальный подход к каждому студенту, поскольку преподаватель должен учитывать индивидуальные потребности и особенности каждого ученика. Используя принципы гуманистической педагогики, мы можем более эффективно развивать гибкие навыки будущих специалистов.

Библиографический список

1. *Кановская М. Б.* Шпаргалки. Педагогика год: М.: АСТ, Сова, 2009. 160 с.
2. *Кривошеева Г. Л.* Гуманистическая направленность жизни студентов как основа профессионального долголетия // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 2. С. 302–309.
3. *Попов Е. Б.* Основные направления современной гуманистической педагогики // Вестник Оренбургского государственного университета. 1999. № 3. С. 63–71.
4. *Романюк Л. В.* Гуманистическая педагогика // Энциклопедия гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 304–307.
5. *Саркисова С. В.* Педагогическая система В. А. Сухомлинского // Санкт-Петербург. 2016. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2018/11/20/ped-sistema-suhomlinskogo> (дата обращения: 11.03.2024).

УДК 81'34
ББК 81

И. Д. Генделев

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва

МЕЛОДИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛИМОДАЛЬНОГО СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье описываются результаты перцептивного анализа мелодических шкал с учетом гендерного фактора. Выявленные тенденции расширяют существующие представления о мелодической организации полимодального страноведческого дискурса.

Ключевые слова: мелодические модели, гендерный фактор, страноведческий дискурс, полимодальная коммуникация.

I. D. Gendelev

Moscow State Linguistic University, Moscow

MELODIC PATTERNS OF MULTIMODAL CROSS-CULTURAL DISCOURSE

Abstract. The article presents the results of the perceptive analysis of melodic scales with regard to the gender factor. The obtained data deepens the understanding of the melodic organisation of multimodal cross-cultural discourse.

Keywords: melodic patterns, gender factor, cross-cultural discourse, multimodal communication.

В настоящее время в фокусе внимания ученых оказываются особенности взаимодействия языковой и неязыковой систем. Так, на первом этапе изучения страноведческого дискурса в русле полимодального подхода нами был проведен электроакустический анализ речи носителей британского произносительного стандарта – *Received Pronunciation (RP)* – и американского произносительного стандарта – *General American (GA)* [2; 3]. Полученные в ходе эксперимента данные позволили расширить

представления о корреляции просодии и невербальных средств общения в полимодальном страноведческом дискурсе.

Как известно, изучаемые национальные варианты английского языка обладают существенными различиями не только на сегментном, но и на сверхсегментном уровне [4; 5]. В связи с этим на втором этапе исследования страноведческого дискурса мы ставим *целью* описать результаты перцептивного анализа мелодических контуров, используемых в RP и GA в данном типе дискурса.

Материалом исследования является спонтанная речь британского телеведущего Стивена Фрая (RP) и американских респондентов (GA) документального телесериала BBC *Stephen Fry in America*. В общей сложности было проанализировано 200 синтагм: 100 на материале RP и 100 на материале GA. Объектом исследования является изменение высоты голосового тона в терминальной и предтерминальной частях фразы (синтагмы). При анализе речи учитывался также и гендерный аспект: респондентами GA являлись 50 мужчин и 50 женщин.

Методика проведения эксперимента включала следующие этапы: 1) перцептивный анализ материала автором исследования; 2) аннотирование мелодики по системе, разработанной на кафедре фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета [1]; 3) аудиторский анализ с привлечением пяти информантов-фонетистов; 4) обработка и интерпретация полученных данных.

На рис. 1 представлены результаты анализа мелодических шкал, используемых в RP и GA в контексте страноведческого дискурса.

Рис. 1. Использование мелодических моделей носителями RP и GA в страноведческом дискурсе

Анализ речи респондентов RP показал следующие результаты: в 36 % случаев наблюдается использование терминального тона без шкалы. В остальных 64 % синтагм употребляются модели, среди которых наиболее частотной является нисходящая скользящая шкала (32 %), например:

I genuinely think that's bigger than my fish.

Как известно, данная мелодическая модель является отличительной чертой разговорного стиля речи носителей RP. Использование нисходящей скользящей шкалы в исследуемом материале объясняется неформальным характером взаимодействия между ведущим и его партнерами и выражает интерес говорящего к обсуждаемой теме.

Менее характерной для английской разговорной речи является нисходящая ступенчатая шкала. В данном виде дискурса она наблюдается в 15 % случаев, например:

Now to me that's almost a poem.

Еще меньшей частотностью обладает средняя ровная шкала (8 %). Она используется в неэмоциональной речи для передачи информации дополнительного характера:

In the twentieth and twenty-first century.

Другие виды шкал употребляются в эмоционально-окрашенной речи:

It's probably the biggest fish ever caught in this lake?

В данной фразе восходящая скользящая шкала (3 %) передает высокую степень удивления говорящего.

Обратимся к особенностям мелодических моделей в речи носителей GA.

В 33 % синтагм речи американских респондентов наблюдается использование терминального тона без шкалы. В остальных случаях (67 %) употребляются мелодические модели, наиболее частотной среди которых оказалась средняя скользящая (волнообразная) шкала, например:

There's a little hint of dark chocolate.

Данная модель типична для разговорной речи GA [4; 5] и часто используется в страноведческом дискурсе (35 %).

На втором месте по частотности находится средняя ровная шкала (20 %), например:

There is a body that decomposed here.

В этом смысловом контексте респондент, используя данный контур, выражает сдержанность и невозмутимость.

Нисходящая ступенчатая шкала не характерна для GA и в изучаемом типе дискурса употребляется лишь в 7 % случаев, например:

They 'will 'make a \growling ,noise at /night.

Для придания высказыванию модально-экспрессивной окраски используется смешанная шкала (2 %), например:

~That's 'something we ~really ~have to /fight against.

Используя эту мелодику, говорящий выражает озабоченность по поводу сложности проведения предвыборной кампании.

Согласно поставленной цели, анализ речи носителей GA осуществлялся также с учетом гендерного аспекта. Его результаты представлены на рис 2.

Рис 2. Гендерный аспект использования шкал носителями GA

Анализ полученных данных показал, что гендерные различия в использовании мелодических моделей в большинстве случаев составляют только 1 %, за исключением средней ровной шкалы, которая употребляется на 2 % чаще в мужской речи по сравнению с женской (11 % vs. 9 %), а также смешанной, которая присутствует только в высказываниях женщин (2 % vs. 0 %).

Подводя итог, можно утверждать, что в страноведческом дискурсе наиболее характерными мелодическими моделями для речи респондента, говорящего на RP, являются нисходящая скользкая (32 %) и нисходящая ступенчатая (15 %) шкалы. Для высказываний носителей GA характерны средняя волнообразная (35 %) и средняя ровная (20 %) шкалы. Согласно полученным данным значительных расхождений в использовании мелодических моделей в мужской и женской речи не было обнаружено.

Библиографический список

1. *Веренинова Ж. Б.* Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка: учеб. пособие для факультетов иностранных языков и факультетов повышения квалификации. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 148 с.
2. *Генделев И. Д.* Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 49–55.
3. *Генделев И. Д., Цибуля Н. Б.* Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 41–47.
4. *Цибуля Н. Б.* Курс практической фонетики английского языка. Британский и американский варианты: учебник. М.: Гнозис, 2013. 384 с.
5. *Шахбагова Д. А.* Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка = Varieties of English Pronunciation. М.: Высш. школа, 1982. 128 с.

УДК 811.111'36
ББК 81.432.1

А. А. Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И НАРЕЧИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СХОДСТВО И ОТЛИЧИЕ

Аннотация. Вопросы, связанные с выделением группировок слов в отдельные классы слов, всегда находились в исследовательском фокусе грамматистов. В частности, ученых интересовала проблема объединения/разъединения двух признаков частей речи: прилагательного и наречия. Статья представляет наши рассуждения по этому – одному из «вечных» – вопросов языкознания.

Ключевые слова: прилагательное, наречие, общие черты, отличия.

A. A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo

THE ADJECTIVE AND THE ADVERB IN ENGLISH: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract. Problems of singling out particular sets of words as separate parts of speech have always been in the research focus of grammarians. One of the points the scholars have expressed different points on was the idea of adjectives and adverbs belonging to the same class of words. The article presents our reflections on this seemingly eternal question in linguistics.

Keywords: adjectives, adverbs, similarities, differences

Время от времени в лингвистической среде возникает вопрос: являются ли имена прилагательные и наречия разными частями речи или это один и тот же класс слов. В конце концов принципиальная разница между ними заключается в том, что прилагательные служат для определения существительных, а наречия – глаголов и прилагательных [1, с. 34]. Это различие может показаться достаточным для того, чтобы говорить о выделении двух частей речи. С другой стороны, это же различие,

возможно, указывает на то, что перед нами одна и та же группировка слов, которую можно назвать *qualifiers* или *determinants* (определители). В самом деле, мы ведь просто добавляем формант *-ly*, когда речь идет об определении глагола и прилагательного. Такой подход позволяет дифференцировать различие в значении следующих двух предложений: *I left the quiet house* и *I left the house quietly*. В первом предложении речь идет о том, что в доме все было тихо и мирно, во втором – уход из дома был произведен без излишнего шума. Если придерживаться традиционной для современной грамматики позиции о том, что перед нами две разные части речи, то формант *-ly* следует трактовать как деривационное окончание/суффикс, создающий новое слово нового класса слов – наречия. Если же придерживаться идеи о том, что прилагательные и наречия есть один класс слов, то формант *-ly* следует трактовать как окончание, сигнализирующее о синтаксической позиции, занимаемой словом. Вопрос, по большому счету, остается до конца не решенным, открытым. Как говорят сами англичане в подобных случаях: *the jury is out*.

Рассуждая на эту тему, заметим, что существуют наречия, форма которых совпадает с прилагательными. Их можно отличить только по позиции в предложении, которую они занимают. В результате может сложиться ситуация с парами слов, когда одна и та же форма выступает в различных синтаксических функциях. С другой стороны, есть случаи, когда разные формы функционируют в одной и той же позиции: а) *the boat is fast; my son was late; the house is big (adjectival use)* и б) *the Kenyan ran fast; she is running late; he talks big (adverbial use)*. По сути, получается, что в ряде случаев прилагательные и наречия имеют одну и ту же форму. Причем, нередко это довольно распространенные, часто встречающиеся слова. С другой стороны, если наречия, имеющие одинаковую форму с прилагательными, функционируют как их определители (*determinants*), их разумно считать именно наречиями: *dead serious, jolly glad, plain silly, pretty expensive etc.*

В подобных сочетаниях могут встречаться наречные формы на *-ly*. Однако, между такими формами и формами без *-ly* есть некоторая смысловая разница. Сравним два выражения:

plain silly и *plainly silly*. Первое из них можно передать как «просто глупо», а второе, скорее, как «явно, очевидно глупо».

Проблемы могут быть и у имен прилагательных на *-ly*. Среди них можно выделить несколько различных типов: 1) *-ly* не несет смысловой нагрузки: *silly, jolly*; 2) *-y* несет смысловую нагрузку: *oily, pearly*; 3) *-ly* несет смысловую нагрузку и присоединяется либо к слову, обозначающему человека – *friendly, saintly*, либо к чему-то, что именем существительным не является: *likely*; 4) *-ly* несет смысловую нагрузку и присоединяется к слову, обозначающему период/промежуток времени: *daily, hourly*. Если заглянуть в словари, особенно в британские (например, в *COED – Concise Oxford English Dictionary*), то можно найти такие формы как *sillily, oilily* [2, с. 1336; 990]. С другой стороны, имена прилагательные из группы 4 никогда не получают дополнительного *-ly*, когда они функционируют как наречия: *ferries arrive at our small island daily*. В итоге получается, что есть некая группа слов на *-ly*, состоящая из прилагательных и наречий; провести между ними четкую грань совсем непросто.

Возможно, не лишено смысла утверждение, что формы без *-ly* являются более древними. Однако старания прескриптивистов, их стремление к стандартизации привело в итоге к тому, что эти формы стали восприниматься как диалектные и нестандартные. В результате, как и во многих других сегментах системы частей речи, все относительно ясно и понятно только с ядром такой части речи, как прилагательное. С периферией этого класса слов, по-видимому, следует быть более осторожным.

Библиографический список

1. Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке: (Статико-динамический аспект). Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 124 с.
2. COED – Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)5

А. М. Григорян

Костромской государственный университет, г. Кострома

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА Н. В. ГОГОЛЯ В СВЕТЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются невербальные проявления поведения героев Н. В. Гоголя на материале повести *Вечер накануне Ивана Купала*, входящей в цикл *Вечера на хуторе близ Диканьки*. Особое внимание уделено таким областям невербальной семиотики, как кинесика, окулесика и паралингвистика. Подробное изучение и анализ задействованных невербальных средств позволяют выявить наиболее употребительные элементы и интерпретировать их с нового ракурса. Приведены примеры того, как автор использует невербальные средства с целью характеристики персонажа, создания атмосферы страха и общей концепции произведения.

Ключевые слова: Гоголь, невербальная семиотика, Вечер накануне Ивана Купала, Вечера на хуторе близ Диканьки

A. M. Grigorian

Kostroma State University, Kostroma

EVENING ON THE EVE OF IVAN KUPALA BY N. V. GOGOL IN THE LIGHT OF NONVERBAL SEMIOTICS

Abstract. The article examines nonverbal manifestations of N. V. Gogol's characters based on the story *Evening on the Eve of Ivan Kupala*, which is part of the cycle of stories *Evenings on a Farm near Dikanka*. It pays particular attention to such categories of nonverbal semiotics as kinesics, oculusics and paralinguistics. A detailed study and analysis of the nonverbal means used by the author make it possible to identify the most commonly used ones and interpret them from a new perspective. The article introduces examples of how the author uses nonverbal means in order to form a literary portrait of a character, create an atmosphere of fear, and also support the concept of duality.

Keywords: Gogol, nonverbal semiotics, Evening on the eve of Ivan Kupala, Evenings on a Farm near Dikanka

Произведения Н. В. Гоголя богаты на характеристики невербального поведения героев. Однако невербальная составляющая их поведения, несмотря на свою значимость, представляет не до конца изученную проблему. Именно по этой причине в центре внимания данной статьи находится повесть *Вечер накануне Ивана Купала* (1830 г.), входящая в цикл *Вечера на хуторе близ Диканьки*.

Сфера окулесики (язык глаз и визуальное поведение людей во время общения) является одной из наиболее востребованных в гоголевских текстах, причем при более детальном рассмотрении и анализе можно отметить, что Гоголь осознанно прибегал к воспроизведению взгляда героев [4, с. 22]. Описание глаз и их движений открывает новый уровень для понимания персонажа. Не случайно в исследованиях гоголеведов выделено и нередко фигурирует понятие «человек зрения» и герой-визионер, которые, в частности, используются в специальной работе, посвященной визуальности в поэтике Гоголя [3, с. 9].

Сюжетная линия Петра Безродного, главного героя повести *Вечер накануне Ивана Купала*, заключившего договор с дьяволом, во многом дана через его визуальное поведение. Через образы, связанные со зрением, показано напряженное ожидание Петром вечера («То и дело, что *смотрел*, не становится ли тень от дерева длиннее...»), его поиски клада, найти который должен помочь папоротник («...где же цветы? Ничего *не видеть*»), контакт с нечистой силой («*Смотрит*, тянутся <...> сотни мохнатых рук также к цветку...») [1, с. 12–13]. Страх Петра и одновременно владеющее им желание завладеть цветком также фиксируется через визуальное восприятие: «*Зажмурив глаза*, дернул он за стебелек, и цветок остался в его руках». Мотив страха усиливается, когда перед Петром предстает старуха ведьма, однако далее его внимание все-таки сосредоточивается на кладе: «*Тут глаза его ясно начали различать небольшой окованный железом сундук*» [1, с. 13]. Образ представшего перед ним Ивася заставляет Петра на какое-то мгновение вознегодовать на окружающую нечисть, но при виде открывшихся ему червонцев и драгоценных камней отказаться от убийства невинного ребенка он не может: «*Глаза его загорелись... ум помутился...*». Испытанное затем потрясение вновь дается через

визуальное восприятие героя: *«Всё покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились ему в глаза»* [1, с. 15]. Посредством олицетворения и развернутой метафоры автор гиперболизирует невербальное поведение героя, благодаря чему повествование достигает кульминации. Предельная экспрессия и гиперболизм самых разных проявлений невербального поведения является характерной особенностью Гоголя.

На уровне сюжета и визуальной сферы как бы материализуется реплика Петра, произнесенная им в начале повести: *«Недобрый глаз посмотрел на нас»*. Любопытно отметить, что и мотив утраты Петром памяти после совершенного им убийства, также соотносится с утратой образов зрительного восприятия: *«Он не мог даже вспомнить лица его (Ивася. – А. Г.): так обморочила проклятая бесовщина!»* [1, с. 15]. Таким образом, есть основания утверждать, что при помощи образов зрения Гоголь воссоздает психологическое состояние героя.

Немаловажную роль в повести играет и визуальная характеристика столь свойственной Гоголю сферы inferнального. Таково визуальное поведение Басаврюка, «очи» которого в сцене, предшествующей убийству, «недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному...» [1, с. 13]. В финале повествования Гоголь вновь не обходится без характеристики его глаз: Басаврюк «предстает в облике барана, «блудящие» глаза которого «ожили и засветились» [1, с. 20]. Но наряду с характеристиками inferнального по-своему характерна для гоголевского художественного мира и гиперболически поданная автором повести реакция тетки покойного деда рассказчика, которая «изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене, и *вытучила* на него глаза...» [1, с. 12]. Ср. с реакцией казаков, увидевших вместо червонцев черепки: *«Вытуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом стояли казаки, будто вкопанные в землю»* [1, с. 20]. Свойственный Гоголю мотив *вытученных* глаз требует анализа на материале всех его произведений хотя бы по той причине, что через все творчество писателя проходят единые семантические комплексы (инварианты). В приведенных примерах такая характеристика

(заметим, что в данном случае Гоголь вновь использует свойственную ему гиперболу) связана с мотивом крайнего изумления и смешанного со страхом удивления.

В высшей степени свойствен художественному миру Гоголя представленный во втором из приведенных выше фрагментов мотив неподвижности, который чаще всего в сознании знающих Гоголя читателей ассоциируется с финалом застывших от страха персонажей *Ревизора*. Однако он, зачастую действительно являясь спутником страха или даже ужаса, по своей семантике значительно богаче и также нуждается в дальнейшем изучении. В рассматриваемом нами произведении мотив неподвижности и соотношенная с ним соответствующая поза вызваны не только страхом. В самом начале повести отсутствие движения вызвано умением деда так рассказывать истории, что «целый день *не подвинулся бы с места* и всё бы слушал», то есть со сферой словесного искусства [1, с. 8]. Неподвижность Коржа, отца Пидорки, увидевшего, как бедняк Петр целует его дочь, мотивирована досадой и гневом: «*Одеревенел Корж, разинув рот...*» [1, с. 10]. В случае с Петром, узнавшим о сватовстве ляха к его возлюбленной, окаменение вызвано тем, что он навсегда потеряет Пидорку: «Как будто *окаменев, не сдвинувшись с места*, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи» [1, с. 10]. Таким образом, в дополнительном изучении нуждается и присущая произведениям Гоголя поза неподвижности и его конкретных проявлений окаменения, одеревенения или оцепенения. Отметим, что в рассматриваемой повести есть еще одна семантическая соотношенность: «*На мне показался сидящим Басаврюк, весь синий, как мертвец. Хоть бы пошевелился одним пальцем. Очи недвижно уставлены на что-то...*» [1, с. 13]. Гоголь проводит параллель между неподвижностью беса и неподвижностью мертвеца – отсутствие движения приравнивается к смерти.

Обращает на себя внимание и еще одна картина. После убийства брата Пидорки мотив неподвижности соотносится с мотивом забвения / припоминания Петра: «*сидит на одном месте*», «*как будто прикованный, сидит посреди хаты*», «*губы шевелятся <...> и недвижно остаются*» [1, с. 19]. Есть основания предположить, что среди прочего оцепенение

у Гоголя предвещает гибель героя. Художник Пискарев (*Невский проспект*), например кончает жизнь самоубийством после подобного обездвиженного состояния: «он сидел неподвижный, без сна, без деятельного бдения» [2, с. 13].

Значим в повести и аудиальный аспект текста [4, с. 22], паралингвистические проявления, среди которых такие, как хохот, змеиное шипение, свист, рев, гремящий голос (соотнесены с нечистой силой), крик, выражающий предельные психологические состояния Петра и Пидорки.

Итак, отмечая многообразие невербальных проявлений в поведении героев повести *Вечер накануне Ивана Купала* есть все основания сказать, что Гоголь создает емкое и многомерное невербальное пространство, анализ которого наделяет текст дополнительными смыслами, требующими дальнейшего исследования на материале всех произведений писателя.

Библиографический список

1. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. 136 с.
2. Гоголь Н. В. Петербургские повести. СПб.: Наука. Литературные памятники, 1995. 295 с.
3. Кауфман С. В. Визуальность в поэтике Н. В. Гоголя: повествовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кауфман Светлана Николаевна; [Место защиты: Новосиб. гос. пед. ун-т]. НСК, 2013. 15 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

УДК 372.881.1:004.8
ББК 74.480.25

Л. В. Гудкова

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕБНОЙ ПЛАТФОРМЫ *FOBIZZ* ДЛЯ РАБОТЫ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена описанию функциональных характеристик учебной платформы *Fobizz*, используемой преподавателями для подготовки занятий в любой образовательной области. Наиболее значимыми в дидактическом плане являются инструменты платформы, функционирующие на основе искусственного интеллекта: генератор изображений, чат-боты, генератор текста из видео-, аудио-контента и изображений, генератор тестов и др. В статье описано применение генерирующих изображение нейросетей платформы *Fobizz* в процессе обучения немецкому языку в вузе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, генерация изображений, учебная платформа, платформа *Fobizz*.

L. V. Gudkova

Shuya branch of Ivanovo State University, Shuya

DIDACTIC POSSIBILITIES OF EDUCATIONAL PLATFORM *FOBIZZ* TO WORK WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Abstract. The article describes functions of educational platform *Fobizz* which is used by teachers for lesson planning in any educational sphere. The most important tools of the platform (which are based on artificial intelligence) from the didactic point of view are AI Image Generator, Chat with AI, AI Transcription, AI Image to Text, AI PDF-Chat and others. The article describes the ways in which image-generation features of the neural network *Fobizz* can be used during German lessons at a university level.

Keywords: artificial intelligence, neural network, image generation, educational platform, platform *Fobizz*.

Правительство Российской Федерации определило приоритеты развития страны на ближайшее десятилетие, среди которых указан «переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, ... создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [5]. Цифровизация экономики и общества неизбежно приводит к цифровизации образовательной системы, призванной подготавливать профессиональные кадры для успешной профессиональной деятельности в условиях нового технологичного мира [6, с. 11; 3, с. 47]. В связи с этим в современный образовательный процесс активно внедряются цифровые технологии, в т. ч. и использующие искусственный интеллект (далее – ИИ): машинное обучение, естественный язык, анализ данных и интеллектуальная система обучения [7, с. 246]. На основе данных ИИ-технологий создаются инструменты, наделенные определенным дидактическим потенциалом, разумное применение которых способно придать традиционному образовательному процессу бóльшую эффективность. К ним относятся, в первую очередь, различные генераторы изображений, чат-боты, синтезаторы речи и текста и др. [1; 2; 4].

Среди учебных онлайн-платформ всё большее внимание практикующих преподавателей всех специальностей привлекает платформа *Fobizz*, в которую интегрирована одноименная нейросеть, созданная немецкими IT-специалистами в 2023 году. Платформа предлагает множество образовательных ресурсов, в т.ч. учебные материалы, различные цифровые инструменты, вебинары и онлайн-курсы для преподавателей. Рабочими языками платформы являются немецкий и английский, однако пользователь всегда может воспользоваться интегрированным в браузер онлайн-переводчиком. Регистрация на платформе бесплатна, для успешной работы в России VPN не требуется. Существует платная и бесплатная версия, в бесплатной версии возможности платформы несколько ограничены. Все данные пользователей на платформе надежно защищены, технические характеристики платформы соответствуют Общему регламенту Европейского Союза по защите данных (GDPR). Интерфейс прост и понятен,

платформа совместима с операционными системами Windows, MacOS, а также iOS и Android [8].

Представленные на платформе *Fobizz* цифровые инструменты разделены на три группы: ИИ-инструменты, инструменты для создания учебных материалов, технические инструменты. Всего на платформе размещен 21 цифровой сервис, пользующийся у педагогов большим спросом.

К первой группе инструментов, функционирующих на основе ИИ, относятся генератор изображений/AI Image Generator; чат с ИИ/Chat with AI на основе Chat GPT 3.5; чат с известным персонажем/AI Character Chat; PDF-чат/AI PDF-Chat для автоматического создания вопросов и ответов теста, вопросов по содержанию текста и др. в формате pdf; генераторы текста из аудио-, видеофайлов и изображений/AI Transcription и AI Image to Text; ИИ-помощник для учебного контроля работ обучающихся/AI Grading Assistant; создание рабочих листов с помощью ИИ/AI Worksheet Assistant.

Цифровые инструменты, относящиеся ко второй группе, позволяют преподавателям создавать разнообразные учебные материалы. Эту группу составляют сервис по созданию рабочих листов/Worksheet, работы с мультимедийной и интерактивной досками/Teaching Board и Pinnboard, генератором опросов и их обработки/Survey, текстовым редактором с ИИ/Text Editor with AI для коллаборативного письма, ИИ помогает определиться с содержанием, проверяет орфографию, дает советы по правильному использованию грамматических правил, переводит на английский/немецкий язык, генерирует простые сайты/Website, облако слов/Word Cloud для работы с лексикой.

В третью группу разработчики включили следующие инструменты: запись видео и аудио/Video и Audio Recorder; создание скриншотов и записи экрана компьютера/Screen Recorder для объяснения последовательности работы с программами, демонстрации примеров и др.; сокращение длинных ссылок/URL Shortener; генератор QR-кодов/QR Generator; совместное пользование контентом/File Sharing.

Одним из самых востребованных инструментов онлайн-платформы *Fobizz* является генератор изображений/AI Image Generator. С помощью интегрированных в сервис нейросетей

Stabile Diffusion XL, Open AI DALL-E2, Open AI DALL-E3 можно создать изображение на основе текста, помещенного в специальное поле. Пользователю на выбор предоставляется несколько опций: стиль (стандарт, рисунок, картина, полароид, фото, 3D-графика, концептуальное искусство, оригами), размер изображения (от 256x256 до 1536x640 пкс), выбор нейросети, шкала точности, качества и деталей.

Генератор изображений платформы Fobizz был апробирован студентами Шуйского филиала ИвГУ в феврале 2024 года в рамках дисциплины «Практический курс второго иностранного языка (немецкий)». Студенты обучаются на 3 курсе образовательной программы «Иностранный язык; Иностранный язык» по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) и изучают немецкий язык как второй иностранный. На занятиях студенты изучали тему “Umzug und Einrichtung“ (УМК Н. Aufderstraße, J. Müller, Th. Storz *Lagune 2*, уровень A2), в рамках которой описывали на немецком языке улицу, которую они видят утром/днем/вечером в какой-либо день недели. Составленный текст студенты рассказывали по очереди перед своими сокурсниками, которые в парах работали с платформой Fobizz. Этим студентам было необходимо вписать на немецком языке в виде простых коротких предложений основное содержание услышанного рассказа и, выбрав желаемые опции, сгенерировать изображение. Далее студенты в группе выбирали наиболее соответствующие содержанию текста изображения и в парах описывали на немецком языке те детали изображения, которые были названы в исходном тексте.

Текст 1

Wir gehen zur Uni um halb acht. Es ist sonnig. Wir sehen, dass Studenten über die Straße gehen und Leute an der Haltestelle warten. Wir hören Vögel singen. Wir sehen, dass ein UFO fliegt! Das UFO ist grün, groß und schön. Wir glauben, dass der Taxifahrer ein Außerirdischer ist. Das UFO bringt die Leute zu ihrer Arbeit. Die Leute sind lustig und lächeln. Wir glauben, dass sie jetzt nicht zu spät zur Arbeit kommen.

Сгенерированные нейросетью OpenAI DALL-E 2 изображения к тексту 1:

Рис. 1. Стиль «Концептуальное искусство»

Рис. 2. Стиль «Фото»

Текст 2

Es ist Dienstagmorgen. Es ist kalt. Es schneit. Wir gehen zur Uni. Wir sehen, dass Autos und Busse fahren und Vögel über die Straße fliegen. Die Busse fahren langsam. Heute haben wir drei Unterrichtsstunden, darunter auch Deutsch. Wir kommen zum Unterricht pünktlich.

Сгенерированные нейросетью Stable Diffusion XL изображения к тексту 2:

Рис. 3. Стиль «Рисунок»

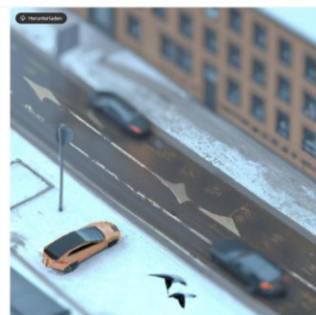

Рис. 4. Стиль «3D-графика»

Анализ работы с генератором изображений выявил следующую закономерность: чем конкретнее описана ситуация и чем меньше вписанный текст содержит орфографических ошибок, тем больше сгенерированное изображение соответствует исходному тексту. Однако некоторые сбои со стороны ИИ тоже не исключены. Работа с генерацией изображений способствовала достижению следующих дидактических целей: развитие

навыков аудирования, совершенствование навыков письменной речи, включая трансформацию/упрощение предложений, развитие коммуникативной компетенции (навыков говорения) обучающихся. В целом, можно отметить, что работа с онлайн-платформой *Fobizz* не только способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, но и повышает их мотивацию к изучению иностранного языка.

Библиографический список

1. *Авраменко А. П., Тарасов А. А.* Технология распознавания речи искусственным интеллектом для развития устно-речевых умений при подготовке к ЕГЭ // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 60–67.
2. *Гудкова Л. В.* Синтезатор речи NaturalReader как средство совершенствования техники чтения на немецком языке // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: материалы научно-практической конференции. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2023. С. 259–261.
3. *Гудкова Л. В.* Организация коллаборативной работы студентов по немецкому языку средствами платформы Moodle // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: материалы научно-практической конференции. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2022. С. 47–49.
4. *Прохоров Н. Н.* Использование нейросетей на занятиях иностранного языка на примере чата GPT // Наука и образование в современном вузе: вектор развития: материалы научно-практической конференции. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2023. С. 165–167.
5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (с изменениями на 15 марта 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 30.03.2024).
6. *Сысоев П. В.* Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.
7. *Сысоев П. В., Филатов Е. М., Сорокин Д. О.* Обратная связь в обучении иностранному языку: от информационных технологий к искусственному интеллекту // Язык и культура. 2024. № 65. С. 242–261. doi:10.17223/19996195/65/11
8. *Fobizz: Инструменты для безопасного и простого цифрового обучения с искусственным интеллектом.* URL: <https://l.fobizz.com/65bd5eb0> (дата обращения: 30.03.2024).

УДК 372.881.111.1

ББК 74.48

Н. А. Гунина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
г. Тамбов

ОБУЧЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

Аннотация. В последнее десятилетие проблема обучения академическому письму в вузе вызывает особый интерес преподавателей и исследователей вузов. Необходимость формирования навыков академического письма у студентов вуза обусловлена рядом факторов, таких как успешность обучения, приобретение компетенций, способствующих профессиональному росту, и формирование интереса к исследовательской деятельности. Академическое письмо является инструментом для развития критического мышления, а также умений четко и логично формулировать мысли и организовывать их в виде текста. Все это необходимо в академической профессиональной и научной деятельности. Во многих университетах в России организовано обучение академическому письму на различных уровнях обучения – в магистратуре, аспирантуре и на старших курсах бакалавриата или специалитета. В докладе представлен опыт Тамбовского государственного технического университета по разработке факультативного курса «Академическое письмо на английском языке». Рассмотрены подходы к обучению академическому письму, а также цели курса и его содержание.

Ключевые слова: навыки письма, критическое мышление, студенты бакалавриата, научно-исследовательская работа.

N. A. Gunina

Tambov State Technical University, Tambov

TEACHING ACADEMIC WRITING IN ENGLISH TO UNDERGRADUATE STUDENTS

Abstract. Over the past decade, the problem of teaching academic writing at university has been of special interest for university lecturers and researchers. Academic writing skills are vital for university students as they are closely tied to academic success, professional development, and research. Strong writing abilities lead to higher grades and help students achieve their academic goals. Additionally, academic writing fosters critical thinking and logical organization of ideas, essential for making well-grounded decisions in various settings. Many universities in Russia offer Academic Writing courses to students at different levels to enhance their writing skills for publication. The paper describes the experience of Tambov State Technical University in designing the optional course “Academic Writing in English”, the approaches to teaching academic writing, the course objectives and its content.

Keywords: writing skills, critical thinking, undergraduate students, research paper.

Introduction

Academic writing skills are crucial for university students as they play a significant role in their success in higher education, professional development, and academic research. To begin with, strong academic writing skills are closely linked to academic success. Obviously, students who can write clearly, concisely, and persuasively are more likely to excel in their coursework, receive higher grades on assignments and exams, and ultimately achieve their academic goals. The beneficial impact of academic writing on student progress has been evidenced by a number of studies. For example, medical students’ performance was measured by the researchers who conducted an experiment with 139 medical students from Seoul National University College of Medicine. Their findings indicated that “writing can enhance learning and higher-order thinking, which are critical for medical students” [1].

Another important consideration is that academic writing encourages students to “develop their skills and abilities of critical thinking, organizing their ideas in a logical way” [2, p. 972]. By engaging with scholarly sources, synthesizing information, and

constructing logical arguments, students learn to think critically, which is essential for evaluating information, forming well-grounded opinions, and making sound decisions in academic and professional settings.

Most universities in Russia make attempts to develop students' skills in writing for publication. They offer courses in Academic Writing to students enrolled in undergraduate, graduate and postgraduate programs. For example, Higher School of Economics has more than 30 different courses that range in scope and content, duration (from one to three modules), the cycle of learning (undergraduate, graduate and postgraduate), the mode of learning (online and offline), and the type of the course (compulsory, elective, optional) [3].

This paper will describe the experience of Tambov State Technical University in designing an elective course in Academic Writing for undergraduate students. The course was worked out by the Department of foreign languages; it is delivered in the third year of training to students of all programs of study as an optional course. It lasts for one semester and is equal to 36 academic hours.

Materials and methods

When designing the course *Academic Writing in English*, it was necessary to use a comprehensive approach that accounts for various aspects of foreign language learning.

Written communication comes in different forms, such as creative essays or stories, business correspondence and document drafting in a foreign language, abstracts, articles, annotations, and scientific texts. They vary in genre characteristics, language usage, writing and formatting requirements, and execution approaches. For instance, mastering the format, understanding the specifics of business communication in written form, and having a repertoire of speech clichés and formulaic phrases are necessary when composing a business letter to meet genre standards. When designing the *Academic Writing in English* course it was necessary to use established methods of foreign language teaching, considering best practices and modern pedagogical technologies.

Approaches to teaching academic writing

There are several approaches to teaching academic writing at the university level. One of them is integration of academic writing

into curriculum, or teaching across disciplines. As experts stated, “interdisciplinary units enhance and enrich what students learn” [4]. In most western universities, academic writing is integrated into various courses across disciplines to ensure that students receive consistent instruction and practice. Since the language of instruction is English and there are a lot of study programs taught in English, academic writing skills can be developed in a variety of disciplines through a wide range of assignments, including academic essays, reports, and articles. Writing assignments range from introductory classes to advanced seminars, allowing students to develop their writing skills progressively.

Another two approaches to teaching academic writing are utilized in universities where the language of instruction is not English. The importance of developing strong academic writing skills in English is explained by the need to conduct and disseminate research. Most graduate students have to share their findings with the academic community through research papers, articles, and reports in English. Thus, universities provide dedicated writing courses as electives. Such courses can provide students with focused instruction on writing conventions, research methods, argumentation, and critical analysis. These courses can be especially beneficial for students who need additional support in developing their writing skills. The second option is to organize Writing Centers at universities. There students can attend writing workshops, use tutoring and translation services. Also, writing centers give students individualized feedback and support on their writing assignments. They can get access to resources to help them improve their writing skills and address specific areas of weakness. Quite a lot of Russian universities have academic writing centers and offer courses in academic writing.

Results and discussion

Since the main skill that students have to master is to learn how to present their findings in the form of a research paper, special attention is paid to teaching students different aspects of writing for publication. Obviously, students have to familiarize themselves with different writing formats.

Research paper formats

In academic writing, there are various formats for articles, with the most common being research articles, review articles, and brief communications. European scientific tradition heavily emphasizes empirical research, leading to research articles being the predominant format in European publications. These articles serve as detailed reports on conducted research.

Review articles involve summarizing existing research on a specific topic, while brief communications may not present specific results but instead focus on demonstrating certain phenomena or processes. Unlike research articles, review articles and brief communications do not typically include experimental data [5].

Course objectives

To effectively achieve learning outcomes, it was essential to establish the course objectives for mastering the discipline of “Academic Writing in English”. These include:

- enhancing written communication skills in English within an academic/scientific context;
- mastering structuring and organizing text in an academic/scientific style;
- utilizing appropriate lexical terms, phrases, and terminology in line with genre requirements;
- understanding the standards for scientific articles and various academic text formats;
- cultivating critical thinking and analytical abilities.

The successful completion of assigned tasks can be supported by utilizing specialized educational materials and online resources for studying scientific terminology and expanding vocabulary. It is imperative for teachers to guide students in engaging with authentic sources thoughtfully and purposefully, gradually building their vocabulary within their chosen area of study.

However, the mere accumulation of the target vocabulary should not be the sole focus. Engaging with genuine scientific publications enables students to immerse themselves in the realm of academia and grasp the expectations for article structure and formatting. As is well-known, the creation of one's own scholarly work necessitates thorough familiarization with the research of other scholars.

Course content

Topics to include in the content of the course *Academic Writing in English*:

- Basics of academic writing in English: features of sentence, paragraph, and text structure;
- Scientific project and its specifics: types of projects;
- Scientific research: types, approaches, presentation of results;
- Structure of a scientific article: IMRaD format;
- Writing an abstract for one of the articles in your field;
- Writing a motivational letter in English to apply for a research grant;
- Presentation skills for public speaking: oral presentation of a project.

Conclusion

To summarize a short review of the course “Academic Writing in English,” strong writing skills are essential for publishing in reputable journals, presenting at conferences, and contributing to the advancement of knowledge in their field. It is noteworthy that the idea of introducing such an elective course in a non-linguistic university is an ambitious task. As the preliminary analysis has shown, for the successful implementation of the course, it is necessary to balance between the selection of content for the discipline and the students’ needs and expectations.

References

1. Kim S., Yang J. W., Lim J. et al. The Impact of Writing on Academic Performance for Medical Students // BMC Medical Education. 2021. No. 21 (61). URL: <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02485-2>
2. Chuikova E. S. Ways to Support Student’s Motivation in Academic Writing Course. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 5. P. 972–980.
3. HSE University. Courses. Available at URL: <https://www.hse.ru/edu/courses> (Accessed 28.02.2024).
4. Willis S. Teaching across Discipline. // ASCD. 1994. No.36 (10). Available at URL: <https://www.ascd.org/el/articles/teaching-across-discipline> (Accessed 28.02.2024).
5. Kolyabina N. S. Rol’ akademicheskogo pis’ma v formirovanii obshcheprofessional’nykh kompetentsiy magistra // Issues in Journalism, Education, Linguistics. 2016. № 21 (242). P. 180–187 (in Russ.)

УДК 378(560)
ББК 74:60.55-442

А. М. Гурбанова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ Г. ХОФСТЕДЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА ТУРЦИИ

Аннотация. В работе рассматриваются предложенные Г. Хофстеде культурные измерения в образовательной среде университета Турции. Анализируется деловая коммуникация официального сайта университета Билим г. Анталы на примере трех ключевых параметров Г. Хофстеде: индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, маскулинность/фемининность. Сделаны выводы о тенденциях в коммуникативном образовательном пространстве университета, которые заключаются в доминантном использовании визуализации при подаче информации, сотрудничестве старшего поколения с младшим, продвижении коллективной и групповой деятельности.

Ключевые слова: Культурные измерения, деловая коммуникация Хофстеде, сайт университета.

A. M. Gurbanova

Tyumen State University, Tyumen

CULTURAL DIMENSIONS OF G. HOFSTEDE IN THE EDUCATIONAL SPHERE OF THE UNIVERSITY OF TÜRKIYE

Abstract. The paper deals with the cultural dimensions proposed by G. Hofstede in the educational sphere of the university of Türkiye. The business communication of the official website of Antalya Bilim University is analyzed on basis of three key parameters of G. Hofstede: individualism/collectivism, power distance, masculinity/femininity. Conclusions are drawn about trends in the communicative educational sphere of the university. They consist in the dominant use of visualization when presenting information, cooperation between the older generation and the younger, and promotion of collective and group activities.

Keywords: Cultural dimensions, business communication, Hofstede, university website.

На сегодняшний день сложно представить общество с одинаковыми ценностями, интересами и моделями поведения. В мире, где все постоянно меняется и совершенствуется, все чаще прослеживаются различия в культурных ценностях народов мира. Если для одной группы людей характерно соблюдение определенных социальных норм, то для другой эти нормы не являются существенной частью культуры.

Различия в принятии правил и наличие определенных ценностей можно наблюдать не только в социальной, но и в духовной, политической и экономической сферах жизни. Культурные различия оказывают влияние на коммуникацию, образование, бизнес, искусство и другие области.

Для проведения анализа деловых культур принято использовать методику Г. Хофстеде. Он является автором концепции, определяющей культурные различия и особенности деловой этики в странах мира [1, URL].

В 1965 году Г. Хофстеде создал исследовательский отдел, который занимался анализом культурных ценностей деловых сообществ из 53 стран, представителями которых были сами сотрудники. Ученый предложил сотрудникам опрос, включающий так называемые культурные измерения [2, с. 124].

Методика, предложенная Хофстеде, отражает социальные процессы, происходящие в обществе, которые формируют нормы поведения, этику и ценностные ориентации в деловом мире. Деловые культуры отличаются друг от друга по шести критериям:

- Индивидуализм/коллективизм (individualism/collectivism);
- Дистанция власти (power distance);
- Маскулинность/фемининность (masculinity/femininity);
- Избегание неопределенности (uncertainty avoidance);
- Долгосрочная/краткосрочная ориентация (long term orientation/short term normative orientation);
- Потакание/сдержанность (indulgence/restraint) [2, с. 124].

Изначально список культурных измерений состоял из четырех параметров: индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности и маскулинность/фемининность [1, URL].

Перейдем к рассмотрению культурных измерений в тюркоязычных странах. Это пространство, в котором объединены

народы, говорящие на тюркских языках. К ним относятся представители Турции, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана. Каждая из этих стран имеет богатую историю и самобытную культуру. Характерными особенностями деловой тюркоязычной культуры являются уважение к старшим, гостеприимство, невербальная коммуникация, коллективная работа и сотрудничество [5, URL].

Рассмотрим деловую культуру Турции на материале официального сайта университета Билим г. Анталыи (тур. *Antalya Bilim University*) [4, URL]. Проанализируем три ключевых параметра Хофстеде для описания коммуникативного образовательного пространства: дистанцию власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность. Будем ориентироваться на интерпретацию культурных измерений в работе американского исследователя Аарона Маркуса *Crosscurrents: Cultural Dimensions and Global Web User-interface Design* [3, с. 35–43].

Ключевой особенностью главной страницы сайта является мультимодальность. Все составляющие главной страницы сайта имеют визуальное сопровождение. Мы видим панорамное изображение университета, иконки у каждого раздела из быстрого доступа, множество фотографий из студенческой жизни.

Информация на главной странице сайта представлена на турецком и английском языках. Параметр дистанции власти (66) указывает на то, что в деловой культуре университета преобладают иерархические отношения между руководителем/подчиненным и преподавателем/студентом. Об этом свидетельствует наличие информации о руководстве и большого количества официальных документов в разделе быстрого доступа *Üniversite Bilgi Sistemi* (Информационная система университета) на главной странице сайта. Сайт хорошо структурирован, имеются четкие разделы, заглавия страниц, удобное интерактивное меню [4, URL].

В первую очередь посетители сайта обращают внимание на панорамную картинку – изображение главного корпуса университета на фоне природы. Данное изображение сменяется на другое, где корпус университета представлен с более близкого ракурса. Ниже на главной странице мы видим разделы для

быстрого доступа (тур. Hızlı Erişim): в турецкой версии сайта таких разделов 30, в английской – 23. Основные из них – Fakülteler (Факультеты), Üniversite Bilgi Sistemi (Информационная система университета), Puan Tablosu (Табло), Aday Öğrenci (Абитуриент). Данные разделы посвящены направлениям поступления, количестве бюджетных и платных мест, информации о руководстве и др. Далее на главной странице сайта представлена новостная лента (тур. Haberler), где размещаются последние события и новости, связанные с университетом. После новостной ленты видим раздел Kampüste Yaşam (Жизнь в кампусе), который включает основные сферы в университете: Spor (Спорт), Sağlık (Здоровье), Beslenme (Питание), Kültür ve Sanat (Культура и искусство), Topluluklar (Сообщества), Yurt (Общежитие) и фотографии студентов.

На главной странице сайта указаны имена и вклады опытных профессоров и докторов, которые работали над различными проектами в университете, например: *Algılanan Ebeveyn Psikolojik Kontrolü ve Yeme Tutumları Arasındaki İlişkide Utanç ve Öz şefkatin Rolü* («Роль стыда и самосострадания во взаимосвязи между воспринимаемым родительским психологическим контролем и отношением к еде»). Руководство университета уважительно относится к труду более взрослого и опытного поколения. Этот фактор является одним из принципов коллективистской культуры.

На выраженный характер параметра власти указывает и фокусировка на безопасности информации. Руководство размещает лишь необходимую для пользователей информацию, избегая вводящих в заблуждение ссылок и документов.

Значительный характер параметра коллективизма (63) демонстрируется визуальным контентом. На фотографиях представлены группы, а не индивиды. Студенты отдают предпочтение коллективной работе и сотрудничеству с членами коллектива.

Параметр индивидуализма для анализируемой страны составляет 37. В разделе Topluluklar (Сообщества) размещен список более чем 30 объединений и клубов, в которых участвуют и сотрудничают обучающиеся. В разделе Beslenme (Питание) ярко выражен принцип коллективной ответственности: приведены

рекомендации по здоровому образу жизни, описана совместная работа студентов по продвижению полезных привычек и спорта.

В деловой коммуникации Турции почти одинаково выражены параметры маскулинности (45) и фемининности (55). На маскулинность указывает традиционное распределение гендерных ролей, что видно и на сайте. На фотографиях в разделах сайта преобладает число мужчин: студентов, профессоров и деканов; на технических направлениях большее количество преподавателей – мужчины.

Вместе с тем, на фемининность указывает удобное визуальное сопровождение и интерактивность: об этом свидетельствуют изображения самого кампуса, фотографии студенческих объединений в новостной ленте, иконки у названий разделов сайта. На страницах сайта соблюдена цветовая гармония: преимущественно используются белый, голубой и синий цвета. Следовательно, визуальная эстетика является неотъемлемой частью деловой этики турецкого университета. По А. Маркусу, данный факт указывает на то, что культуре свойственна больше фемининность [3, с. 39]. Желание сотрудничать и оказывать поддержку членам коллектива (раздел Topluluklar (Сообщества)) также детерминируется принципом фемининной культуры [3, с. 39].

Проанализировав культурные измерения Г. Хофстеде на материале официального сайта турецкого университета Билим, можно заключить, что коммуникативное образовательное пространство университета Билим строится на визуализации информации с применением интерактивных методов, активном взаимодействии опытного старшего поколения с начинающим путь молодым поколением, продвижении внеучебной коллективной деятельности для развития навыков коммуникации и сотрудничества.

Библиографический список

1. Hofstede's Cultural Dimensions Theory. 2023. URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/management/hofstedes-cultural-dimensions-theory/> (дата обращения: 12.03.2024).

2. *Jumayev U.* Шесть подходов к пониманию национальных культур: культурные аспекты хофстеде // Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов. 2020. Вып. 21. 478 с.

3. *Marcus A., Gould E. W.* Crosscurrents: Cultural Dimensions and Global Web User-interface Design // *Interactions*. 2000. № 4. P. 32–46.

4. Antalya Bilim Üniversitesi. URL: <https://www.antalya.edu.tr/tr> (дата обращения: 16.03.2024).

5. The Culture Factor. 2024. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=turkey> (дата обращения: 19.03.2024).

УДК 372.811.111.1:54

ББК 81.432.1

С. О. Даминова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ПО ХИМИИ И ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования иноязычной лексической компетенции как составляющей межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов-нефилологов. Средством формирования лексической компетенции у студентов-нефилологов является англо-русский словарь по химии и химической технологии, разработанный на материале научно-популярных статей из журналов *Chemistry World*, *Chemical Engineering*, *Nature*, and *Science Daily*. Особое внимание уделяется методическим рекомендациям по обучению иноязычной профессиональной лексике студентов-нефилологов.

Ключевые слова: англо-русский словарь по химии, лексическая компетенция, межкультурная профессиональная коммуникативная компетенция, студенты-нефилологи.

S. O. Daminova

Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, Moscow

ENGLISH-RUSSIAN DICTIONARY OF CHEMISTRY AND CHEMICAL TECHNOLOGY AS A MEANS OF FORMING FOREIGN LANGUAGE LEXICAL COMPETENCE TO STUDENTS-NON-LINGUISTS

Abstract. The article deals with formation of foreign-language lexical competence as a component of intercultural professional communicative competence to the students-non-linguists. The English-Russian dictionary of chemistry and chemical technology based on popular science articles from *Chemistry World*, *Chemical Engineering*, *Nature*, and *Science Daily* journals, is used to form lexical competence to the students-non-linguists. Special attention is paid to methodological recommendations for teaching professional vocabulary to the students-non-linguists.

Keywords: English-Russian dictionary on chemistry, lexical competence, intercultural professional communicative competence, the students-non-linguists

Интенсивное развитие химии и химической терминологии оказывают существенное влияние на использование профессиональной лексики многими отечественными и зарубежными специалистами. Появлению новых терминов, как в английском, так и русском языках способствует быстрый обмен информации в процессе научного общения исследователей, чей труд связан с химией и химической технологией. Специалистам, работающим в области химии, необходимо не только получать информацию из зарубежных источников, иметь представление о последних достижениях в этой области науки, но и разрабатывать, претворять в жизнь собственные передовые научные решения. Английский язык, являясь средством международного общения ученых, используется на конференциях, симпозиумах, в процессе обсуждения и обмена профессиональной информацией с иноязычными коллегами.

Учащиеся вузов и факультетов естественнонаучного профиля, в частности, студенты факультета наук о материалах,

начиная с первого курса, принимают участие в научно-исследовательской работе, выступают с научными докладами на конференциях и семинарах. В процессе чтения и перевода англоязычной научной литературы студентам-нефилологам необходимо точно понимать значение современных англоязычных терминов по химии и химической технологии. Этим объясняется актуальность составления англо-русского словаря по химии и химической технологии.

Проведенный анализ лексикографических исследований показал, что существует немного работ, посвященных составлению и методики использования словарей [1; 2].

Разработанный англо-русский словарь по химии и химической технологии включает в себя около 15 тыс. терминов по специальности, общенаучную лексику, частотную в химических текстах, а также общеупотребительные слова и выражения, которые приобретают в химических текстах специфическое значение.

Корпус англо-русского словаря по химии и химической технологии содержит слова, относящиеся к различным областям химии: неорганической, органической, общей, физической, коллоидной, аналитической, биологической и химической технологии. Такие лексические единицы составили основу словарного состава специального языка химиков.

В качестве материала для разработки словаря были использованы современные статьи из журналов *Chemistry World*, *Chemical Engineering*, *Nature* и *Science Daily*.

В процессе подготовки словаря был проведен поиск новых англоязычных терминов по химии и химической терминологии, их анализ и перевод на русский язык, также были уточнены значения терминов, зафиксированных терминологическими словарями.

Как показывает многолетний опыт преподавания английского языка для специальных целей, наибольшую трудность в процессе чтения и перевода научных статей по химии представляют именно общеупотребительные и общенаучные слова, которые трактуются иначе в химических научных и научно-популярных текстах.

Например, общеупотребительный глагол *to burst* (разрываться, взрываться) в химическом контексте приобретает иное

значение – «внезапно выделиться (о веществе)»; прилагательное *ironic* в текстах по химии означает «содержащий железо (III)», в то время как его общепринятое значение – «иронический»; литературное слово *broth* (бульон) в химических текстах означает «питательная среда»; общепотребительное слово *pocket* означает карман, а в текстах по химии оно приобретает значение «полость»; общепотребительное существительное *species*_{sing} (pl. *species*) означает «вид», в химических текстах данное слово может означать «вещество(-а)», а в терминологическом словосочетании *absorbing species* это слово приобретает значение «полоса», таким образом, *absorbing species* – спектральная полоса (спектральные полосы); существительное *jacket* (куртка, жакет) в текстах по химической технологии получает значение «чехол», «кожух»; общепотребительное слово *bell* означает «металлический колокол», а существительное *jar* означает «стеклянный цилиндрический сосуд», при формировании терминологического словосочетания *bell jar* произошла модификация знания, и данное словосочетание приобрело значение «стеклянный колпак». Многие из таких слов, которые принимают в языке химиков особые значения, еще не зафиксированные словарями, были выделены и переведены на русский язык.

В текстах по химии и химической технологии номинативные фразы довольно частотны и представляют собой определенную трудность при переводе, поэтому корпус словаря также включает в себя такие терминологические словосочетания и их перевод, например, *bond-to-bond shift* миграция связей; *bottle-neck* препятствие; *bomb-test carbon-14* радиоуглерод, образовавшийся в результате ядерных взрывов; *bulky capping groups* объемные концевые группы.

В словарь были включены глагольные фразы, характерные для разговорной речи, например, *to break the column of mercury in the S-bend* «разбить» столбик ртути в S-петле; *to build a single-stranded copy* создать одностороннюю копию.

Особое внимание уделяется переводу терминов-тропов (метафор, метонимий, аллегорий и др.), например, *brief life* – короткий период жизни, *bulbous suction flask* – колба в форме луковицы для забора жидкости; *brick-and-mortar molecular structure* – обычная молекулярная структура, поскольку они довольно

частотны в научно-популярном стиле речи и именно они создают наибольшие трудности для понимания текста, так же, как и идиоматические выражения.

Словарь также включает в себя синонимы, принадлежащие различным стратам языка, например, химический термин *to adsorb* поглощать и его эквивалент в разговорной речи *to mop up v* (coll.) поглощать, быстро впитывать, адсорбировать (ср. фразовый глагол *to mop up* имеет значение «вытирать», «промокать»).

Корпус англо-русского словаря по химии и химической технологии представляет собой средство формирования иноязычной лексической компетенции у студентов-нефилологов. На основе вышеуказанных трудностей была разработана методическая система использования составленного словаря для формирования иноязычной лексической компетенции:

а) упражнения, направленные на поиск термина: найдите заданный термин; найдите синоним / антоним к предложенному термину; найдите интернационализмы / многозначные термины / термины-тропы / фразовые глаголы / глагольные фразы / номинативные словосочетания и др.

б) упражнения, направленные на определение структуры слов и категоризацию его значения: определите словообразовательные элементы термина; определите часть речи по словообразовательным элементам; определите основное и второстепенные значения слов; сравните значения многозначных слов; сравните значения синонимов; сгруппируйте слова по темам; определите этимологию слова;

в) упражнения, направленные на освоение сочетаемости лексических единиц: составьте семантическое гнездо термина; выявите лексическую сочетаемость предложенных слов на основе содержания словаря;

г) словарный диктант: запишите изученные слова под диктовку; выпишите слова на предложенную тему из словаря; перепишите изученные слова с доски.

Предложенные методические рекомендации, направленные на формирование иноязычной лексической компетенции на основе англо-русского словаря по химии и химической технологии, могут быть использованы на занятиях по английскому языку во всех типах учебных заведений.

Библиографический список

1. *Вахмистров В. В.* Словарь-минимум студента и принципы его составления: автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. пед. наук / Воен. ордена Ленина и ордена Суворова артил. акад. им. Дзержинского. М., 1951. 14 с.
2. *Орлова Е. П.* Принципы составления и методика использования учебного словаря иностранных слов: дис. ... канд. пед. наук: АПН СССР. НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк. 1990. 233 с.

УДК 371.68:808.5

ББК 74.480.25

А. С. Дзёба

ФГБОУ ВО Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДКАСТОВ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности использования подкастов для совершенствования навыков речевой деятельности у студентов технических специальностей, учебный процесс которых профессионально ориентирован. Соответственно и материалы, применяемые в рамках обучения, должны быть посвящены осваиваемой профессии. Подкасты представляют собой возможность внедрения и закрепления профессионально-ориентированных инструментов для развития навыков речевой деятельности.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, иностранный язык, подкаст, подкастинг, средство обучения.

A. S. Dzeba

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow

THE USAGE OF PODCASTS FOR IMPROVING PROFESSIONALLY ORIENTED LANGUAGE SKILLS AMONG STUDENTS OF TECHNICAL MAJORS

Abstract. This article examines the possibilities of using podcasts for improving language skills among students of technical specialties whose educational process is professionally oriented. Accordingly, the materials that are used in the context of getting higher education should be devoted to acquisition of a profession. Podcasts are presented as an opportunity to use professionally-oriented tools to develop language skills.

Keywords: professionally-oriented learning, foreign language, podcast, podcasting, learning tool.

В настоящее время сочетание традиционных образовательных приёмов с информационными ресурсами повышает эффективность учебного процесса. Прогрессивное внедрение цифровых технологий в сферу образования позволяет использовать такие формы представления информации, как инфографика, обучающие карты, онлайн-тестирования и подкасты. Термин «podcasting» (англ. подкастинг) возник в результате объединения двух слов: «iPod» (торговая марка серии портативных медиа проигрывателей компании Apple) и «broadcasting» (англ. теле-, радиовещание). Согласно А. Г. Соломатиной «учебный подкаст – аудио- или видеозапись, созданная учащимся на иностранном языке в соответствии с языковым и тематическим содержанием учебной программы и размещённую на сервере подкастов для дальнейшего использования в учебном процессе» [5, с. 12].

Стоит отметить, что в 2005 году преподаватели высших учебных заведений стали интересоваться технологией подкастинга и проводить пробные испытания по её внедрению в образовательный процесс. Результаты этого исследования показали, что профессионально-ориентированные подкасты обеспечивают глубокое погружение в изучаемый материал, способствуют самостоятельному обучению, не ограничивая его мобильность и дают возможность проработать тему в те часы, которые совпадают с пиком интеллектуальной активности студентов [6, с. 1–2].

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью поиска, создания и интеграции результативных методических ресурсов, связанных с технологией подкастинга как инструмента обучения английскому языку, для развития навыков речевой деятельности у студентов лингвистических специальностей.

Цель исследования – найти способы внедрения технологии создания и применения подкастов в среде студентов технических вузов.

Мы поставили перед собой следующие задачи:

1) изучить имеющиеся теоретические материалы по проблеме внедрения технологий подкастинга в образовательный процесс,

2) разработать упражнения на основе выбранных подкастов,

3) составить планы уроков, содержащих технологию подкастинга,

4) провести проверку эффективности подкастов в процессе обучения студентов лингвистических специальностей.

Существует необходимость пересмотра традиционных концепций обучения и внедрения новых подходов к учебному процессу. Б. С. Гершунский настаивал на исследовании путей повышения эффективности образовательного процесса на основе его переориентации: «от преимущественно исполнительской, репродуктивной деятельности учащихся – к преобладанию творческого, поискового начала на всех этапах учебного процесса», что подтверждает нашу мысль [2].

Преимуществами подкастов как инструментов образовательного процесса можно считать неоднократное прослушивание для лучшего понимания изучаемой темы, развитие навыков критического и аналитического мышления, возможность получить проработанную, сжатую или дополнительную информацию по интересующему вопросу и доступность материалов такого вида в открытых источниках [4, с. 98–99].

Существует следующая тенденция в организации учебного процесса: студенты изъявляют желание пользоваться только материалами, имеющими прикладной характер [3]. На примере нашего вуза, где идет специальная иноязычная подготовка

студентов лингвистических специальностей, которые будут работать в авиационной сфере, мы нашли профессионально-ориентированные подкасты по авиационной тематике:

- 1) Aviation Careers Podcast
URL: <https://www.aviationcareerspodcast.com>
- 2) Airplane Geeks Podcast
URL: <http://www.airplanegeeks.com/category/episodes/>
- 3) The Green Dot
URL: <https://inspire.eaa.org/eaas-green-dot-podcast/>
- 4) The finer points
URL: <https://www.learnthefinerpoints.com/podcast>
- 5) AvTalk Aviation Podcast
URL: <https://www.flightradar24.com/blog/avtalk-podcast/>
- 6) TedTalks (the topic of aviation)
URL: <https://www.ted.com/search?cat=videos&q=aviation>
- 7) Taking Off
URL: <https://www.youtube.com/@TakingOff/videos>
- 8) MzeroA Flight Training
URL: <https://www.youtube.com/@MzeroAFlightTraining/videos>

Эти источники могут применяться как материалы для объяснения тем не только во время учебного процесса, но и за его пределами в качестве дополнительных источников получения информации. При работе с такой системой стоит рассмотреть 3 этапа: упражнения до прослушивания, во время и после окончания аудио- или видеозаписи [1]. Задания первого этапа предполагают первичное знакомство с темой, обсуждение лексических и грамматических аспектов, которые могут вызвать трудности у студентов, и вытекающие из этой дискуссии упражнения на развитие лингвистического вероятностного прогнозирования, помогающие расширить словарный запас студентов.

Второй этап включает в себя прослушивание подкаста и выполнение заданий, направленных на контроль восприятия информации. На заключительном этапе предложены упражнения для работы с деталями и использования полученных знаний на практике. Именно при работе с подкастами обучающиеся могут проработать аспект, связанный с пониманием логики изложения информации и причинно-следственной связи между высказываниями. Также стоит обратить внимание на то, что

подкасты могут стать конечным продуктом деятельности студентов. Одним из предложенных заданий для отработки пройденных тем может стать подготовка, запись аудиофайла и его публикация в Интернете. Это позволит студентам развить критические и аналитические способности, так как обучающимся придется задуматься о поиске достоверных источников и об оценке полученной информации. Далее необходимо суммировать данные и составить план будущего рассказа. На этих этапах студенты развивают такие навыки речевой деятельности, как чтение, аудирование и письмо. Заключительное звено этой деятельности состоит в записи подкаста. Такая деятельность позволяет обучающимся развивать навыки говорения – преимущественно составление монологических высказываний. Более того, студенты учатся лаконично выражаться на иностранном языке, рассуждая над проблемой и аргументируя свою точку зрения. Записанные и опубликованные подкасты становятся полезными не только студентам, которые участвуют в этом процессе, но и преподавателям, которые могут получить аутентичные материалы для проведения следующих занятий.

Таким образом, подкасты можно рассматривать как цель обучения и как средство обучения. Имея неоспоримые преимущества и предоставляя интерактивный формат обучения, данная система является востребованной в постоянно меняющемся мире. Учебные подкасты способствуют развитию навыков речевой деятельности в интересной форме и изучению профессионально-ориентированных тем на иностранном языке.

Библиографический список

1. *Воропаева В. А.* Дидактический потенциал подкастинга в условиях обучения иностранному языку на ступени магистратуры неязыкового вуза // Наука и образование. 2022. № 3. ISSN 2658–5642.
2. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XXI века: учебное пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М.: Московский психолого-социальный институт, 1998. 432 с.
3. *Журбенко Н. Л., Шинкарева А. И.* Организация учебного процесса изучения иностранных языков в неязыковом техническом вузе // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. ISSN 2658–6282.

4. *Петрова Е. Ю.* Использование подкастов в образовательном процессе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2. С. 96–101.

5. *Соломатина А. Г.* Методика развития умений говорения и аудирования учащихся посредством учебных подкастов (английский язык, базовый уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 24 с.

6. *Salmon G., Edirisingha P.* Podcasting for Learning in Universities. McGrawHill: Open University Press, 2008. 248 p.

УДК 811.111'37:327

ББК 81.003

Д. М. Дульмухаметов

АНОВО «Московский международный университет», г. Москва

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы вербализации концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» через призму языковых особенностей в англоязычных новостных медиатекстах, в частности, в новостных колонках CNN, BBC и ООН. Применяются методы текстуального анализа и когнитивной лингвистики для исследования лексических и семантических характеристик. Рассмотрены функциональные характеристики дипломатического дискурса и определена его значимость в формировании общественного мнения в системе международных отношений. Работа может быть полезной для лингвистов, филологов, дипломатов, политологов, специалистов в области междисциплинарных исследований и преподавателей английского языка.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, новостные медиатексты, дипломатические отношения.

D. M. Dulmukhametov

Moscow International University, Moscow

VERBALIZATION OF DIPLOMATIC RELATIONS CONCEPT IN ENGLISH LANGUAGE NEWS MEDIA TEXTS

Abstract. This article examines the ways of verbalizing the DIPLOMATIC RELATIONS concept through the prism of linguistic features in English news media texts, in particular in the news columns of CNN, BBC and the UN. Methods of textual analysis and cognitive linguistics are applied to study lexical and semantic characteristics. The functional characteristics of diplomatic discourse are considered and its significance in the formation of public opinion in the system of international relations is determined. The research paper may be useful for linguists, philologists, diplomats, political scientists, experts in the field of interdisciplinary studies, and teachers of English.

Keywords: diplomatic discourse, news media texts, diplomatic relations.

Дипломатические отношения играют значимую роль в международной системе межгосударственных отношений. Изучение и политкорректная интерпретация языка новостной ленты на английском языке актуальны не только для лингвистов и филологов, но и для специалистов других различных областей. Это оказывает непосредственное влияние на формирование общественного мнения в процессе взаимодействия политических деятелей, дипломатического сообщества и журналистов. Учитывая популярность англоязычных новостных ресурсов, нельзя игнорировать их воздействие на политические процессы по всему миру.

Целью данного исследования является изучение концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» в англоязычных новостных медиатекстах при помощи средств и способов его вербализации. Методы текстуального анализа и когнитивной лингвистики позволяют выявить особенности вербализации концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» в материалах СМИ.

«Когнитивная наука является междисциплинарной наукой, которая связана с оперативным мышлением, процессами познания мира и объединяет разные науки для интерпретации определенных аспектов человеческого сознания, дает представление

о системах представления знаний и обработки информации» [2, с. 27]. Понимание исследуемого концепта и правильная интерпретация новостных медиатекстов раскрывают специфику не только вербализации, но и значимость их влияния на формирование общественного мнения в нашем глобальном мире.

Дипломатические отношения – это ключевой фактор выстраивания курса внешнеполитической деятельности ради сохранения стабильности и процветания международного сообщества. Рассматриваемый концепт является содержательной стороной семиотики дипломатического дискурса на когнитивном и текстуальном уровне, интерпретирующий информационный посыл дипломатов посредством новостных колонок в СМИ. Концепт является конструктивным языковым инструментом для эффективной коммуникации с гражданским обществом с целью декодирования информации из текстуального формата. Все это направлено на решение различных вопросов, начиная с миротворчества и заканчивая торговыми связями.

В новостных текстах с описанием международных конфликтов и напряженных отношений между государствами концепт «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» отождествляется с попытками решения проблемы только через мирные переговоры и путем дипломатических усилий. Контекстуальное значение может сопровождаться концептуальными словами и выражениями: *diplomatic efforts* (дипломатические усилия), *international negotiations* (международные переговоры) или *diplomatic mission* (дипломатическая миссия).

Например, заголовок *How will Litvinenko affect diplomatic relations for UK and Russia?* (Как Литвиненко повлияет на дипломатические отношения между Великобританией и Россией?) наглядно демонстрирует необходимость разрешения напряженных двусторонних отношений между двумя странами [3].

В новостной ленте о международной торговле и экономических связях концепт «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» может указывать на важную роль сотрудничества между странами. В данном случае он манифестируется терминологией, связанной с экономикой и торговлей: *trade agreements* (торговые соглашения), *diplomatic negotiations to develop trade relations* (дипломатические переговоры по развитию торговых отношений)

и *diplomatic relations to strengthen economic cooperation* (дипломатические отношения для укрепления экономического сотрудничества), *bilateral trade talks between the countries* (двусторонние торговые переговоры между странами). Примером может служить заголовок *UK pulls out of post-Brexit trade talks with Canada* (Великобритания выходит из торговых переговоров с Канадой после Брексита), где наглядно отражается и далее затрагивается тема непростых двусторонних отношений между Великобританией и Канадой, после выхода англичан из Евросоюза по результатам референдума [4].

Очень актуальной темой сегодняшнего дня является тема климатических изменений в глобальном масштабе. Новостные колонки СМИ пестрят тематической лексикой, ведь «развитие языка, без всякого сомнения, осуществляется параллельно с объективной реальностью» [1, с. 15]: *green economy* (зеленая экономика), *environmentally friendly* (экологичный), *global warming* (глобальное потепление) и т.д. В новостных материалах делается акцент на важность сотрудничества на дипломатическом уровне и значимость международных договоров для решения этой проблематики. В таких случаях используется специфическая терминология, направленная на совместные усилия стран: *diplomatic efforts to combat climate changes* (дипломатические усилия в борьбе с изменением климата). Анализ материала британской вещательной корпорации и Объединенных Наций позволяет выделить ряд заголовков с соответствующим контентом о дипломатических усилиях в этой сфере на Конференции ООН по изменению климата в Дубае COP28: *What was agreed on climate change at COP28 in Dubai?* (Что было согласовано по проблеме изменения климата на COP28 в Дубае?) [5], COP28: *What Was Achieved and What Happens Next?* (COP28: Что было достигнуто и чего ожидать в будущем?) [6], *COP28 Agreement Signals “Beginning of the End” of the Fossil Fuel* (Соглашение COP28 сигнализирует о «начале конца» существования ископаемого топлива) [7].

Однако в контексте новостного медиадискурса можно наблюдать вербализацию концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» лексическими единицами, отражающими напряженные межгосударственные отношения. Так, используются такие

термины как *diplomatic row* (дипломатический скандал) или *diplomatic conflict* (дипломатический конфликт). Например, заголовок CNN: «*Canada and India are enmeshed in an unprecedented diplomatic row. Here's how it happened*» (Канада и Индия вовлечены в беспрецедентный дипломатический скандал. Вот как это произошло) [8].

Религия как определенная система мировоззрения общества, являясь влиятельной частью культурного и социального устройства вносит свой вклад в вербализацию концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ». Наблюдается взаимосвязь между религиозными общинами и политическими движениями, тем самым формируется система международных отношений. Вербализация концепта в данном контексте охватывает вопросы межконфессионального диалога посредством терминологии: *religious diplomacy* (религиозная дипломатия) и *faith-based initiatives* (инициативы на основе веры). Отмечается роль религии в системе международной дипломатии, например, *Pope Francis walks religious, diplomatic tightrope in Myanmar* (Папа Франциск движется по религиозному и дипломатическому канату в Мьянме) [9], *Donald Trump's risky religious pilgrimage* (Рискованное религиозное паломничество Дональда Трампа) [10]. Данные новостные материалы подчеркивают значимость религиозной дипломатии в контексте зарубежных визитов Папы Римского и американского Президента. Религиозные ценности и идеалы во внешнеполитическом курсе способствуют миропорядку и гармонии в мире.

Таким образом, дипломатические отношения являются главным направлением международной системы взаимоотношений и оказывают значительное влияние на общественное мнение и принятие ключевых политических решений. Анализ вербализации концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» в англоязычных новостных текстах позволяет описать особенности их лексического содержания и семантики, отражая различные дипломатические ситуации и контексты: межгосударственные конфликты и напряженные отношения между правительствами стран; торговля и внешнеэкономические связи; глобальные климатические изменения; религия.

Таким образом, вербализация концепта «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ» в медийном пространстве англоязычной среды определяет его многообразие и контекстуальную гибкость, являясь зеркалом многогранности в системе международных отношений и на политическом идейном поле.

Библиографический список

1. Бузинова Л. М. Категория роста в картине мира (на примере глаголов немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). С. 14–20.
2. Романцова Л. М. Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 139 с.
3. How will Litvinenko affect diplomatic relations for UK and Russia? (2016). BBC News. Retrieved February 26, 2024, from URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-35377932>
4. UK pulls out of post-Brexit trade talks with Canada (2024). CNN Business. Retrieved March 3, 2024, from URL: <https://edition.cnn.com/2024/01/26/business/uk-pauses-canada-trade-negotiations/index.html>
5. What was agreed on climate change at COP28 in Dubai? (2023). BBC News. Retrieved March 3, 2024, from URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-67143989>
6. COP28: What Was Achieved and What Happens Next? (2024). United Nations Climate Change. Retrieved March 3, 2024, from URL: <https://unfccc.int/cop28>
7. COP28 Agreement Signals “Beginning of the End” of the Fossil Fuel (2023). United Nations Climate Change. Retrieved March 3, 2024, from URL: <https://unfccc.int/cop28>
8. Canada and India are enmeshed in an unprecedented diplomatic row. Here’s how it happened (2023). CNN. Retrieved March 3, 2024, from URL: <https://edition.cnn.com/2023/09/20/india/india-canada-hardeep-singh-nijjar-explained-intl-hnk/index.html>
9. Pope Francis walks religious, diplomatic tightrope in Myanmar (2017). CNN. Retrieved March 4, 2024, from URL: <https://edition.cnn.com/2017/11/26/asia/pope-francis-rohingya-myanmar/index.html>
10. Donald Trump’s risky religious pilgrimage (2017). CNN. Retrieved March 4, 2024, from URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/18/politics/trump-religion-trip/index.html>

УДК 811.111'37:316.77
ББК 81.432.1

К. А. Евстигнеев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОМЕСТОИМЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Аннотация. В данной статье производится обзор ключевых лингвопрагматических особенностей неоместоимений в английском языке, выявляются цели их использования в коммуникации. Анализируются коннотативные значения разных разрядов местоимений, а также социальная природа данных лексем.

Ключевые слова: неоместоимение, гендер, лингвопрагматика, межкультурная коммуникация, местоимение-существительное.

K. A. Evstigneev

Ogarev Mordovia State University, Saransk

**LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES
OF FUNCTIONING OF NEOPRONOUNS
IN CONTEMPORARY COMMUNICATIONS:
RAISING THE ISSUE**

Abstract. This article reviews the key features of English neopronouns in the field of linguistic pragmatics and outlines the main purpose of the pronouns under study in communication. The connotative meanings of different categories of pronouns are analyzed, as well as the social nature of these lexemes.

Keywords: neopronoun, gender, linguistic pragmatics, cross-cultural communication, nounself pronoun.

В последнее время в международном сообществе особо остро стоит вопрос гендера в коммуникации. Активное развитие гендерных исследований и следующее за этим распространение иных (т. е. отличных от «традиционной» бинарной модели) систем самоидентификации индивида в обществе закономерно влечет за собой множество пока еще не решенных проблем. В лингвистической плоскости это проблема адекватного выражения половой принадлежности как внутри одной лингвокультуры, – что активно иллюстрирует любой язык, обладающий грамматической категорией рода – так и в процессе межкультурной коммуникации. Наиболее отчетливо это проявляется при выборе местоимений, в частности, так называемых «неоместоимений». В рамках данной статьи мы рассмотрим эту категорию языковых единиц с позиций лингвистической прагматики, чтобы выявить основные особенности их употребления, цели их использования в коммуникации, а также описать их прагматические функции на материале английского языка.

Итак, в зарубежной лингвистике неоместоимениями принято называть местоимения-неологизмы, которые выходят за рамки привычных для языка местоимений третьего лица [3]. Примерами могут послужить лексемы *xe/xir*, *ze/hir*, *fae/faer*, *singular they* и т. д., среди которых выделяется группа местоимений-существительных (англ. “nounself pronouns”). В их основе лежит какое-либо существительное, отражающее то понятие/объект реального мира/массовой культуры, с которым пользователь таких местоимений себя ассоциирует, например, *aqua*, *bee*, *compute*, *leo*, *purr*, *tok* и др. [4]

Заметим, что интересной особенностью данного класса слов является преференция именно третьего лица, что указано даже в их определении. Вместе с тем прагматически третье лицо, согласно Б. Ю. Норману, денотативно опустошено, т. е. в процессе коммуникации воспринимается как ее объект, а не участник [1, с. 55–56]. В той же системе местоимение «я», называя говорящего, обозначает условный психологический «центр мира», а местоимение «ты» – такого же обладателя «я», как и говорящий (с которым, следовательно, можно осуществлять коммуникацию). Другими словами, «он» или «оно» – это что-то за рамками коммуникации, поскольку третье лицо можно только

упомянуть, но никак не обратиться к нему. Таким образом, в прагматическом смысле третье лицо формирует объективную действительность вокруг субъекта и объекта коммуникации.

Важность данного факта становится очевидной, если обратиться к гендерной теории, к которой неоместоимения имеют непосредственное отношение. Как известно, в ее основе лежит тезис о том, что пол человека можно воспринимать не только биологически, но и как социальный конструкт. Это означает, что гендер – не только инструмент самоидентификации отдельно взятого индивида, но и что-то, что может быть воспринято со стороны, что-то, на что собеседник может ссылаться в разговоре, т. е. объективное обстоятельство действительности. Именно для описания этих обстоятельств и существуют неоместоимения. Относясь исключительно к третьему лицу, они создают и закрепляют внутри коммуникации объективно существующую категорию гендера и, таким образом, сам гендер как социальный конструкт. Это является их главной прагматической особенностью. Из данного утверждения также логически следует, что любое неоместоимение априори прагматически привязано к гендеру, т. е. всегда коннотативно отсылает к гендеру того объекта, который обозначает.

Наглядно продемонстрировать такую связь можно на местоимении *they/them*, или так называемом “singular they” (местоимении «они» единственного числа), также входящем в вышеописанную категорию слов. Грамматически оно идентично своему аналогу множественного числа, а прагматически во многом схоже с группой неопределенно-личных местоимений. Сравним: *Everyone sent me a letter* и *They sent me a letter*. И только рассмотрение “singular they” как неоместоимения, т. е. добавление в его коннотацию категории гендера, позволяет увидеть разницу: “they” называет лицо, чей гендер неочевиден или не важен. Такая его функция сразу проясняет, почему его нельзя отнести к неопределенно-личным местоимениям. В противоположность ему *everyone*, подразумевая абстрактную группу, включает определенность подразумеваемого лица, в то время как *they*, наоборот, отсылает только к конкретной личности.

По данным интернет-ресурса Оксфордского словаря английского языка первое письменное употребление местоимения

they в единственном, а не во множественном числе датируется 1375 годом, где оно было использовано в тексте романа *William and the Werewolf* [2]. Там оно обозначает безымянную, неизвестную личность, что, судя по всему, и мотивировало использовать эту лексему в такой форме. Стоит отметить, что подобный механизм адаптации местоимения множественного числа для единственного числа не уникален в английском языке: то же самое произошло и с *you*, вытеснившим *thou*, *thee* и *thy* в единственном числе второго лица. Таким образом, несмотря на то что даже в названии неоместоимений как группы указан факт их новизны, традиция их использования в нетипичных грамматических и прагматических контекстах свидетельствует об обратном.

Другой прагматической особенностью неоместоимений является их прямое взаимодействие с понятием языковой игры, введенным австрийско-британским философом Л. Витгенштейном. Согласно его концепции, гендер – это, в первую очередь, условное понятие, значит, коммуникация с кем-либо, чье самоопределение отличается от биологического пола, фундаментально построена на условности, и степень этой условности также варьируется и напрямую зависит от обозначаемого гендера: соответственно, человек, использующий для себя местоимения из разряда *they/them* и *ze/hir*, скорее всего, требует условности несколько иной, чем кто-то, кто называет себя такими местоимениями-существительными, как *vamp/vampself*, *bug/bugself* и пр.

Особенности неоместоимений главным образом сводятся к их взаимодействию с теми гендерами, к которым они имеют отношение. Из этого вытекает их главная прагматическая функция: они вводят новую плоскость в коммуникацию, заставляя участников общения задумываться о том, как собеседник себя идентифицирует и каким образом стоит поменять правила речевого взаимодействия в зависимости от этого факта.

Разумеется, на этом потенциал неоместоимений как предмета изучения лингвопрагматики никоим образом не исчерпывается. В рамках настоящей статьи было представлено описание их основополагающих особенностей, а также обозначен путь для дальнейших исследований. Представляется, что обращение к практике использования неоместоимений в других языках

помимо английского поможет выявить влияние языка и его грамматической системы на формирование данной группы слов, а также открыть поле для компаративного анализа систем неместоимений в разных языках и в межкультурной коммуникации. Следовательно, затронутая в данной работе тема требует более глубокого теоретического и практического исследования.

Библиографический список

1. *Норман Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск, 2009. 183 с.
2. A Brief History of Singular “They” // Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20211128040323/https://public.oed.com/blog/a-brief-history-of-singular-they/> (дата обращения: 23.03.2024).
3. Beyond They/Them: What Are Neopronouns? // Rolling Stone [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/neopronouns-they-them-pronoun-alternative-1190069/> (дата обращения: 23.03.2024).
4. Nounself pronouns // Nonbinary Wiki [Электронный ресурс]. URL: https://nonbinary.wiki/wiki/Nounself_pronouns (дата обращения: 23.03.2024).

УДК 811.111-26
ББК 71.4

Н. Б. Егошина

Ивановский государственный университет, г. Иваново

О. А. Николаева

Ивановский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Иваново

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена важнейшему аспекту взаимодействия людей в современном мире – межкультурной коммуникации. Формирование компетентности в области межкультурной коммуникации анализируется на примере изучения английского языка, как языка международного общения, и на примере взаимоотношений молодежи в студенческой среде. Отмечается, что понятие «межкультурная коммуникация» неразрывно связано с понятием «толерантность». Делается вывод о том, что на современном этапе в российском вузе развитие навыков межкультурной коммуникации и межкультурного общения является одной из главных целей образовательного процесса.

Ключевые слова: английский язык, компетентность, культура, межкультурная коммуникация, образовательный процесс, студенты, толерантность.

N. B. Egoshina

Ivanovo State University, Ivanovo

O. A. Nikolaeva

Ivanovo branch of Plekhanov Russian University of Economics, Ivanovo

FORMATION OF COMPETENCE IN THE FIELD OF INTERCULTURAL COMMUNICATION BASED ON LEARNING ENGLISH

Abstract. The article is devoted to the most important aspect of human interaction in the modern world – intercultural communication. The formation of competence in the field of intercultural communication is analyzed by the example of learning English as the language of international

communication, and by the example of youth relationships in the student environment. It is noted that the concept of “intercultural communication” is inextricably linked with the concept of “tolerance”. It is concluded that at the present stage in the Russian university the development of intercultural communication and intercultural communication skills is one of the main goals of the educational process.

Keywords: English language, competence, culture, intercultural communication, educational process, students, tolerance.

Понятие «межкультурная коммуникация» стало одной из главных тем исследований в наше время. Все больше людей осознают тот факт, что без этих знаний у них мало шансов на успех в глобальном пространстве. Вся международная деловая деятельность предполагает общение. В глобальной бизнес-среде такие виды деятельности, как обмен информацией и идеями, принятие решений, ведение переговоров, мотивация и лидерство, основаны на способности менеджеров одной культуры успешно общаться с менеджерами и сотрудниками других культур. Общение не обязательно приводит к пониманию. Межкультурное общение постоянно связано с недопониманием, вызванным неправильным восприятием и неправильной оценкой. Когда отправитель сообщения принадлежит к одной культуре, а получатель – к другой, шансы на точную передачу сообщения невелики. Иностранцы видят и оценивают вещи по-другому и, следовательно, реагируют на них по-разному. Поэтому, рассматривая межкультурные ситуации, следует предполагать различия до тех пор, пока не будет доказано сходство.

Своего рода столкновение культур происходит, как только два человека собираются вместе, поскольку никакие два человека, даже члены семьи, не имеют одинакового внутреннего мира или одинакового взгляда на внешний мир. Очевидными «камнями преткновения» при контактах людей являются: язык, этническая или расовая принадлежность, религиозные убеждения, пол, возраст, образование. На рабочем месте все это может быть причиной конфликтов культур, различий в стилях работы и общения между отделами, клиентами, другими компаниями, а также между высшим руководством и сотрудниками. Существует много способов, которые помогают культурам лучше «ладить»: выявление и сосредоточение усилий на улучшении

коммуникации, укрепление взаимного уважения, развитие сотрудничества и общих взглядов. Тогда все виды культур смогут работать бок о бок на благо каждого. Глобализация сблизила нации, и компетентность в межкультурной коммуникации необходима для общения с различными группами людей по всему миру. Компетентность в межкультурной коммуникации необходима для создания здоровых отношений и предотвращения конфликтов между различными культурами, помогает точной и правильной передаче информации между людьми. В настоящее время компетентность в межкультурной коммуникации является важной темой в преподавании английского языка, поскольку ожидается, что изучающие язык будут общаться на английском языке с людьми разного лингвокультурного происхождения. Ученые подчеркивают ключевую роль культуры в обучении языку и утверждают, что отсутствие культуры приведет к неудаче в достижении цели [4]. Более 1 миллиарда человек во всем мире говорят на английском языке, в настоящее время его чаще всего преподают в качестве иностранного. Он используется в качестве языка общения из-за удобства и простоты, а также его широкого распространения. С зарождением глобализации, зная, что английский язык служит «лингва-франка» для многих носителей языка на мультикультурном уровне, среди ученых в этой области возникает вопрос, должны ли уроки английского языка строиться по образцу англоязычных культур как «единственной нормы» [4].

Одной из главных задач изучения иностранного языка в российских вузах сегодня является именно формирование у студентов способностей к межкультурному общению. Передача лингвистических знаний больше не может быть единственной целью обучения иностранным языкам в эпоху глобализации, в которой смешиваются люди разных национальностей, их языки и культуры. Основная цель – овладение речевой деятельностью как средством межкультурного взаимодействия. Как отмечалось выше, особая роль в процессе межкультурной коммуникации принадлежит английскому языку, который стал международным языком-посредником для общения между представителями разных языковых сообществ на многих уровнях и в разных сферах. Мотивация к изучению английского языка в настоящее время

очень высока, так как это настоящий инструмент живого общения и важнейший критерий для обучения за рубежом и получения престижной работы. Социологические исследования, проведенные в ивановских вузах, в частности, в Ивановском филиале РЭУ имени Плеханова, Ивановском государственном университете и Ивановском государственном химико-технологическом университете, подтверждают, что английский язык чрезвычайно популярен среди молодежи, поскольку студенты во многих ситуациях устного и письменного общения используют англицизмы и американизмы. При изучении иностранного языка, прежде всего, подразумевается английский, у студентов развивается способность к межкультурному общению, что предполагает адекватное взаимопонимание между двумя участниками, принадлежащими к разным национальным культурам, в коммуникативном акте. Овладение иностранным языком должно происходить без ориентации на специальность и будущую профессию, поскольку техническим специалистам, например, необходимо не только знать технический язык, но и применять его при общении с иностранными специалистами [1, 2]. Следует отметить, что в процессе формирования межкультурной коммуникации происходит формирование толерантного сознания и толерантного поведения в студенческой среде, у студентов формируется установка на диалог. Важными качествами молодежной толерантности являются такие, как: признание других взглядов, привычек, чувств, способность достигать взаимного уважения, понимания и относительно бесконфликтного сосуществования. В студенческой группе, которая формируется уже на 1-м курсе, молодые люди объединяются в определенный коллектив и в рамках семинаров, лекций, лабораторных занятий, сближаются непосредственно в учебном процессе. Но помимо академической деятельности студенты активно участвуют в различных научных и развлекательных мероприятиях: конференциях, олимпиадах, фестивалях, конкурсах, праздниках, вечеринках и т. д. Воспитанию толерантности и формированию качеств межкультурного общения способствуют также фестивали национальных культур, проводимые в университетах, на которых представители разных рас и вероисповеданий рассказывают увлекательные истории о родной стране и своем народе. Все это

свидетельствует о том, что именно студенческая среда в наибольшей степени способствует развитию толерантности и добрососедства российской и зарубежной молодежи [3].

Современные процессы глобализации вывели межкультурное общение на новый уровень. Любые исследования, примеры которых приведены в статье, приобретают все большее значение для совершенствования навыков межкультурного общения между представителями разных стран и культур. Поэтому сегодня основной целью образовательного процесса в университете является развитие коммуникативной компетентности, которая помимо языковой компетенции включает в себя овладение практическими навыками межкультурного общения.

Библиографический список

1. *Егошина Н. Б.* Студенческий сленг как объект лингвистики // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. Т. 8. Вып. 4. Иваново: ИГХТУ, 2017. С. 319–323.

2. *Егошина Н. Б.* Изучение иностранного языка в вузе в аспекте межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Российский университет в неустойчивом мире: глобальные вызовы и национальные ответы: материалы национальной научно-практической конференции: в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 232–238.

3. *Николаева О. А., Поздина В. А., Татарина Е. А.* Толерантность и межкультурная коммуникация в современном молодежном социуме // Научный альманах. 2017. № 2–2 (28). С. 424–428.

4. *Faramarz S., Rose L. R. G.* Interdependent Theory of Intercultural Communication Competence // European Journal of Education Studies. Vol. 8. Iss. 11. 2021. P. 140–151.

УДК 378:316.776.3
ББК 74.48

М. А. Ермошина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. В статье обозначена важность коммуникативного образования для студентов педагогического вуза. Предлагаемый в качестве элективного курс «Основы деловой коммуникации и этики деловых отношений» направлен на устранение коммуникативного и профессионального дефицитов у будущих учителей.

Ключевые слова: коммуникативное образование, высшее педагогическое образование, элективный курс, деловой русский язык.

M. A. Ermoshina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF COMMUNICATIVE EDUCATION IN PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Abstract. The article highlights importance of communicative education for students of a pedagogical university. The elective course «Fundamentals of Business Communication and Ethics of business relations» is aimed at eliminating the communicative and professional deficits of future teachers.

Keywords: communicative education, higher pedagogical education, elective course, business Russian.

Аксиологическая составляющая образования является его неперменной основой. Поскольку сама «природа педагогического процесса гуманитарна и сообразна с культурой, на фундаменте которой выстраивается» [4, с. 230], постольку и в основе российской образовательной аксиосферы лежат базовые понятия

культуры. Ценности составляют матрицу традиционной российской культуры в целом, и поэтому исследование ценностных ориентиров российского образования неизбежно связано и с выявлением изменений в духовно-нравственной базе российского общества, и с установлением трансформаций социокультурной образовательной парадигмы [8, с. 58–59]. Так, «индивидуалистические ориентиры российского образования являются отражением тенденции развития современной цивилизации» [9, с. 44], находящейся в ситуации «ценностного вакуума» [5, с. 13], «ценностной неопределенности» [6, с. 23].

Трансформациям подвергается и коммуникация, в том числе в образовательном пространстве. Она стала многовекторной (общение в очном формате, в онлайн режиме, в социальных мессенджерах), а следовательно, нелинейной, и это обусловлено сменой стабильной и устойчивой социальной реальности на изменчивую, неопределённую, во многом не подлежащую регламентации действительности, в которой оказываются непрояснёнными и отношения субординации между участниками коммуникации, и сами нормы и ценности общения [7].

Современные цивилизационные процессы меняют вектор гуманитарных наук: если в начале XX в. была провозглашена смена лингвоцентризма на текстоцентризм, то в настоящее время всё большее количество исследователей настаивают на становлении нового парадигмального направления – коммуникативного (см., например, работы [1–3]). Данный поворот обусловлен социально-экономическими и информационными преобразованиями.

Профессия учителя считается лингвоинтенсивной специальностью, но на развитие коммуникативной компетенции студентов педагогического вуза до 2021 г. была направлена только дисциплина «Русский язык и культура речи».

С 2021 г. в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете (далее ПГГПУ) в качестве инновационного был введён элективный курс «Основы деловой коммуникации и этики деловых отношений» (далее «ОДК»), адресованный студентам третьего года обучения. Концептуальным базисом дисциплины «ОДК» является понимание специфики степени разработанности коммуникативно-цифрового образования

в высшей педагогической школе. Повышение его роли в современном обществе обусловлено, с нашей точки зрения, стремительно растущей значимостью коммуникации как фактора, влияющего на результативность всех современных взаимодействий внутри различных предметных сред. В связи с этим представляется оправданным стремление ряда учёных к интенсификации коммуникативного обучения в педагогическом вузе (ср. например, направления «коммуникативная педагогика», «коммуникативная дидактика», «коммуникативная нелинейная дидактика», «педагогика диалога»), с одной стороны, и включение проблем коммуникации в цифровое образовательное пространство, с другой.

Гносеологические основания описываемой дисциплины базируются на понятии «коммуникации». При этом мы признаём, что при многогранном, разноаспектном и исторически продолжительном изучении само понятие «коммуникация» остается нечётким. Очевидно, это объясняется тем, что коммуникация пронизывает все сферы гуманитарной и интеллектуальной деятельности человека, поэтому терминологическая точность при установлении её концептуального ядра возможна лишь применительно к определённой научной стратегии или к определённой модели.

Содержательный каркас «ОДК» выстраивается как единство четырёх блоков:

1) *педагогическая коммуникация с обучающимися на уроке и вне урока*. Здесь студенты анализируют кейсы, связанные с коммуникативным поведением (вербальным / невербальным) учителя в классе, с эффективным приёмами самопрезентации педагога, с приёмами эффективного начала и конца урока, с приёмами предотвращения речевой агрессии между обучающимися, между учителем и обучающимися, с приёмами, помогающими разрешить конфликтные ситуации на уроке и вне урока и т. д.;

2) *педагогическая коммуникация с обучающимися в виртуальной реальности* (в образовательных информационных системах, в мессенджерах). Здесь актуализируются проблемы значимости цифровой репутации и цифровых следов и интернет-пространстве, стратегий эффективного взаимодействия в цифровом пространстве, алгоритмах выведения правил организации

и ведения совместных с обучающимися чатах, вербальных механизмах предотвращения кибербуллинга и т. д.;

3) *профессиональная коммуникация в образовательных учреждениях с коллегами*. Здесь в фокусе студентов находятся проблемы самопрезентации (вербальной и невербальной) в педагогическом коллективе, эйдженизма, выбора речевой стратегии в зависимости от коммуникативного статуса собеседника и коммуникативной задачи и т. д.;

4) *профессиональная (педагогическая) коммуникация с родителями обучающихся*. Этот блок отражает содержание первого блока, но он направлен на анализ работы с родителями.

За 2021–2024 учебные годы около 100 студентов прошли обучение по элективному курсу «ОДК». По завершении курса обучающиеся отмечали снижение уровня тревожности в различных ситуациях, где решающим было вербальное поведение. Заметный практический прирост коммуникативных умений студенты отметили при выходе в образовательные учреждения в рамках прохождения производственной практики на четвёртом курсе. Ввиду практикоориентированности кейсовых заданий, их корреляции с реальной педагогической реальностью, вхождение студентов в профессиональную деятельность было более комфортным.

Таким образом, представленный элективный курс направлен на устранение коммуникативного и шире – профессионального дефицитов, а также на усовершенствование качества профессионального общения как одной из значимых составляющих профессиональной культуры педагога. По-прежнему оставаясь аксиологически значимым, коммуникативное образование в современном педагогическом пространстве претерпевает изменения, и качественно трансформировать его в соответствии с современными запросами субъектов образования возможно только при пересмотре образовательных стратегий и технологий.

Библиографический список

1. Биби С. А., Мотет Т. П. Коммуникация и ценности // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2007. № 1. С. 11–32.

2. *Даутова О. Б.* Образовательная коммуникация. Традиционные и инновационные технологии: учебно-методическое пособие. СПб.: Каро, 2018. 176 с.
3. *Матьяш О. И., Биби С. А.* Коммуникативное образование в России: история и современность // Сибирь. Философия. Образование. 2003. Вып. 7. С. 60–76.
4. *Наливайко Н. В., Косенко Т. С.* Роль педагогического образования в системе современного гуманитарного // Философия образования. 2013. № 1 (46). С. 228–245.
5. *Скибицкий М. М.* Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 1 (17). С. 13–19.
6. *Хорина Г. П.* Ценности русской культуры в условиях цивилизационного кризиса // Горизонты гуманитарного знания. 2016. № 6. С. 16–26.
7. *Чанкова Е. В.* Коммуникативная компетенность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2016. 45 с.
8. *Яковлева И. В., Истофеева Ж. Н.* Ценностно-целевые ориентиры как основа модернизации содержания образования // Философия образования. 2018. № 75. Вып. 2. С. 57–66.
9. *Яковлева И. В.* Патриотизм, гражданственность, достоинство как аксиологические основы института образования // Философия образования. 2019. Т. 19, № 1. С. 41–57.

УДК 81'34
ББК 81.051

М. Э. Зверев

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОПИСАНИЕ РИТМИЧЕСКИХ СТРУКТУР НЕНАТИВНОЙ РЕЧИ И ИХ ВОКАЛИЧЕСКИХ И АКЦЕНТУАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Аннотация. Настоящая работа посвящена вопросам интегративной (системной) вербальной ритмологии и ритма ненативной (неродной) звучащей речи. Основной целью работы является рассмотрение наименьшей единицы иерархии речевого ритма – ритмической структуры (РС), а также описание ее вокалических и акцентуационных характеристик. Результаты проведенного эксперимента позволяют утверждать, что вокалические и акцентуационные трансформации, встречающиеся в ненативной (неродной) речи, оказывают существенное влияние на ритмическую организацию устной речи. Более того, каждый элемент фонетической (сегментной и супraseгментной) системы играет важную роль в формировании ритма звучащей нативной и ненативной речи.

Ключевые слова: ритм речи, вербальная ритмология, ритмическая интерференция, ненативная (неродная) речь.

M. E. Zverev

Ivanovo State University, Ivanovo

DESCRIBING RHYTHMIC STRUCTURES OF NONNATIVE SPEECH AND THEIR VOCALIC AND ACCENTUAL CHARACTERISTICS

Abstract. The present paper focuses on the issues of integrated (systematic) verbal rhythmology and rhythm of nonnative speech. The key objective of the work in question is to look into the smallest unit of speech rhythm hierarchy, the rhythmic structure (RS), together with describing its vocalic and accentual characteristics. The results of the conducted experiment allow us to state that vocalic and accentual modifications found in nonnative speech have a profound impact on the rhythmic organisation of the spoken language.

Moreover, each element of the phonetic (segmental and suprasegmental) system appears to play a pivotal role in framing speech rhythm.

Keywords: speech rhythm, verbal rhythmology, rhythmic interference, nonnative speech

Rhythm as a distinct category is deemed to be one of the most elusive phenomena in contemporary theory of language and phonetic sciences [5; 8]. That being said, however, many scholars (see, for instance, [6]) hold the view that the very universality of rhythm is a strong argument for the existence of numerous, namely biological, processes, governing the perception and production of native and nonnative speech rhythm.

The current work delves into the issues of integrated (systematic) verbal rhythmology and speech rhythm in nonnative speech from segmental (vocalic) and suprasegmental (accentual) perspectives. Being viewed through the lens of such a school of thought, the prime focus of which is on a comprehensive account of rhythmic phenomena, speech rhythm is defined as a quasi-periodic repetition of similar, contrastive and perceptually isochronous speech elements (see, works penned by Prof. Antonina M. Antipova [2; 3]). A majority of renowned phoneticians (see, for instance, [1]) have put forward an idea of rhythm being in the air stream before the actual vowels and consonants that make up words are superimposed on it. In addition, what we perceive as the characteristic rhythm of a particular language is an assortment of linguistic (phonetic) features [4]. Any phonetic units or features, therefore, are capable of partaking in shaping phonetic code as a whole. Moreover, according to integrated (systematic) verbal rhythmology, all the phonetic units and features make up hierarchically structured units, which, in turn, are thought to encompass numerous rhythmic-related concepts, such as segmental (vocalic and consonant systems) and suprasegmental (melody, timbre, temporality, etc.), operating at various levels of phonetic-phonological abstraction. All this makes it possible to look at speech rhythm from a more generic perspective. Turk A. and Shattuck-Hufnagel S. [7] underscore the importance of the following aspects linked to speech rhythm, such as its control structures and processes, its perception and the systematic relationship between phonetics, phonology and surface timing. This approach, moreover, incorporates a wide range of factors, spurring researchers to search for

rhythm in speech and rhythm classes for languages. The approach takes account of many factors that may have an impact on a listener's sense of the global rhythmic profile of language.

The *key objective* of the research is to look into the smallest rhythmic unit, rhythmic structures (RSs), from vocalic and accentual standpoints. The *research tasks* are set as follows: a) to describe classes and types of RSs and their frequency in native and nonnative speech; b) to examine the spectral parameters (Fn-picture) of stressed short monophthongs in RSs.

The *experimental material* used in the study was an "elicitation paragraph", titled *Please Call Stella*, which was extracted from the corpus *Speech Accent Archive* (SAA) (<http://accent.gmu.edu/>), overseen by Professor Steven H. Weinberger at George Mason University. This passage is composed in English, employing everyday English vocabulary, together with incorporating a wide range of difficult English speech sounds and sound combinations.

The *participants* of the experiment encompass a total of 10 native speakers (n=10) and 10 nonnative speakers (n=10) whose speech was analysed as regards accentuation. Additionally, four native speakers (n=4) and four nonnative speakers (n=4) were chosen for acoustic analysis, focusing on stressed short monophthongs.

The *main results* are that *accentual* and *vocalic* transformations have a substantial impact on the rhythmic organisation of nonnative English speech. Furthermore, foreign accent in L2 inevitably distorts the rhythmic system of English speech as a whole. Noteworthy is the alteration in the accentuation patterns of nonnative speech, indicating a certain level of adjustment on the level of acoustics and articulation, which, in turn, reflects in phonetic interference mechanisms – the confluence of the phonetic systems of L1 and L2.

The *accentuation* analysis indicates that there is a regrouping of RS classes and types, along with a change in their frequency of occurrence in both native and nonnative speech. The increased fragmentation observed in nonnative speech appears to stem from incorrect pausing, hesitation breaks, hesitation pauses and speech rate variations. These characteristics are evident in the transition from 'staccato' and isochronous tendencies in English rhythm towards implementing another quality, legato, in speech production by nonnative speakers. The fragmentation of speech, denoted by an

increased pause frequency in nonnative speech in contrast to native speech, results in a rise in one-syllable, two-syllable and three-syllable RSs with initial syllable stress (1/1, 2/1, 3/1).

By the same token, the examination of the *Fn-picture* of stressed short monophthongs, constituting RSs of native and nonnative speech, reveals a number of alterations in the overall acoustic (formant) properties of stressed short monophthongs across various dimensions. Changes in the *Fn-picture* of nonnative speech involve a trend towards decreased formant values – a *lowering* effect on F1 and F2, leading to adjustments in *vowel closeness* and *backing* in the pronunciation of monophthongs at the articulatory level.

To conclude, speech rhythm viewed from the perspective of integrated (systematic) verbal rhythmology incorporates an array of segmental and suprasegmental factors, affecting the way native and nonnative speech is phonetically structured and perceived. Furthermore, the results of the research in question allow us to assert that each element of the phonetic system plays a pivotal role in framing speech rhythm.

References

1. *Abercrombie D.* A Phonetician's View of Verse Structure // *Linguistics*. 1964. 2 (6). P. 5–13.
2. *Antipova A. M.* Ritmicheskaya sistema anglijskoj rechi [Rhythmic System of English Speech]. Moscow: High School, 1984. 119 p.
3. *Antipova A. M.* Speech Rhythm (main approaches and definitions) // *Proceedings of the XIth ICPHS*, August 1–7, Tallinn, Estonia. 1987. P. 443–446.
4. *Cutler A.* Linguistic Rhythm and Speech Segmentation // *Music, Language, Speech and Brain*. Wenner-Gren Center International Symposium Series / ed. by Sundberg J., Nord L., Carlson R. L.: Palgrave, 1991. P. 157–166.
5. *Gibbon D.* The Rhythms of Rhythm // *Journal of the International Phonetic Association*. 2021. P. 1–33.
6. *Macintyre A. D.* The Analysis of Breathing and Rhythm in Speech. Doctoral thesis (Ph.D), UCL (University College London). 2022. 262 p.
7. *Turk A., Shattuck-Hufnagel S.* What is speech rhythm? A Commentary Inspired by Arvaniti and Rodriquez, Krivokapić, and Goswami and Leong. // *Laboratory Phonology*. Vol. 4. № 1. 2013. P. 93–118.
8. *Vishnevskaya G. M., Zverev M. E.* Speech Rhythm as an Elusive Phenomenon in Relation to its Shape and Function // *Philologia*, 20 (1), 2022. P. 1–20.

УДК 81.112.2'373
ББК 81.342.4

М. В. Зимина, С. И. Москалева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ *NICHT* С РАЗЛИЧНЫМИ
ВИДАМИ ДЕТЕРМИНАНТОВ
И РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПРЕДИКАТА И АКТАНТА**

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные особенности функционирования отрицательной частицы *nicht* при различных обстоятельственных определениях, а также при распространителях предиката и актанта с точки зрения тема-рематического членения высказывания.

Ключевые слова: немецкий язык, отрицание, отрицательная частица, тема, рема, детерминант, актант.

M. V. Zimina, S. I. Moskaleva

Ivanovo State University, Ivanovo

**FUNCTIONING FEATURES OF NEGATIVE PARTICLE
NICHT WITH DIFFERENT TYPES
OF DETERMINANTS AND DISTRIBUTORS
OF PREDICATE AND ACTANT**

Abstract. The article examines the communicative features of the functioning of the negative particle *nicht* under various circumstantial definitions, as well as with the distributors of predicate and actant from the point of view of the thematic division of the utterance.

Keywords: German, negation, negative particle, theme, rhema, determinant, actant.

Проблема функционирования отрицательной частицы *nicht* с позиции теории актуального членения затрагивалась в работах ведущих ученых, но не исследована достаточно полно.

Исходной предпосылкой для нас послужил сделанный лингвистами вывод о том, что в основе отрицательных суждений

всегда лежат утвердительные. Иными словами, отрицание всегда соотносится в контексте со своим положительным коррелятом. При этом отрицание, как правило, маркирует в высказывании наиболее значимый в информационном плане элемент, т. е. рему высказывания.

Если рассматривать высказывание с точки зрения его коммуникативной организации, то предикат обычно выступает как элемент, формирующий рематическую группу. При этом в составе рематической группы высказывания могут выделяться члены с большей информационной нагрузкой, чем сам предикат, представляющие собой фокус ремы. Нередко они сопровождаются ремовыделительными элементами (логическими частицами, отрицанием, модальными словами). В качестве фокуса ремы отрицательная частица *nicht* может выделять актанты (облигаторные и факультативные) и свободные распространители (*freie Angaben*).

Состав свободных распространителей неоднороден, в него могут входить различные элементы, которые можно разделить на три группы:

а) детерминанты (эту группу составляют обстоятельственные определения места и времени, а также причины, цели и т. д., иными словами, распространители, которые относятся ко всей пропозиции);

б) распространители предиката (элементы, характеризующие действие, состояние);

в) распространители актанта (в эту группу входят определения, выраженные обычно прилагательным).

Наиболее типичной сферой функционирования отрицания при детерминанте является сверхфразовое единство (СФЕ) с двумя положительными коррелятами: имплицитным положительным коррелятом в препозиции и эксплицитным – в постпозиции.

Проиллюстрируем это на примере.

Sie (T) starb ganz unvermittelt (R), an einem Herbstnachmittag in ihrem Schlafzimmer, aber nicht im Bett [R], sondern auf dem Holzstuhl am Fenster [R] [2, с. 38].

В данном СФЕ отрицательная частица *nicht* выделяет понятие *in Bett* на фоне имплицитного положительного коррелята,

по отношению к которому имеет место отрицание, и соотносит ядерный элемент с эксплицитным положительным коррелятом *auf dem Holzstuhl*, по отношению к которому имеет место противопоставление.

Соотносимые частицей элементы являются свободными распространителями. В данном высказывании присутствует еще один свободный распространитель *in ihrem Schlafzimmer*. Наличие этого элемента дает читателю представление об имплицитном положительном корреляте. Ожидается, что, если человек умирает в своей спальне, то это случается в постели. Но данная имплицитная информация не соответствует действительности, поэтому автору представляется необходимым ввести в текст отрицание с ядерным элементом. Отрицание указывает на несоответствие ожидаемого действительному.

Ядерный элемент содержит в себе новую информацию об имплицитном положительном корреляте, поэтому выступает как рематический компонент. В качестве дополнительного рематического элемента в данном СФЕ присутствует эксплицитный положительный коррелят.

Ядерный элемент и катафорический эксплицитный положительный коррелят входят в рематическую группу, организованную предикатом, и являются наиболее важными коммуникативными элементами.

Свободные распространители, характеризующие действие или процесс, относятся не ко всей пропозиции (как детерминанты), а только к предикату. Поэтому в коммуникативном аспекте данные элементы функционируют в составе группы, организованной предикатом, который обычно выступает в качестве ремы. При этом распространитель предиката в составе рематической группы является наиболее значимым элементом, фокусом ремы.

Как показал анализ фактического материала, отрицание, относящееся к распространителю данного типа, функционирует в СФЕ как с имплицитным, так и эксплицитным положительным коррелятом, а также с двумя противочленами. Вместе с тем, наиболее типичной является модель с одним имплицитным положительным коррелятом.

В конструкциях с имплицитным положительным коррелятом имеет место имплицитное противопоставление. Как отмечается в лингвистической литературе, имплицитное противопоставление обнаруживается в сочетаниях *nicht* с временными, качественными и другими наречиями [1, с. 73]. Эти слова вместе с отрицанием образуют своего рода штампы в языке, возникшие в результате стереотипности. Отрицательное значение в таких сочетаниях значительно сглажено. Поэтому здесь речь идет скорее об антонимическом противопоставлении, а не отрицании.

Обратимся к примеру.

Eine solche Reinheit der Züge und der Gesinnung (T) kommt (R) *nicht leicht* [R] vor und Menschengesichter tragen sie selbst einprächtig [4, с. 238].

В данном примере предполагается имплицитное противопоставление, выраженное следующим антонимическим рядом: *leicht – nicht leicht*. Первый член противопоставления эксплицитно не выражен, но подразумевается автором и становится очевидным для читателя. Второй компонент данного ряда – ядерный элемент с отрицанием – присутствует в высказывании и участвует в передаче новой информации. Он входит в состав рематической группы, организованной предикатом, и выступает в качестве фокуса ремы. Распространителями актанта обычно является определение, выраженное прилагательным.

Отрицание, сопровождающее распространитель актанта, встречается очень редко, поскольку в немецком языке существуют другие языковые средства: прилагательные с отрицательной приставкой *un-*, а также лексические единицы, синонимичные прилагательному с отрицанием *nicht*. Как и приставка, отрицательная частица *nicht* образует с прилагательным единое понятие, которое может быть средним и крайним членом в антонимическом ряду: *groß – nicht groß – klein, glücklich – nicht glücklich*.

В составе антонимического ряда противоположные понятия не просто отрицают друг друга, а характеризуются положительным содержанием.

Актант с распространителем (прилагательным) представляет собой свернутую пропозицию, члены которой не могут функционировать самостоятельно. В тема-рематическом аспекте

свернутая пропозиция представляет собой единый коммуникативный элемент, поэтому отрицание при распространителе актанта утрачивает функцию маркера ремы. Коммуникативная функция распространителя актанта, с которым отрицание образует единое понятие, зависит от того, темой или ремой является сам актант.

Рассмотрим примеры.

Doch dann, etwa 15 Kilometer vor dem Lager kommt uns an diesem strahlenden Morgen ein *nicht abreißender* Strom von Menschen (R) entgegen. [3, с. 4]

В данном примере отрицательная частица *nicht* сопровождает слово *abreißender*, которое относится к первому обязательному актанту *ein Strom*. Актант обладает рематическими признаками: наличие неопределенного артикля, позиция в конце предложения, а также он содержит информацию, которая преподносится как коммуникативно-значимая. В качестве ремы здесь выступает именная группа, состоящая из актанта и его распространителей *ein nicht abreißender Strom von Menschen*. Все члены данной группы коммуникативно равнозначны. И отрицание не выступает в качестве маркера фокуса ремы.

Таким образом, отрицание, сопровождающее детерминант или распространитель предиката, маркирует их в качестве фокуса ремы и соотносит либо с эксплицитным положительным коррелятом, который также является наиболее важным коммуникативным элементом, либо с имплицитным тематическим коррелятом. Отрицательная частица *nicht*, сопровождающая распространитель актанта и образующая с прилагательным единое понятие, не выступает в роли маркера ремы.

Библиографический список

1. *Торопова Н. А.* Положительный противочлен отрицания *nicht* в современном немецком языке (пресуппозиция отрицания) // Филологические науки. 1978. № 2. С. 61–77.

2. *Brecht B.* Der Augsburger Kreidekreis // Kleine deutsche Prosa. Ленинград, 1976. 216 S.

3. Hannoverische Allgemeine Zeitung. 22.03.1995. № 69.

4. *Mann H.* Die Vollendung des Königs Henri Quatre. Kiew: Staatsverlag der Nationalen Minderheiten der USSR, 1938. 798 S.

УДК 81'322.4
ББК 81.18

А. М. Иванова, Т. А. Начинкина

Московский городской педагогический университет, г. Москва

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕФЕРИРОВАНИЯ ТЕКСТА В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования современных цифровых инструментов в процессе осуществления реферативного перевода. Хотя качество реферативного перевода, выполненного при помощи программ сокращения текста и инструментов LLM, уступает качеству «человеческого» перевода, использование цифровых технологий в обучении переводу может способствовать развитию цифровой компетентности студентов.

Ключевые слова: реферативный перевод, автоматическое реферирование, большая языковая модель, цифровые технологии, цифровая компетентность.

A. M. Ivanova, T. A. Nachinkina

Moscow City University, Moscow

AUTOMATED TEXT SUMMARIZATION TOOLS IN TRANSLATION TRAINING

Abstract. The paper discusses the possibilities of using up-to-date digital solutions in the process of teaching the techniques of abstract translation and summarization to students majoring in linguistic and translation studies. Although the quality of summaries and abstract translations made with the help of text abstraction and summarization programs is inferior to that of “man-made” translations, introducing AI tools in translation training can contribute to the development of students’ overall digital competence.

Keywords: abstract translation, automated text summarization, large language models, digital technologies, digital competence.

Продолжающиеся глобализационные процессы и рост объемов информации, подлежащей переводу на различные национальные языки, делают особенно значимой профессию переводчика, но в то же время усложняют требования к компетентности

специалистов, работающих в данной профессии. Имея дело с большими объемами информации, переводчики вынуждены оцифровывать и автоматизировать максимально возможное количество рабочих процессов в попытке повысить продуктивность и масштабы своей работы без снижения качества выполняемых ими переводов.

Одним из видов перевода, являющихся как социально важным, так и особенно востребованным, является реферативный перевод текстов научной сферы. Поскольку объектом реферативного перевода являются специальные тексты, содержащие терминологию и большое количество фактических данных, необходим строгий контроль качества результатов перевода, а также значительные интеллектуальные усилия со стороны переводчика [2].

В настоящее время в свободном доступе появляются все новые инструменты, способные реферировать тексты в автоматическом режиме – т. н. программы-референты. Также существуют решения, которые могут выполнять функцию реферирования и перевода сокращенного текста одновременно – в частности, генеративные лингвистические модели типа ChatGPT, нейросети-помощники для написания текста, инструменты реферирования текстов в сервисе машинного перевода DeepL и некоторые др. Как следствие, возникает вопрос о целесообразности и последствиях использования данной технологии в переводческой практике, а также необходимости ее изучения в процессе подготовки будущих переводчиков.

В настоящей статье рассматриваются вопросы использования цифровых инструментов, способных осуществлять реферирование текстов в подготовке будущих переводчиков. Принципиальным моментом при обучении студентов реферативному переводу при помощи инструментов автоматизации реферирования является формирование у них четких представлений о природе автоматизированного реферирования и принципиального отличия данного процесса от реферирования, осуществляемого человеком.

Автоматическое реферирование текстов понимается как создание при помощи компьютерной программы краткого изложения текста, т. е. реферата (summary), содержащего наиболее

важную информацию из оригинального источника. Существуют следующие подходы к автоматическому реферированию текстов – экстрактивный, абстрактивный и гибридный [1]. При экстрактивном методе реферат формируется из предложений исходного текста, определяемых статистически как наиболее важные (содержащие ключевые слова) [6]. Абстрактивные методы интерпретируют и анализируют исходный текст, используя передовые методы обработки естественного языка (на основе нейронных сетей), после чего генерируют новый, более короткий текст, содержащий основную информацию из оригинального источника, с использованием языковой модели [4]. Гибридный подход объединяет оба указанных метода.

Абстрактивный подход представляется наиболее перспективным, т. к. позволяет реферировать тексты через процедуры глубокого «понимания» смысла исходного текста (оценки контекста использования каждого слова в последовательности) и генерации нового текста через перефразирование и слияние информации, что позволяет получать более качественные и краткие рефераты. Тем не менее, в нем также имеются нерешенные проблемы, такие как вычислительная сложность моделирования глубокого понимания текста (вычисления зависимости между всеми словами исходного текста) и несовершенства процесса генерации, при которой могут возникать т. н. «галлюцинации» (ложная информация), повторы и др. ошибки, в силу чего качество автоматического реферирования методом абстракции серьезно уступает человеческим результатам [4].

Реферативная деятельность человека предполагает целостное и полное восприятие референтом всей предметно-логической (содержательно-фактуальной) и прагматической информации текста, ее переработку (переосмысление) в соответствии с заданными параметрами и профессиональными задачами, с ориентацией на последующую компрессию извлеченной информации и ее представление в виде реферата или резюме [3]. Качество результирующего документа при этом во многом зависит от полноты понимания первоисточника, если понимание текста неполное, то процесс свертывания информации может иметь случайный характер, что может привести к слишком вольной интерпретации и серьезным смысловым ошибкам [5].

Согласно модели А. Грейссера и Л. Кларка [8], понимание текста индивидом имеет субъективную природу, поэтому результаты реферирования конкретного текста в определенный момент будут зависеть не только от информации, непосредственно в него включенной, но и от опыта реферирующего, личных ассоциаций, широкого контекста. Поскольку весь объем человеческих знаний о мире и языке невозможно смоделировать программными средствами, результаты «человеческого» реферирования стабильно более качественные, чем результаты автоматического реферирования текстов.

В ходе обучения студентов реферативному переводу представляется целесообразным предложить студентам рабочий алгоритм использования программ-референтов с последующим редактированием человеком результатов автоматического реферирования и перевода текстов, по аналогии со знакомой им процедурой постредактирования результатов машинного перевода. Результаты автоматического реферирования текстов и перевода практически всегда требуют проверки (на наличие «галлюцинаций» или пропусков важной информации) и редактирования, качество результирующего текста плохо предсказуемо и непостоянно. Наши эксперименты с реферированием статей по теме популярной психологии с помощью решений DeepL и ChatGPT-4 показывают, что программа машинного перевода с расширенным функционалом DeepL справляется с задачей реферирования текста лучше, чем LLM-инструменты. DeepL при реферировании текста часто опускает информацию, которую человек отмечает как ключевую (значимую), при этом присутствуют смысловые повторы (избыточная информация). Поскольку программа сначала переводит текст, а потом реферирует его, текст реферата написан на грамотном русском языке и требует минимальных исправлений в виде постредактирования. Реферативный перевод с помощью ChatGPT менее эффективен – кроме опущения важной информации присутствуют «галлюцинации» (искаженная информация). Программа сначала реферирует текст, а потом переводит, поэтому лингвистическая составляющая реферата требует серьезной доработки со стороны переводчика.

Алгоритм применения программ автоматического реферирования и перевода текстов может состоять из следующих

шагов: 1) выделение студентом-переводчиком критически важной информации в оригинальном тексте; 2) получение результатов автоматического реферирования; 3) анализ выходного текста и оценка качества реферата, проверка наличия в нем всех критически важных смысловых компонентов оригинала, восполнение отсутствующей информации, удаление избыточной информации; 4) постредктирование результатов машинного перевода, проверка правильности передачи терминов в переводе, придание тексту связности, проверка на соответствие норме языка перевода и функциональному стилю.

Крайне важно сформировать у студентов осознанное отношение к технологии автоматического реферирования текстов и имеющимся на рынке решениям, понимание ограниченности данной технологии («галлюцинации», неверный перевод терминов, неспособность учитывать интересы конечного потребителя и т. д.), ценности интеллектуального труда переводчика. В то же время игнорирование доступности новых технологических решений может негативно сказаться на результатах образовательного процесса, снизить удовлетворенность студентов качеством получаемого образования. В эпоху стремительно развивающихся информационных технологий в области обработки естественного языка важность владения цифровой компетенцией для переводчиков становится все более очевидной, и будущим специалистам в области перевода крайне важно обладать знаниями и навыками в области ИИ-технологий, уметь применять их в своей работе.

Библиографический список

1. *Головизнина В. С.* Автоматическое реферирование текстов // Информационные технологии и нанотехнологии (ИТНТ-2022): сб. трудов по материалам VIII Международной конференции и молодежной школы: в 5 т. Самара, 23–27 мая 2022 года. Т. 4. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2022. С. 41642.

2. *Климович Н. И.* Практические аспекты формирования реферативной компетенции в контексте профессионализации обучения иностранному языку // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм: материалы научной

конференции, Москва, 15–16 ноября 2013 года. Т. 1. М.: МГИМО, 2014. С. 87–92.

3. *Крамная Е. С.* Специфика реферативного перевода как важного компонента деятельности отраслевого переводчика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 99–109.

4. *Лезгян А. С.* Автоматическое реферирование текстов: классификация, архитектуры, современные подходы и проблемы // Математическое моделирование, компьютерный и натурный эксперимент в естественных науках. 2023. № 1. С. 19–27.

5. *Нестерова Н. М., Наугольных А. Ю., Герте Н. А.* Сущностная характеристика реферативного перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2012. № 6 (45). С. 41–46.

6. *Петрова И. М., Иванова А. М., Никитина В. В.* Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : уч. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М.: Языки Народов Мира, 2022. 259 с.

7. *Graesser A. C., Clark L. F.* Structures and Procedures of Implicit Knowledge. Praeger, 1985. 336 p.

УДК 81
ББК 81.2.

Н. К. Иванова

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново

**О СОБЛЮДЕНИИ ЗАКОНА РФ «О РУССКОМ ЯЗЫКЕ
КАК ГОСДАРСТВЕННОМ»:
«БОЧКА ДЕГТЯ И ЛОЖКА МЁДА»**

Аннотация. В статье на основе закона «О русском языке как государственном» рассматриваются некоторые актуальные проблемы современной языковой политики и формирования ценностного отношения к родному языку. Подробно интерпретируются обозначенные в Законе проблемы употребления ненормативной лексики и неоправданного использования заимствований. В контексте анализируемого Закона представлено содержание актуальной лексикографической проблемы – составление нормативных словарей и их рекомендуемого списка. Делается вывод о недостаточном исполнении Закона в современном российском обществе, что имеет негативные последствия для культуры русской речи и формирования на родном языке метакогнитивных навыков россиян.

Ключевые слова: русский язык, английский язык как донор, современная языковое законодательство, ценностное отношение к родному языку.

N. K. Ivanova

The Ivanovo State University of Chemistry and technology, Ivanovo

**ON COMPLIANCE WITH THE RF LAW “ON THE RUSSIAN
LANGUAGE AS THE STATE LANGUAGE”:
A BARREL OF TAR AND A SPOON OF HONEY**

Abstract. On the basis of the Russian law “On the Russian language as the State Language” the article examines some current problems of contemporary language policy and the formation of a value attitude towards the native language. The problems of the use of profanity and unjustified borrowings, identified in the Law, are interpreted in details. In the context of the analyzed Law, the content of the current lexicographic problem is

presented – the compilation of standard dictionaries and their recommended list. The conclusion is made about the insufficient implementation of the Law in modern Russian society and negative consequences for the culture of Russian speech and metacognitive skills of Russians.

Keywords: Russian language, English as a donor language, modern language legislation, value attitude towards the native language.

С июня 2005 г. действует Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Данный Закон и его более поздние редакции (2013, 2014, 2021 гг.) были необходимы для правового обеспечения языковой политики России – многонационального государства, активно сотрудничающего на мировой арене с различными странами и обеспечивающего продвижение идей Русского мира. Законодательное урегулирование языковых вопросов необходимо и для пользования государственным языком во взаимоотношениях между народами страны, в образовании, в официальном секторе, в сфере информации. В Законе под государственным языком понимается «язык государствообразующего народа, входящий в многонациональный союз языков» [8]. В нашей стране таким языком является русский; он выполняет объединительную функцию, применяется в различных сферах государственной жизни, выступает в качестве символа государства, т. е. так же, как герб, флаг и гимн. Этот закон содержит 7 статей с подпунктами, которые регулируют использование русского языка в различных социальных сферах. Интенсивное развитие России в первые десятилетия XXI в. обусловило необходимость, с одной стороны, активного взаимодействия с другими странами, их языками и культурами. Это в условиях широкого доступа к информационным ресурсам и технологиям определило вхождение в русский язык огромного количества иноязычных слов из сферы информационных технологий, спорта, музыки, экономики и т. д. С другой стороны, явное снижение уровня образования и профессионализма работников СМИ, приобщение через социальные сети и мессенджеры большого количества людей разного возраста и уровня образования к письменной коммуникации, формирование на этом фоне разнообразных «креативных течений» [2, с. 38–40] и др. процессы привели к значительному «размыванию» языковых норм, их

«демократизации» [4] и, в конечном итоге, к почти полной потере отношения к родному языку как к ценности, культурно-национальному достоянию. Закономерно, что в феврале 2023 г. в закон «О государственном языке Российской Федерации» были внесены важные дополнения, которые отразили объявленные Президентом РФ В. В. Путиным новые основы государственной культурной политики России: борьбу с ненормативной лексикой и излишним использованием иностранных слов в устной и письменной коммуникации на русском языке.

Употребление ненормативной лексики в СМИ обычно подвергается цензуре – вырезается или ретушируется звуковым сигналом. В социальных сетях, несмотря на предупреждения администраторов быть корректными, в различных авторских новостных и развлекательных блогах и читательских комментариях нецензурные выражения давно стали частью «языкового имиджа» авторов.

Почти безнадежно-сложной является в настоящее время ситуация с устной речью молодого поколения, которое выросло в условиях широкого общественного и частного (например, в семьях) употребления ненормативной лексики как «молодежной культуры», «естественного разговора» (а не брани). Недавно (приблизительно с 2019 г.) Россия присоединилась к Всемирному дню борьбы с ненормативной лексикой. Цель этой акции – привлечь как можно больше людей к очищению языка от мата, продемонстрировать языковую культуру нации. Естественно, что однодневные акции не могут исправить ситуацию, но систематическая и кропотливая работа с молодежной аудиторией поможет постепенно сформировать у её представителей внутренний самоконтроль на основе осознания, что нецензурная брань – это нарушение правовых и моральных норм, порицаемый Церковью грех сквернословия. Ненормативная лексика в общественном месте расценивается Законом и нормами морали не только как проявление явного неуважения к окружающим людям, но и влечет наложение административного штрафа. Разъяснительные беседы, конкурсы интернет-мемов, диспуты в молодежной аудитории, безусловно, речевой пример старших и др. мероприятия, на наш взгляд, помогут постепенно прийти к сознательному неупотреблению ненормативной лексики

в молодежной аудитории. Решение данной проблемы, отмеченной в Законе, лежит в социально-культурной плоскости и требует слаженных действий по повышению культуры речи на русском языке со стороны СМИ, церкви, образовательных учреждений, семьи – для создания атмосферы неприемлемости ненормативной лексики в общественном пространстве.

Еще более сложной является проблема неоправданного использования иноязычных слов в речи на русском языке. Экстралингвистические условия взаимодействия стран в современном мире, интенсивная межкультурная коммуникация, открытость России технологическим инновациям и цивилизационным достижениям объективно обуславливают значительный приток заимствованной лексики, обогащение русского языка новыми или более ёмкими, более экономными понятиями. Заимствования как важный лексический пласт любого языка досконально изучены, классифицированы по разным признакам [1, с. 158–159], но они до сих пор сохраняют к себе исследовательский интерес со стороны лингвистов.

Ранее мы писали, что поток заимствований-англицизмов спровоцировал появление новой проблемы в русскоязычном сообществе: многие популярные слова стали употребляться как агнонимы – без понимания их подлинного значения и, что самое удивительное, без их соотношения с оригинальным значением слова в изучаемом иностранном языке, как правило, английском [3]. Назовём лишь некоторые из них: *кейс*, *айфон*, *хакатон*, *челлендж*, *коуч*, *флешмоб*, *аутсорсинг*, *даунишфтинг* и пр.

Закон «О русском языке как государственном» обращает внимание на необходимость ограничения употребления неоправданных заимствований, т. е. слов, имеющих общеупотребительные аналоги в русском языке и внесенных в словари (ср.: *бэбл-гам* – жевательная резинка; *сейл* – распродажа; *байк-пати* – слет байкеров; *римейк* – новая версия чего-либо; *коуч* – тренер-консультант и др.) Все эти примеры взяты в случайном порядке («рандомно») из *Словаря новейших иностранных слов* Е. Н. Шагаловой [9]. Они показывают, что в русском языке легко можно найти аналог иностранному слову, но последнее часто экономнее в языковых средствах: обычно одно слово заменяет описательный оборот. Часто заимствование

относится в языке-доноре к профессиональному сленгу, и оно обычно повышает в русском языке свой стилистический статус, расширяет своё значение, часто далекое от исходного. Однако лингвистические критерии определения необходимых и излишних заимствований не имеют четких обоснований, а приводимое в февральском Дополнении 2023 г. «Положение о нормативных словарях и справочниках», список которых утверждается Правительством по представлению Комиссии по русскому языку, на наш взгляд, не работает, и, следовательно, проблема выявления ненужных или оправданных заимствований остается нерешенной; лексикографическая практика обычно отстает от реального словоупотребления.

«Ложкой мёда» для неравнодушных к состоянию русского языка и специалистов стали Постановления, Указы, Протоколы Правительства о необходимости серьёзного отношения к словарям, их оперативному редактированию и переизданию [5, 6]. В настоящее время действующим остается список, утвержденный в 2009 г. [7]. В нем нет словарей заимствований, но именно иностранные слова активно пополняют сейчас лексический состав русского языка. Вопросы нормативной лексикографии, естественно, волнуют филологическое сообщество. Проанализированный Закон имеет не только статусное и охранное значение, но и образовательное. Его соблюдение в обществе и пропаганда основных положений в печати, школах и вузах будут способствовать как повышению культуры речи на родном языке, так и совершенствованию когнитивной основы для категоризации и описания объектов, явлений и понятий в окружающей действительности, развитию метакогнитивных навыков на русском языке.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь Языкознание. Научное издательство: «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 158–159.
2. *Иванова Н. К.* Орфография языковой личности: теория и практика изучения // *Язык. Дискурс. Текст. Материалы международной научной конфер.* Ростов н/Д., 2012. С. 38–40.
3. *Иванова Н. К., Костина Е. В., Меркулова Н. Е.* Русский и английский языки в культурно-когнитивном пространстве русскоязычных

студентов: опыт устранения агнонимов // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 2–3 апреля 2019 г. / под ред. Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. Нур-Султан, Казахстан: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. С. 448–452.

4. *Куликова Э. Г.* Современный дискурс: социальные реалии и плюрализм элит // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы II научно-практической конференции. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 80–64.

5. Последствия принятия закона о госязыке России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17492501> (дата обращения: 02.02.2024).

6. Постановление «О порядке формирования и утверждения списка нормативных словарей» URL: <http://government.ru/docs/all/148417>] (дата обращения 03.02.2024)

7. Список утвержденных словарей. URL: <https://rg.ru/documents/2009/08/21/russkiy-slovari-dok.html>] (дата обращения: 03.02.2024).

8. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”». URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz52-site-dok.html> (дата обращения: 03.02.2024).

9. *Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов. Москва: Грамота, 2023. 576 с.

УДК 81'42
ББК 81.055

М. Г. Исаева, И. Ю. Кожина

Череповецкий государственный университет, г. Череповец

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОДОВЫХ
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
РОМАНЕ А. СИМАНА *OUT OF EGYPT. A MEMOIR***

Аннотация. Художественное многоязычие – одно из наиболее перспективных направлений исследований в современной контактной лингвистике. В настоящей работе анализируется прагматический аспект функционирования кодовых переключений в автобиографическом произведении многоязычного и мультикультурального американского писателя А. Асимана *Out of Egypt. A Memoir*, где матричный язык – английский, гостевые языки – французский, арабский, итальянский, сефардский, немецкий, греческий. Прагматические функции иноязычных единиц в художественном произведении определяются на основе классификации Г. Н. Чиршевой и И. Ю. Кожиной. Кодовые переключения в романе А. Асимана выполняют две группы прагматических функций: функции, характерные для художественного произведения (стилизация под речь на гостевом языке) и для живой речи (предметно-тематическая, металингвистическая и цитатная функции, функция самоидентификации).

Ключевые слова: Художественное многоязычие, кодовое переключение, прагматическая функция.

M. G. Isaeva, I. Yu. Kozhina

Cherepovets State University, Cherepovets

**PRAGMATIC PECULIARITIES OF
CODE-SWITCHES IN AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL
BY A. ACIMAN *OUT OF EGYPT. A MEMOIR***

Abstract. Literary multilingualism is one of the most perspective research fields in modern contact linguistics. The present research analyses the pragmatic aspect of the code-switches in the autobiographical novel of the multilingual and multicultural American writer Andre Aciman «Out

of Egypt. A Memoir» where the Matrix Language is English, the Embedded Languages are French, Arabic, Italian, Ladino, German, Greek. The pragmatic functions of the foreign units in the literary work are determined on the basis of the classification of G. N. Chirsheva and I. Y. Kozhina. In the novel by A. Aciman the code-switches carry out two groups of pragmatic functions: the one, characteristic of literary works (the styling of the speech under communication in the Embedded Language), and the other, characteristic of oral speech (topic-related, metalinguistic, citing and self-identification functions).

Keywords: Literary multilingualism, code-switch, pragmatic function.

Художественное (литературное) многоязычие (и двуязычие как его частное проявление) – одно из направлений исследований контактной лингвистики. Под художественным многоязычием понимается целый спектр языковых явлений в литературе, а именно авторский самоперевод, способность автора создавать художественные произведения на нескольких языках, переход с одного языка на другой в рамках одного произведения, а также создание многоязычных литературных текстов [3]. Последнее явление называется исследователями литературными кодовыми переключениями. П. Гарднер-Клорос и Д. Уэстон определяют их как использование нескольких языков или вариантов одного языка в рамках одного художественного произведения и наделяют их способностью выполнять ряд функций, стилистических и прагматических. Например, герои произведения могут говорить на разных языках. Кодовые переключения могут использоваться, согласно П. Гарднер-Клорос и Д. Уэстону, для эмфатического выделения отдельных частей высказывания, для репрезентации речи с переключениями, характерной для определенной прослойки населения. Иноязычные единицы в художественном тексте могут указывать на смену речевого регистра, выступать в качестве стилистического приема аллюзии или служить для создания комического эффекта (юмора, иронии, сатиры) [4, с. 186]. Лингвисты отмечают, что функции литературных кодовых переключений совпадают, но не полностью, с функциями переключений в живой речи [4]. На данный факт указывают также отечественные исследователи художественного билингвизма и многоязычия Г. Н. Чиршева и И. Ю. Кожина (Мишинцева), разработавшие классификацию

для анализа прагматических функций кодовых переключений в художественном произведении.

Данная классификация предлагает две группы функций:

1. Функции, характерные только для литературных произведений (функция создания эффекта коммуникации на гостевом языке, функция повтора содержания высказывания на гостевом языке).

2. Функции, сходные с живой речи и передающие объективную информацию (эмоциональная, эмфатическая, металингвистическая, а также функции самоидентификации и воздействия) и субъективную информацию (предметно-тематическая, цитатная, адресатная, фатическая) [1, 2].

В рамках данной классификации прагматических функций кодовых переключений (далее КП) используется терминология американского лингвиста К. Майерс-Скоттон: матричный язык (the Matrix Language) – принимающий язык, – источник морфосинтаксической структуры высказывания; гостевой язык (the Embedded Language) – источник иноязычных единиц в высказывании [5, с. 340].

Целью настоящего исследования является определение прагматических особенностей 186 кодовых переключений в речи автора и героев романа американского писателя Андре Асимана *Out of Egypt. A Memoir*. Андре Асиман – современный американский прозаик. Одной из особенностей индивидуального авторского стиля данного писателя является многоязычие и мультикультурность, что обусловлено фактами его биографии, нашедшими отражение в анализируемом автобиографическом романе. А. Асиман вырос в семье, где родственники общались между собой и с ближайшим окружением на нескольких языках: французском, немецком, греческом, сефардском, арабском и некоторых других. А. Асиман обучался в британском лицее в Египте, а также в американском колледже Леман в Нью-Йорке и в Гарвардском университете. Как результат, автор свободно владеет английским, французским, турецким и греческим, а также обладает знаниями итальянского, арабского, немецкого и сефардского языков. Данными биографическими фактами обусловлено использование кодовых переключений на такие гостевые языки, как французский, греческий, итальянский, немецкий,

сефардский и арабский в исследуемом материале. Матричный язык – английский.

В романе преобладают французский и арабский гостевые языки: на французском языке общаются родственники главного героя, претендующие на аристократизм (французский язык в Египте того времени был языком элиты), арабский язык вводит в текст элементы египетской мусульманской культуры, также на арабском языке семья главного героя общается со своими слугами.

Рассмотрим несколько примеров функционирования гостевых языков в тексте романа.

1. *It was your grandmother who taught me how to cook. I gave her piano lessons; she taught me how to cook. "One day you'll need to cook a man a real meal, and piano music is all very nice, but men need **un bon biftek, vous comprenez ce que je veux dire, Flora?**"*.

Флора – тетя Андре, вспоминающая одну из его бабушек, старающихся изъясняться на французском. Флора цитирует ее слова на французском. КП представлено довольно объемной структурой – островом гостевого языка (**un bon bifstek**) и частью сложного предложения (**vous comprenez ce que je veux dire**), что говорит о хорошем уровне владения французским бабушкой Андре.

2. *She made her way down the crowded aisle, stepped down the tram stairs, and stood on the platform, looking meek and crestfallen, rummaging through her old purse for a match, while a man, wearing a **galabiya**, eyed her intently, clearly about to beg for a cigarette.*

Выделенное КП – арабское слово, обозначающее джелабу, элемент арабской одежды (длинный свободный халат с широкими рукавами и остроконечным капюшоном). Таким образом при помощи КП автор создает эффект присутствия, вводит элементы местной арабско-мусульманской культуры.

3. *That was my cue, for on hearing her speak of **la otra venida**, I would lunge toward her and clasp her tightly, while she struggled with mock annoyed shoves, like a person about to be tickled or embraced in public, feigning to ask how dare I kiss her now after doing what I had done – which was to outlive her and deprive her of me someday.*

«La oltra venida» в переводе с сефардского, языка испано-язычных евреев, – «второе пришествие». Адель, бабушка Андре, которую в семье называли «Святая», в особо патетические моменты обращается к внуку на своем родном языке, чтобы вызвать в нем теплые чувства, так как Адель сильно ревнует внука к его второй бабушке – Эстер («Принцессе»).

4. КП на итальянский язык в основном появляются в тексте в речи Вили, двоюродного дедушки Андре, которого сам автор характеризует как солдата, торговца, шпиона и плута в названии посвященной Вили главе. В свое время еврей Вили, родившийся в Турции, стал «итальянцем», объявив, что его предки родом из Ливорно, где очень кстати обнаружился дальний родственник-итальянец. *Are we or aren't we, siamo o non boasted my great-uncle Vili when the two of us finally sat down late that summer afternoon in a garden overlooking his sprawling estate in Surrey.* КП в переводе с итальянского «те ли мы, кем себя считаем?». Интересно, что эта фраза Вили может быть использована для характеристики всех родственников Андре, а также и его самого. По собственному признанию Андре, он не может отнести себя к какой-то определенной культуре и назвать свою родную страну. Данная фраза представляет собой своеобразный лейтмотив мультилингвального и мультикультурального произведения.

5. *“Good night, Herr”, he said abruptly. “Good night, Dr. Spingarn,” I replied, resigned never to ask how he had come to know this passage by Proust.* В данном примере КП – вкрапление из немецкого языка. Шутливое обращение дяди Вили к Андре, уже взрослому молодому человеку.

6. *“Kyrio Costa, your soul is blessed in heaven.”* Грек Коста – муж одной из подруг матери Андре, а также друг бабушки Андре, Эстер («Принцессы»), которая была родом из Константинополя, как и Коста. Они были земляки. Кугио в переводе с греческого «господин». Высказывание с КП – обращение Эстер к Косте, наполненное уважением и восхищением.

Приведенные выше примеры демонстрируют тот факт, что КП в анализируемом романе несут в тексте дополнительную смысловую нагрузку и выполняют определенные прагматические функции. В речи автора и героев произведения были

выявлены следующие прагматические функции: 1. Функция самоидентификации. 2. Предметно-тематическая функция (в случае с отсутствием лексических эквивалентов в английском языке, в основном, это связано с реалиями арабо-мусульманской культуры и Египтом). 3. Цитатная функция. 4. Металингвистическая функция. 5. Функция создания эффекта коммуникации на гостевом языке (вместе с дополнительной функцией повтора содержания на матричном языке).

Рассмотрим примеры реализации данных функций.

1. *"I want him to become distinguished," the Princess said. "Like my brothers, who are, as you know, très comme il faut."* Эстер («Принцесса»), бабушка Андре, хочет, чтобы ее внук стал достойным, уважаемым в обществе человеком, а для этого он должен больше времени, по мнению Эстер, проводить в ее доме, общаться с родственниками со стороны отца, что поможет ему научиться правильно говорить и привьет ему хорошие манеры. Эстер подчеркивает свою принадлежность к высшему слою общества при помощи КП на французском языке, так как египетская аристократия середины XX в. говорила на французском языке. Бабушка Андре подчеркивает при помощи КП, что владеет французским языком, который является признаком аристократизма, по ее мнению. Таким образом, мы можем говорить о том, что КП на французском языке выполняет функцию самоидентификации в данном контексте.

2. *My father was right about one thing: Aziza always trailed that pungent odor of **hilba**, an auburn-colored substance that Egyptians drank in large doses for its alleged curative properties and which dyed their palms red and made their bodies exude what Europeans considered a repellent, dirty odor.* КП на арабском языке обозначает травянистое растение хильбу (хельбу), которое, как поясняет сам автор в предложении, египтяне употребляют в больших количествах в лечебных целях. КП выполняет в тексте предметно-тематическую функцию, так как арабское слово является безэквивалентной лексикой и обозначает реалию арабо-мусульманской культуры.

3. ***La commedia è finita**, he crooned with blithe consternation as he lifted up an arm with the operatic flourish of someone looking for the slightest pretext to break into song.* КП на итальянском языке

переводится как «комедия окончена». Это устойчивое выражение стало популярным благодаря опере Леонкавалло *Паяцы* и обозначает конец притворству и игре. Герой, произносящий эти слова, – Уго Монтефьори, еврей, неоднократно меняющий место жительства (страну) и свою фамилию в попытках избежать антисемитизма и заработать денег. В отчаянный для египетских евреев момент он произносит данную фразу в разговоре со своим знакомым Исааком, еще одним двоюродным дедушкой Андре. КП на итальянском языке выполняет цитатную прагматическую функцию.

4. *«People in the street referred to her as **al-tarsha**, the deaf woman, and, among the Arabs in the marketplace, everyone and everything in her household was known in relation to the **tarsha**: the deaf woman's father, the deaf woman's home, her maid, her bicycle, her car, her husband.* КП на арабском языке выполняют в предложении металингвистическую функцию, так как автор знакомит читателей с арабской лексикой, поясняет, как называли арабы его глухонемую мать. КП в переводе с арабского – «глухая».

5. *As soon as I reached the ill-lit floating platform, a beggar, the only soul in sight, told me that I had missed the vaporetto to the Lido. **Bisognerà aspettare, you'll have to wait,**” she said.* КП на итальянском языке используется для стилизации речи, так как нищенка разговаривает с Андре, приехавшим навестить тетю Флору в Венеции, на итальянском. Данная прагматическая функция сопровождается функцией повтора содержания высказывания на гостевом языке: в предложении КП дублирует информацию на английском языке (you'll have to wait).

Все выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что КП в автобиографическом романе А. Асимана отражают особенности его личности и его окружения, а именно многоязычие и мультикультуральность. В англоязычном произведении используются структуры из шести гостевых языков: французского, арабского, итальянского, сефардского, греческого и немецкого. Каждый язык символизирует определенную веху в истории семьи Андре Асимана (например, сефардский язык – это истоки семьи, он указывает на их истинное происхождение; французский и арабский языки – эмигрантская жизнь в Египте, итальянский язык – и прошлое и будущее (как очередная эмиграция

отдельных представителей многочисленного семейства). Также отдельные языки тесно связаны с определенными героями произведения: например, греческий язык появляется в сюжетной линии о друге бабушки Андре – греке Косте, итальянский язык – в сюжетной линии о друзьях-евреях двоюродного дедушки Андре Исаака, сефардский язык – родной язык бабушек Эстер и Адель и т. д. В романе КП выполняют обе группы прагматических функций, а именно функции, характерные для живой речи, и функции, реализуемые только в художественном произведении. Перспективы дальнейшего исследования творчества Андре Асимана предполагают структурно-графический и стилистический анализ КП, а также определение стратегий передачи иноязычных единиц при переводе романов А. Асимана на русский и другие языки.

Библиографический список

1. *Мишинцева И. Ю.* Переключения кодов в художественных произведениях: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2011. 211 с.
2. *Чиршева Г. Н.* Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
3. *Bar-Itzhak Ch.* Literary Multilingualism: Representation, Form, Interpretation, Introduction. Introduction // *Dibur Literary Journal*. 2019. V. 7. P. 1–6.
4. *Gardner-Chloros P., Weston D.* Code-switching and Multilingualism in Literature // *Language and literature*. 2015. V. 24 (3). P. 182–193.
5. *Myers-Scotton C., Jake L. J.* Revisiting the 4-M Model: codeswitching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. V. 21 (3). P. 340–366.

УДК 372.881.111.1
ББК Ч448.026

А. В. Кириллова
НИТУ МИСИС, г. Москва

ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАДАНИЯ ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Аннотация. В статье описывается опыт разработки и апробирования курса по английскому языку для студентов информационных технологий в университете с учетом анализа потребностей и требований индустрии с применением задания ориентированного подхода. Детально рассмотрены преимущества задания ориентированного подхода для обучения языку для профессиональных и специальных целей. Представлены результаты мониторинга эффективности курса и его влияния на мотивацию студентов.

Ключевые слова: английский язык, задание ориентированный подход, высшее образование, язык для профессиональных и специальных целей.

A. V. Kirillova
NUST MISIS, Moscow

TASK-BASED APPROACH IN TEACHING ENGLISH TO THE STUDENTS OF INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. The article analyzes the experience of development and approbation of English course for the students of information technology in the university with regard to the needs analysis and with the application of task-based approach. The advantages of task-based language education (TBLT) for teaching English for occupational and specific purposes are explicitly described. The results of the study regarding the effectiveness of the course and its impact on the students' motivation level are presented.

Keywords: English language, task-based approach, higher education, English for occupational and specific purposes.

Language learning and teaching have evolved over the past few decades, with a shift towards learner-centered approaches. The task-based language teaching (TBLT) is gaining attention as an effective method for teaching English especially to the learners who need functional language skills relevant to their real-world experiences [1; 2]. The approach involves a target task focused on real-life situations and a pedagogic task designed for instructional purposes. Tasks in second language acquisition provide opportunities to learn language through comprehensible input, output, and feedback. Due to its analytic nature, TBLT introduces authentic input as an example of target language communication, allowing learners to produce output for close to real-world scenarios [1].

The idea of teaching English to the students within their major seems relevant and correlates with the overall preferences for specific language knowledge and skills in various industries. Moreover, the benefit of specific language acquisition combined with an opportunity of its immediate application in real-world situations can be considered as not only an academic advantage, but also as a competitive advantage for labor market [1].

A number of research has investigated TBLT applicability and effectiveness in academic settings [3; 5; 6]. Research findings of Nychkalo et al. demonstrated the effectiveness of the approach for learning business vocabulary among university students. However, challenges were observed due to the complexity of real business tasks and students' lack of expertise in that area [5]. Another study compared TBLT with presentation-practice-production approach (PPP) in teaching grammar to technical university students, showing a significant increase in grammar acquisition by the TBLT group [3].

As task-based approach implies the application of tasks which comprise real-world activities, needs analysis should be considered as a primary stage in task development.

Jackson emphasized the importance of needs analysis for both teachers and learners due to its focus on language application aims, task development relevance, and teaching procedures [1]. Long highlighted the crucial need for investigating distinctions among L2 learners' diverse goals [2]. Furthermore, Malicka et al. discussed how needs analysis in a hospitality context can impact curriculum tasks based on their complexity and frequency in practice [4]. Moreover, it was

argued that cognitive complexity and linguistic difficulty of tasks should be considered for task development and establishment of task performance criteria and assessment.

Needs analysis could also bridge the gap between learners' language targets and teaching process, resulting in increase in learners' motivation. Engagement can be facilitated through tasks that entail creativity, exchange of personal experience, and clearly established relevancy [1]. Tasks resembling actual business cases stimulate interaction and promote gaining knowledge for better task performance, thereby increasing motivation in the context of teaching ESP [5].

TBLT implementation has been reported to bring about positive change in learners' motivation in various contexts. Simion and Genova found a high percentage of respondents noticing increased motivation for learning after TBLT implementation for teaching English to students of information technology and tourism in two European countries [6].

The evidences suggest a positive effect of TBLT in teaching English for specific purposes, with limited research on information technology. Therefore, this study aimed to explore the impact of TBLT on language acquisition by information technology students (RQ1) and the effects of task application on student motivation (RQ2) in a technical university in Russia.

Methodology

Within the study, a mixed research approach combining qualitative and quantitative methods was used, with data collected through questionnaires and analyzed before and after the experiment. Task selection was performed through interviews with domain experts and students from the information technology department to ensure relevance.

For the purpose of needs analysis, two domain experts, including a representative from an international IT company and a teacher from the information technology department of NUST MISIS, were interviewed. Additionally, 26 students from the information technology department at NUST MISIS participated in choosing relevant topics for their major and interests.

As far as the experiment is concerned, the study included 15 third-year bachelor's students from the National University of Science and Technology MISIS, College of Information Technologies and Computer Sciences. The participants were informed about the experiment's purpose from the start to ensure voluntary participation. All necessary materials for the research were provided to them.

Instruments

For the needs analysis the data collection, interviews and a questionnaire were used as main instruments. Two domain experts were interviewed and 26 IT department students completed the questionnaire. The results defined the design of specific tasks and learning activities on Learning Management System Canvas Instructure, serving as the primary platform for course administration.

For the experiment's data collection, a test was administered to students at the beginning and end. It aimed to gauge language knowledge and motivation levels. The questionnaire had three sections: general information, 15 multiple-choice questions, and 31 Likert scale-based questions. The first part assessed professional language acquisition effectiveness through task-based teaching topics, while the second part used MSLQ questions. The same test was conducted before and after the experiment for pre-test and post-test analysis.

Procedures

The needs analysis data was collected in two stages: conducting interviews with a software engineer and an academic professional, as well as administering a questionnaire to 26 third-year students of information technology at NUST MISIS. The data collection lasted 2 weeks, after which the pedagogical tasks were designed and developed for the course on LMS Canvas Instructure. The experiment spanned over 4 weeks with both in-class sessions and online assignments, focusing on only 2 topics to allow sufficient practice. Pre-tests and post-tests were conducted to assess knowledge gained from the tasks and differences in student motivation levels.

Results

On the stage of needs analysis, the oral information gathered from the partially organized interviews was decoded and examined. Comparable ideas with shared attributes were grouped into the subjects that formed part of the course outline. The course included specific to the industry topics, i.e., technical interview, code review, professional tasks, etc., and general professional topics, i.e., job interview, presentation skills, international organization structure, etc.

For the experiment, the pre- and post-test results were calculated separately for two parts in accordance with the research questions. The first part of the test correlated with RQ1 and consisted of 15 questions, each carrying 1 point. For ease of calculation, the maximum score was considered as 100, and the obtained test results were converted accordingly. The second part correlated with RQ2 had a maximum possible score of 217 points, which was adjusted to 100 for further calculations.

In terms of domain-specific language and communication skills, a paired sample t-test indicated that the improvement in scores was statistically significant ($t(14) = -4.654, p < .001$).

After examining the level of motivation, the findings of a paired sample t-test indicated that there was a statistically significant rise in students' motivation levels following the experiment ($t(14) = -3.258, p = 0.006$).

Discussions and Limitations

The study found that using a task-based approach to teach English, focusing on the professional field of information technology for university students, led to significant improvement in language and communication skills acquisition as well as increased motivation. The research aimed at enhancing domain-related language and communication skills among information technology students through TBLT in an academic setting and exploring the impact of needs analysis-oriented pedagogical tasks on student motivation. The results confirmed both propositions.

As the results seem promising, still a larger participant pool completing the course is needed to validate findings and assess long-term impact. Further research on professional diversity and student

proficiency levels could identify specific settings for more effective implementation of the task-based approach.

Conclusions

Based on the results of this research, it can be inferred that the task-based approach seems to be a beneficial instructional strategy for promoting language acquisition and boosting motivation among university students studying information technology. Additionally, creating real-world tasks aligned with industry demands and student interests can greatly enhance the effectiveness of this approach for teaching specialized English to information technology students in a university environment.

References

1. *Jackson D. O.* Task-Based Language Teaching // Cambridge Elements. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
2. *Long M. H.* Second Language Acquisition and Task-Based Language Teaching. New-York: Wiley, 2015. 456 p.
3. *Lytovchenko I., Lavrysh Y., Lukianenko V., Ogienko, O.* How to Teach Grammar to Adult ESP Learners at Technical University More Communicatively: Task-Based Approach // Multidisciplinary Journal for Education, Social and Technological Sciences. 2020. № 7 (1). P. 54.
4. *Malicka A., Gilabert Guerrero R., Norris J. M.* From Needs Analysis to Task design: Insights from an English for Specific Purposes Context // Language Teaching Research. 2017. № 23 (1). P. 78–106.
5. *Nychkalo N., Wang J., Lukianova L., Paziura N., Muranova N.* Use of Task-Based Approach in Teaching Vocabulary to Business English Learners at University // Advanced Education. 2020. № 7 (16). P. 98–103.
6. *Simion M. O., Genova T.* The Effectiveness of Task-Based Language Teaching to ESP Bachelor Students at Two Universities in Bulgaria and Romania // Bulgarian Comparative Education Society. 2019.

УДК 81'33
ББК 81.1

Ю. М. Кириллова

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург

СВЯЗЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ С NLP

Аннотация. В статье описываются цели и задачи таких наук, как компьютерная лингвистика и NLP. Обозначаются основные направления развития технологий, разрабатываемых в рамках рассматриваемых дисциплин. Сравниваются подходы к определению связи между двумя предметными областями.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, NLP (обработка естественного языка), естественный язык, автоматизация

Y. M. Kirillova

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg

COMPUTATIONAL LINGUISTICS AND NLP RELATIONSHIP

Abstract. The article analyses goals and problems of two sciences such as computational linguistics and NLP (Natural Language Processing). The author indicates the main development directions of technologies advancement within the considered disciplines. Moreover, two approaches to define the relationship between two subject areas are compared.

Keywords: computational linguistics, NLP (Natural Language Processing), natural language, automation

В эпоху цифровизации информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни людей. Перед современными компьютерами стоит множество задач, к примеру, автоматизация, оптимизация и ускорение рабочего процесса во всех сферах деятельности, а также обработка массивов информации, которые стали стремительно возрастать с появлением персональных

компьютеров и распространением Интернета. Более того, при работе с информацией важны не только ее извлечение или обработка, но и проверка достоверности и возможность ее дальнейшего использования.

Для разрешения этих проблем и вызовов появились науки, представляющие собой соединение нескольких областей знаний, одной из таких является компьютерная лингвистика (*computational linguistics*). Эта наука, образовавшаяся на стыке лингвистики, информатики и нейронауки, считается одним из направлений прикладной лингвистики. В рамках этой предметной области разрабатываются и используются компьютерные программы и технологии организации и обработки данных, которые применяются для исследования языка и моделирования его функционирования в различных сферах. Более того, она представляет собой область применения компьютерных языковых моделей в лингвистике и смежных с ней дисциплинах [1].

Компьютерная лингвистика берет свое начало от Джорджтаунского эксперимента, проводившегося сотрудниками американской компании ИВМ на базе Джорджтаунского университета 7 января в 1954 г., который по праву можно считать первым в истории случаем машинного перевода. Был осуществлен полностью автоматизированный перевод более 60 предложений с русского языка на английский. Несмотря на то, что для подготовки эксперимента использовался словарь с небольшим количеством записей, равным 250, и 6 грамматическими правилами, этот эксперимент положил начало машинному переводу, показав, что эту сферу деятельности можно автоматизировать [5].

Компьютерная лингвистика создавалась для решения задач, связанных с автоматизированной обработкой естественного языка. Основными задачами компьютерной лингвистики можно назвать: распознавание и синтез речи, генерирование текста, машинный и автоматизированный перевод, разработка вопросно-ответных систем, извлечение информации из текста, создание пользовательского интерфейса на естественных языках, анализ тональности текста, автореферирование, создание и использование корпусов текстов, автоматическое обнаружение и исправление ошибок в тексте, создание электронных словарей и тезаурусов [6].

Можно считать 1954 также годом появления NLP (*Natural Language Processing*) или обработки естественного языка, науки о проектировании методов и алгоритмов, которые используются для автоматизированной обработки человеческих языков. «Сюда входят как алгоритмы, принимающие на входе созданный человеком текст, так и алгоритмы, порождающие тексты, которые выглядят как естественные» [3].

В целом, две науки многое объединяет. Они начали формироваться в 1950-е; в рамках обеих сфер разрабатываются способы автоматизированной обработки естественного языка. Задачи, решаемые обеими предметными областями, при сравнении оказываются почти идентичными [2]. Более того, очевидно, что весь потенциал, разрабатываемых с помощью наук, технологий еще не раскрыт. В связи с этим еще одной схожестью можно назвать общие перспективы и направления развития. При помощи NLP разрабатываются технологии создания более персонализированной контекстной рекламы. При условии повсеместного использования генераторов текста крупным компаниям удастся ускорить работу по созданию информации. Несмотря на уже довольно эффективную работу чат-ботов, ведутся разработки, которые позволят вопросно-ответным системам поддерживать большое количество языков. На данный момент финансирование этой отрасли происходит за счет ограниченного круга компаний из развитых стран, поэтому развитие автоматизированной обработки распространенных естественных языков происходит намного стремительнее. Еще одним неразрешенным препятствием можно назвать недостаточное для обучения количество текстов, написанных на редких языках. Кроме того, продолжается активное развитие технологий в сферах, в которых они уже показали свою эффективность, к примеру: в маркетинге, бизнесе, инвестировании, юриспруденции, медицине, робототехнике [7].

Определить, когда речь идет про направления развития или достижения компьютерной лингвистики, а когда про NLP, довольно непросто. Так, если обратить внимание на русскоязычные источники информации, то можно заметить, что ближе к 2015 г. значительно уменьшилось количество статей и учебных пособий с упоминаниями компьютерной лингвистики. Зато

количество информационных ресурсов про NLP возросло и по-прежнему продолжает расти. Исходя из этого, можно заметить тенденцию к использованию терминов «компьютерная лингвистика» и «NLP» в качестве взаимозаменяемых.

В англоязычных источниках данные науки принято рассматривать как пересекающиеся области знания. Так, в компьютерной лингвистике больше внимания обращается не на сами методы, с помощью которых можно запрограммировать компьютер на понимание и изучение естественных языков, а на возможность их применения для решения лингвистических задач. В то время как NLP фокусируется на создании и реализации методов, позволяющих сделать человеческий язык доступным для компьютеров, компьютерная лингвистика по определению охватывает более широкий ряд узких направлений и технологий, которые связаны с обработкой естественного языка, но этим она не исчерпывается. Например, целью интеллектуального анализа текста (*text mining*), является исследование большого количества информации для ответов на поставленные вопросы. Этот процесс можно осуществить без технологий NLP, однако тогда он будет не таким эффективным, так как именно при помощи методов обработки естественного языка информацию можно структурировать – преобразовать для дальнейшего анализа [4].

Таким образом, являются ли понятия «компьютерная лингвистика» и «NLP» поистине идентичными – вопрос дискуссионный. Однако есть достаточное количество аргументов для того, чтобы рассматривать их как пересекающиеся, тесно связанные предметные области, задачи которых похожи, а цели различны.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Компьютерная лингвистика // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2087783> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Боярский К. К. Введение в компьютерную лингвистику: учеб. пособие. Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2013. 72 с.
3. Гольдберг Й. Нейросетевые методы в обработке естественного языка / пер. с англ. А. А. Слинкина. М.: ДМК Пресс, 2019. 282 с.

4. *Callihan R.* What is the Relationship between Text Analysis, Text Mining and NLP? [Электронный ресурс]: [видеоматериалы]. URL: <https://youtu.be/LfSZRuXI59Y?si=Yfp0Y39ZfR9inU8D> (дата обращения: 18.03.2024).

5. *Hutchins W. J.* The Georgetown-IBM Experiment Demonstrated in January 1954 // Machine Translations: from Real Users to Research: 6th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas, AMTA 2004, Washington, DC, USA, September 28 – October 2, 2004: proceedings. Berlin; Heidelberg: Springer, 2004. С. 102–114. URL: <https://goo.su/NpJnp> (дата обращения: 23.03.2024).

6. *Jurafsky D., Martin J. H.* Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. Third Edition draft: 2024. 577 с.

7. *Søgaard A., Aldarmaki H., Vulić I., Talby D.* Evaluating the Power and Purpose of Natural Language Processing // Science/AAAS: [сайт]. URL: <https://goo.su/NpJnp> (дата обращения: 24.03.2024).

УДК 81'1:39:316.77

ББК 81.006.3

Г. Кирокосьянц-Пауль

Даллас колледж, г. Даллас, США

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛНОЦЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Данная статья поднимает вопрос о важности исследования международной коммуникации с точки зрения культурных концептуализаций. Любой язык международного общения связан с широким спектром культурных концептуализаций, почерпнутым из разных культурных групп микро- или макроэтносов. Неосведомленность в системах концептуализаций, используемых в *lingua franca*, может привести к недопониманию и даже конфликту. Осознание того, что интеркультурные контексты могут не разделяться интерлокуторами, приводит к выводу о необходимости уточнения и подробного разъяснения метафор, категорий и схем, используемых в речи участников мероприятий, проводимых на языке международного общения. Интерлокуторы получают преимущество за счет глобального мышления

при условии локального взаимодействия со своими собеседниками, детально излагая и разъясняя концептуализации, которые непосредственно информируют о контексте коммуникации.

Ключевые слова: культурный, концептуализация, язык, международный, коммуникация, схема, лингвокультурология.

G. Kirokosityants-Paul

Dallas College, Dallas, the USA

CULTURAL CONCEPTUALIZATIONS AS AN IMPORTANT COMPONENT OF PROPER INTERNATIONAL COMMUNICATION

Abstract. This article raises the question of the importance of studying international communication from the point of view of cultural conceptualizations. Any language of international communication is associated with a wide range of cultural conceptualizations drawn from different cultural groups of micro- or macro-ethnic groups. Incomprehension of the conceptual systems used in a lingua franca can lead to misunderstandings and even conflict. The awareness that intercultural contexts may not be shared by interlocutors leads to the conclusion that it is necessary to clarify and provide a detailed explanation of the metaphors, categories and schemes used in the speech of participants in events held in the language of international communication. Interlocutors will benefit from global thinking while interacting locally with their interlocutors, articulating, and clarifying conceptualizations that directly inform the context of communication.

Keywords: cultural, conceptualization, language, international, communication, schema, cultural linguistics

Языки международного общения подобно Атланту держат на своих плечах небо с мириадами планет-культур. Они действуют как носители, хранилища культурных концептуализаций. Множество разнообразных единиц языка от морфем до структуры дискурса часто представляют концептуализации, которые таятся в культурных схемах и мировоззрениях [5]. Культурное основание языка может обеспечить коммуникацию между теми, кто владеет определенными культурными концептуализациями. В то же время lingua franca может осложнить или препятствовать плавному взаимодействию между теми, кто не имеет сходных культурных концептуализаций. Недаром вопрос

о важности понимания идентификации и расшифровки культурных концептуализаций был поднят лингвокультурологами, ибо само появление лингвокультурологии было отчасти обусловлено «стремительной глобализацией мировых проблем... и необходимостью учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении разнообразных вопросов, потребность заранее знать те ситуации, в которых велика возможность культурного непонимания...» [1, с. 73].

Мультилингвальные личности переносят системы культурных концептуализаций в язык межнационального общения. И тогда язык международного общения может стать пространством недокоммуникации, когда люди говорят на одном и том же языке, используя разные культурные коды. Неосведомленность в системах концептуализаций, привносимых представителями различных культур в сокровищницу языка международного общения, приводит к различной степени дискомфорта и недопонимания. Предлагаются различные решения для подобных ситуаций. Одним из них является предложение использовать базовый язык международного общения. Но поскольку культурные концептуализации возникают в результате взаимодействия между людьми, очевидно, что даже если бы мы попытались создать базовый язык международного общения, эта попытка сама по себе со временем произвела бы новые системы концептуализаций, способствуя новому витку недопониманий. Стоит принять оценку и уважение той идеи, что любой *lingua franca*, будь то русский, английский, французский, будет ассоциироваться с широким спектром культурных ассоциаций, почерпнутых из разных культурных групп. Поэтому мы считаем исследования и поиск смысла для пересмотра сути интернациональной коммуникации достойными внимания.

Мультилингвальные личности, не раз столкнувшиеся с различными системами культурных концептуализаций, способны при необходимости гибко коммуницировать и эффективно выражать свои культурные концептуализации собеседникам, что является метакультурной компетенцией. Некоторые языковые личности осваивают грамматическую и фонологическую базу языка международного общения, используя культурные

концепты родной культуры, которые ассоциируются с изучаемым материалом, оживляя в сознании культурные концептуализации обоих языков, и таким образом происходит взаимопроникновение или слияние систем. Стоит отметить, что культурные концептуализации не относятся к статичным концептуальным структурам, а скорее включают в себя концептуализации, которые регулярно возникают из взаимодействия людей различных культурных бэкграундов. Таким образом возникают и формируются новые концептуальные системы: когда люди из различных культурных кластеров начинают общаться, используя *lingua franca*, появляются новые системы и на микроуровне языковой личности, и на макроуровне культурных групп: схемы, категории и концептуальные метафоры.

В данной статье используются термины *схемы*, *категории* и *концептуальные метафоры*, которые берут начало из взаимодействия между членами культурной группы. *Схема* в большей степени отображает тематические отношения между концептами, которые включают в себя, в то время как категории развиваются на базе принадлежности к классу. Однако, схемы и категории сродни друг другу. Так же, как и концепты являются частью схемы, схемы сами по себе могут быть категориями. *Концептуальные метафоры* в основном формируются составлением из категории схем или образа-схемы в другую систему. «Повсеместное распространение схем в подходе и интерпретации опыта делает их ключевым элементом коммуникативного включения или исключения из межкультурного общения», полагает австралийский лингвокультуролог И. Малколм [4].

Схемы можно разделить на идиосинкретичные, культурные и универсальные. Идиосинкретичные схемы являются когнитивными объектами, которые абстрагированы из интерперсонального опыта языковой личности. Культурные схемы – концептуальные структуры, которые разделяются членами культурной группы и позволяют им осмысливать их культурный опыт. Универсальные схемы содержат паттерны развития и опыта, единого для всех людей. Аспекты языка, основанные на культурных схемах, могут быть хорошим подспорьем в тех случаях, когда межкультурное общение стремится к недопониманию.

Человек, не принадлежащий к какой-либо культурной группе, должен прожить в ней какое-то время, чтобы быть способным оперировать в какой-то степени культурными схемами данного сообщества. Внутри культурной группы общение основывается на культурных схемах, обеспечивающих более плавную передачу сообщений, а также позволяющих интерпретациям быть более гомогенными, чем общение, основанное на идиосинкретических схемах. Многие культурные схемы более низкого уровня как бы информируются вышестоящей культурной схемой, которая определяет основную культурную ценность, относящуюся к социальным отношениям. Это явление отображается в протоколе социального поведения, нормах и стандартах. Хотелось бы также отметить, что определенные фразеологические выражения связаны с культурными схемами, в свою очередь, устанавливающими бытовую культуру и правила социального поведения. Например, русское скромничание, нежелание хвастаться и говорить о деле до его завершения, боязнь сглазить: «Не говори гоп пока не перепрыгнешь!» в противовес американскому: “Fake it until you make it!” («Делай вид, что можешь, пока не получится!») –перевод автора). Определенные выражения могут относиться к культурным схемам, которые устанавливают принципы поведения, принятого в определенном культурном обществе. Культурные схемы действуют на различных уровнях. Культурные схемы высокого уровня не только прямо определяют мысли и действия языковой личности, но по факту подтверждаются в культурных схемах более низкого уровня. Культурные схемы низкого уровня имеют более высокую степень специфичности и разрешаемости в отношении мысли и речи у представителей языковой группы, чем схемы высокого уровня. Продуктивным для изучения коммуникации на языке международного общения представляется анализ группы культурных схем, которые являются концептуальными структурами, развивающимися на культурном уровне познания макро- и глобальных групп, так как эти схемы мотивируют мыслительный процесс и поведение, которое считается приемлемым и приличным в определенной культурной группе. Незнание таких культурных схем может привести к дискомфорту

и непониманию, то есть к непродуктивности международной коммуникации.

Мы не можем превратить мир в гомогенное языковое общество, не обеднив и не стерилизовав его. Вместо этого было бы разумнее предложить исправленную модель коммуникации. Одним из простых, но разумных принципов, который хотелось бы положить в основу, является необходимость осознания того, что интернациональные контексты могут не разделяться двумя интерлокуторами, так как они не обладают одной и той же системой культурных концептуализаций, хотя оба используют язык международного общения.

Говорящие делают выводы и строят предположения, что слушатели делают выводы, основанные на их, говорящих, культурных концептуализациях. Разделяя позицию другого австралийского лингвокультуролога Фарзада Шарифиана [6, с. 97], хотелось бы выступить с предложением, адресованным ораторам международных мероприятий, проводимых на *lingua franca*, о необходимости напоминать всем участникам, что они возможно не обладают той же концептуальной схемой, категорией или метафорой в микро- или макросистеме своих культурных концептуализаций.

Когда мы кодируем наши сообщения, очень просто переоценить то, чем мы делимся с собеседниками из других культурных или субкультурных групп. Поэтому важно постоянно отслеживать выводы участников международного кросс-культурного общения по поводу системы концептуализаций своих собеседников. Приводя в действие известное кредо “think globally act locally” («мысли глобально, действуй локально» – перевод автора) интерлокуторы могут получить преимущество за счет глобального мышления, используя язык международного общения локально. Этот принцип будет способствовать выражению различных систем культурных концептуализаций и в то же время вступлению во взаимодействие со своими собеседниками на местном уровне, детальному изложению и объяснению концептуализаций, которые информируют и контекстуализируют коммуникацию в моменте.

Библиографический список

1. *Karасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. *Lakoff G., Turner M.* More than Cool reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
3. *Malcolm I. G., Sharifian F.* Multiwords in Aboriginal English // *Phraseology and Culture in English* / ed. by P. Skandera. Berlin/New York: Mouton De Gruyter, 2007. P. 375–398.
4. *Malcolm I. G., Haig Y., Königsberg P., Rochecouste J., Collard G., Hill A., Cahill R.* Two-way English: Towards more User-friendly Education for Speakers of Aboriginal English. Perth, Australia: Education Department of Western Australia and Edith Cowan University, 1999. 152 p.
5. *Palmer Gary B.* Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin: University of Texas press, 1996. 360 p.
6. *Sharifian F.* Conceptualizations and Language // *Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011.
7. *Sharifian F.* Schema-based Processing in Australian Speakers of Aboriginal English // *Language and Intercultural Communication*. 2001. 1 (2). P. 120–134.
8. *Wierzhbicka A., Goddard C.* Cultural scripts // *Special issue of Intercultural Pragmatics*. 2004. 1 (2). P. 153–166.

УДК 81'373'221
ББК 81.0

А. А. Князева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО МИНИ-СЕРИАЛА *MAID*)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности коммуникативного поведения женщины-матери, находящейся в трудной жизненной ситуации. Проанализированы наиболее типичные вербальные и невербальные компоненты коммуникации, описывающие взаимодействие женщины с коммуникантами в рамках семейного дискурса.

Ключевые слова: лингвопрагматика, семейный дискурс, коммуникативное поведение человека.

А. А. Knyazeva

Ivanovo State University, Ivanovo

FEATURES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF A WOMAN-MOTHER IN A DIFFICULT LIFE SITUATION (BASED ON THE AMERICAN MINI-SERIES *MAID*)

Abstract. This article analyses some features of the communicative behaviour of a woman-mother in a difficult life situation. The most typical verbal and nonverbal components of communication are analyzed, describing the interaction of a woman with communicants within the family discourse.

Key words: linguopragmatics, family discourse, human communicative behavior.

Коммуникативное поведение женщины-матери, находящейся в трудной жизненной ситуации, является достаточно

сложным и многокомпонентным объектом лингвистического исследования, так как необходимо учитывать психологическую доминанту в подходе к изучению языковых и неязыковых составляющих в рамках взаимодействия участников процесса общения. В психологии не существует единого подхода к определению понятия «трудная жизненная ситуация». Ряд исследователей сходится во мнении, что это некая травмирующая ситуация, результатом которой стала высокая степень тревожности, неопределенности. В данной статье нами предпринята попытка проанализировать коммуникативное поведение женщины, героини американского мини-сериала *Maid*, оказавшейся в подобных обстоятельствах.

Женщина-коммуникант по имени Алекс уходит от бывшего мужа, страдающего алкогольной зависимостью. Вместе с ребенком она скрывается во временном убежище для жертв домашнего насилия и в поисках средств к существованию устраивается на работу горничной. Безусловно, данную жизненную ситуацию можно отнести к трудной, так как женщина не просто травмирована, но и вынуждена доказывать службам опеки, что находится в состоянии обеспечить двухлетнюю дочь. В противном случае, ребенок может быть передан в семью работающего, но эмоционально не стабильного отца.

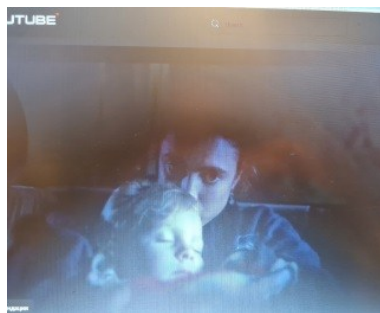

Рис. Кадр из мини-сериала *Maid*

Обратимся к анализу коммуникативного поведения Алекс. Необходимо отметить, что в первую очередь женщина-коммуникант руководствуется определенной целью – обеспе-

чить безопасность ребенка, поэтому статус «мать» в номинации коммуниканта приобретает пресупозиционный характер, так как именно данная экзистенциально-социальная модель поведения Алекс (К-1) определяет вектор ее взаимодействия с остальными членами коммуникативного процесса в рамках семейного дискурса. К ним относятся: ребенок Алекс (К-2) и ее бывший муж Шон (К-3). Целесообразно рассмотреть особенности коммуникативного поведения К-1 с каждым из адресатов. Итак, было выявлено, что вербальное поведение К-1 по отношению к К-2 характеризуется большим количеством побудительных предложений с обобщающим местоимением *we* (*we gotta be quiet, we close our eyes*), что свидетельствует о желании К-1 создать успокаивающую обстановку для ребенка. Речь К-1 также изобилует уменьшительно-ласкательными обращениями и номинациями членов семьи (*bunny boo, daddy, honey*). Даже в нестабильной и опасной обстановке женщина-мать выбирает тактику сохранения видимости счастливого семейного мира, обеспечивая ребенку покой. При помощи языковых номинаций эксплицируются разнообразные поведенческие характеристики коммуникантов. Контролируемое невербальное поведение К-1 по отношению к К-2 разнообразно и в ситуации взаимодействия между ними представлено фонационными, респираторными, миремическими, мимическими, проксемными, тактильными невербальными компонентами коммуникации (НВК). Так, в ситуации, когда К-1 была вынуждена прятаться от К-3 в машине ночью, в ее невербальном поведении преобладали такие тактильные действия по отношению к К-2, как поцелуи, объятия (см. рис.). На рисунке №1 мы видим, что К-1 обнимает и целует ребенка, однако миремические НВК (напряженный взгляд, сдвинутые брови) свидетельствуют о напряженном эмоциональном состоянии (К-1 боится звонка от мужа и находится в состоянии неопределенности). Однако в следующей ситуации, когда К-1 встретила с мужем, который начал угрожать ей, мы наблюдаем другую модель поведения. К-1 намерена начать жизнь без него и настроена решительна. К-3 использует угрозу: *Go head. Try to leave. I will fuking kill you! Do you hear me?* К-2 испытывает эмоциональную реакцию страха, что выражается в респираторном НВК – плаче. К-1 реагирует на угрозы мужа и плач ребенка

следующим образом: она успокаивает ребенка при помощи тактильных НВК, совершая специфические невербальные действия – укачивания. К-3 использует проксемные НВК, пытаясь приблизиться к К-1 (*Jamie tries to embrace her, but she dodges him and gets up. Heads towards Mia*). В данной ситуации мы можем наблюдать, что для К-1 как матери в первую очередь важна безопасность ребенка. В ее поведении отмечаем миремический НВК в ответ на угрожающие реплики мужа (*she stares at him*), который сопровождается фонационным (*then, quietly*). К-1 сообщает, что намерена уйти от мужа, так как его поведение угрожает жизни дочери: *But I'm not gonna pick glass out of my daughter's hair ever again. I may have no one. But Mia's got me*. Вербальная сторона данного высказывания представлена повторяющимися союзами *but*, смысловая нагрузка которых в данной ситуации состоит в усилительной функции – таким образом К-1 демонстрирует уверенность и решительность в совершаемых ей поступках.

Итак, можно сделать следующие выводы. Коммуникативное поведение женщины-матери в трудной жизненной ситуации представлено рядом вербальных и невербальных средств коммуникации, которые отражают эмоциональное состояние тревоги и неопределенности, но вместе с тем направлены на установление позитивной тактики общения с ребенком, безопасность и жизнь которого ставится выше остальных жизненных установок и потребностей.

УДК 372.881.111.1(038)
ББК 81.432.1

А. И. Комарова, И. Ю. Окс

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

УЧЕБНЫЙ КОНТЕКСТНЫЙ СЛОВАРЬ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ESP ГЕОГРАФИИ

Аннотация. В научной речи по географии важнейшим «динамическим элементом» являются глаголы разных типов. Усвоение глаголов в составе регулярно воспроизводимых понятийно-обусловленных словосочетаний служит основой практического владения ESP. Мы собрали наиболее употребительные английские географические глагольные словосочетания в комбинаторном учебном словаре-гlossарии, куда включили также примеры кратких контекстов с глаголами, иллюстрирующие их речепотребление в географическом регистре научной речи.

Ключевые слова: комбинаторный словарь, глагольные словосочетания, научный регистр речи, язык для специальных целей, обучение ESP.

A. I. Komarova, I. Yu. Oks

Lomonosov Moscow State University, Moscow

LEARNER'S COMBINATORY DICTIONARY OF VERBS AND VERBAL PHRASES OF GEOGRAPHIC ESP

Abstract. In scientific speech on geography the most important “dynamic element” is verbs of different types. Mastering of verbs as part of recurrent conceptually determined phrases serves as the basis for practical command of ESP. We have collected the most common English geographical verbal word combinations in Learner's combinatory dictionary, which also contains examples of short contexts with verbs, illustrating their use in the geographical register of scientific speech.

Keywords: combinatorial glossary, verbal collocations, scientific register of speech, language for special purposes, ESP training.

На кафедре иностранных языков для географического факультета в МГУ имени М. В. Ломоносова создается словарь-гlossарий употребительных английских словосочетаний, которые составляют основу регистра научной речи географии. Задача составления такого комбинаторного словаря лексикографически сложная и комплексная, поскольку надо: 1) представить основной словарный фонд географического регистра речи; 2) показать эти слова в составе основных самых непосредственных словосочетаний; 3) дать иллюстративную фразеологию, т. е. краткие контексты их реального речеупотребления.

Первоначально мы решили взять за основу словника английские географические термины-существительные и сопроводить заголовочные слова наиболее употребительными словосочетаниями с глаголами, существительными и прилагательными. Но потом мы поняли, что «хотя научная речь носит преимущественно именной характер, основой её является всё-таки глагол» [7, с. 79]. Поэтому мы сосредоточили своё внимание на семантических, словообразовательных и функциональных особенностях глаголов в географическом ESP. Ещё мы обратили внимание, что при проверке знаний лексики на экзаменах у наших студентов-географов или остаточных знаний у выпускников (которые заканчивают изучение английского языка раньше выпуска), наибольшие трудности вызывают именно глаголы. Оказалось, что словосочетания с глаголами: *осадки выпадают, почва истощается, охранять природу, зависеть от климата, наносить на карту*, да и сами глаголы вне контекста, многие учащиеся переводят на английский с трудом.

В данный момент мы занимаемся составлением словаря глагольных словосочетаний географического регистра научной речи. Он служит для студентов материалом для построения, производства английской речи (устной и письменной) в области географических дисциплин. Для преподавателей словарь используется как источник контрольных материалов для проверки знаний учащихся. Наш комбинаторный словарь-гlossарий снабжает пользователей частотными словосочетаниями наиболее употребительными в географической научной речи и дает примеры миниконтекстов речеупотребления, чтобы учащиеся имели в своём активном словарном запасе помимо списка

основных глаголов ещё и самые распространенные английские словосочетания с ними: *to take samples, to impose an embargo, to go on an expedition, to carry out an experiment, to conduct scientific research, etc.*

В качестве надёжной основы для отбора заголовочных глаголов и иллюстративного материала для нашего контекстного словаря-гlossария мы опирались на фундаментальный терминологический словарь: *География: понятия и термины* [4]. Он содержит базовую терминологию 14 дисциплин географии и описание терминов в виде дефиниций на английском и русском языках. Второй важнейшей опорой явился учебник *Английский язык для географических специальностей* [3]. Текстовый учебный материал в нем тематически покрывает все основные разделы географии. В приложении к учебнику помещен частотный список слов, использованных в текстах учебника, из которого следует, что наибольшее число раз в нем были употреблены слова: *water, world, people, country, earth, area, city*, – это понятийно обусловленные существительные. Кроме существительных, весьма частотными в географической речи оказываются глаголы.

Глагольная лексика географического регистра относится к трем основным слоям: собственно терминологический слой; общие глаголы английского языка, т. е. слова общей лексики (*words of the general language*); слой общенаучной лексики. Что касается терминологических глаголов, мы полагаем принципиально важным считать терминами не только существительные, но и глаголы, хотя среди лингвистов идут давние дискуссии о том, являются ли специальные глаголы терминами [1, 2]. Как реально ведут себя глаголы в сочетаемости и географических контекстах видно в оформлении словарных статей. Рассмотрим словарные гнезда глаголов разных категорий (специальные глаголы, общеязыковые глаголы в «географических» значениях, общенаучные глаголы).

К первой категории глаголов относятся глаголы-термины, такие как, специальный глагол *to acclimatize*:

to acclimatize (акклиматизироваться) = to become used to acclimatize to conditions/climate/change/environment

–Plants get some time to acclimatize to tropical conditions.

– Animals can acclimatize to a change in climate.

– Organisms acclimatize to different environmental conditions, such as changes in food supply, temperature or altitude.

Данный пример показывает, что в словарном гнезде мы помещаем глагол на английском *to acclimatize*, в скобках даём его русский эквивалент (акклиматизироваться), после знака равенства даём его английский синоним = *to become used to ...*, далее – словосочетания со словами, с которыми глагол наиболее естественно и непосредственно сочетается в географической научной речи *acclimatize to conditions / climate / change / environment*, и, наконец приводим несколько коротких контекстов употребления глагола, взятых нами из реальных источников по географии. Таким образом, глагол *to acclimatize* – однозначный, его эквивалент на русском языке узнаваем, он употребляется в составе модели глагол+прямое дополнение с предлогом *to*, сочетаемость логическая со словами, относящимися к географии.

Другие терминологические глаголы географии: *to erupt, to meander, to erode, to weather, to saturate, to transpire, to evaporate, to absorb, to percolate, to lithify, to migrate, to commute*, и др., также имеют понятийно-обусловленную сочетаемость: *rivers meander, volcanoes erupt, landscapes evolve, work force migrates, high tides are eroding the coast, rainfall evaporates, soils are saturated with nitrogen, karst area absorbs water, urbanization accelerates, sediment and debris accumulate at the bottom of a lake, permafrost thaws, groundwater freezes seasonally, winds blow regularly*. Как правило, терминологические глаголы не представляют трудностей для учащихся ни в семантике, ни в речупотреблении, так как образуют свободные словосочетания в составе простых моделей, а значения терминов студенты, будучи специалистами в географии, часто знают даже лучше преподавателей-филологов и легко понимают их по аналогии с соответствующим созвучным русским глаголом или существительным.

В отличие от терминов, глаголы следующей группы – глаголы общего языка – в обычной неспециальной речи являются многозначными, однако в рамках научной речи сужают свою семантику и употребляются либо в номинативном значении,

либо развивают специальное тематически-связанное с географией значение. Примером такого глагола в глоссарии служит *to produce*. Это в целом весьма распространенный глагол, имеющий в английском языке большое количество значений (словарь *Macmillan* [8] фиксирует 7 значений, *COBUILD* [9] 9 значений). В географии глагол *to produce* оказывается довольно частотным в своем прямом значении «производить, создавать» (особенно в экономической географии):

to produce (1) (производить, вырабатывать, создавать) = to make, to create, to manufacture

produce energy/goods/crops/food

– A factory producing agricultural machinery.

– Tidal power plants do not produce greenhouse gas emissions.

– Incoming tides produce an enormous amount of energy.

– Wind power can be used to produce electricity.

– Agricultural plants produce food for export.

– Aviation industry produces airplanes and helicopters.

– Alternative energy is electricity produced from renewable sources of energy, such as wind power, tidal power, etc.

– Wind turbine is used to produce electricity.

Второе важное значение глагола *to produce* (оно реализуется преимущественно в контекстах, относящихся к физической географии) – это «быть причиной, вызывать»:

to produce (2) (быть причиной, вызывать, образовывать) = to cause, to form, to bring about

produce changes/currents/landforms/snow

– The melting of a glacier surface at different rates produces variable landforms on it.

– Tectonic processes produce dramatic changes in the shape of the Earth's surface.

– Artificial snow is produced by a snow cannon by spraying frozen water droplets and used mainly to prepare the runs for skiing.

– Monsoon currents in ocean surface (not deeper than 200 m) and seas are produced by monsoon winds.

К этому же значению относится общенаучное использование глагола *to produce* в составе распространенной в научном дискурсе коллокации *to produce results*. Подобные устойчивые

выражения мы помечаем значком \diamond и приводим контексты употребления:

\diamond **to produce results** (давать/приносить результаты);
to produce no results (не дать никаких результатов)

–Collaboration among regional organizations can produce results that exceed the effect of each individual organization's contribution to the economic development of Africa.

–Japanese business community has expressed interest in Russian initiatives in the Far East because they are convinced that their investment will produce results.

–What results were produced by completing the above procedure?

Таким образом, в географии наиболее употребительны два базовых значения глагола **to produce (1)** и **(2)**. Кроме этого, здесь выделяется и подкрепляется соответствующими словосочетаниями и контекстами специальное значение *to produce* – «добывать нефть/газ», которое используется во многих текстах по географии и даже заголовках научных статей, но как отдельное значение не зафиксировано в толковых словарях общего языка. Мы включаем в словарь-гlossарий это значение отдельно под цифрой **(3)**:

to produce (3) (добывать нефть/газ) = to extract
produce oil/gas/minerals

–Oil is produced using different methods depending on geology and location.

–Which countries produce the most oil?

–Ghana is making efforts to produce oil from its own natural deposits to meet its industrial development requirements.

–The ... field began to produce oil in November 1997.

В отличие от перечисленных выше значений глагола *to produce*, отраженных в нашем словаре, следующие значения и словосочетания, которые в целом в английском языке весьма употребительны, не являются столь значимыми для географического ESP, поэтому мы их исключаем из нашего рассмотрения: *to produce offspring* – произвести потомство; *to produce passport from a pocket* – достать паспорт из кармана; *to produce a film* – продюсировать фильм; *to produce a meal* – готовить еду. Они

остаются за пределами нашего внимания, так как не используются в ESP географии.

Аналогично глаголу *to produce* ведет себя целый ряд общеязыковых многозначных английских глаголов, которые реализуют в рамках географического дискурса специальное понятийно-обусловленное значение, знание которого необходимо географам, но которое часто в словарях общего языка даже не выделяется в отдельный пункт: *to meet* в значении «впадать» *a river meets the ocean*; *to feed* в значении «питать реку, ледник, озеро» *a glacier feeds the lake*; *to run* в значении «течь, протекать» *a stream runs through the valley*.

Что касается грамматического аспекта сочетаемости, глаголы общего языка в научных текстах по географическим дисциплинам употребляются в основном в составе простых морфосинтаксических моделей типа глагол+прямое дополнение и т. п. Преобладают нейтральные, узуальные словосочетания (свободные и коллокации, которые уже вошли в язык и повторяются в готовом виде). Именно логическая предметно-обусловленная сочетаемость многозначных глаголов общего языка чётко «специализирует», конкретизирует его значения, фигурирующие в географическом дискурсе, выявляет его «географичный» смысл. Поскольку география состоит из двух основных ветвей – физической и социально-экономической, то этот факт проявляется в словосочетаниях одного и того же глагола, но относящихся соответственно к физической и социально-экономической отраслям географии: *to fall* (temperature/precipitation *falls*, industrial production *falls*), *to grow* (trees *grow*, population *grows*), *to rise* (sea level *rises*, prices *rise*), *to develop* (soils *develop* on volcanic rocks, economies *develop* fast). Мы стремились отразить это понятийное различие в словосочетаниях, а также подборе контекстов употребления глаголов.

Третью группу составляют общенаучные глаголы. В целом общенаучная лексика исследована более подробно, и существует целый ряд словарей словосочетаний с общенаучными словами [5, 6]. Рассматривая глаголы в неразрывной связи со спецификой их реального функционирования в научной речи по географии, мы включаем общенаучные глаголы в наш словарь. В качестве примера словарной статьи приведём общенаучный

глагол *to depend*, снабженный словосочетаниями и контекстами из географических научных источниках:

to depend (зависеть) = to be conditioned by

depend on conditions/resources/factors/weather/countries;

depend largely/mainly/heavily/entirely

–The radius of a meander depends on the stream discharge and its flow velocity.

–There are many types of folds which mainly depend on the character of the rock.

–The potential of land for agriculture and forestry depends on its physical and environmental qualities, soil type, climate, etc.

–What the products look like depend largely on what the customers want.

–The duration of night depends on the geographical latitude and season.

–The flows of many rivers depend on glaciers.

–India heavily depends on water resources of the river Indus.

–The systems of irrigated agriculture depend on large rivers.

–The snow line depends on local factors such as precipitation, aspect, shelter, etc.

Таким образом наш словарь, как мы его задумали, содержит самые существенные сведения о речупотреблении основной географической глагольной лексики на уровне заголовочных слов-глаголов, словосочетаний и географических контекстов с глаголами. Такой комбинаторный словарь служит нескольким целям: быть учебным пособием для изучающих географический ESP с набором рабочих вариантов для перевода научно-географических текстов на английский язык. Включаемый в словарь лексический материал можно охарактеризовать как основной глагольный словофонд по географии. В него вошли важнейшие широко распространенные словосочетания и краткие контексты, позволяющие экономно и в то же время достаточно полно описать употребление географически релевантных глаголов в пределах методически важных тем и ситуаций научного общения в сфере географических дисциплин. Работа над словарем-гlossарием ещё не завершена, планируется размещение окончательной версии на платформе *distant.msu*.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. М.: МГОУ, 2006. 252 с.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 1969, 2010. 576 с.
3. *Комарова А. И., Окс И. Ю., Бадмаева Ю. Б.* Английский язык для географических специальностей. М.: ЛЕНАНД, 2021. 287 с.
4. *Котляков В. М., Комарова А. И.* География: понятия и термины. М.: Наука, 2007. 859 с.
5. *Назарова Т. Б., Васильев В. В.* Методология и методика преподавания английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1987. 150 с.
6. *Ситолс О. В.* Русско-английский словарь устойчивых словосочетаний: общенаучная лексика. М.: УРСС, 2018. 304 с.
7. Теория и практика английской научной речи / под ред. М. М. Глушко. М.: Изд-во МГУ, 1987. 240 с.
8. Collins COBUILD Essential English Dictionary. L.; Glasgow: Collins, 2014. 520 p.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L.: Macmillan Education, 2002. 1692 p.

УДК 811.111'42

ББК 81.055

И. И. Конькова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
г. Саранск

МОНОГРАФИЯ КАК ЖАНР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (КОРПУСНЫЙ ПОДХОД)

Аннотация. Статья посвящена анализу метаструктур современного англоязычного научно-технического дискурса, представленного жанром научно-технического отчета, с акцентом на его функциональные особенности. Впервые проводится анализ жанра «научно-технический отчет» с целью выявления особенностей функционирования метаструктур, что дает возможность показать конструирование дискурса сквозь призму категории метадискурсивности. Делается вывод о частотности метаструктур в исследуемом дискурсивном жанре по функциональному признаку и о причинах такого соотношения.

Ключевые слова: жанр, научно-технический отчет, метаструктуры, метод корпусно-ориентированного дискурс анализа.

I. I. Konkova

Mordovia Ogarev State University, Saransk

**SCIENTIFIC AND RESEARCH ARTICLE
AS A DICURSIVE GENRE
(CORPUS-BASED APPROACH)**

Abstract. The article deals with the analysis of metastructures in the modern English scientific and technical discourse represented by the genre of the scientific and technical report with an emphasis on their functional traits. It is the first time when the analysis of the genre of the scientific and technical research is made in order to establish the peculiarities of metastructures functioning that provides the opportunity to demonstrate the way of constructing the discourse taking metadiscursiveness category into account. The conclusions about the metastructures frequency according to their functions in the examined genre and the results of it are made.

Keywords: genre, scientific and research article, metastructures, corpus-based method of discourse analysis.

Научно-технический отчёт (НТО) представляет собой отчёт о результатах законченных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, составляемый с целью улучшения технологии. Материалом исследования данной статьи выступают метаструктуры англоязычного НТО, представленного корпусом, общим объемом 135 000 слов [3–8]. Были применены методы сплошной выборки на начальном этапе, метод корпусно-ориентированного дискурс анализа и метод критического дискурс анализа. Было отобрано 8059 дискурсивных фрагментов, содержащих метаструктуры.

Метаструктуры получили широкое освещение в работах ряда ученых (Н. В. Лукина [1], Н. П. Перфильева [2] и др.). В данной статье наибольший акцент делается на выявление и анализ функций метаструктур. Процентное соотношение функций было вычислено с использованием корпус-менеджера *AntConc*. Все выделенные метаструктуры были классифицированы по функциональному признаку: толкование, сокращение подробностей, диалогизация, подтверждение сказанного иллюстрацией, линейная последовательность, оценка, комментариев, привлечение внимания, подчеркивание достижений, призыв, перспективы исследования, дополнительная информация и статистика.

Толкование (Т) – 12 %

(1) *But that means that a factory's real estate is used up by large cells to offer this kind of protection* [5, p. 12]. Автор НТО поясняет сообщенную им информацию через конструкцию *that means that* (это значит, что).

Сокращение подробностей (СП) – 0,9 %

(2) *More generally, knowledge can be of many different types, including ontological, causal, deontic, procedural, temporal, spatial, and still others* [8, p. 288]. Функция позволяет обобщить сообщенную информацию за счет использования словосочетания – *more generally* (в более общем смысле), закрепив ее в сознании реципиента.

Диалогизация (Диал) – 9 %

(3) *Readers should keep in mind that these are shorthand for the more accurate, but more cumbersome, 'granted patent families'* [4, p. 6]. Автор вступает в непосредственный диалог с читателем, называя его (*readers – читатели*), подчеркивая, какую информацию ему необходимо запомнить.

Подтверждение иллюстрацией (И) – 7 %

(4) *The results from this analysis were not significantly different from the findings included in the report, and are available in Table 1A in the Appendix* [4, p. 7]. В качестве иллюстрации выступает таблица (*Table 1A*), которая представляет информацию в более наглядной форме.

Линейная последовательность (ЛП) – 12 %

(5) *The previous sections describe the challenges in measuring the state and direction of automation in the service sector* [3, p. 25]. Дается отсылка к данным, сообщенным в другой части отчета, *previous* (предыдущий).

Оценка (О) – 40 %

(6) *It is clear that robotics technology could have a major impact on these figures warranting significant investment in R&D&I* [8, p. 117]. Используется безличная конструкция *it is* и прилагательное *clear* (ясно, понятно), чтобы отразить особое значение робототехники в современном обществе.

Комментарий (Ком) – 7 %

(7) *Perhaps, at least for the military, this too will be unsatisfying and we will be left with a commander ...* [7, p. 12]. Описывая

одно из последних достижений в сфере робототехники, автор НТО добавляет, что оно может быть не совсем приятным бонусом для ряда лиц, в частности, для военных.

Привлечение внимания (ПВ) – 1 %

(8) *Yet it is worth noting that the relative popularity in Russia of robotics patents ... seems to align with global trends* [4, p. 20]. Автор НТО стремится особо подчеркнуть информацию о распространенности патентов по робототехнике в России за счет использования конструкции *it is worth noting* – следует отметить, что.

Подчеркивание достижений (Д) – 1 %

(9) *This study will help researchers as it provides valuable information on recent developments of service robots* [4, p. 20]. Особо отмечается одно из проведенных исследований, сообщая, что оно особо поможет (*will help*) другим ученым в дальнейших работах.

Призыв (Пр) – 1,5 %

(10) *446 military robotics patents were granted to inventors around the world, accounting for 0.6 percent of the total granted robotics patents (see Table 3)* [4, p. 21]. Автор стремится привлечь читателя к таблице через использование глагола *to see* (видеть) в форме повелительного наклонения.

Перспективы (Пер) – 7 %

(11) *The discussions will be continued and elaborated in future updates of this document* [8, p. 302]. Автор НТО через использование конструкции во временной форме Future Simple Passive (*will be continued and elaborated*) сообщает, что данный отчет будет дополнен и обновлен.

Дополнительная информация (ДИ) – 0,5 %

(12) *Find related reports about the future of the Internet at <http://www.pewInternet.org/topics/future-of-the-Internet/>* [6, p. 1]. В примере (12) автор хочет предоставить сведения об отчетах на схожую тематику и делает это через использование глагола *to find* (находить) в повелительном наклонении.

Статистические данные (СД) – 0,1 %

(13) *Some 52 % expect these technologies to have a neutral to positive impact on jobs ...* [6, p. 33]. В НТО описываются технологии в сфере робототехники, которые, по мнению преобладающего числа экспертов (*some 52 %*), могут возможно положительно сказаться на рабочих местах.

Таким образом, в результате анализа НТО как дискурсивного жанра с применением корпусного подхода, были сделаны следующие выводы:

1. Как видно из диаграммы, доминирующая функция метаструктур – оценка (40 %), что напрямую связано с характером данного жанра, который представляет собой обзор достижений в конкретной научно-технической области.

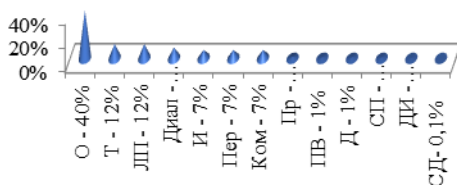

Диаграмма. Частность употребления метаструктур по функциональному признаку

2. Немаловажное значение имеют метаструктуры в функции линейной последовательности (12 %), так как они организуют текст и направляют по нему читателя, в то время как метаструктуры в функции толкования (12 %) раскрывают новые, возможно не знакомые реципиенту понятия.

3. Одинаковое распространение получили метаструктуры в функции введения иллюстрации, описания перспектив исследования и комментария (по 7 %).

4. Метаструктуры в функции статистики (0,1 %) не получили должного распространения в исследуемом жанре, но они играют немаловажное значение при сообщении информации числового характера.

Библиографический список

1. Лукина Н. В. Смысловая структура метатекста (на материале творчества Т. Толстой): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 177 с.
2. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НЭПУ, 2006. 285 с.
3. JRC Technical Report Automation and Robots in Services: Review of Data and Taxonomy JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology. 2020/14 Sostero. М. 40 p.

4. *Konaeva M., Abdulla M. S.* Trends in Robotics Patents A Global Overview and an Assessment of Russia // CSET Data Brief Authors. October 2021. 37 p.

5. *Sanneman L., Fourie Chr., Shah J.* The State of Industrial Robotics: Emerging Technologies, Challenges, and Key Research Directions // RESEARCH BRIEF 15. NOVEMBER 2020. 33 p.

6. *Smith A., Anderson J.* Digital Life in 2025. AI, Robotics, and the Future of Jobs // Pew Research Centre. August 2014. 67 p.

7. Spring 2011 Industry Study. Final Report. Robotics and Autonomous System Industry. Washington: The Industrial College of the Armed Forces, 2011. 46 p.

8. Robotics 2020 Multi-Annual Roadmap for Robotics in Europe Horizon 2020 Call ICT-2016 (ICT-25 & ICT-26) Release B 03/12/2015. SPARC: The Partnership for Robotics in Europe, 2015. 325 p.

УДК 372.881.1:004.8

ББК 81.11

С. А. Кострубина

Череповецкий государственный университет, г. Череповец

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные инструменты для создания языкового материала с помощью технологий искусственного интеллекта. Разнообразный контент, который способны генерировать нейросети, может помочь повысить интерес обучающихся к изучаемым дисциплинам. Однако несмотря на то, что современные цифровые технологии значительно расширяют возможности преподавателя и обладают рядом существенных преимуществ, применение технологий искусственного интеллекта требует внимательного и серьезного подхода к созданию языковых материалов ввиду наличия определенных ограничений рассматриваемых технологий.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, нейронная сеть, создание языкового материала, обучение с помощью нейросетей, преподавание английского языка, языковое образование.

S. A. Kostrubina

Cherepovets State University, Cherepovets

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MODERN LANGUAGE EDUCATION

Abstract. The article describes the main tools for creating language material using artificial intelligence technologies. A variety of content that neural networks are capable to generate provides students' interest increase in studies. However, despite the fact that modern digital technologies significantly expand professors' possibilities and have a number of advantages, the use of artificial intelligence technologies requires a careful and serious approach for creating language material due to certain limitations of these technologies.

Keywords: artificial intelligence technologies, neural network, creation of language material, learning with neural networks, teaching the English language, language education.

Современное образование в полной мере интегрировано в цифровое пространство, и языковое образование не является исключением. Большим потенциалом, с точки зрения создания образовательного контента, обладают технологии на основе искусственного интеллекта. При этом технологии искусственного интеллекта не являются конкурентом преподавателю в этом смысле, а помощником и неотъемлемым инструментом в современной образовательной среде [1, с. 88].

Для четкости и ясности работы следующие рассматриваемые нами понятия требуют определения: искусственный интеллект, нейросеть, языковой материал.

Под искусственным интеллектом, анализируя Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а также работы современных отечественных и зарубежных исследователей, понимаем «комплекс технологических решений», обладающий высоким уровнем возможностей, близких к человеческим способностям, логических рассуждений, приобретения знаний, формирования творческого типа мышления на основе анализа накопленной внешней информации [7; 5, с. 53; 8, с. 708].

Говоря о возможностях, которые открываются для обучающихся и педагогов, в области создания и получения информационного и образовательного контента, как правило, имеется в

виду одно из направлений работы искусственного интеллекта – нейросеть. Нейронная сеть – это любая компьютерная программа или приложение, способное имитировать человеческую интеллектуальную деятельности в области получения, обработки, воспроизведения информации и способная к обучению на основе большого количества имеющихся данных [6, с. 292].

В процессе получения языкового образования обучающиеся имеют дело с отдельными языковыми элементами грамматического, лексического, фонетического уровней. Из этих элементов складывается комплексная единица обучения, работая с которой обучающиеся осваивают систему изучаемого языка [4, с. 28]. Таким образом, под языковым материалом, с точки зрения методики, понимаем совокупность языковых элементов различных уровней, а также объединяющие их комплексные единицы обучения.

Современное образование претерпевает значительные изменения и на сегодняшний день продолжает находиться в состоянии перманентных изменений. Очевидно, что современному педагогу практически не обойтись без средств информационно-коммуникативных технологий, которые повсеместно начали распространяться во время пандемии коронавируса. Одновременно с этим наблюдается высокий интерес и спрос на использование систем искусственного интеллекта. Например, технологии машинного перевода на основе искусственного интеллекта, становятся всё более эффективными и открывают новые возможности для студентов, изучающих языки. Кроме известных программ для быстрого перевода (*DeepL, Microsoft Translator*) появилось множество приложений, использующих технологии машинного перевода в организации усвоения новой лексики и грамматики изучаемого языка. Примером может служить приложение *Lingvist*, которое определяет уровень знаний студента и предлагает ему упражнения на запоминание новых слов и правильное построение предложений. Студенту могут быть предложены задания на перевод с одного языка на другой с помощью машинного перевода; задания на запоминание перевода и построение аналогичного предложения (соблюдая грамматические и синтаксические особенности изучаемого языка); задания на запоминание новых слов по определенной теме. Приложение способно давать обратную связь по выполняемым видам работ.

Такое активное взаимодействие студентов с новым языковым материалом способствует более эффективному усвоению языка. Эта платформа также способна использовать технологии машинного обучения для персонализации обучающего процесса, адаптируя курс к уровню знаний пользователя, что, несомненно, отвечает требованиям современного эффективного образования. В процессе перевода и адаптации текста можно использовать такие инструменты, как, например *Grammarly*, которые помогают исправлять ошибки в тексте.

Для педагога составление образовательного контента является трудоемким процессом, однако использование специализированных сервисов на основе искусственного интеллекта значительно облегчают эту задачу. Рассмотрим популярную сегодня площадку Twee и ее возможности [9]. Платформа Twee – это инновационный сервис, использующий нейронные сети для генерации образовательного контента. Она может быть полезна педагогам в создании и подборе языкового материала, формировании тестов и заданий, разработке учебных курсов и др. Сервис предоставляет широкий инструментарий при решении различных задач по разным видам работ: 1) создание образовательного контента с использованием аудио/видео записей: преобразование записи в текст, говорение по теме, открытые вопросы по тексту, обобщение и воспроизведение элементов текста; 2) создание текста по определенной теме с использованием заданной лексики для чтения: открытые и закрытые вопросы по тексту, соотнесение частей текста и заголовков, определение верных и ложных утверждений и др.; 3) проработка лексического аспекта по теме: создание карточек, предложений, дефиниций с отобранными лексическими единицами, задания на перевод, разыгрывание мини-ситуаций по заданной теме с отобранной лексикой и др.; 4) грамматические упражнения: использование различных грамматических конструкций в предложениях, задания на порядок слов в предложении, соединение грамматических элементов; 5) идеи для организации говорения обучающихся по теме: создание дискуссионных вопросов, подбор цитат / текстовых отрывков по теме, генерирование идей для дебатов и др.; 6) творческие письменные задания: написание эссе на предложенные темы и / или с использованием заданной (изученной) лексики.

Анализируя определенный опыт использования рассмотренных инструментов на основе искусственного интеллекта, которые позиционируются как помощники в организации процесса языкового обучения, можно отметить следующие неоспоримые преимущества нейросетей:

- быстрое создание образовательного контента;
- возможность генерирования адаптированных материалов по разным уровням;
- интуитивно понятный интерфейс, очень простые в использовании алгоритмы;
- генерирование высоко вариативного, разнообразного контента, что непременно приводит к ещё одному важному достоинству: повышение мотивации обучающихся благодаря разнообразию материалов. Таким образом, очевидно происходит адаптация системы образования под особенности восприятия цифрового поколения [2, с. 68].

Вместе с тем можно выделить и ряд недостатков, спорных моментов в использовании нейронных сетей при организации языкового образования, в частности преподавании английского языка:

- большая часть доступных нейронных сетей является временной демоверсией, а значит находится в процессе постоянных доработок. Для пользователей, в частности, это несет трудности с мгновенным использованием материала: его необходимо перепроверять, уточнять и корректировать;
- отсутствие четких правил и алгоритмов организации работы с нейронными сетями, что несет вопросы технического, правового и этического характера;
- опасность получения зависимых от технологий ИИ обучающихся, неспособных к самостоятельной творческой деятельности;
- общий инструментарий и возможности современных технологий остаются не систематизированы на данный момент [3, с. 144], что требует дополнительной проработки как методического компонента, так и нормативно-правовой базы;
- отсутствие строгого внедрения культурологических, воспитательных компонентов, что остается важнейшим элементом и одной из первостепенных задач образовательного процесса.

Таким образом, можно говорить, что, в целом, использование современных технологий искусственного интеллекта, в частности нейронных сетей, способствует более эффективному, доступному и инновационному образованию. В условиях современных запросов поколения с преимущественно клиповым мышлением нейросети способны создавать разнообразный и востребованный образовательный контент. Однако ни одна технология искусственного интеллекта не способна заменить педагога и его чуткого руководства образовательным процессом.

Библиографический список

1. *Амиров Р. А., Бидалова У. М.* Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // *Управленческое консультирование*. 2020. № 3. С. 80–88.
2. *Григорьева И. В., Болкунов Г. А.* Цифровая образовательная среда (ЦОС): вызовы и возможности // *Вестник Университета РАН. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред*. 2023. С. 64–71.
3. *Корнеева Л. И., Васильева В. И.* Методический компонент структуры цифровой образовательной среды в обучении студентов-лингвистов // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2023. № 2. С. 143–154.
4. *Михалева О. В.* Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. О. В. Михалева; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 136 с.
5. *Писаренко М. С.* К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности // *Вопросы российской юстиции*. 2020. С. 44–54.
6. *Расторгуева Л. В.* Использование нейросети Твее в преподавании английского языка // *Актуальные вопросы профессионального образования = Actual issues of professional education: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 мая 2023 года / под ред. Т. В. Казак [и др.]*. Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2023. С. 292–294.
7. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». 2019. № 490. URL: <https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=lukejh82s7811479387> (дата обращения: 31.03.2024).
8. *Yong-Jun Xu, Qi Wang, Zhulin An, Fei Wang.* Artificial Intelligence: A Powerful Paradigm for Scientific Research // *The Innovation*. 2021. № 2 (4). P. 708–727.
9. The Tweep Neural Network: web-site. 2023. URL: <https://tweep.com/>

УДК 81'22:791.43
ББК 81.055.1

Е. А. Красина

независимый исследователь, г. Москва

Е. С. Рыбинок

РУДН им. П. Лумумбы, г. Москва

ФЕНОМЕН НАРРАТИВА В ЭКРАННОМ ТЕКСТЕ (на примере сериала Ю. Грымова *Казус Кукоцкого*)

Аннотация. Нарратив кинотекста-экранизации формируется «коллективным автором» и приобретает гетерогенность и интерсемиотичность при использовании знаков различных типов – вербальных, визуальных и аудиальных. Многослойность нарратива кинотекста определяется интерсемиотичностью повествования экранного текста и технологиями нарратива – фокализацией и монтажом.

Ключевые слова: нарратив, нарративные техники, фокализация, монтаж, интерсемиотичность.

E. A. Krasina

Independent Researcher, Moscow

E. S. Rebinok

RUDN University n. a. Patrice Lumumba, Moscow

THE PHENOMENON OF A FILMTEXT NARRATIVE (on Yu. Grymov's series *The Kukotsky Enigma*)

Abstract. The narrative of a filmtext as a screen version used to be formed by “a collective author”; it acquires heterogeneity and becomes an inter-semiotic text using signs of various kinds – verbal, visual, audiovisual ones. Thus, a multilayered filmtext narrative is characterized both by an inter-semiotic narrative and narrative techniques of focalization and montage.

Keywords: narrative, narrative techniques, focalization, montage, inter-semiotics.

Экранный текст – это продукт виртуально моделируемой реальности, в котором хранение и передача информации осуществляется посредством экрана на любом носителе – на мониторе

компьютера, планшете, на дисплее айфона, на экране телевизора и др. Здесь вербальная составляющая сочетается с невербальной, или совсем поглощается последней, при том, что, «транслируемая информация воспринимается легко» [1, с. 3]. По своим свойствам и характеристикам экранные тексты варьируются от элементарного sms-сообщения до объемной телепередачи или художественного фильма-сериала. Очевидно, что в лингвосомиотическом плане семиотически неоднородные экранные тексты отличают поликодовость и полимодальность, а информация передается «в любой нужной форме, визуальной, аудиальной, аудиовизуальной» [там же]. Зачастую речь идет о коллективном, иногда анонимном, авторе, который не исключает и реципиента, вовлеченного в восприятие моделируемой реальности.

Очевидно, что кинотекст – это разновидность экранного текста, аудиовизуальный феномен, который в случае экранизации художественного произведения рассматривается в сопоставлении с вербальным печатным текстом – его сценарной основой. По Г. Г. Слышкину и М. А. Ефремовой, «порождение кинотекста связано с многократной семиотической трансформацией текста» [2, с. 29] – литературной основы сценария кинотекста-экранизации. По определению, кинотекст – это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, которое зафиксировано на материальном носителе и предназначено для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [2, с. 37].

Кинотекст создается коллективным автором, включая автора идеи, автора художественного произведения (основы сценария), автора диалогов, режиссера, оператора, в целом, всех участников кинематографического процесса создания кинофильма. Вербальная составляющая кинотекста подразумевает звучащую речь (диалоги персонажей, закадровый текст) и речь письменную (название фильма, титры, субтитры, отдельные графические вставки, указывающие на место и время действия,

текстовые фрагменты из газет, журналов, документов, рекламные тексты, лозунги и др.).

Обладая всеми основными параметрами текста как сложного знака, художественный фильм-экранизация предстает как повествование, как нарратив, как экранный продукт, опирающийся на кинематографические средства. Специфика нарратива кинотекста определяется коллективным автором этого экранного продукта, поскольку он становится нарратором-рассказчиком, который использует комплекс знаковых средств и приемов не только вербальных, но и визуальных, аудиальных и аудиовизуальных [3, с. 59].

Семиотическое пространство кинотекста наполнено разнообразными смыслами и подтекстами, принадлежащими к той или иной знаковой системе, обуславливая взаимодействие изображения (видеоряд, графика) и звука (звучащая речь, природные звуки и шумы, музыка). В силу того, что кинотекст сочетает и интегрирует компоненты различной семиотической природы, его, по природе, можно характеризовать как знак гибридный, синкретичный, интерсемиотический, поликодовый, объединяющий несколько кодов [4, с. 95; 1, с. 44–46]. Полагаем, что типология кодов, разработанная В.Н. Степановым для поликодовых текстов рекламы, вполне адекватна для описания кодов кинотекста. Она включает вербальные (текстовые) коды, коммуникативные коды, культурные коды, визуальные коды, музыкальные коды [5, с. 92–100].

Оппозиция «поликодовый текст (родовое понятие) – кинотекст (видовое понятие)» обусловлена процессом креолизации, и становясь одним из параметров их текстуальности, что с необходимостью способствует интегрированию вербальных и невербальных кодов. Ведущую роль играют вербальные (текстовые) коды, объединяющие все прочие. В совокупности эти коды свидетельствуют о гетерогенности кинотекста в целом. При этом кинотекст, как и любой поликодовый текст, иллюстрирует сложное лингвосемиотическое синкретичное единство [6; 1 и др.].

Одновременно кинотекст-экранизация, по Ю. М. Лотману [3, с. 89], осуществляет синтез двух нарративных тенденций: словесной и изобразительной («движущаяся живопись»). Аудиальный компонент представлен звучащей речью, музыкой,

звуками природы, различными шумами и др. Для зрителя музыка играет роль эмоционально-образного компонента кинотекста. Так, в сериале Ю. Грымова *Казус Кукоцкого* музыка (песня *Обещай сделать вдох...*) звучит в конце каждой серии на фоне финальных титров; соло на саксофоне исполняется под проливным дождем: это эмоциональное выражение силы чувства, сочетающее звуки природы и музыкальной импровизации, и т. д.

Употребление терминов «нарратив» и «повествование» различается несущественно. По Д. С. Лихачеву, «повествование принято употреблять в узком, исследовательском смысле, но для широкого читателя это своего рода обезличенный термин. Напротив, термин «нарратив» представляет повествование, рассказ как способа интерпретации реальности» [7]. Понятие нарратива обращено и к тексту, и к дискурсу, и к моделируемой в них действительности. Тогда основной смысловой оппозицией становится не *discours* vs. *récit*, которую обсуждает Э. Бенвенист, а *histoire* vs. *récit* (букв. ‘повествование’, ‘рассказ’), по Ж. Жаннет [9 (2), с. 66].

В рамках понимания вербального текста как сложного знака, по Б. А. Успенскому, семантика нарратива определяет отношение, точку зрения на художественную действительность (фокализацию. – *Е. К.*); синтактика – соотношение различных точек зрения в пространстве нарратива, а прагматика характеризует композиционные особенности художественного текста в связи с точкой зрения реципиента-адресата. Таким образом устанавливается природа знаковых параметров нарратива. Представляется, что эти знаковые характеристики в полной мере характеризуют и кинотекст [8, с. 98].

Исходя из того, что семантика нарратива художественного текста отражает точку зрения автора-повествователя и/или автора-персонажа, его фокализация обусловлена развитием сюжетных линий, а техника монтажа, в первую очередь, определяется формами повествования. По аналогии охарактеризуем семантику нарратива кинотекста.

Параметры текстуальности вербального художественного текста как сюжетной основы экранизации и параметры текстуальности поликодового кинотекста обнаруживают сходства и различия: в поликодовом кинотексте параметры текстуальности

получают новую интерпретацию в силу его интерсемиотичности и гетерогенности. Так, интертекстуальность раскрывается не только как связь и преемственность текста-основы и кинотекста, но и как комплекс вербальных текстов одного и того же автора, или близких по сюжету и времени создания художественных текстов, использованных для экранизации. Кинотексту-экранизации присущи такие специфические параметры, как образность, автосемантичность, конвенциональность, континуальность.

Повествование кинотекста – это нарратив, который отличается особая комплексная нарративная техника, включающая точку зрения, фокализацию и монтаж. По мере развития нарратива меняются и точки зрения, и фокусы, отражая его динамичность и подвижность.

Точка зрения обуславливает ограничения в развитии нарратива и формирует фокализацию от автора (коллективного автора в кинотексте), от персонажа(ей) и смешанную – от автора и персонажа(ей). Фокус может быть внешним и внутренним. Так, закадровый текст – исключительно вербальный, который читает актер, как правило, не участвующий в экранизации, представляет собой внешний фокус по отношению к кинотексту и одновременно отражает внутреннее смысловое содержание, характеризуя ситуацию, эмоционально-психологическое состояние персонажа(ей) и др. С точки зрения монтажа, закадровый текст – это внешний дополнительный нарратив, как бы наложенный на общее киноповествование.

Наконец, целесообразно рассмотреть монтаж, еще один прием создания кинотекста и кинонарратива. В *Словаре иностранных слов* (1993 г.) на с. 122 содержится такое толкование понятия «монтажа в кино»: это «подбор и соединение заснятых кусков фильмов в требуемой по сценарию последовательности» (см. с. 122). Тем самым создается представление о единстве и завершенности экранного текста, кинотекста-экранизации.

Различные виды искусства, включая кино, представляют собой «размышления над миром», осуществляемые в процессе сопоставления приемов и способов, а также техники отражения действительности [цит. по: 10, с. 153]. По В. Б. Шкловскому, в произведениях искусства монтаж присутствует как «новый

способ понимания мира» [там же]. Существенным принципом монтажа становится динамическое отражение, изменение изображаемой ситуации либо события, и далее – изменение поведения и характеристики персонажа(ей). В единстве трех составляющих нарратива экранного продукта «художественный текст – сценарий – кинотекст», обусловленных отношениями прецедентности-консеквентности, с точки зрения монтажа, выделяются две ступени: 1) «художественный текст как основа сценария – сценарий» и 2) «сценарий – кинотекст». Если на первой ступени принципом монтажа является отбор компонентов вербального текста для будущей композиции, а затем их монтаж в сценарии с учетом аудиовизуальных кодов – знаков-индексов и символов, то на второй ступени сценарий, созданный коллективным кинематографическим автором, воплощается в экранном продукте как синтез ряда кодов. При этом, безусловно, вербальный текст-основа не транслируется буквально, а подвергается изменениям и трансформациям: опускаются либо добавляются отдельные сцены-эпизоды, «переписываются» диалоги персонажей, меняются точки зрения и фокусы нарратива, создается новая динамика поликодовости и гетерогенности. Таким образом, экранный продукт (кинотекст-экранизация) предстает как мозаика сюжетных фрагментов, вербальных визуальных и аудиальных кодов.

В интерсемиотическом нарративе кинотекста монтаж проявляется как комбинация лингвистических и нелингвистических кодов с преобладанием иконических и индексальных знаков. Наложение различных кодов друг на друга осуществляется таким образом, чтобы они выступали в гармонии и единстве, при том, чтобы каждый из кодов четко проявлялся в этом единстве. Так, в заключительной сцене сериала Ю. Грымова *Казус Кукоцкого*, условно называемой «Рай» звучит закадровый текст (на этот раз от лица персонажа – Елены), музыка и демонстрируется динамическая картинка встречи Елены и Кукоцкого на фоне идиллии природы.

В целом благодаря интерсемиотичности и техникам нарратива обнаруживается многослойность нарратива кинотекста-экранизации. Семантика нарратива отражает точки зрения коллективного нарратора и/или персонажей-действующих лиц; его фокализация обусловлена развитием сюжетных линий; техника

монтажа определяется формами повествования. Семантика и семиотика экранного нарратива обеспечиваются взаимодействием лингвистических и нелингвистических кодов и разнородных знаков.

Библиографический список

1. *Евграфова Ю. А.* Лингвoseмиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах (на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет): дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2021. 503 с.
2. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
3. *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти раамат, 1973. 140 с.
4. *Максименко О. И.* Поликодовый текст vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
5. *Степанов В. Н.* Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Издательство Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2010. № 2 (13). С. 92–100.
6. *Бочкарев А. Е.* Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с.
7. Электронный ресурс: URL: https://zen.yandex.ru/media/pro_sebia/prostymi-slovami-narrativ-5d74f747e882c300af10e35e0; (дата обращения: 07.11.2023).
8. *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с.
9. *Жаннет Ж.* Повествовательный дискурс // Фигуры. Работы по поэтике. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–280.
10. *Новикова М. Л.* Онтология искусства поэтического слова и остраннение. М.: Экон-Информ, 2020. 237 с.

УДК 372.881.111.1
ББК 81.432.1р30:74.480.25

Е. А. Крупина

Ивановский государственный университет, г. Иваново

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ УМК *LANGUAGE HUB* (УРОВЕНЬ BEGINNER)

Аннотация. В статье описывается система упражнений на говорение УМК Language Hub для уровня Beginner, приводятся примеры, анализируется эффективность заданий.

Ключевые слова: английский язык, развитие навыков говорения, цифровая среда, преподавание иностранного языка, электронное учебное пособие.

E. A. Krupina

Ivanovo State University, Ivanovo

DEVELOPMENT OF SPEAKING SKILLS WITH THE HELP OF *LANGUAGE HUB* (BEGINNER LEVEL)

Abstract. The article describes the speaking practice system in Language Hub for Beginners, illustrates exercises, reveals the effectiveness of the tasks.

Keywords: English language, speaking skills development, virtual learning platform, foreign language teaching, e-learning aid.

Современная методическая наука определяет говорение как форму устного общения для обмена информацией с помощью средств языка. В ходе процесса говорения устанавливается контакт и взаимопонимание, осуществляется воздействие на собеседника в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. При этом реализуются следующие функции устного общения: информативная, эстетическая, эмоционально-оценочная, регулятивная [1, с. 190].

Одной из основных задач обучения говорению является формирование вторичной языковой личности, которая может осуществлять успешное взаимодействие с носителями иного языка, иной культуры [2, с. 98].

В УМК *Language Hub* раздел *Говорение* находится в конце каждой темы после грамматических, лексических, фонетических упражнений, упражнений на чтение и слушание. Задачей этого раздела является закрепление лексических и грамматических навыков с использованием диалогической или монологической речи. Сложность заданий на говорение в приложении macmillaneducationeverywhere.com зависит от уровня обучающихся. На уровне *Beginner* (начинающий) студенты сначала выполняют подготовительные упражнения. Например, в теме «Приветствие» им предлагается прочитать диалог, затем заменить в диалоге имена, подставить свое имя, названия своего города проживания. Затем они составляют свой диалог, используя пример из учебника. Таким образом, в результате студенты осваивают тему «Приветствие», учатся здороваться, представляться, рассказывать из какого они города.

Другой тип заданий на говорение также подразумевает работу в парах. Каждый их пары составляет описание человека по портрету, фото предлагаются разные для каждого участника диалога. В ходе выполнения упражнения студенты самостоятельно дополняют информацию о человеке на изображении, его имя и фамилию, род деятельности, место проживания, затем делятся этой информацией со своим собеседником. В этом задании закрепляются грамматические и лексические навыки. Кроме того, студенты используют воображение для выполнения упражнения.

В учебнике есть и стандартные задания на говорение с использованием коммуникативной методики: рассказать о себе новому окружению, нарисовать семейное древо и рассказать о своей семье.

В ходе обучения задания усложняются, например, составители ставят задачу рассказать о своем рабочем дне, используя опорные словосочетания. В зависимости от грамматической темы занятия, в упражнениях может быть задание на составление вопросов, которые потом необходимо задать своему собеседнику. Затем учащиеся работают с полученной информацией и рассказывают аудитории о рабочем дне партнера по диалогу.

В середине курса составители включают более сложные коммуникативные задачи. Например, после составления вопросов

и ответов на них необходимо поделиться своим мнением. По теме «Выбор жилья» студентам предлагают снять дом, то есть составить вопросы арендодателю, получить на них ответы, сделать выбор и пояснить его.

Часто используется задание с картами, где необходимо найти и показать путь к заданной точке. В издание включены задания с опорой на текст. Например, студентам необходимо прочитать и понять текст о путешествии, ответить на вопросы. Затем надо составить по этой теме несколько предложений о своем наиболее неудачном путешествии по заданным вопросам, поделиться своими впечатлениями об этом путешествии друг с другом, задать вопросы, получить на них ответы. Каждый этап задания на говорение сопровождается подсказками (опорные словосочетания, примерные вопросы, начало предложений, иллюстрации, план).

В последней главе студентам предлагают провести беседу между радио ведущим и победителем соревнования на тему путешествия. В задании представлен план беседы, вопросы и ответы обучающиеся составляют самостоятельно. Таким образом, от упражнений на подстановку учащиеся должны пройти путь до самостоятельного составления диалогов с вопросами и ответами.

Авторы УМК выделили в отдельный блок контрольных заданий задания на говорение. Они включают объяснение задания, план ответа и примерный вариант текста.

Учебник *Preparation and Practice* в этом приложении содержит задания для самостоятельной работы студентов над своими навыками говорения. Учащимся предлагают ответить на вопросы из упражнений и записать свой ответ на аудио. Студент может прослушать свой ответ, стереть и записать новый вариант. Этот вид работы подходит не для всех студентов, но он эффективен для более застенчивых.

Электронное учебное пособие *Macmillan* представляет разработанный раздел говорения в своем курсе *Beginner*. Раздел с заданиями по устному общению располагается в конце каждой темы, после работы с лексическим и грамматическим материалом. Он включает как стандартные задания на говорение, так и творческие с отработкой лексических и грамматических навыков по заданной теме. Задания направлены на формирование

коммуникативных навыков (составление монологов и диалогов), их сложность увеличивается по мере прохождения тем и разделов. Учащимся предоставляется возможность самостоятельной работы по темам в учебнике *Preparation and Practice*, где они могут записывать свои ответы на аудио несколько раз, прослушивать их. В помощь учителю включены контрольные тесты по пройденному материалу.

Библиографический список

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3 изд., стер. М.: Академия, 2006. 336 с.
2. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
3. Language Hub. URL: macmillaneducationeverywhere.com (дата обращения: 06.03.2024).

УДК 8
ББК 81.1

А. А. Куклева

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), г. Москва

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования публичных выступлений современных сербских политиков. Эффективность публичного выступления определяется его способностью реализовать свою основную функцию убеждения. Выступления сербского президента А. Вучича являются яркими примерами ораторского искусства политика – патриота, отстаивающего национальные интересы сербского народа в трудных условиях противостояния Западу.

Ключевые слова: политический дискурс, публичное выступление, сербский язык.

A. A. Kukleva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow

EXTERIORIZATION OF NATIONAL CHARACTER IN A POLITICIAN'S PUBLIC ADDRESS (AS EXEMPLIFIED IN THE SERBIAN LANGUAGE)

Abstract. The article presents the results of the research of public addresses of modern Serbian politicians. The efficiency of the public speech is determined by its persuasive power on the audience. Aleksandar Vučić, the President of Serbia, has demonstrated great oratory skills of a politician who genuinely loves his Homeland and persistently defends its national interests under harsh conditions of confrontation with the West.

Keywords: political discourse, public speech, the Serbian language.

Публичное выступление с древних времен занимало особое место в жизни общества, поскольку являлось и до сих пор является мощным инструментом формирования общественного мнения, влияния на индивидуальное сознание и поведение людей.

Под публичной речью понимают устное монологическое выступление лидера или деятеля перед группой людей, которое характеризуется целеустановкой на персуазивное воздействие, структурно-композиционной и содержательной завершенностью.

В настоящее время исследования публичной речи можно сгруппировать по трем направлениям: *риторическое, психологическое, лингвистическое*.

Риторическое направление исследует публичную речь как предмет риторики, с позиции трех категорий:

- *этос* (нравственное начало, этическая, нравственная позиция человека, готовящегося своей речью подвигнуть людей на определенные действия, призвать к изменению взглядов, отношения к предмету высказывания; этос самым прямым образом соотносится с чувством гражданской ответственности);

- *пафос* (чувство, воодушевление, вложенное в речь);

- *логос* (мысль, заключенная в речи).

В рамках данного направления публичная речь изучается как ораторское искусство.

Психологическое направление исследует публичную речь в рамках психологии общения с целью выявить условия эффективной убеждающей коммуникации. *Лингвистическое* направление

изучает публичную речь в рамках лингвистики и теории текста. В фокус научных исследований лингвистического направления входят гендерные и социокультурные аспекты публичной речи политиков, вопросы, сопряженные с имиджологией, массмедийным и сетевым политическим дискурсом.

Исследования, посвященные политической публичной речи, имеют ярко выраженный прикладной характер. Для подготовки эффективного публичного выступления, способного в полной мере реализовать свою основную функцию убеждения, необходимо комплексно изучить ряд факторов, которые обуславливают искомый прагматический результат, а именно, оказание целенаправленного персуазивного воздействия на публику.

Во-первых, при планировании выступления учитывается политико-социальный и культурный контекст. Публичное выступление обычно посвящено актуальному событию или проблеме. Политик преследует цель привлечь внимание к проблеме, убедить аудиторию в необходимости принятия решений и их обоснованности. Например:

- Korak po korak, kamen po kamen, krenuli smo da gradimo našu Srbiju i da napredujemo, čini mi se, brže nego što smo i sami očekivali, pre samo nekoliko godina. Ovo je briga o ljudima, kako će da žive ljudi u Užicu, Požegi, Bajinoj Bašti, Gornjem Milanovcu, Loznici. Hvala našim kineskim prijateljima! (строительство высокоскоростной железной дороги, которая будет соединять Белград и Будонешт) [7].

- Ja želim Crnu Goru u kojoj će da žive Crnogorci, Srbi, Albanci, Bošnjaci I svi ostali, samo da svi imaju pravo da budu ono što jesu [6].

Во-вторых, в своем выступлении политик опирается на национальные ценности. Кроме того, политик может апеллировать к существующим в конкретный период развития общества положительно значимым объектам и отношениям. Для Сербии всегда особую роль в системе национальных ценностей играли свобода и независимость. В наше время вследствие известных действий стран НАТО, которые во главе с США подвергли жестокой бомбежке Белград в 1999 году и содействовали распаду единой Югославии на мелкие государства с перекройкой традиционных границ между республиками, в частности, выделению

в отдельное государство Косово, для Сербии особое значение приобрела идея территориальной целостности. В своих выступлениях сербские политики обязательно касаются этой темы. Например, ораторы заканчивают свои выступления обычно лозунгом *Живела Србија! Безбедна будућност за своју децу! Будућност за Србију!*

1) *Čini mi se da se svaki čovek danima, nedeljama, mesecima, ponekad i godinama, muči dok ne prelomi, dok ne donese odluku, a teške odluke odgovorni i ozbiljni ljudi ne donese lako. Ipak, kada odluku donesete, osetite nesvakidašnji mir i spokoj, jer znate da ste doneli ne najbolju, već jednu moguću. Naša odluka je jasna i čvrstva kao stena, čuvaćemo i odbranićemo naš narod na Kosovu i Metohiji. Nema povlačenja! Predaja nije opcija! Živela Srbija!* [4].

2) *Ovo je mesto budućnosti za Srbiju!* [3].

3) *Гарантујем вам, само једну ствар, да ћемо наставити да се боримо и да ћете бити поносни на своју земљу и да ћете обезбедити будућност за своју децу! Живело пријатељство Србије, Мађарске и Кине* [5].

Сербов отличает огромное сильное чувство любви к своей Родине.

Nigde nema naše Šumadije. Mi Srbi uvek smo hrlili u svet, želeli da vidimo i upoznamo Beč, Pariz, NY, a nekako smo pomalo zapostavljali i manje poštovali svoju zemlju i njene lepote. Od kako je počela pandemija korona virusa počinjemo da shvatamo koliko nam je zemlja lepa i bogata. Još mnogo toga moramo da uradimo, sebe da promenimo, a lepota Srbije ostaće večna [3].

В-третьих, политик готовит свое публичное выступление с учетом ситуации общения и характеристик целевой аудитории. Например, *Došao sam svakako od vas pažljivo saslušam, uvek smo tu za svoj narod.*, когда для сербского Президента Вучича было важно поддержать сербов, проживающих в настоящее время в анклав, на территории самопровозглашенной республики Косово. В кризисной ситуации, спровоцированной косовскими албанцами в сентябре 2021 года, Вучич приехал к сербам и лично обратился к ним со словами поддержки. Он заверил сербов, проживающих в окружении мусульман – косоваров, что весь сербский народ солидарен с ними, он не допустит новой резни и кровопролития, защитит соотечественников. В своей речи он

использует формы глагола 1 лица множественного лица со значением «мы» для того, чтобы выразить единство всех сербов: *Nećemo dozvoliti Oluje, Bijesak pogrom iz 2004. godine!*

В своем выступлении Вучич использует такие яркие патриотические слова, как: *Maramo da štitimo živote naše dece na Kosovo i Metohiji, da štitimo njihov opstanak, I ne samo da ćemo da zaštitimo, već danas sa sigurnošću kažem, da ćemo u toj borbi I da pobedimo* [6].

В-четвертых, существенную роль в успешной реализации замысла говорящего играет личность оратора. Например, Вучич всегда старается установить тесный контакт с аудиторией, что в целом характерно для балканских народов. Первой же фразой он показывает, насколько важна для него лично данная встреча с аудиторией. Он выражает благодарность и уважение к слушающим его людям:

1) *Zahvalan @ursulavonderleyen na dugom i veoma sadržajnom razgovoru po svim važnim pitanjima od značaja za Srbiju i EU. Posebno smo razmotrili sve probleme sa kojima se suočavamo u sferi energetike i sagledali strateške pravce delovanja u toj oblasti* [8].

2) *Mnogo prijatelja u Glazgovu. Uvek mi je zadovoljstvo da razgovaram sa predsednikom @emmanuelmacron Srbija i Francuska imaju mnogo planova da ojačaju saradnju. (самум по климаты COP26 в Глазго 31–12)* [9].

3) *Pravi heroji koji danonoćno rade najteži posao! Hvala vam na trudu, radu, energiji i na svemu što činite jer vaš posao je od presudnog značaja za našu zemlju* [10].

4) *Ponosi na našu vojsku! Hvala vam za vašu bezgraničnu ljubav prema otadžbini. (Вучич посетил тактические учения сербских Сухопутных войск в городе Шабац, 16 ноября 2021 г.)* [7].

В-пятых, для каждого политика характерен свой идиостиль.

Идиостиль – это совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи политика.

Вучич старается использовать простые слова и конструкции, понятные широкой аудитории. Например,

- *Nama je potreban pobednički mentalitet! Suština je da morate da se borite za najviše stvari, da lestvicu podižete, da sanjate*

velike snove i onda da možete da ostvarite. (Вучич посетил шоу Чурилица на телевидение, 16 ноября 2021) [5].

- Putevi su ono što spaja ljude, donosi posao, novi životni standard i menja lice naše zemlje. Srbija je, danas, potpuno ispresecana novim putnim arterijama, to je rezultat za koji se borite i za koji živite [3].

Хотя Вучич отличается политкорректностью, он может при необходимости и жестко ответить. Так произошло, когда Вучич ответил резко назойливым и беспардонным журналистам следующим образом:

Али не брините ви, ми ћемо вама са НИ да шаљемо оправдања редово, за сваког од нас, ја сам разумео малопре да ви не желите моје присуство, а ви желите присуство свих нас, па и министра спољних послова, не брините разумео сам, имаћете прилику да нас гледате и слушате чешиће, а министра спољних послова замолићу да сваки пут припреми оправдање за вас, за Шокала и Буласа лично (газета Danas, от 10 септембра 2021 г.) [11].

Кроме того, каждый политик обладает определенными фонетическими особенностями (тембр, темп, интонация и произношение). Вучич говорит размеренно, даже медленно. У него приятный баритон. Стоит особо отметить, что Вучич говорит на эковском диалекте сербского языка, который наиболее распространен в Сербии.

В-шестых, технология создания эффективного выступления требует тщательного отбора языковых средств на всех уровнях. На лексическом уровне оформления высказывания главную роль играет семантика слов, подобранных для вербализации ценностных смыслов. Подбор языковых средств нацелен на формирование желаемых когнитивных образов в сознании аудитории. Учитываются не только прямое значение слов, но и эмоционально-оценочный компонент значения. Ярким примером применения эмоционально-оценочной лексики в политическом публичном выступлении может служить выступление Вучича при очередном посещении сербского анклава в Косово, городе Краљево:

Чиме смо уврадили Хрвате? Шта сам рекао за њих, шта смо урадили? Је л' вас вређају чињенице о јасеновцу или што Србија расте брже од осталих?

Биће много притисака, пре свега што је снажнија и јача. Ово што нас из Загреба нападају свакога дана а да ин ништа нисмо рекли, показује да смо криви сви ми што Србија иде коначно брже од свих осталих. Србији је било потребно 80 година да се пробуди и ради, а наше је да се боримо за наш народ на КиМ, да чувамо нашу земљу, никога другог не дирамо, да идемо напред и још брже. Да покажемо да имамо много више позитивне енергије од њихове негативне. (газета Објектив, от 14 септ 2021) [4].

Таким образом, на основе проведенного анализа выступлений сербского президента можно сделать вывод, что прагматический эффект публичной речи успешно достигается тогда, когда при подготовке учитывается весь комплекс дискурсивных факторов, среди которых ценности, интересы, потребности адресата, ситуация общения, целеустановка.

Библиографически список

1. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 440 с.
3. Обраћање председника Вучића јавности. Електронни ресурс URL: <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obracanje-predsednika-vucica-javnosti-31036> (дата обраћања: 07.05.2022).
4. Vučić: Srbija će od Rusije dobiti gas po najnižoj ceni: 10.10.2021. Kurir.11.10.2021. (дата обраћања: 10.03.2021).
5. Вучићева „светла будућност Фијата“: Откази и гашење фабрике: Електронни ресурс URL: <https://srbin.info/politika/vuciceva-svetla-buducnost-fijata-otkazi-i-gasenje-fabrike/?ysclid=I3byc6r8sn> (дата обраћања: 14.05.2022).
6. Kad gore hepo-kockice. 10.09.2021. Danas (газета).
7. Otvaranje Sajma automobila u Beogradu. Електронни ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LLIWfbqHIEo> (дата обраћања: 12.05.2022).
8. Sva Vučićeva obećanja o reformama obrazovanja. Електронни ресурс. URL: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/sva-vuciceva-obecanja-o-reformama-obrazovanja/> (дата обраћања: 09.05.2022).

9. Aleksandar Vučić iz Kosovske Mitrovice: Odavde nema nazad. Электронный ресурс. URL: <https://kossev.info/vucic-iz-kosovske-mitrovice-10-000-000-evra-za-kbc-rekonstrukcija-svih-zgrada/> (дата обращения: 23.02.2022).

10. Vučić: Nema opravdanja za NATO agresiju. Электронный ресурс. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/502902/Vucic-Nema-opravljanja-za-NATO-agresiju> (дата обращения: 23.03.2022).

11. Vučić o putu ka EU: Nema sira za džabe, zahtev je sporazum o normalizaciji odnosa sa PR. Электронный ресурс. URL: <https://kossev.info/vucic-o-putu-ka-eu-nema-sira-za-dzabe-zahtev-je-sporazum-o-normalizaciji-odnosa-sa-pr-svi-to-znaju/> (дата обращения: 19.05.2022).

УДК 8
ББК 81.1

И. А. Курбаков

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва

ВЛИЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА В СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Юридический дискурс является важной составляющей общественной жизни и играет значительную роль в формировании правовой культуры государства. Использование языка в юридическом дискурсе играет важную роль в обеспечении правовой ясности и точности. Филологический подход к анализу юридических текстов помогает выявить особенности языка в правовой сфере, повысить эффективность юридической коммуникации, исследовать развитие правовой терминологии и ее влияние на правовую практику. Сам дискурс отражает особенности использования языка в юридической сфере и оказывает влияние на развитие правовой грамотности населения.

Ключевые слова: юриспруденция, право, правопедение, юридическая лингвистика, юридический дискурс, правовая культура, коммуникация.

I. A. Kurbakov

Moscow Pedagogical State University, Moscow

INFLUENCE OF LEGAL DISCOURSE ON USE OF LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES: LINGUISTIC ANALYSIS

Abstract. Legal discourse is an important component of public life and plays a significant role in the formation of the state legal culture. The use of language in legal discourse plays an important role in ensuring legal clarity and precision. A philological approach to the analysis of legal texts helps to identify the features of language in the legal field, increase the efficiency of legal communication, and explore the development of legal terminology and its impact on legal practice. The discourse itself reflects the peculiarities of the use of language in the branch of jurisprudence and influences the development of legal literacy of the population.

Keywords: jurisprudence, law, law science, legal linguistics, legal discourse, legal culture, communication.

Двусмысленность и неверное толкование нормативных правовых актов, решений судов, законов – это одна из основных проблем, с которой сталкиваются участники юридического дискурса. Неправильное понимание и интерпретация законодательства может привести к негативным последствиям, таким как нарушения законов, ошибочные решения судов, конфликты между сторонами и даже правонарушения.

Юридический дискурс характеризуется специфическим языковым аппаратом, который включает термины, понятия, формулировки и конструкции, характерные для правовой сферы. Использование такого аппарата обеспечивает точность, ясность и недвусмысленность выражения правовых норм и положений [3, с. 47]. Лингвистический анализ как метод исследования языка, который включает в себя анализ различных языковых явлений и структур с целью понимания и описания их функционирования, включает в себя несколько этапов, каждый из которых играет свою роль в раскрытии особенностей языка, в нашем случае – в рамках источников права: фонетический, морфологический, синтаксический, семантический и прагматический [1, с. 6]. В данном контексте юридического дискурса будут представлять интерес семантический (помогает выявить смысловые

оттенки и значения языковых единиц) и прагматический анализ (позволяет понять, как контекст влияет на интерпретацию языковых высказываний и какие цели преследует говорящий) в составе системного толкования терминов.

Немаловажно отметить, что основными особенностями юридического языка являются:

- 1) формальность и строгость выражения;
- 2) использование специальных терминов;
- 3) формализм и стандартизация;
- 4) многозначность и двусмысленность.

Очевидно, что для юридического документа ключевым моментом является чёткая интерпретация, недвусмысленное толкование и транспарентность. Однако современная практика исполнения решений судов в Российской Федерации, к сожалению, показывает, что из-за использования широких, обтекаемых формулировок, многозначных слов текст решения теряет свою действенность.

Одной из ключевых задач судопроизводства является вынесение справедливых и точных решений по каждому конкретному делу. Чтобы обеспечить четкость и последовательность в судебных актах, необходимо правильно толковать термины и понятия, используемые в юридическом обосновании решений. Ошибка в интерпретации ключевых терминов может привести к недопониманию сути дела и неправильному выводу.

Стоит акцентировать внимание на том, что проблема двусмысленности толкования решений судов по детско-родительским отношениям является актуальным вопросом в современном обществе. Решения судов по данному вопросу имеют огромное значение для детей, родителей и общества в целом, поэтому неоднозначность и неясность в их толковании могут привести к негативным последствиям.

Основные причины двусмысленности толкования решений судов по детско-родительским отношениям могут быть связаны с недостаточной ясностью законодательства, различными толкованиями законов со стороны разных судей и судебных инстанций, а также субъективностью судей при вынесении решения.

В рамках проводимого лингвистического анализа «интересы ребёнка» в данном юридическом дискурсе – одно из осново-

полагающих элементов понятийно-категориального аппарата семейного, образовательного, трудового, наследственного, административного и уголовного права.

В соответствии со ст. 67 Семейного кодекса РФ, если родители (один из них) не подчиняются решению органа опеки и попечительства, близкие родственники ребенка либо орган опеки и попечительства вправе обратиться в суд с иском об устранении препятствий к общению с ребенком. Суд разрешает спор исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка [4].

В ч. 1 статьи 18 Конвенции о правах ребенка ООН, ратифицированной Правительством Российской Федерации Постановлением № 848 от 23 августа 1993 года, «интересы ребенка» также соотносятся с неразделимыми процессами воспитания и развития: «Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы» [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [6], целями государственной политики в интересах детей являются: осуществление прав детей, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, защита от негативных факторов и т. д.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 того же федерального закона, государственная политика в интересах детей является приоритетной и основана на следующих принципах: обеспечение прав ребенка; ответственность за нарушение прав и законных интересов ребенка и т. д.

Специалисты в сфере педагогики и детской психологии выделяют 6 сфер развития личности ребёнка:

- физическое развитие;
- эмоциональное развитие;
- социальное развитие;
- творческое развитие;
- духовное развитие;
- нравственное развитие.

Каждая из сфер развития тесно коррелирует между собой, а их совокупность образует понятие «интересы ребёнка». В соответствии с семантическим и прагматическим анализом указанных выше правовых источников определяем интересы

ребёнка как сферы всестороннего наилучшего развития личности ребенка (физического, эмоционального, социального, творческого, духовного, нравственного), на которые целенаправленно воздействует воспитательный процесс и которые взаимодействуя между собой усиливают и дополняют воспитательную роль друг друга [2, с. 6].

Таким образом, стоит подчеркнуть основополагающее влияние юридического дискурса на использование языка в специальных целях, на точность и правильное толкование терминов и понятий в юриспруденции. Необходимость проведения семантического и прагматического анализа прослеживается как в вынесении судебных и законотворческих актов, так и в самом законотворческом процессе. Поддержание высокого уровня междисциплинарной грамотности судей, законодателей, правоохранительных органов, адвокатов, представителей и постоянное совершенствование толкований терминов в рамках юридического дискурса являются основными краеугольными камнями правовой системы и обеспечивают справедливость и законность в законотворческой, правоприменительной, правоохранительной и судебной практике.

Библиографический список

1. *Головина Е. В.* Лингвистический анализ текста: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2012. 106 с.
2. *Бондаренко О. А.* Международные документы о правах ребенка: научно-практическое пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. 28 с. (Юристы детям).
3. *Хомутова Т. Н.* Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Т. Н. Хомутова, Е. А. Шефер // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16, № 3. С. 44–53. DOI: 10.14529/ling190308.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023).
5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
6. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ.
7. Статья 4 «Качество товара (работы, услуги)» Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей».

УДК 81'255.2
ББК 81.432.1-7

А. С. Куров

Ивановский государственный университет, г. Иваново

АНАЛИЗ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА *БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ*

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка анализа аудиовизуального перевода фрагмента из фильма *Берегись автомобиля*. Отмечены как положительные, так и отрицательные стороны субтитрированного перевода, а также предложены некоторые варианты.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, русский язык, английский язык, фильм, лингвистика.

A. S. Kurov

Ivanovo State University, Ivanovo

ANALYSIS OF AUDIOVISUAL TRANSLATION ON THE EXAMPLE OF THE FILM *BEWARE OF THE CAR*

Abstract. This article attempts to analyze the audiovisual translation of a fragment from the film *Beware of the Car*. Both the positive and negative sides of the subtitle translation are noted, as well as some variants are proposed.

Keywords: audiovisual translation, Russian, English, film, linguistics.

Аудиовизуальный перевод, несмотря на то что он представляет собой сформированное направление в науке, по-прежнему остается перспективным как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [3, 6, 7]. Главная задача, которая стоит перед переводчиком, – это передать смысл исходного текста на другом языке. При этом интерпретатор, работающий с текстом, должен учитывать лексический состав, грамматическую систему и культурные особенности языков, эксплицитную и имплицитную информацию, стилевые черты, вербальную и невербальную формы, используемые в материале. Все компоненты имеют

связь и дополняют друг друга. Как правило, большинство материалов в России переводят с иностранных языков на русский [2; 4; 5; 8]. На платформе *Youtube* киностудия *Мосфильм* разместила советские фильмы и добавила субтитры на иностранных языках. В данной статье мы проанализируем яркие примеры из советского фильма *Берегись автомобиля* и выделим как достоинства, так и недостатки выполненного субтитрирования.

Таблица 1

Пример 1

Оригинал	Английский вариант
– Тебя посадят, а ты не воруй.	– You’ll do time. Shouldn’t steal.

Такой вариант перевода возможен, но не учтён один момент: персонаж допустил два ошибки в слове «посадют». Во-первых, слово «посадить» является глаголом второго спряжения и имеет окончание «ят» в форме 3-го лица множественного числа, во-вторых, в корне слова следует писать букву «а». Нам кажется, что в английском варианте можно было бы добавить ошибку, чтобы передать смотрящему фильм зрителю, что Семён Васильевич – неграмотный человек и для его речи это характерно. Например, *You’ll doing time. Shouldn’t steal.* В таком случае мы бы добавили в начале каждой реплики имя персонажа, чтобы во время просмотра зритель понял, что ошибки допущены не переводчиком и это особенность речи персонажа. Также следует обратить внимание на отсутствие союза в варианте перевода. На наш взгляд, в русском предложении благодаря этой части речи создается комический эффект, который усиливает два стоящих рядом предложения. Эквиваленты русским словам подобраны удачно, дополнений к этому варианту мы не имеем.

Таблица 2

Пример 2

Оригинал	Английский вариант
– Семён Васильевич, вы же у меня в доме.	– You’re in my home.

Как мы видим, в английском предложении нет обращения. Такой вариант перевода возможен, так как Дима Семицетов в этот момент смотрит на Семёна Васильевича. В то же время мы хотим отметить, что в русском предложении использовано не

только для того, чтобы один персонаж обратился к другому, но и для того, что создать комический эффект. Персонажи фильма относятся друг к другу с презрением, но при этом Дима Семицветов использует обращение, которое с точки зрения языка указывает на проявления уважения.

Таблица 3

Пример 3

Оригинал	Английский вариант
<ul style="list-style-type: none"> – Твой дом – тюрьма. – Папа, твои казарменные шутки сегодня не уместны! – Инга, Инга, что делать? Что делать, Инга? Что делать? 	<ul style="list-style-type: none"> – Your home is prison. – It's no time for your barracks humor! – Inga, what do I do?

Указанные предложения переведены удачно. Словосочетание «казарменные шутки» переведено с помощью слова *barrack*. Барак – постройка (обычно казарменного типа) для временного проживания рабочих и военнослужащих, содержания заключённых и т. п. [1] В определении следует обратить внимание на слово *военнослужащий*. Если мы проанализируем речь Семёна Васильевича, то мы можем выделить такие лексические единицы, как «молчать», «смирно», указывающие на принадлежность персонажа к военной сфере. По этой причине английское слово *barrack* весьма удачно подходит.

Таблица 4

Пример 4

Оригинал	Английский вариант
<ul style="list-style-type: none"> – Сухари сушить! – Дима, не волнуйся. Надо дать следователю в лапу. – Да ты с ума сошла. В лапу. Су-масшедшая. 	<ul style="list-style-type: none"> – Pack your bags for the pokey! – Dima. Don't worry – Bribe the investigator! – That's nuts!

Перевод данных предложений, на наш взгляд, также выполнен удачно. Словосочетание *сушить сухари* является устойчивым выражением, на английский язык, по сути, оно переведено с помощью толкования лексического значения. Фразеологизм «дать в лапу» перевести на английский язык с разговорным оттенком, на наш взгляд, невозможно. В русском предложении

использовано данное выражение, поскольку персонажи являются жуликами и впоследствии используют соответствующую лексику. При переводе фразы «Да ты с ума сошла. В лапу. Сумасшедшая» часть слов была убрана, поскольку есть слово и выражение, которые передают один и тот же смысл. Благодаря аудиовизуальной составляющей повторять предложение *В лапу – Bribe the investigator!* не нужно, потому что Дима Семицветов смотрит в этот момент на Ингу. Из контекста понятно, что он реагирует на предложение жены дать следователю в лапу.

Проанализировав предложения из фрагмента фильма *Берегись автомобиля*, мы пришли к выводу, что, в общем и целом, перевод выполнено вполне удачно.

Среди положительных сторон мы считаем необходимым отметить следующие: правильно подобраны эквиваленты русских слов и выражений для английских предложений; фразеологизмы переведены с помощью толкования их лексического значения; учтена аудиовизуальная составляющая.

Перевод на английский язык, на наш взгляд, имеет недостатки: не учтены стилевые особенности русского языка (разговорный стиль), ошибки, которые допускает персонаж из фильма, никак не отражены в английском варианте.

Для того чтобы сделать перевод, приближенный к оригиналу, следует добавить, например, имя и фамилию персонажа в субтитры. Иностранному зрителю, смотрящему фильм, сможет идентифицировать героев и понимать индивидуальные особенности их речи. Следует добавить орфографические и грамматические ошибки для персонажа, который их допускает. Таким образом, будет сохранен речевой портрет героя.

Библиографический список

1. Грамота.ру [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=барак&mode=slovari> (дата обращения: 02.10.2023).

2. Злобина О. Н., Ворожцов Г. Ю. Документальное кино в аспекте перевода (на материале перевода на русский язык фильма «A Life in Japan» / «Жизнь в Японии») // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. № 12. С. 126–134.

3. Лебедева С. Д., Татаринцев Н. С. Аудиовизуальный перевод как основа формирования языковой культуры // Вестник магистратуры. 2019. № 6-4 (93). С. 74–75.

4. Лукинова М. Ю., Мартынюк Е. Б. Сопоставительный анализ переводов кинофильма режиссера Уэса Андерсона «Семейка Тененбаум» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2019. № 1 (25). С. 119–133.

5. Матвеева Н. В., Жигалова Я. И. Различия в речевых портретах персонажей фильма «Зелёная книга» при аудиовизуальном переводе с английского языка на русский // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 117–123.

6. Морозова Т. А. Аудиовизуальный перевод в России: развитие и современное положение // Инновационная наука. 2020. № 5. С. 122–125.

7. Тарасова А. А. Анализ использования грамматических трансформаций в аудиовизуальном переводе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86). С. 202–204.

8. Штарберг А. С., Сабурова Н. А. Особенности перевода аудиовизуальных текстов предназначенных для озвучивания (на примере телесериала «Доктор Хаус») // Форум молодых ученых. 2018. № 6-3 (22). С. 764–770.

УДК 372.811.1

ББК 74.268.19.432.1

Н. Г. Лаврентьева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОБУЧЕНИЕ РЕФЕРАТИВНОМУ ПЕРЕВОДУ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Аннотация. Анализируются способы развития коммуникативной компетенции на родном и иностранном языке студентов неязыковых вузов посредством обучения реферативному переводу текстов по специальности. Обосновывается целесообразность использования реферативного перевода для развития таких метапредметных навыков как аналитическое мышление, а также синтез полученной информации.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка в вузе, реферативный перевод, профессиональный английский язык, коммуникативная компетенция, метапредметные навыки.

© Лаврентьева Н. Г., 2024

N. G. Lavrentyeva

Ivanovo State University, Ivanovo

TEACHING SUMMARY TRANSLATION FROM A FOREIGN LANGUAGE INTO RUSSIAN AS A MEANS OF DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF NON-LINGUISTIC STUDENTS

Abstract. The ways of developing communicative competence in the native and foreign language while teaching summary translation of special texts to students of non-linguistic universities are analyzed. The expediency of using summary translation for the development of such soft skills as analytical thinking and synthesis is substantiated.

Keywords: teaching a foreign language to university students, summary translation, professional English, communicative competence, soft skills.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом результатом обучения иностранному языку в неязыковом вузе должна стать универсальную компетенцию УК-4, которая предполагает способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке РФ и иностранном(-ых) языке(-ах) [2, с. 8]. Таким образом, главной целью обучения языкам в вузе становится развитие коммуникативной компетенции в сфере делового профессионального общения. Развитие коммуникативной компетенции при этом невозможно без формирования гибких навыков, таких как креативность, критическое мышление, анализ, синтез и т. д.

Отвечая на вопрос о содержании курса иностранного языка для студентов неязыковых направлений подготовки в условиях системно-деятельностного подхода, необходимо определить место перевода профессионально-ориентированного текста в структуре курса. В последние десятилетия ведётся много споров «за» и «против» использования перевода в обучении иностранному языку вообще и в обучении профессиональному языку студентов-нелингвистов. Противники применения перевода связывают его с грамматико-переводным методом преподавания иностранного языка, при котором коммуникация исключается из

обучения. Однако, сторонники использования перевода при обучении профессиональному иностранному языку говорят о том, что перевод представляет собой особый вид речевой деятельности, с помощью которого осуществляется общение, и при условии коммуникативно направленной формулировки задания его можно внедрять для формирования профессиональной коммуникативной компетенции. Бесспорным является тот факт, что специалисты почти всех профилей подготовки в своей профессиональной деятельности сталкиваются с большим количеством текстовой информации и нуждаются в хорошо развитых аналитических навыках работы с текстом, в том числе и на иностранном языке.

Реферативный перевод – это жанр, который сформировался и получил своё развитие в отечественной лингводидактике. Под реферативным переводом понимают аналитико-синтетический процесс, который включает в себя одновременно процесс перевода и реферирования, при котором сущность обработки информации, представленной в тексте, заключается в сокращённом и обобщённом изложении содержания первоисточника с целью извлечение ценной информации по конкретной специальной теме или проблеме [1, с. 43].

Применение реферативного перевода на занятиях по иностранному языку позволяет сформировать языковые умения, соответствующие конкретной коммуникативной задаче, не только на иностранном, но и на родном языке.

Среди метапредметных навыков, формируемых в процессе обучения реферативному переводу, можно выделить умение поиска, анализа и синтеза полученной из текстового источника информации, а также развитие внутренней речи, без которой, как известно, не может быть хорошо развитой письменной и устной речи, как на иностранном, так и на родном языке.

Реферативный перевод традиционно состоит из:

1) библиографического описания, куда входит перевод заглавия первичного текста, заглавие на языке оригинала, фамилия и инициалы автора, ссылка на название, а именно год, том, номер или дата выпуска, страницы, а также язык публикации;

2) текста реферата, то есть изложения сути проблемы, поднимаемой в тексте первоисточника;

3) дополнительных сведений, например, информации о количестве иллюстраций или таблиц.

При работе над реферативным переводом происходит развитие информационно-поисковых умений с последующим декодированием полученной информации в знаки родного языка. Процесс осуществляется через следующие этапы:

1) поиск основной, второстепенной и дублирующей информации;

2) ориентация в логико-смысловых композиционных связях в тексте;

3) соотнесение полученной информации и фактов.

Использование реферативного перевода ведёт к повышению мотивации в результате решения конкретной профессиональной задачи, а также готовит студентов к будущей профессиональной и академической деятельности. Студенты Ивановского государственного университета на протяжении нескольких лет активно участвуют во Всероссийском конкурсе реферативного перевода, который проводится Ярославском государственным техническим университетом совместно с ВИНТИ РАН. За 3 года 7 участников Ивановского государственного университета стали победителями конкурса по разным профессиональным номинациям.

Библиографический список

1. *Коньшева А. В.* Обучение реферативному переводу студентов неязыковых специальностей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2018. № 7. С. 43-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-referativnomu-perevodu-studentov-neyazykovyh-spetsialnostey> (дата обращения: 25.03.2024).

2. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (Зарегистрирован 07.09.2020 № 59673). URL: http://www.rea.ru/ru/org/managements/uchmetupr/Documents/Standarts/FGOS%20VO/Bakalavriat/Standart_40.03.01_Urisprudentsia_2020.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

УДК 81-119
ББК 81.1

С. Ю. Ладыгина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ СХЕМЫ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТОВ И МАТЕРИАЛОВ В ПОДЪЯЗЫКЕ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальной организации многокомпонентных терминов сферы автомобилестроения, принадлежащих к категории предметов и материалов. На основе фреймового анализа выявлено, что два концептуальных класса данной категории имеют внутреннюю дифференциацию и представлены тремя подклассами деталей и четырьмя подклассами материалов. С помощью когнитивно-ономасиологического моделирования структуры терминов установлены наиболее продуктивные пропозициональные схемы, по которым создаются неоднословные наименования данной категории в русском и английском языках в рамках рассматриваемой сферы деятельности.

Ключевые слова: пропозициональная схема, фрейм, категория, многокомпонентные термины, подъязык автомобилестроения.

C. Y. Ladygina

South Ural State University, Chelyabinsk.

PROPOSITIONAL SCHEMES OF MULTI-COMPONENT TERMS OF CATEGORY OF OBJECTS AND MATERIALS IN AUTOMOTIVE SUBLANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the construction of propositional schemes of multi-component terms of the category of objects and materials in the sphere of automobile construction. With the help of frame analysis of the material it is revealed that in this category conceptual classes of parts and materials are most characteristic for the sphere of automobile construction. By means of cognitive and onomasiological modeling of the conceptual structure of automobile multicomponent terms the most productive

propositional schemes, which structure the class of details of the category of objects and materials in the considered sphere of activity, have been determined.

Keywords: propositional schemes, multicomponent terms, automotive sublanguage.

Под категоризацией понимается «процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия; упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [4, с. 42]. Как отмечает Е. И. Голованова, понятие категоризации является фундаментальным понятием в характеристике когнитивной деятельности человека [1, с. 15].

С помощью категориального анализа терминосистемы автомобилестроения были выявлены следующие категории: 1) профессиональный деятель; 2) технологические процессы; 3) орудия труда; 4) предметы и материалы; 5) свойства; 6) величины и единицы измерения.

Категория предметов и материалов является самой многочисленной по составу в терминосистеме автомобилестроения как в русском, так и в английском языках (1110 терминов, 37 % от выборки в английском языке; 1507 терминов, 46 % от выборки в русском языке). Согласно проведенному анализу, данная категория представлена двумя концептуальными классами: **детали** (779 терминов, 24 % от выборки в русском языке и 750 терминов, 25 % от выборки в английском языке) и **материалы** (728 терминов, 22 % от выборки в русском языке и 690 терминов, 23 % от выборки в английском языке). В концептуальный класс деталей включены три подкласса: **детали двигателя** (292 термина в русском языке и 277 терминов в английском языке), **детали шасси** (260 терминов в русском языке и 251 термин в английском языке), **детали кузова** (227 терминов в русском языке и 222 термина в английском языке). В концептуальный класс материалов входят четыре подкласса: **металлические материалы** (192 термина в русском языке, 173 термина в английском языке), **неметаллические материалы** (182 термина в русском языке, 171 терминов в английском языке),

композитные материалы (193 термина в русском языке, 186 терминов в английском языке) и **порошковые материалы** (161 термин в русском языке, 160 термин в английском языке).

О. С. Савельева считает категорию предметности выразителем качественной определенности предмета: «Значение предметности является результатом выделения из совокупности облигаторных свойств признака-эталона, по которому именуется предмет» [6, с. 108].

Родовое понятие (ономасиологический базис), связанное с характеристикой понятия (ономасиологическим признаком) с помощью предиката-связки входит в концептуальную структуру любого многокомпонентного термина. Предикат отображает вид отношений между понятием и его характеристикой.

Результатом когнитивно-ономасиологического анализа многокомпонентных терминов категории предметов и материалов сферы автомобилестроения оказались следующие основные способы концептуализации предмета в обоих языках: 1) характеристика предмета по форме (*игольчатый клапан, bow spring – рессора*); 2) характеристика предмета по материалу (*антифриз на основе этиленгликоля, rubber adhesive – резиновый клей*); 3) локативность (*протектор шины, disk brake – дисковый тормоз*); 4) назначение (*буксирное устройство, steering wheel – управляемое колесо*).

Для построения обобщенной модели категории предметов и материалов в сфере автомобилестроения необходимо изучить, какими пропозициональными схемами структурируется данная категория.

Пропозициональная модель состоит из предиката и аргументов. Она демонстрирует структурированность и системность человеческого знания об окружающем мире, а также отражает закономерности и отношения между предметами этого мира [5, с. 63].

При помощи пропозиций выявляются основные виды связей между одним предметом и его характеристиками, а также между несколькими предметами. С. А. Жаботинская выделяет следующие базовые фреймы на основе определенных пропозициональных схем: идентификационный, предметный, компаративный, акциональный и поссесивный [3].

Базовые фреймы демонстрируют наиболее широко распространенные способы категоризации и организации вербализованного содержания. Они включают онтологическую информацию о материальных предметах, их свойствах и отношениях между ними [2].

Рассмотрим следующие пропозициональные модели в концептуальном классе деталей категории предметов и материалов сферы автомобилестроения в русском языке:

1. Акциональный фрейм (31 %, 240 терминологических единиц) представлен следующими пропозициональными схемами:

а) (ТАКОЕ) нечто-агенса действует (ТАК / ТАМ / для цели): *тормозной механизм, ведущий вал, натяжное устройство.*

б) нечто-агенса действует на нечто-пациенса / аффектив: *стабилизатор поперечной устойчивости, толкатель клапанов, успокоитель цепи.*

2. Предметный фрейм класса деталей включает 262 термина (34 %) и содержит следующие схемы:

а) качественная – нечто есть ТАКОЕ: *тормозной диск, дисковый тормозной механизм, коренной лист, шлицевые концы.*

б) количественная – (ТАКОЕ) нечто есть СТОЛЬКО: *двигатель четырехтактный, сцепление двухдисковое, передача двойная.*

3. Поссесивный фрейм данного класса (32 %, 251 терминологическая единица) представлен следующими схемами:

а) партитивная – нечто-целое имеет (ТАКОЕ) нечто-часть: *валы привода мостов, подшипник сцепления, турбинное колесо.*

б) инклюзивная – нечто-контейнер имеет (ТАКОЕ) нечто-содержимое: *обивка сиденья, масляный поддон, топливный аккумулятор.*

4. Компаративный фрейм (3 %, 23 термина) содержит следующие схемы:

а) схема сходства-анalogии «нечто-компаратив есть как нечто-коррелят»: *V-образный двигатель, конический подшипник, цилиндрическая передача.*

б) схема подобия-метафоры «нечто-компаратив есть как бы нечто-коррелят»: *червячная передача, солнечная шестерня, клапан карбюратора игольчатый.*

5. Идентификационный фрейм (0,4 %, 3 терминологические единицы) включает одну схему:

а) персонификации – нечто-идентификатив есть нечто-персонификатор: *двигатель Ванкеля, подвеска Макферсона, датчик Холла*.

В английском языке анализ материала дал следующие результаты:

1. Акциональный фрейм (30 % от терминов данного класса, 228 единиц) представлен следующими пропозициональными схемами:

а) (ТАКОЕ / СТОЛЬКО) нечто-агенса действует на нечто-пациенса /аффектив (ТАМ / для результата / с помощью... / ТУДА / ТАМ / ТАК): *double-thrust bearing, life belt*.

б) (ТАКОЕ / СТОЛЬКО) нечто-каузатора делает нечто-фактитив: *driving axle, trailing arm, passing beam*.

в) нечто-агенса действует на нечто-пациенса / аффектив: *torque converter, valve keeper, chain damper*.

2. Предметный фрейм класса инструментов включает 253 термина (34 %) и содержит следующие схемы:

а) качественная – нечто есть ТАКОЕ: *flat battery, front wheel, main muffler*.

б) количественная – нечто есть СТОЛЬКО: *four-stroke engine, single plate clutch, half axle*.

3. Поссесивный фрейм данного класса (32 %, 241 терминологическая единица) представлен следующими схемами:

а) партитивная – нечто-целое имеет (ТАКОЕ) нечто-часть: *axle beam, valve head, piston crown*.

б) инклюзивная – нечто-контейнер имеет (ТАКОЕ) нечто-содержимое: *tyre case, air tank, clutch cover*.

4. Компаративный фрейм (3 %, 25 терминов) содержит следующие схемы:

а) схема сходства-анalogии «нечто-компаратив есть как нечто-коррелят»: *U-joint case, L-head engine, T-head engine*.

б) схема подобия-метафоры «нечто-компаратив есть как бы нечто-коррелят»: *piston ring, piston skirt, sun gear*.

5. Идентификационный фрейм (0,4 %, 3 термина) представлен только одной схемой:

а) персонификации – нечто-идентификатив есть нечто-персонификатор: *Venturi tube, two-rotor Wankel engine, McPherson strut suspension*.

Таким образом, проведенное исследование пропозициональных схем многокомпонентных терминов категории предметов и материалов в подязыке автомобилестроения на примере класса деталей показало, что в данной категории наиболее востребованным и в русском, и в английском языке выступает предметный базовый фрейм, менее значимыми оказываются акциональный и possessивный фреймы; компаративный и идентификационный фреймы представлены единичными примерами.

Библиографический список

1. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Элпис, 2008. 304 с.
2. Жаботинская С. А. Ономазиологические модели в свете когнитивных школ современной лингвистики // С любовью к языку: сб. науч. тр. Москва; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский ГУ, 2002. С. 115–123.
3. Жаботинская С. А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов // Вісник харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2010. № 928. С. 6–20.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 197 с.
5. Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия: монография. Рязань: РГПУ им. С. А. Есенина, 2000. 140 с.
6. Савельева О. С. Структура категориального значения предметности // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 105–108.

УДК 821.161.1.09-311.9
ББК 81.432.1-7

В. Н. Лисовицкая

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара

АВТОР И ГЕРОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ЖИЛИНСКОГО ЦИКЛА» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отношения автор-герой в фантастике братьев Стругацких на материале повестей *Путь на Амальтею*, *Стажеры*, *Хищные вещи века*. Выявляются основные типы героев и определяются способы выражения авторской позиции.

Ключевые слова: научная фантастика, автор, читатель, герой, Аркадий и Борис Стругацкие, диалог, «я» и «другой».

V. N. Lisovitskaya

Samara National Research University

AUTHOR AND CHARACTER IN WORKS OF THE STRUGATSKY BROTHERS «ZHILIN CYCLE»

Abstract. This article examines the peculiarities of the author-character relationship in the science fiction works of the Strugatsky brothers, focusing on the stories *Destination: Amaltheia*, *Probationers*, and *The Final Circle of Paradise*. It identifies the main types of characters and determines the ways of expressing the author's position.

Keywords: science fiction, author, reader, character, Arkady and Boris Strugatsky, dialogue, “ego” and “other”.

Произведения братьев Стругацких с раннего этапа их совместного творчества отличались пристальным вниманием авторов к проблеме человека, его взаимоотношений с миром в условиях трансформирующейся под влиянием научно-технического прогресса реальности.

Целью исследования является анализ трансформирующихся отношений автора и героя на материале *Путь на Амальтею*, *Стажеры*, *Хищные вещи века*, составляющих так называемый *Жилинский цикл* братьев Стругацких. Произведения представляют собой цикл, который получил свое название по имени объединяющего все три произведения героя – Ивана Жилина.

Литературное произведение как эстетический объект (по М. М. Бахтину) является «местом встречи сознаний автора, героя и читателя» [1, 6]. Согласно М. М. Бахтину [2], диалог между субъектами эстетической коммуникации не сводится к попытке полного слияния с «другим», а реализуется через способность видеть и понимать «другого» с позиции вневходимости.

В произведениях братьев Стругацких 50-х годов истинного диалога между автором и героем нет. Герой играет отведенную ему сюжетную роль и является только объектом авторского сознания. Автор, как пишет М. М. Бахтин, «интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли и чувства» [3, 122].

В анализируемых нами произведениях можно выделить несколько ведущих типов героев. Первый тип героя – идеализированный, бесстрашный человек, роль которого сводится к выполнению задачи в условиях неблагоприятной внешней среды. У таких героев есть индивидуальные черты, но «отсутствует глубинная индивидуализация, нет психологического противопоставления» [4]. Такими являются герои повести *Путь на Амальтею*. Б. Н. Стругацкий следующим образом описывал творческую задачу, стоявшую перед авторами: «она и придумана, и исполнена была как «производственная». Самым ценным для авторов была в ней атмосфера обыденности, повседневности, антигероизма, если угодно» [5]. Действительно, даже перед лицом приближающейся смерти герои заняты лишь выполнением своих непосредственных задач. Капитан Быков и бортинженер Жилин чинят корабль на пределе человеческих возможностей. Рождается авторский герой-тип, который должен стать образцом для других. Поэтому Жилин признается: «если мы выберемся <...>, я никуда не пойду, пока не стану таким, как

Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время» (здесь и далее выделено нами. – В. Л.) [6, с. 90].

Но уже в этой повести Иван Жилин – самый молодой член экипажа, изображен как человек размышляющий, любознательный, амбициозный, но в то же время не лишенный человеческих слабостей. Это второй тип героев Стругацких. Жилин боится смерти и плачет, когда во время эмоциональной и физической перегрузки приходит в сознание в одиночестве. Возникает образ неготового героя, который хоть и сближен с субъектом авторского плана – повествователем, все же от него отличается. Повествователь, в свою очередь, не безучастный наблюдатель, а активно воспринимающий события субъект. Взгляд повествователя субъективен, намечается тенденция к совмещению позиций видения и оценки происходящего повествующего и е героя (через несобственно-прямую речь). Это необходимую, по мнению Л. Г. Тютеловой, «не для выявления расхождения субъективных оценок изображаемого, а для самого процесса выстраивания изображаемого мира» [7, 145]. Примером такого сближения являются описания пространства-корабля и космоса: *Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду – глухо заурчало в казеннике. И сейчас же – тик-тик-тик – затрещал затвор спектрографа* [6, с. 68]; *Из желто розовой бездны поднимались огромные радужные шары. <...> Это было очень красиво и совершенно непонятно* [6, с. 82].

В *Стажерах* (1962) происходит дальнейшее усложнение отношений автора и героя, обнаруживаются черты авантюрного героя. Они характеризуют образ Юрковского. Он постоянно пытается проверить собственную удачливость и в итоге гибнет, исследуя кольца Сатурна. Быков, достаточно однозначный персонаж в первом произведении, остается спокойным и рассудительным только до момента пропажи друзей. Он рискует собственной жизнью (и жизнью других) не ради будущего всего человечества, то есть идеи, а ради спасения друзей. При этом продолжается «сближение» позиции Жилина и авторов. Герой с помощью различных притчевых историй указывает путь молодому герою и своим более опытным коллегам. Это тот случай, который М. М. Бахтин называл авторским завладением героем. Жилин транслирует не собственные установки, а «завершающую морально-этическую идею» [3, с. 135], что приводит к

некоторой неестественности его образа. Неслучайны мысли Жилина в конце повести: *Главное – на Земле. Главное всегда остается на Земле, и я останусь на Земле. Решено, – подумал он. – Решено. Главное – на Земле...* [6, с. 382]. Это не только проявление авторской интенции, но и результат эмоционального проживания событий героем. Синкретически сливаясь, голоса автора и героя в диалоге друг с другом находят новую точку опоры и завершения.

Но больший интерес представляют другие герои *Стажеров*. Так, Мария Юрковская, обращаясь к бывшему мужу, замечает: *Иногда я думаю, что вы все просто ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос – зачем?* [6, с. 112]. И этот вопрос во многом определит появление нового типа героев Стругацких – героя-рефлексирующего, жизненный модус которого при сохранении направленности в будущее лежит в настоящем. Таков Юрий Бородин, авторы не случайно выбирают в качестве центрального персонажа молодого наивного героя. Через его диалог с другими персонажами, с миром и с собой раскрывается напряженность жизни.

Появление такого героя способствует тому, что мир перестает быть готовым, он дается в становлении. А это становление – результат взаимодействия сознаний автора и героя, способствующему развитию диалогических отношений между субъектами эстетической коммуникации. Через этот диалог Стругацкие раскрывают собственное «я», свой взгляд на мир, который меняется на протяжении их творческого пути. Отсюда и изменение проблематики произведений Стругацких: отход от идей техноцентризма и противодействия внешним обстоятельствам к социальной проблематике.

В *Хищных вещах века* фокус авторского внимания смещается: Иван Жилин – и главный участник событий, и герой-рассказчик. Выбранная повествовательная стратегия не приводит к тому, что автор перестает демонстрировать избыток видения как героя, так и мира. Диалог между автором и героем, в данном случае, это уже «диалог-согласие». Согласие – одна «из форм диалогических отношений» [8, с. 312], в которой позиции субъектов оказываются сближены, но не тождественны друг другу.

Герой уже способен увидеть себя как «другого», а также предпринимать попытки понять остальных персонажей. В большей степени оступившихся, попавших под влияние де-струкций мира товарищей. Диалогичен по своей природе также и финальный монолог Жилина: *Спасать. До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? <...> Как вы не можете понять, что мир огромен, сложен и увлекателен? <...> Когда-нибудь у меня не хватит больше сил и уверенности. Ведь я такой же, как вы! Только я хочу помочь вам, а вы не хотите помочь мне...* [9, с. 237–238]. Эта же позиция заявляется авторами в паратексте – эпиграфе: *Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...* А. Де Сент-Экзюпери [9, с. 3].

Помимо сознания героя-рассказчика в повествование вклинивается другое, являющееся, вероятнее всего, сознанием субъекта авторского плана. Это сознание комментирует и уточняет событие рассказывания. Например: *Особенную роль в формировании психологии современного (то есть беззаботного) человека он отводил методам волновой психотехники* [9, с. 134]. Целью таких замечания является пояснение читателю изображаемого мира.

Таким образом, можно утверждать, что в *Жилинском цикле* у Стругацких функционируют два типа героев: идеальный герой и герой рефлексирующий. Это типы готового и неготового героя. С первым диалог автора невозможен. Со вторым возникает диалог-согласие. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что художественный мир братьев Стругацких эволюционирует, и намечаются пути организации диалога не только между автором и героем, но и между автором и читателем.

Библиографический список

1. *Рымарь Н. Т.* «Изоляция» и бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта // Новый филологический вестник. 2006. № 2. С. 5–15.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

3. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетическом событии: сборник научных трудов. СПб.: Алетейя, 2022. 544 с.
4. *Мельников А. И.* От героя «безгеройного» жанра к полноценному образу // Этюд о взрослом гравилете. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. С. 165–206.
5. *Стругацкий Б. Н.* Комментарии к пройденному. М.: Аст, 2018. 318 с.
6. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Путь на Амальтею; Стажеры: [фантастические повести]. М.: Аст, 2019. 384 с.
7. *Тютелова Л. Г.* Особенности субъектной сферы «Новой драмы»: А. П. Чехов // Вестник СамГУ. 2009. №69. С. 143–149.
8. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
9. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Хищные вещи века: [фантастическая повесть]. М.: Аст, 2022. 256 с.

УДК 811.161.1'374:004

ББК 81.054

М. А. Лонцкая

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва

ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОГО ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная научная статья посвящена сложным нюансам вычислительной лексикографии русских глаголов состояния как языковой категории, характеризующейся значительной семантической глубиной и контекстуальной вариативностью. В ней исследуется сложная динамика этих глаголов, подчеркиваются проблемы, которые они создают для вычислительного представления и анализа. В исследовании используется междисциплинарный подход, объединяющий корпусную лингвистику, обработку естественного языка (NLP) и алгоритмы машинного обучения (ML) для анализа и интерпретации тонких семантических сдвигов и контекстуальных зависимостей глаголов состояния. Исследование подчеркивает решающую роль передовых вычислительных методик в точном отражении полисемичности и измен-

чивости семантических значений этих глаголов в различных языковых контекстах. Сопоставительный лингвистический анализ обогащает исследование, сопоставляя русские глаголы состояния с их аналогами в других языках, чтобы подчеркнуть уникальные проблемы русского лингвистического ландшафта. Данное исследование не только вносит вклад в область вычислительной лексикографии, но и открывает перспективы для будущих исследований в области кросс-лингвистического семантического анализа и совершенствования вычислительных моделей для лингвистической интерпретации.

Ключевые слова: вычислительная лексикография, глаголы состояния, семантический анализ, обработка естественного языка, машинное обучение, корпусная лингвистика, полисемия, контекстуальная вариативность, кросс-лингвистическое сравнение, языковые нюансы.

M. A. Lontskaya

The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University, Moscow

PROBLEMS OF COMPUTATIONAL LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF RUSSIAN STATE VERBS

Abstract. This research paper is devoted to the complex nuances of computational lexicography of Russian state verbs as a linguistic category characterized by considerable semantic depth and contextual variation. It explores the complex dynamics of these verbs, emphasizing the challenges they pose for computational representation and analysis. The study uses an interdisciplinary approach that combines corpus linguistics, natural language processing (NLP), and machine learning (ML) algorithms to analyze and interpret the subtle semantic shifts and contextual dependencies of state verbs. The study emphasizes the crucial role of advanced computational techniques in accurately capturing the polysemy and variability of semantic meanings of these verbs in different linguistic contexts. A comparative linguistic analysis enriches the study by comparing Russian state verbs with their counterparts in other languages to highlight the unique challenges of the Russian linguistic landscape. This study contributes to the field of computational lexicography and also opens perspectives for future research in cross-linguistic semantic analysis and improvement of computational models for linguistic interpretation.

Keywords: computational lexicography, state verbs, semantic analysis, natural language processing, machine learning, corpus linguistics, polysemy, contextual variation, cross-linguistic comparison, linguistic nuances.

Появление вычислительной лексикографии открыло новые горизонты в лингвистической области, в частности, в изучении особенностей глаголов состояния в русском языке. Данное исследование посвящено сложной динамике этих глаголов, их вычислительному представлению и возникающим при этом проблемам. Основная цель исследования – прояснить сложности и инновационные методологии компьютерного лексикографического анализа русских глаголов состояния, лингвистической категории, которая до сих пор оставалась несколько труднодоступной для вычислительных парадигм.

Данное исследование находится на пересечении лингвистики, информатики и лексикографии, стремясь обогатить понимание русских глаголов состояния и их вычислительного представления, а также проложить путь для будущих инноваций в этой увлекательной и постоянно развивающейся области.

Сфера глаголов состояния в русском языке как понятие, неразрывно связанное с более широким лингвистическим изучением, представляет собой богатый материал для исследования в вычислительной лексикографии. Как отмечает Л. М. Васильев, эти глаголы глубоко вписаны в семантическую структуру языка [2, с. 102]. Глаголы состояния в русском языке включают в себе разнообразные семантические нюансы, часто воплощая тонкие эмоциональные, физические или когнитивные состояния, которые не поддаются прямой вычислительной интерпретации.

Еще больше усложняет эту задачу присущая этим глаголам полисемия и изменчивость. Как утверждает Гуднов Роджер Нидхэм в своем функционально-семантическом анализе, эти глаголы часто функционируют в сложной сети синонимичных структур, каждая из которых тонко различается по коннотации и употреблению [3, с. 55]. Задача состоит в том, чтобы разработать вычислительные модели, способные ориентироваться в этих тонких различиях, извлекать и классифицировать нюансы значений и контекстов употребления этих глаголов с высокой степенью точности.

Область вычислительной лексикографии, исследованная В. В. Дубичинским, находится в состоянии непрерывной эволюции, а новые технологии играют ключевую роль в изменении традиционных методологий [4, с. 215]. Эта цифровая трансформация,

как отмечает Г. Н. Складревская, связана с интеграцией новых технологических подходов, включая алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка, для повышения глубины и точности лексикографических баз данных [6, с. 22].

Синтезируя эти перспективы, можно утверждать, что будущее вычислительной лексикографии, особенно в контексте русских глаголов состояния, лежит в гармоничной интеграции лингвистической экспертизы и передовых вычислительных методологий. Такой подход, сочетающий богатые описательные традиции лингвистической науки с аналитическим мастерством современных технологий, имеет первостепенное значение для тонкого и точного представления данных лексем в цифровых лексикографических ресурсах.

Попытка автоматизировать распознавание глаголов состояния в русском языке осложняется, в первую очередь тем, что эти глаголы отличаются высокой степенью полисемии и семантической текучести. Сложность заключается в неспособности машины различать тонкие вариации и контекстуальные значения этих глаголов – задача, выходящая за рамки простого синтаксического анализа в сферу глубокого семантического понимания.

Одна из основных проблем в этой области связана с контекстуальной адаптивностью глаголов состояния. Семантическая ценность этих глаголов часто зависит от контекстуальной среды, в которой они находятся, их значения резко меняются в разных языковых окружениях. Такая изменчивость требует вычислительной модели, способной учитывать контекст, которая бы умело ориентировалась в сложном взаимодействии лексики, синтаксиса и дискурса, чтобы точно передать предполагаемый смысл.

Сопоставительный анализ глаголов состояния в русском языке с их аналогами в других языках подчеркивает уникальные лингвистические особенности и проблемы, с которыми сталкивается русский язык. В отличие от многих языков, где глаголы состояния более жестко определены и менее зависимы от контекста, русские глаголы состояния отличаются более высокой степенью семантической сложности и контекстуальной податливости. Такая сопоставительная перспектива не только подчеркивает отличительную природу русского языка, но и дает неоценимую информацию для разработки более сложных и

лингвистически чувствительных вычислительных моделей для лексикографического анализа.

Автоматизация распознавания глаголов состояния в русском языке требует передового подхода, сочетающего глубокие лингвистические знания с передовыми вычислительными методами, подхода, учитывающего семантические тонкости и контекстно-зависимую природу этих глаголов. Эта задача, несмотря на ее сложность, открывает возможности для значительного прогресса в области вычислительной лингвистики и лексикографии, прокладывая путь к более тонкому и точному лингвистическому анализу и представлению.

Основная методология объединяет корпусную лингвистику с передовыми вычислительными технологиями, включая обработку естественного языка (NLP) и алгоритмы машинного обучения (ML). Эти методики играют ключевую роль в изучении сложных семантических структур и контекстуальных нюансов, присущих глаголам состояния.

Корпусная лингвистика предоставляет базовые лингвистические данные, опираясь на обширные базы данных по использованию русского языка. Этот корпус включает в себя разнообразнейшие тексты, обеспечивая всесторонний лингвистический ландшафт, из которого можно извлечь модели употребления и семантические вариации. Анализ корпуса дополняется методами НЛП, которые облегчают извлечение и анализ лингвистических особенностей, позволяя более детально понять употребление глаголов и контекст.

Алгоритмы машинного обучения, особенно специализирующиеся на семантическом анализе, играют решающую роль в расшифровке контекстуальных значений глаголов состояния. Эти алгоритмы обучаются на аннотированных наборах данных, что позволяет им выявлять и интерпретировать тонкие семантические сдвиги, которые претерпевают эти глаголы в различных языковых контекстах. В процессе обучения используются методы контролируемого обучения, направленные на повышение способности модели распознавать и адаптироваться к изменчивой семантике глаголов состояния.

В результате данного исследования можно получить всеобъемлющий синтез сложностей и тонкостей, связанных с вычислительной лексикографией глаголов состояния.

Интеграция корпусных подходов со сложными моделями машинного обучения может доказать свою эффективность в изучении семантических особенностей этих глаголов, предлагая перспективное направление для будущих лексикографических усилий.

Данный подход открывает несколько направлений для дальнейшего изучения и развития в области компьютерной лексикографии. Одним из перспективных направлений является совершенствование алгоритмов машинного обучения, в частности повышение их способности контекстуально интерпретировать и классифицировать глаголы состояния с большей точностью. Другое направление предполагает расширение корпуса за счет включения в него более широкого спектра языковых контекстов, что позволит обогатить лингвистический массив данных и создать более полную основу для вычислительного анализа.

Сопоставительный лингвистический подход, описанный в данном исследовании, предполагает возможность проведения кросс-лингвистического анализа, изучающего вычислительную репрезентацию глаголов состояния в других языках, помимо русского. Такие сопоставительные исследования могут дать ценные сведения об универсальных и языковых аспектах семантики глаголов, что внесет вклад в более широкую область вычислительной лингвистики и кросс-лингвистических исследований.

Библиографический список

1. *Апресян Ю. Д.* Теоретические основы активной лексикографии // Теория и история славянской лексикографии. Науч. матер. к XIV съезду славистов. М., 2008. С. 331.

2. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола: учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. М.: Высш. школа, 1981. 184 с.

3. *Гуднов Р. Н.* Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке: функционально-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2013. 162 с.

4. *Дубичинский В. В.* Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.

5. *Зиновьева Е. И., Хруненко А. В.* Лингвистические основы описания русского языка как иностранного. Лексикология. СПб.: Нестор-История, 2015. 192 с.

6. Складская Г. Н. Использование новых технологий при работе над «Современным толковым словарем живого русского языка» // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 20–25.

УДК 372.881.111.1:371.69
ББК 74.202.56

Е. М. Лотарева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ПЕДАГОГА

Аннотация. В данной статье раскрывается значение игровых технологий в средней школе и их влияние на мотивацию подростков в процессе обучения иностранному языку. На материале анализа учебника К. И. Кауфмана *Happy English.ru* предлагаются собственные разработки для улучшения подачи и отработки языкового материала учащимся.

Ключевые слова: игра, игровые технологии, средняя школа, игровой метод обучения, формирование лексико-грамматических навыков, мотивация

Е. М. Lotareva

Ivanovo State University, Ivanovo

GAME TECHNOLOGIES IN ENGLISH LESSON IN SECONDARY SCHOOL VIEWED BY A YOUNG TEACHER

Abstract. This article highlights the importance of game technologies in the process of teaching a foreign language in secondary school and their influence on student motivation. The paper analyzes the textbook by K. Kaufman «Happy English.ru» and offers new approaches to improve teaching process of foreign language of secondary school students.

Keywords: game, game technologies, secondary school, a game-based learning method, formation of lexical and grammatical skills, motivation.

В наши дни интерес к изучению иностранного языка в школе достаточно велик. Мысль о написании данной статьи возникла при проведении уроков английского языка в 8 классе в ходе педагогической практики и в результате анализа учебника К. И. Кауфман, М. Ю. Кауфмана *Happy English.ru*, по которому работают учителя в некоторых общеобразовательных школах.

Настоящая статья базируется на принципах коммуникативного обучения иноязычной культуре и ставит целью определение влияния игровой деятельности на качество усвоения английского языка учащимися среднего звена и повышение интереса ребят к иностранному языку, что может привести к успешному освоению новых лексико-грамматических структур и единиц.

Опыт показывает, что традиционные формы и методы обучения на уроках (чтение, пересказ, выполнение грамматических упражнений) не всегда эффективны. У ряда учащихся появляется пассивность на уроках и нежелание выполнять задания. Мы считаем, что одним из способов повышения мотивации к изучению иностранного языка в среднем звене школы является игра.

С психологической точки зрения игра представляет собой деятельность, ценность которой заключается в самом процессе ее осуществления. Советский психолог и педагог Д. Б. Эльконин считал, что игра – это своеобразная «арифметика социальных отношений, которая появляется на определенном этапе и является одним из важных способов развития психических функций и познания мира» [5, с. 128].

Надо отметить, что если младшие школьники активно принимают участие в изучении нового предмета, а старшие школьники мотивированы поступлением в вузы, то среднее звено несколько «выпадает» из этой системы, интерес к учебе в 7–8 классах снижается. Это обусловлено психологическими особенностями данного возраста. 13–14 лет – это переходный период между детством и взрослой жизнью. В этом возрасте подростки обращают внимание на свой внешний вид, взаимоотношения с противоположным полом и меньше уделяют внимание учебе.

Важно понимать, что игровые технологии в младших и средних классах тоже должны отличаться. В 8 классе акцент

игровых моментов перемещается с детских игрушек и песенок на ролевые игры, расширяющие метапредметность, кругозор учащихся, их политическое и социо-культурное образование (например, виртуальная экскурсия «В английском парламенте», «выпуск» британских газет – таблоидов и бродшитов).

В подростковом возрасте развивается способность к абстрактному мышлению, но наглядно-образный компонент сохраняется [1, с. 51]. Методы воздействия на органы чувств (яркие видеоролики, фильмы на иностранном языке, интерактивные технологии, игровые моменты, такие как театрализованные представления, мастер-классы, викторины) оставляют сильное впечатление и порой приносят больше пользы, чем использование текста учебника и выполнение однообразных упражнений.

Учащиеся могут контролировать свои действия, но из-за психологических и физиологических особенностей их внимание может быть рассеяно и неустойчиво. Подростки часто отвлекаются, им становится скучно на традиционном уроке. Активная познавательная деятельность, новые виды заданий, взаимодействие учителя с учеником делают урок интересным, способствуют организации внимания школьников [2, с. 87].

Игра, по мнению Дж. Джакобса, способствует пониманию и запоминанию материала на уроках, усвоению фонетики, грамматики, лексики, восприятию иностранной речи на слух, развивает коммуникативные навыки и создает благоприятный психологический климат на уроках и в реальных жизненных ситуациях [6, с. 10].

По мнению доктора педагогических наук Е. И. Пассова, игра является «универсальным средством, помогающим учителю иностранного языка превратить достаточно сложный процесс обучения в увлекательное и любимое учащимися занятие» [4, с. 37].

В нашем исследовании описываются варианты игровых заданий, апробированные во время педагогической практики в 8 классе по УМК в *Happy English.ru* К. И. Кауфмана. Анализ материалов подтвердил, что в данном учебнике игровые технологии занимают недостаточное место, а использование игр, способствующих усвоению и запоминанию лексико-

грамматического материала, эпизодическое. На практике были применены разработанные дополнительно развивающие игровые технологии, и затем они были использованы на уроке.

Учебник *Happy English.ru* разработан для общеобразовательных учреждений, и по нему ведут уроки учителя многих школ разных городов. Вместе с тем, по нашему мнению, учебник имеет ряд недоработок, не совсем удобен в подаче учебного материала и не всегда интересен школьникам.

При изучении раздела 5 «Mass Media» одна из тем посвящена видам английских газет: таблоидов и бродшитов, где учащиеся знакомятся с их содержанием, сходствами и различиями [3, с. 103].

На урок были принесены русские и английские газеты двух видов. Учащиеся сами отвечали на вопросы о том, чем отличаются эти виды газет, определяли содержание статей по заголовкам и знакомились с материалами и публикациями.

Вторая часть урока была практической, учащиеся, разделившись на 2 группы, вырезали из газет определенные статьи и фотографии и создавали собственные образцы газет.

Таблоиды делались меньше размером, имели интригующие заголовки, обращали на себя внимание яркими фотографиями, «публиковали» сплетни о знаменитостях, содержали кроссворды и прогнозы погоды.

Бродшиты (серьезные газеты) были больше по размеру, тяжелее, информация была достоверная, факты и комментарии разделялись, тема статей были связаны с политикой, экономикой и бизнесом.

Обе группы придумывали названия своим газетам, рассказывали о них и «продавали» их в газетных киосках и почтамтах. «Покупатели» расспрашивали продавцов о новых публикациях, о цене и интересных фактах.

Фоном служили сцены из жизни англичан (на интерактивной доске), звуковым сопровождением был шум города и звуки проезжающего транспорта.

Учащимся урок понравился, они узнали много нового о стране изучаемого языка и расширили свой кругозор.

Можно сделать вывод, что внесение развивающих игровых технологий в урок английского помогает учащимся среднего

звена лучше усвоить материал, расширить кругозор и преодолеть языковой барьер.

Библиографический список

1. *Авдулова Т. П.* Психология подросткового возраста: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 240 с.
2. *Казанская В. Г.* Подросток: трудности взросления: книга для психологов, педагогов, родителей. СПб.: Питер, 2006. 240 с.
3. *Кауфман К. И., Кауфман М. Ю.* Английский язык: Счастливый английский.ру / Happy English.Ru: учебник для 8 кл. общеобраз. учрежд. в двух частях. Обнинск: Титул, 2008. 256 с.
4. *Пассов Е. И.* Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
5. *Эльконин Д. Б.* Психология игры. 2-е изд. М.: Гумант. центр ВЛАДОС, 1999. 358 с.
6. *Jacobs G.* Using Games in Language Teaching / G. Jacobs, L. Sax // Women's Representation in Science and Technology (STEM) Fields of Study, 2013. P. 10

УДК 81'374:34

ББК 81.054

М. В. Лутцева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СЛОВАРЯХ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме лексикографического описания юридической терминологии в словарях для специальных целей. Делается попытка разграничить подходы к лексикографированию терминологии предметной области «юриспруденция». В ходе анализа рассматриваются словарные статьи для определения максимального набора помет необходимых потенциальному пользователю.

Ключевые слова: терминология, словари для специальных целей, юридический термин, словарная статья.

M. V. Luttseva

Ivanovo State University, Ivanovo

FEATURES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LEGAL TERMINOLOGY IN LSP DICTIONARIES

Abstract. The article is devoted to the issue of lexicographic description of legal terminology in LSP dictionaries. The author attempts to differentiate the lexicographic approaches to the selection and description of legal terminology. The analysis of dictionary entries helps to determine the optimal number of lexicographic labels needed for the user.

Keywords: terminology, LSP dictionary, legal term, dictionary entry.

В последние десятилетия термины предметной области «юриспруденция» привлекают внимание все большего количества исследователей специальной лексики. Данный интерес можно объяснить тем, что юридическая терминология распространяется на разнообразные сферы человеческой деятельности: право регулирует обширные области общественных отношений, а с нормативными актами сталкиваются как узкий круг специалистов, так и все граждане. Вместе с тем, язык законодательства является фрагментом обывденного языка, отличающимся от других фрагментов специфичностью словаря, то есть терминологией.

Многие ученые отмечают, что степень специализации языка законодательства сравнительно невелика. Специфика юридической терминосистемы заключается в терминологизации общеупотребительных слов на основе метонимических переносов. Подобная особенность процесса терминологизации, по мнению С. П. Хижняка, обусловлена тем, что юридическая терминология создается не только для лиц, осуществляющих правоприменение, она должна быть понятна каждому члену общества. Исследователь подчеркивает близость терминологического и общезыкового значений, поскольку нередко в основе значений терминов и нетерминов лежит одно и то же понятие [2, с. 7].

В связи с этим возникает необходимость дать определение понятию «юридический термин» и установить основные критерии, соответствие которым является обязательным для включения единицы специальной номинации в исследуемую предметную область. Под юридическим термином «понимается слово,

соотнесенное с определенным понятием в системе понятий науки, отражающей явления надстроечного порядка и функционирующей в сфере законодательства, судопроизводства, то есть в официально-деловой сфере» [2, с. 13]. При включении и разработке входных единиц в LSP словарь лексикограф должен учитывать особенности языка юриспруденции: 1) общелитературный язык является базой для создания специальных юридических терминов; 2) юридические термины имеют более определенное и узкое значение, чем схожие понятия в общелитературном языке; 3) в языке юриспруденции присутствуют как специальные юридические термины, так и нетермины [1].

Из вышесказанного следует, что первое, с чем сталкиваются составители специальных справочников, является проблема разграничения термина и слова общелитературного языка. При решении этого вопроса лексикографы должны обращать внимание на принцип сочетаемости. Юридическим терминам характерно значительно меньшее число синтагматических отношений, чем словам общего употребления. Так, наиболее характерными конструкциями для данной области специальных знаний являются: N (adj) ← N (*arrest warrant, child abuse*), Adj ← N (*actual damage, capital murder*), V → N (*enforce law, file complaint*), N (p.c.) ← N (*plaintiff's lawyer, sheriff's deputy*), N → pr N (*admission of guilt, court of appeals, enforcement of law*), (Adj ← N) ← N (*punitive damage case, capital murder charge*).

Следующий вопрос, который должны решить составители специальных словарей, – это включение или не включение в справочник многозначных терминов и терминов-синонимов, поскольку одним из требований, предъявляемых термину, является принцип однозначности. Для юридической терминологии характерно наличие большого числа полисемантических терминов и терминов-синонимов.

Чтобы определить, как лексикографы решают данный вопрос, проанализируем словарные статьи наиболее авторитетных одноязычных толковых справочников: *Oxford Dictionary of Law*, *Black's Law Dictionary* и *Merriam Webster's Law Dictionary*. Нас будет интересовать не только, как толкуется термин, но и какие функциональные пометы фигурируют в словарной статье. В качестве примера рассмотрим термин *judgement*.

Black's Law Dictionary приводит следующие определения рассматриваемого термина:

The official and authentic decision of a court of justice upon the respective rights and claims of the parties to an action or suit therein litigated and submitted to its determination. *People v. Iebel*, 19 Colo. App. 523, 70 Pac. 550; *Bullock v. Bullock*, 52 N. J.; State JUDGMENT GG5 JUDGMENT t. *Brown & Sharpe Mfg. Co.*, 18 R. I. 10, 25 Atl. 240, 17 L. R. A. 850. The final determination of the rights of the parties in an action or proceeding. *Pearson v. Lovejoy*, 53 Barb. (N. Y.) 407; *Harbin v. State*, 78 Iowa. 2G3, 43 N. W. 210; *Bird v. Young*, In re *Smith's Estate*, 98 Cal. G36, 33 Pac. 744; In re *Beck*, 03 Kan. 57, 04 Pac. 971; *Bell v. Otts*, 101 Ala. 180, 13 South. 43, 40 Am. [3]

Авторы справочника сочли нужным дать несколько дефиниций искомого термина, а также ссылки на дела, где фигурирует интересующая пользователя терминологическая единица. Такой подход объясняется тем, что потенциальный пользователь рассматриваемого словаря – практикующий юрист, которому важнее знать дела, на которые можно ссылаться, поскольку правовая система США основана на прецедентном праве.

В *Oxford Dictionary of Law* исследуемый термин имеет следующее представление:

Judgment n. 1. A decision made by a court in respect of the matter before it. Judgments may be **interim (interlocutory)**, deciding a particular issue prior to the trial of the case; or final, finally disposing of the case. They may be **in personam**, imposing a personal liability on a party (e.g. to pay damages); or **in rem**, determining some issue of right, status, or property binding people generally. 2. The process of reasoning by which the court's decision was arrived at. In English law it is the normal practice for judgment to be given in open court or, in some appellate tribunals, to be handed down in printed form. See also enforcement of judgment; foreign judgments [5].

Словарная статья состоит из заглавного слова (термина), грамматической пометы, дефиниций, а также перекрестных ссылок на смежные понятия, где входная единица выступает в качестве ключевого элемента терминологического словосочетания. Наличие подобной информации, а также обязательное включение латинских терминов объясняется тем, что пользовательская аудитория исследуемого лексикографического труда – это студенты-юристы.

Наиболее полную информацию о юридических терминах предоставляет *Merriam-Webster's Law Dictionary*. В словарной статье за заглавным словом следует грамматическая помета и транскрипция. Далее авторы приводят правовые определения терминологической единицы. Перекрестные ссылки на термины-синонимы также очень удобны для пользователя. Они вводятся словом “compare”, а термины написаны заглавными буквами и выделены синим шрифтом, что привлекает внимание и позволяет более отчетливо понять систему англо-саксонского права. Следует отметить наличие большого числа терминологических словосочетаний. Под подзаголовком NOTE приводится культурологическая справка о терминологической единице.

noun

variants also **judgement** /'jʌdʒ-mənt/

a: a formal decision or determination on a matter or case by a court
especially : final judgment in this entry

compare DICTUM, DISPOSITION, FINDING, HOLDING, VER-

DICT

NOTE: Under Rule 54 of the Federal Rules of Civil Procedure *judgment* encompasses a decree and any order from which an appeal lies.

– **cognovit judgment** \käg-'nō-vit-\

: an acknowledgment by a debtor of the existence of a debt with agreement that an adverse judgment may be entered without notice or a hearing:

CONFESSION OF JUDGMENT ... [4].

Таким образом, в анализируемом LSP справочнике хорошо разработаны ассоциативные параметры: информация о семантическом окружении термина; ссылки на родственные связи и связанные по значению термины – родовые и видовые; соподчиненные термины (пересекающиеся по значению), связанные по значению термины, принадлежащие к другим логическим категориям.

В результате анализа можно заключить, что юридические термины не соответствуют одному из требований, предъявляемым к терминам, – однозначности, поскольку в рамках одной области специальных знаний они имеют несколько значений. Это объясняется фактом их обслуживания различных подотраслей права: процессуального, деликтного, уголовного, семейного и других. Отхождением от требований однозначности является

и наличие у терминов предметной области «юриспруденция» большого количества синонимов. Как видно из примера выше, **judgement** имеет следующие термины-синонимы: *dictum, disposition, finding, holding, opinion, ruling, verdict, sentence*. В тоже время лексикографическая разработка входной единицы зависит от потенциального пользователя LSP словаря.

Анализ словарных изданий показал, что терминографическая работа в вопросах стандартизации юридической терминологии в словарях, является актуальной в настоящее время и будет необходима в будущем. Такая работа, направленная на совершенствование имеющихся словарей, безусловно, поможет в подготовке к печати усовершенствованных и обновленных печатных и электронных изданий.

Библиографический список

1. Милославская Д. И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 164 с.
2. Хижняк С. П. Англо-американская терминология права: Социолингвистический аспект возникновения и развития: учеб пособие. М-во общ. и проф. образования РФ. Сарат. гос. акад. права. Саратов: СГАП, 1997. 78 с.
3. Black's Law Dictionary. URL: <https://thelawdictionary.org> (дата обращения: 20.03.2024).
4. Merriam-Webster's Law Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/legal> (дата обращения: 20.03.2024).
5. Oxford Dictionary of Law. 5th ed. URL: <https://archive.org/details/oxforddictionaryoflaw2003pdffile/page/n139/mode/2up> (дата обращения: 22.03.2024).

УДК 316.77:004.738.5

ББК 81.11

Е. В. Малышева

Тверской государственный университет, г. Тверь

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ «ВИРУСНОГО» КОНТЕНТА СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования «вирусного» контента сетевой коммуникации. Автор приходит к выводу, что медиасфера как информационное пространство предстает в виде реальности «медийной дискурсии», в которой интернет-пользователь заявляет о себе как об участнике коммуникации в виде последовательности визуальных сигналов и реализует в невербальных конструкциях свои цели, задачи и установки.

Ключевые слова: вирус, сетевая коммуникация, инфосфера, контент, информационное пространство, медиасфера, информационное послание

E. V. Malysheva

Tver State University, Tver

SPECIFICITY OF FORMATION OF «VIRUS» CONTENT OF NETWORK COMMUNICATION

Abstract. The article considers specifics of formation of «viral» content of network communication. The author concludes that the media sphere as an information space appears as a reality of «media discourse» in which the Internet user declares himself as a participant of communication in the form of a sequence of visual signals and executes in non-verbal constructions his goals, tasks and installations.

Keywords: virus, network communication, infosphere, content, information space, media sphere, information message.

Развитие сетевого взаимодействия в условиях ускорения процесса глобализации в информационной сфере ознаменовалось присутствием в медиа пространстве определенных поведенческих ценностей и норм, существенно влияющих на процесс восприятия и понимания информации, которая в настоящее

время становится «все менее отличимой от пропаганды», приближаясь к «манипуляции символами в целях влияния на взгляды» массового пользователя-адресата [2]. Более того, создание комплексного актуального видения социально-культурной реальности в медиа пространстве («инфосфере»), открытом для социально-экономического и политического взаимодействия, порождает возрастающие возможности для обеспечения контроля за массовым сознанием пользователя в целях формирования конкретного мнения посредством разнообразных СМИ [3; 6; 8]. Следует подчеркнуть, что виртуальное пространство визуальной коммуникации в результате процесса «бомбардировок потребителя информации смыслами», по Ж. Бодрийару, не только позволяет массовому пользователю взаимодействовать с новыми знаками визуальными коммуникации, включенными «в систему невербальной коммуникации и, таким образом, размещенных в информационном пространстве участников сетевого взаимодействия» [3, с. 73; 7], но и позволяет создавать, воспринимать, воспроизводить и реагировать на данные знаки как продукты виртуальной реальности с целью самовыражения индивида как конкретного интернет-пользователя в рамках «сферы жизнедеятельности» современного сетевого общества.

По этой причине представляется возможным рассматривать медийное коммуникативное пространство в качестве доступного информационно-коммуникативного поля для распространения «вирусного» контента в виде отдельных визуальных знаков коммуникации, способных к репликации (т. е. самопорождению, саморазмножению, самовоспроизведению и самораспространению или тиражированию) новых идей культуры, смыслов, социального и политического мировоззрения в массовое сознание потребителей «информационных материалов или коммуникативных практик сетевых масс медиа» [6; 7]. При этом репрезентация личности массового пользователя-адресата в информационно-коммуникативном пространстве (медиа пространстве / «инфосфере») в процессе формирования таких новых знаков и форм визуальной коммуникации, выступающих в виде информационных посланий, происходит с целью увеличения скорости их передачи, повышения своеобразной экспрессивности содержания визуального сообщения и повышения

доступности и понятности от автора как отправителя визуального сообщения к адресату как конечному получателю данного послания медийной среды. Так, например, история с известным интернет-мемом *Мистер Трололо* (Mr. Trololo), который возник в результате публикации 2009 г. видео с исполнением вокала «Я очень рад, ведь я, наконец, возвращаюсь домой» советским баритоном Эдуардом Хилем, написанного А. И. Островским в 1966 г., одним из пользователей на канале «YouTube». После «перезаливки» этого видео одним из подписчиков, ролик начинает набирать популярность и становится вирусным после публикации пользователя RealPapaPit (более 26 миллионов просмотров). Англоязычные пользователи интернета обращают внимание на сходство напева со словом «троллинг», пользователь КамоКатт выставляет на канал «YouTube» 18 секундный ролик-отрывок песни под названием «trololo». К исполнителю «приклеивается» лицо статистического «тролфейса», а Эдуард Хиль становится известным под прозвищем «Мистер Трололо» (Mr. Trololo). Вокализ в исполнении «Мистер Трололо» в сериалах, его исполняет известный киноактер Кристоф Вальц в день получения премии Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар», trololololo звучит на церемонии открытия Олимпиады в Сочи и т. д.

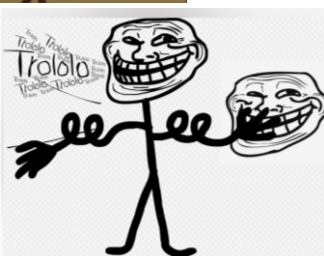

Рис.

Распространяясь в медийном коммуникативном пространстве, мем укореняется в человеческом сознании. Фактически мем можно рассматривать, как справедливо отметил Р. Броди [1], в качестве единицы «программного кода», определяющей какими будут наши верования и убеждения. В своей работе *Психические вирусы* Р. Броди отмечает, что «если уподобить наше сознание компьютеру, мемы будут отвечать за ваше «программное обеспечение», *software*, а гены – за «железо», *hardware*: мозг и центральную нервную систему». Отсюда следует, что мем, отчасти, является продуктом человеческого сознания, где он зарождается, развивается и реплицируется, а их «выживаемость» как «вирусных, заразных идей» обеспечивается за счет следующих составляющих: плодовитость (количеством носителей мема в его неизменном виде), долговечность (сроком существования или периодом времени для передачи мема) и точность копирования (близость переданного мема к оригиналу) [2]. Специфическое свойство мема близко «паразиту», использующего человека / индивида как объекта коммуникативной деятельности в качестве оболочки для своего выживания, а срежиссированное подсознательное восприятие мема, в рамках которого появляется возможность у отправителя мема создавать условия «психического заражения» массового адресата путем распространения в сознании коммуникативных «меметико-регулятивных посланий» [3; 6; 7]. Например, мем *Трампа-дальнобойщик*, получивший широкое распространение в сети Интернет после размещения 23 марта 2017 г. на своей странице в Twitter (признана в РФ экстремистской) небольшого видео во время встречи 45 президента США с представителями предприятий автотранспортной отрасли, на котором Д. Трамп воспользовался возможностью побыть за рулем специально подогнанного к Белому дому грузовика. Получившиеся кадры мгновенно разлетелись по сети Интернет и стали темой для многочисленных фотожаб и шуток.

Логично предположить, что мем, запущенный в информационно-коммуникативном поле, способен жить самостоятельной жизнью как «запрограммированный» образ или идея [6], а само информационно-коммуникативном поле, созданное актами медийной дискурсии и наполненное эффективными инструментами

формирования общественного мнения, есть продукт инфосферы (медиа пространства), в которой функционируют СМИ, создающие доступные условия и возможности для дальнейшего заметного внедрения в массовое сознание пользователя конкретного визуального сообщения или комплексного визуального знака с его «вирусным наполнением» в виде культурных шаблонов и языковых информационных посланий [3]. Более того интернет-мем как объект социальных, культурных и политических образов, как культурная единица современной информационно-коммуникативной среды возникает с целью порождения и репликации новых образов, идей и смыслов в сознании массового адресата об определенных событиях с конкретным мировоззрением. В процессе сетевого воздействия интернет-мемы циркулируют в публичном пространстве, создавая «вирусное» наполнение меметической информации в общем потоке манипулятивной («обманной») коммуникации социально-культурной реальности в медиа пространстве («инфосфере») [3; 6; 7].

Отметим также, что в современном сетевом взаимодействии одной из важнейших характеристик реальности «медийной дискурсии», в которой пользователь, используя последовательность визуальных сигналов, может заявить о себе, является наглядность как непосредственная репрезентация личности, презентация его внешнего вида («образа») как стремление к подражанию признанному обществом образцу, так как именно для соответствия определенным критериям, общественным ожиданиям, пользователь уделяет «повышенное внимание своему имиджу, его начинает интересовать образ, который становится важнее реальности» [3]. В этом плане селфи как визуальный способ (инструмент) заявить о себе, как непосредственная репрезентация личности пользователя в современном сетевом пространстве, презентация его внешнего вида («образа»), как стремление к подражанию признанному обществом образцу представляется удобным способом фотографирования, поскольку пользователь, который фотографирует себя на экран смартфона, способен выступать в роли субъекта и объекта одновременно, подбирая при этом нужный и необходимый на момент фотографии ракурс, готовясь к съемке заранее и совершая снимки необходимое для него количество раз. Селфи предполагает не просто фиксацию внешнего

облика пользователя, но и демонстрацию атрибутов и окружения, в котором находится тот, кто совершает селфи. Селфи делает акцент не только на объект фотографирования, но и на селфи фотографии акцентируется внимание на «значимом» для пользователя событии – символе (например, путешествие, работа и т. д.), одежде, атрибутах и т. д. [4; 5]. При этом возможность накладывать различные фильтры позволяет размывать действительность, в которой находится пользователь и создавать иллюзию образа, тем самым, у автора селфи появляется возможность «производить» и «тиражировать» обманные визуальные послания в виде селфи в информационно-коммуникативном пространстве сетевого взаимодействия.

Здесь представляется любопытным подчеркнуть, что еще одним важным элементом современного медиа пространства, служащим для распространения различного рода манипуляций в виде «вирусной» информации сетевой коммуникации, является хештег как эффективный инструмент быстрого и удобного поиска «вирусного» контента в социальных сетях, микроблогах, представляющий собой слово и фразу, которая начинается с символа «#» в сочетании с непробельными символами, например: *#трололо#семейныйюмор*, *#смешныеприколы#приколытут* и т. д.

Именно с помощью таких меток массовые интернет-пользователи как отправители и получатели визуальных посланий сетевой коммуникации могут не только отмечать свои публикуемые материалы, но и осуществлять поиск нужной информации с конкретными темами, событиями или интересами [9]. Таким образом, приоритет передачи короткой и лаконичной информации в сетевом взаимодействии вытесняет традиционную письменность, меняя привычное для пользователей текстовое сообщение, дополняя его или полностью замещая. В этом смысле такое информационное послание с визуальной составляющей, наполненной выражением эмоционального состояния автора или отправителя сообщения, помогает, например, быстро, адекватно и ярко выразить свои эмоции [10]. Таким образом, возможно сделать вывод, что, например, эмодзи, передающие идеи быстрого и эффективного распространения «срежиссированной» информации средствами СМИ, способны создавать возможности незаметного (подсознательного) внедрения в

массовое сознание-адресата «вирусной» информации в качестве визуальных информационно наполненных посланий, которые пользователи выставляют в виде реакции (оценки) – выражение собственной позиции по данному вопросу. Так, например, 9 февраля 2024 г. в социальной сети «ВКонтакте» на официальной странице медиахолдинга РБК стало доступно интервью действующего президента РФ Владимира Путина американскому журналисту Такеру Карлсону на русском языке. На 17 марта 2024 г. пост собрал 1147 лайков (из них – 1134 сердечка, остальные смайлы передают эмоции: смешно, восторг, ого!, недовольство) при просмотре 883 000 раз. Более того различные комментарии пользователей и даже дискуссии пользователей также подвергаются оценке в виде лайков в виде сердечек (в авторской редакции): *Респект Такеру, один из немногих американцев, кто готов слышать, а главное нести в массы правду* (Лев Бобров; 50 лайков); *Путин заявил, что отец Зеленского воевал на фронте с фашистами. Я говорил: «Володя, ну что ты делаешь? Зачем ты поддерживаешь сегодня неонацистов в Украине, когда твой отец воевал с фашизмом? Он же фронтовик». Отец Зеленского родился 23 декабря 1947 года, через 2 года после ВМВ* (Джанбулат Зайналбеков; 107 лайков) и т. д., а также используют ответы с эмодзи: «лицо со слезами радости», «лицо, катающееся по полу от смеха», «улыбающееся лицо с ореолом» и т. д., в том числе соединяя визуальное сообщение эмодзи с текстовым сообщением, например: *Уважение нашему президенту 🙌 Если не ошибаюсь, то что-то такое было в конце войны в Чечне. Взяли интервью и потом спонсирование боевиков сократилось. Так что ждем развязки СВО. Возможно, ошибаюсь 😊* (Дмитрий Ляшко; 12 лайков) и др.

Таким образом, процесс манипулятивного воздействия на массового пользователя подразумевает применение особых способов подачи «вирусного» контента в информационно-коммуникативном пространстве, созданном актами медийной дискуссии и наполненном эффективными инструментами формирования общественного мнения. При этом знаки визуальной коммуникации способны жить самостоятельной жизнью как «запрограммированные» образы или идеи, а само информационно-коммуникативном поле есть продукт инфосферы (медиа

пространства), в которой функционируют СМИ, создающие доступные условия и возможности для дальнейшего незаметного внедрения в массовое сознание пользователя конкретного визуального сообщения или комплексного визуального знака с его «вирусным наполнением» в виде культурных шаблонов и языковых информационных посланий.

Библиографический список

1. *Беккер К.* Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Vienna: Selene, 2002. 61 с.
2. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2012. 512 с.
3. *Мальшева Е. В., Морозова О. Н.* Визуальная коммуникация в сетевом взаимодействии // Журналистика и PR в условиях формирования новой медиасреды: традиции и новаторство: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2024. С. 73–80.
4. *Мальшева Е. В., Романова А. А.* Дискурсивные практики селфи в современном социальном обществе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 3. С. 46–51. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 10.03.2024).
5. *Мальшева Е. В., Романова А. А.* Дискурс селфи в системе публичных коммуникаций // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 172–177.
6. *Романов А. А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электр. ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 1–35. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 10.03.2024).
7. *Романов А. А., Мальшева Е. В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Воронеж: Истоки, 2016. Вып. 3. С. 166–169.
8. *Романова Л. А., Мальшева Е. В., Морозова О. Н., Романов А. А.* Политическое ТВ-интервью в противостоянии постправдивым информационным посланиям // Военная журналистика в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2023. С. 183–194.
9. *Синельникова Л. Н.* Хештегирование как новая дискурсивная практика // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и

перспективы: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Романо-ва. Москва: ФЛИНТА, 2024. С. 141–164.

10. Черепанова И. Ю., Пиценко Т. И. Эмодзи как элементы общения в интернет-пространстве [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 5. С. 123–128. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 05.03.2024).

УДК 81'1:004.8
ББК 81.11

С. А. Маник

Ивановский государственный университет, г. Иваново

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросу автоматизации обработки и анализа лингвистической информации в новом тысячелетии. Кратко описываются этапы развития корпусных инструментов в лингвистике, трансформации в принципах работы исследователей с текстами первоисточников, а также результаты экспериментов по внесению технологий искусственного интеллекта в языковые научно-исследовательские проекты.

Ключевые слова: корпус, корпусные исследования, нейронные сети, искусственный интеллект.

S. A. Manik

Ivanovo State University, Ivanovo

CORPUS RESEARCH IN THE ERA OF NEURAL NETWORKS

Abstract. The article considers the issue of automation of processing and analyzing linguistic information in the new millennium. It briefly describes the stages of development of corpus tools in linguistics, transformations in the principles of researchers' work with primary source texts, as well as the results of experiments on introducing artificial intelligence technologies into linguistic research projects.

Keywords: corpus, corpus research, neural network, artificial intelligence.

Огромные потоки информации ставят перед человеком новые задачи в XXI в. Т. МакАртур подчеркивает, что изменение концептуального понимания в настоящее время происходит настолько стремительно, что мы вынуждены в значительной степени подстраивать образ мышления под наши новые цифровые инструменты и то, что ими создается, а инновационные способы «контейнеризации» информации (*containerizing information*) [4], иными словами, систематизации или сегментирования информации, играют главную роль. Таким образом, развитие информационных технологий способствовало созданию, введению и совершенствованию способов хранения и передачи информации.

Традиционной проблемой многих лингвистических исследований является вопрос выборки и репрезентативности анализируемого эмпирического материала. В последнее время все чаще в обиход лингвистов входит понятие «корпусов текстов» (КТ). Именно оно становится основой развития корпусной лингвистики. Под корпусом текстов обычно понимают «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для определенных исследований» [2]. Создание КТ является необходимым элементом любого лингвистического исследования в настоящее время, поскольку, с одной стороны, данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения, с другой стороны, репрезентативный объем корпуса предопределяет типичность представления языковой информации.

В целом возможно выделить некоторые перспективы и преимущества работы с корпусом в ходе лингвистических исследований:

– большое количество сведений, представленных в корпусе, позволяет сделать соответствующие выводы о языковых явлениях, закономерностях и исключениях, поскольку корпус регистрирует повседневный язык из разных типов текстов и дискурса;

– эмпирический подход в количественной и качественной работе с текстами при помощи корпусных инструментов делает результаты более надежными и авторитетными;

– репертуар (узко)специальных корпусов существенно расширяется, поскольку возрастает роль пользователя (необязательно учёного), который может (в том числе на бесплатной основе) создать свой собственный корпус, определив его объём и выбрав для него наполнение;

– функциональные возможности корпусных технологий расширяются и становятся всё более антропоцентричными;

– гармоничное сосуществование корпуса и словаря как двух форм систематизации лингвистических данных позволяет им дополнять возможности друг друга, в результате чего появляется новый уникальный гибридный вид справочного ресурса;

– корпус предоставляет доступ к неограниченному количеству информации в соответствии с тенденцией рассматривания Интернета в качестве корпуса (*Web as Corpus, Corpus as Web*) [3].

Безусловно, вся информация и тексты сети Интернет представляют собой огромный многоязычный корпус. Как справедливо отмечает В. П. Захаров, «главный материал лингвистического анализа – язык, зафиксированный в виде речевых произведений – в Интернете представлен в огромном объеме и разнообразии и непосредственно доступен для машинной обработки. Этот факт имеет для лингвистов большую ценность, так как на перевод текстов в машинную форму и на создание корпусов приходилось и приходится тратить много времени, сил и денег» [1]. В целом бесчисленные тексты сети Интернет широко используются, с одной стороны, как аутентичный материал для формирования корпусов, а, с другой стороны, они также являются источником для различных программ ИИ по анализу и обработке текстовой информации. Это особенно справедливо для тех систем, которые базируются на статистических и вероятностных методах, т. е. для нейронных сетей.

Нейронные сети стали неотъемлемой частью лингвистических исследований, благодаря своей способности к анализу и обработке значительных массивов языковых данных. Так, их активно применяют в настоящее время в различных областях лингвистики, начиная от анализа и распознавания текстов, выделения ключевых слов и идей, генерирования собственного контента и заканчивая разработкой интеллектуальных агентов и

систем машинного перевода. Некоторые исследователи выделяют способность нейронных сетей к адаптации к сложным и нерегулярным языковым структурам как одно из их основных преимуществ. Использование именно нейронных сетей дает возможность лингвистам извлекать более точную информацию из текстов и других языковых данных, чем это было бы возможно с использованием традиционных методов анализа.

Отличительной чертой лингвистического корпуса текстов и текстов в сети Интернет является наличие/отсутствие аннотирования, разметки. Важно также подчеркнуть, что тексты Интернет представляют собой преимущественно немаркированные тексты. Для обучения ИИ осуществлять специфические задачи по анализу текстов естественного языка (*NLP – Natural Language Processing*) требуются особые маркированные данные, которых достаточно мало. Ученые из OpenAI полагают, что значительный прогресс в решении этих задач может быть достигнут путем генеративного предварительного обучения языковой модели на разнообразных корпусах немаркированного текста с последующей дискриминативной настройкой на каждую конкретную задачу. Именно это детерминирует основную задачу, стоящую перед нейронными сетями в новом тысячелетии.

Сейчас возможно использовать нейронные сети, например, ChatGPT (в Telegram), Textium, Quillbot и Perplexity для анализа данных: проверка грамматики, запросы по частотности слов (в том числе в загруженном тексте), выделение ключевых слов, сокращение объема текста, перефразирование и пересказ текста, инструмент обобщения, настройка стиля/регистра текста, объяснение значения слова, выделение сочетаемостных возможностей, и т. п.

В целом необходимо выделить следующие области применения нейронных сетей в корпусной лингвистике в XXI в.:

1. Анализ текстов. Возможно применять нейронные сети для анализа текстовых данных в корпусах (онлайн или загруженных дополнительно), что позволяет выделять некоторые паттерны и закономерности, классифицировать тексты и извлекать запрашиваемую информацию из больших объемов данных.

2. Распознавание символов. Как отмечают ряд исследователей, нейронные сети могут использоваться для оптического

распознавания символов в текстах, что является важным элементом корпусной лингвистики и обеспечивает возможность автоматической обработки текстовой информации. Как мы помним, возможно искать в корпусе по лемме, по словосочетанию, по набору символов и т. п.

3. Исследование и разработка моделей. Нейронные сети дают возможность генерировать и использовать модели для анализа языковых данных в корпусах. Данная опция способствует более глубокому пониманию языковых структур и особенностей.

4. Машинный перевод. Нейронные сети позволяют осуществлять и разрабатывать инструменты для систем машинного перевода, что, в свою очередь, дает возможность автоматически переводить тексты с одного языка на другой.

Таким образом, нейронные сети представляют собой мощный инструмент для корпусной лингвистики, обеспечивая возможность проведения более точного и глубокого анализа языковых данных в корпусах.

Библиографический список

1. *Захаров В. П.* Веб-пространство как языковой корпус. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2438/zakharovv.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).

2. *Маник С. А., Шамова Н. А.* Корпусная лексикография: диахронический ракурс // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 4 (27). С. 91–94.

3. *Kilgariff A.* Web as corpus // Proc. of Corpus Linguistics 2001 conference (Lancaster University). Lancaster: 2001. P. 342–344.

4. *McArthur T.* Worlds of Reference: Lexicography, Learning and Language from the Clay Tablet to the Computer. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 230 p.

УДК 372.881.1:373.2
ББК 74.102.413

С. А. Маник, А. Д. Чокой

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ДОШКОЛЬНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ЦЕНТРЕ)

Аннотация. Статья посвящена вопросам подготовки дошкольников к изучению иностранного языка. Рассматриваются общие подходы коммуникативной методики на дошкольном уровне, а также особенности содержания занятий и адаптации к школе с учетом возрастных особенностей. Выделяются возможные трудности в обучении у дошкольников, описывается методика подготовительной работы в языковом центре.

Ключевые слова: подготовка, подготовленность, коммуникативный подход, дошкольник, развитие, обучение.

S. A. Manik, A. D. Chokoj

Ivanovo State University, Ivanovo

GENERAL ISSUES OF PRE-SCHOOL CHILDREN'S READINESS FOR FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION (AS EXEMPLIFIED BY LANGUAGE SCHOOL EDUCATION PROCESS)

Abstract. The article runs about issues of pre-school children's readiness for foreign language acquisition. General approaches of communicative methodology on pre-school level are described. Peculiarities of lesson content and adaptation to school stage with respect to age features are stated. Possible challenges of education are highlighted, methods to prepare pre-school children in a language center are analyzed.

Keywords: preparation, readiness, communicative approach, pre-school child, development, education.

В условиях современного мультилингвального мира лингвометодисты все большее внимание уделяют вопросам раннего

обучения иностранным языкам. Трансформации в подходах к анализу речевого опыта ребенка, необходимость учитывать его менталитет и особенности восприятия им действительности определяют необходимость уточнить и дополнить концептуальные положения методики раннего обучения иностранным языкам. В лингвометодике в этой связи осуществляется постоянный поиск эффективных путей совершенствования методики преподавания иностранного языка в раннем возрасте, изыскание дополнительных резервов в организации обучения, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами сензитивного периода овладения иностранным языком. Это обуславливает актуальность настоящей работы.

В течение последних десятилетий в РФ обучение иностранному языку в дошкольном возрасте вошло в жизнь и прочно утвердилось в системе воспитательного образования. Перед системой дошкольного воспитания стоит важнейшая задача – всестороннее развитие личности ребенка и подготовка к обучению в школе. Однако, значительное количество детей, несмотря на «паспортный» возраст и имеющиеся у них «школьные» навыки и умения, испытывают большие трудности в учебе, особенно иностранного языка. Основной причиной их неуспеха является то, что они еще малы «психологически», т. е. не готовы к школьному типу обучения. Более того, в нашем современном мире к маленьким ученикам предъявляется всё больше требований, в силу постоянных преобразований образовательных программ, развития технологий. И даже если ребёнок ещё не задумывается об этом, внутренне данный переход доставляет много страхов и дискомфорта, которые ребёнок ещё не может описать.

Важным условием быстрой адаптации и успешного обучения с первых дней в школе является подготовленность ребенка, которая предполагает наличие не только умений, знаний и навыков, но и психолого-педагогическое развитие. Именно в дошкольный период полученные ребенком знания и умения закладываются фундаментом для успешного обучения в школе. Поэтому в данной работе затрагиваются не только вопросы методики раннего обучения, но и вопросы адаптации ребёнка к школе. Более того, раннее обучение иностранному языку создает прекрасные возможности для того, чтобы вызвать интерес к

языковому и культурному многообразию мира, уважение к языкам и культурам других народов, способствует развитию коммуникативно-речевого такта, развивает память, мышление и восприятие. Всё это доказывает актуальность овладения иностранным языком в раннем возрасте и требует поиска эффективных методов и подходов к обучению.

Известно много исследований зарубежных и отечественных ученых о проблеме подготовки ребенка к предстоящему обучению в школе. В данной статье в качестве рабочего определения используется трактовка Г. Г. Кравцова: «подготовка – совокупность качеств определенной личности, которая обеспечивает успешность в предстоящем обучении» [5]. Важно подчеркнуть, что под «готовностью к школе» понимаются не отдельные знания и умения, но их определенный набор, в котором должны присутствовать все основные элементы, хотя уровень их развития может быть разным. Прежде всего речь идет о мотивационной, личностной готовности, в которую входят «внутренняя позиция школьника», волевая готовность, интеллектуальная готовность, а также достаточный уровень развития зрительно-моторной координации [2]. Также одной из составляющих может стать изучение иностранного языка. В связи с этим, целесообразно уточнить понятие «раннее обучение иностранному языку», под которым понимаем единство когнитивного, культурологического и эмоционального компонентов, а именно: развитие у ребенка раннего возраста элементарных иноязычных навыков и умений, в большей степени рецептивных, приобщение к иноязычной культуре – к английским народным играм, песням, стихам, жестам, развитие личностных качеств ребенка в специально организованных занятиях-погружениях [8].

Одной из главных отличительных черт иноязычного образования на ранней ступени является то, что оно ориентировано не на обучение дошкольников только языку (говорению, аудированию, чтению, письму), а на получение образования посредством языка, где все процессы познания, развития, воспитания и, естественно, учения функционально взаимосвязаны и взаимообусловлены. При таком подходе язык – средство, а не самоцель.

Специфика коммуникативного обучения иностранному языку дошкольников заключается в том, что на данном этапе развития детей основное внимание уделяется развитию коммуникативных навыков и умений [3]. Дошкольники еще не обладают достаточным уровнем когнитивных способностей для изучения языка через формальные грамматические правила, поэтому упор делается на игровые и развлекательные методики обучения. Коммуникативное обучение дошкольников основано на использовании живых образцов языка, обилии визуальных материалов, интерактивных игр и развлечений.

Кроме того, в коммуникативном обучении дошкольников большое внимание уделяется развитию умения слушать и понимать речь на иностранном языке. Это может быть осуществлено за счёт песен, мультфильмов или видео. А также важно не забывать об умении выразить свои мысли и идеи на этом языке.

Эффективное освоение иностранного языка детьми дошкольного и начального школьного возраста также обусловлено их более гибким и быстрым запоминанием языкового материала, естественными мотивами для общения, отсутствием языкового барьера и ограниченным опытом общения на родном языке.

Систематизируя положения об уроке для дошкольника, важно подчеркнуть, что занятия не должны быть для ребенка выполнением скучных «технических» упражнений по запоминанию иностранных слов и грамматических конструкций. Это должны быть уроки, полные всевозможных «приключений». Важная особенность обучения дошкольников – сюжетный способ организации занятия. Занятия должны представлять собой единую сюжетную линию, направляемую каким-либо событием: реальным (праздник), вымышленным, игровым или сказочным.

В качестве перспективы дальнейшей работы важно проанализировать пособия для старших дошкольников *Academy Stars Starter* и *Academy Stars 1* (авторы: Kathryn Harper, Gabrielle Pritchard, Alison Blair, Jane Cadwallader, Steve Elsworth and Jim Rose. издательство: Macmillan) для младших школьников для выделения типов заданий, установки их преимуществ и недостатков, что позволит далее разработать собственный комплекс упражнений.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* Ситуации развития личности в социуме: Хрестоматия по психологии. М.: Просвещение, 2007. С. 186.
2. *Венгер Л. А., Марцинковская Т. Д.* Готов ли ваш ребёнок к школе? Москва: Знание, 1994.
3. *Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам М.: АРКТИ, 2003. С. 286.
4. *Горлова Н. А.* Методика обучения иностранному языку дошкольников, как система, реализующая личностный подход // ИЯШ. 2001. № 3. С. 11–17.
5. *Кравцов Г. Г.* Формирование личности в процессе обучения (дошкольный и младший школьный возраст): автореф. Москва, 1995. С. 10.
6. *Никитенко З. Н., Ромашина С. Я.* Целевые приоритеты изучения младшими школьниками предмета «Иностранный язык» и фасилитивная функция учителя // Иностранные языки в школе. 2016. № 4.
7. *Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е.* Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. Москва, 2010.
8. *Протасова Е. Ю.* Обучение иностранному языку дошкольников // ИЯШ. 1990. № 1. С. 40–42.

УДК 372.881.111.1

ББК 74.268.19:81.432.1

М. А. Маякина, И. Г. Савельева, Н. С. Киселева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

ПРЕДМЕТНО-ИНТЕГРИРОВАННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: CLIL, CBI и ESP

Аннотация. В статье приводится обзор предметно-интегрированных методов обучения английскому языку в вузе, CLIL (Content and Language Integrated Learning), CBI (Content-Based Instruction) и ESP (English for Specific Purposes), выделяются их сходства и различия, приводятся примеры заданий, иллюстрирующих их практическое применение на занятиях по дисциплине «Профессиональный иностранный язык». Взаимодополняющая суть данных под-

ходов способствует повышению уровня преподавания и усвоения английского языка студентами неязыковых направлений подготовки.

Ключевые слова: CLIL, CBI, ESP, профессиональный иностранный язык, предметно-интегрированные методы.

M. A. Mayakina, I. G. Savelieva, N. S. Kiseleva

Ivanovo State University, Ivanovo

State University of Humanities and Social Studies, Kolomna

SUBJECT-INTEGRATED METHODS FOR TEACHING ENGLISH: CLIL, CBI, AND ESP

Abstract. The paper gives an overview of how English is taught in higher education using subject-integrated methods like CLIL (Content and Language Integrated Learning), CBI (Content-Based Instruction), and ESP (English for Specific Purposes). It explains the similarities and differences between these approaches and provides examples of tasks that show how they can be applied in “Professional Foreign Language” classes. The authors emphasize how these methods work together to enhance teaching and learning, especially for students in non-language majors.

Keywords: CLIL, CBI, ESP, Professional Foreign Language, subject-integrated methods.

В современном взаимосвязанном мире необходимость эффективного обучения английскому языку как средству международного общения становится все более актуальной. Предметно-интегрированные методы преподавания, такие как предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL), обучение на основе контента (CBI) и обучение английскому языку для специальных целей (ESP), играют важную роль не только в повышении уровня языковой подготовки студентов, но и в развитии их навыков в других академических дисциплинах, подготавливая их к существующим вызовам рынка труда.

Подход CLIL предполагает преподавание специальных предметов на иностранном языке, что позволяет обучающимся одновременно развивать языковые навыки и накапливать базу знаний по содержанию изучаемой дисциплины [7, с. 1; 8, с. 25]. CBI, в свою очередь, берет за основу изучения языка контент из различных предметных областей [1, с. 198] и рассматривает «изучаемый язык в качестве средства, при помощи которого

происходит изучение содержания учебной дисциплины, а не в качестве объекта изучения» [9, с.3]. Подход ESP подстраивает освоение английского под конкретные профессиональные цели и области деятельности [10, с. 1], ориентируясь в большей степени на развитие лингвистических умений, необходимых для будущей карьеры или исследований [3, с. 197].

Непросто провести четкую грань между CLIL, CBI и ESP, поскольку они обладают схожими чертами, развивают продуктивные и рецептивные языковые навыки естественным путем и способствуют лучшему пониманию содержания изучаемой специальной дисциплины. Иностраный язык выступает не только как предмет изучения, но и как средство преподавания, последовательно погружая обучающихся в образовательный процесс на иностранном языке [2, с.12].

Данные методы активно развивают коммуникативные навыки в рамках индивидуального подхода к обучению и считаются эффективными. Во-первых, построение курса на их основе экономит время, так как студенты постигают язык и академический предмет одновременно, что часто мотивирует их в большей степени независимо от уровня владения иностранным языком. Во-вторых, высокая заинтересованность предметом «Профессиональный иностранный язык» приводит к более быстрому развитию лингвистических умений и навыков межкультурной коммуникации. В-третьих, у студентов появляется возможность применять знания в профессиональной деятельности.

Рассматриваемые методики имеют и ряд различий. Так, в CLIL на первый план выходит содержание, развитие же языковых навыков становится скорее «побочным продуктом» процесса обучения. Предполагается, что уровень владения иностранным языком изначально достаточно высок [6, с. 12]. В отличие от образовательного пространства стран, где обучающиеся говорят на нескольких языках в повседневной жизни, в России общение на иностранном языке редко выходит за пределы класса, поэтому обучающиеся часто не стремятся достичь уровня свободного владения иностранным языком [4, с. 65]. Российские преподаватели адаптируют программы обучения [5, с. 48–49], внедряя элементы методик ESP и CBI, в которых «статус» языка более подвижен. Ключевым отличием указанных технологий от

CLIL является фокус внимания на развитие в первую очередь языковых навыков на материале других предметов.

Еще одним дифференцирующим фактором становится постановка цели и результаты обучения. Для курсов CLIL характерно более глубокое освоение преподаваемой дисциплины, развитие умения работать с информацией и применение практических навыков, тренируемых при чтении и обсуждении текстов, подготовке докладов и презентаций, проведении научных дискуссий и т. д. В рамках ESP задействуют те же задания, но акцент ставится на оценке коммуникативных навыков.

CBI представляет собой комбинированный подход, направленный на изучение языка на основе предметных знаний. Этот метод призван сделать изучение языка более увлекательным и осмысленным через погружение студентов в актуальный контекст и темы. В отличие от CLIL и ESP, CBI смещает фокус на изучение языка и дает преподавателю возможность задействовать содержательные аутентичные материалы сразу нескольких дисциплин, создавая продуктивную языковую среду.

Выбор предметно-интегрированного метода обучения языку зависит от задач курса, целевой аудитории и образовательного контекста. В современных условиях востребованы преподаватели, способные вывести ESP и CBI на уровень CLIL, обучить специальному предмету и развить языковые навыки. Такая многоплановая цель требует от преподавателя иностранного языка более высокой квалификации и готовности осваивать содержание неязыковых дисциплин. Включая рассматриваемые в работе технологии преподавания английского языка в учебный процесс в вузе, педагоги могут проводить увлекательные занятия, предоставляя студентам актуальные материалы и возможность развивать специализированные компетенции и навыки.

Проведение научного эксперимента – один из способов внедрения CLIL. Взаимодействуя на английском языке в группах, студенты расширяют спектр знаний в профессиональной области и вместе с тем улучшают языковые навыки, например, когда исследуют влияние различных факторов на рост растений, а затем представляют полученные итоги на английском языке, применяя узкую терминологию и описывая научные концепции.

СВІ ефективен для розвитку навичок академічного письма при аналізі спеціалізованого контенту на іноземному мові. Студенти формують вміння розуміти складні тексти, виділяти ключові моменти і висловлювати ідеї в письмовій формі, таким чином готуючись до участі в міжнародних дослідницьких проєктах і публікаціях.

В якості практичного прикладу навчання ESP можна привести рольову гру, в ході якої студенти моделюють взаємодію лікаря і пацієнта на англійській мові, використовуючи медичну термінологію, розвиваючи навички ефективного спілкування в реальних життєвих ситуаціях і міжкультурну компетентність в професійному контексті.

Таким чином, CLIL, СВІ і ESP представляють собою сучасні підходи до викладання предмету «Професійна іноземна мова» студентам неязыкових спеціальностей. Незважаючи на прагнення до виконання загальних навчальних завдань, ці методи відрізняються пріоритетами і цільовими аудиторіями, що ні в якій мірі не перешкоджає їм сприяти підготовці студентів до досягнення успіху в сучасному глобальному суспільстві.

Бібліографічний список

1. *Боголепова С. В.* Методологія навчання іноземній мові в університеті : реалізація ФГОС ВПО / С. В. Боголепова, Е. В. Шадрова // Преподаватель XXI век. 2015. № 2-1. С. 189–203. EDN UAXKQF.

2. *Киселева Н. С.* Формування білінгвальної комунікативної компетентності студентів-математиків // Науково-методическі основи формування функціональної грамотності: теорія і практика сучасної школи: збірник кращих доповідей конференції. Коломна, 2023. С. 11–14.

3. *Контримович А. А., Паюнена М. В.* Викладання ESP (англійської мови для професійних цілей) в економічному університеті: проблеми і перспективи // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. С. 195–200. EDN OZAGUT.

4. *Савельев С. В., Савельева И. Г.* Предметно-інтегроване викладання англійської мови в педагогічному університеті: діалог і конвергенція методик // Педагогічне виховання і наука. 2022. № 2. С. 64–67.

5. *Стребкова Ж. В., Савельев С. В.* Проблеми реалізації інтегрованого предметно-мовного підходу до навчання студентів

неязыковых факультетов // Педагогическое образование и наука. 2020. № 2. С. 47–50.

6. *Сысоев П. В.* Ключевые вопросы реализации предметно-языкового интегрированного обучения иностранному языку и профильным дисциплинам в российских вузах // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 10–19.

7. *Якаева, Т. И.* История возникновения и развития CLIL за рубежом // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-2. С. 120–123. EDN WEZCUB.

8. *Coyle D., Hood P., Marsh D.* CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge University Press, 2010. 170 p.

9. *Davies S.* Content Based Instruction in EFL Contexts [Электронный ресурс]. URL: <http://iteslj.org/Articles/Davies-CBI>

10. *Fiorito L.* Teaching English for Specific Purposes (ESP) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usingenglish.com/articles/teaching-english-for-specific-purposes-esp.html>

УДК 821.161.1.09”18/19”

ББК 83.3(2Рос-Рус)5

Н. М. Миронов

Мордовский государственный университет, г. Саранск

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ВАМПИРА В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. В докладе осмысливается история формирования и становления художественного образа вампира в русской романтической прозе на материале творчества В. Н. Олина, О. М. Сомова, А. К. Толстого, И. С. Тургенева. Выявляются генетические связи образа вампира (упыря, вурдалака) с русским фольклором и европейской традицией, вычлняются характерные признаки и особенности поведения вампира в русской литературе. Установлено, что в части произведений вампир имеет ряд особенностей, свойственных славянскому фольклору (*Киевские ведьмы* О. М. Сомова, *Семья вурдалака* А. К. Толстого), в других – более тесную связь с западноевропейскими литературными источниками (*Упырь на Фуриштатской улице* неизвестного автора, *Призраки* И. С. Тургенева); в некоторых текстах эти

черты органично взаимопроникают и дополняют друг друга (*Упырь, Семья вурдалака* А. К. Толстого).

Ключевые слова: русская романтическая проза, образ, вампир, упырь, фольклор.

N. M. Mironov

Mordovia State University, Saransk

SPECIFICS OF VAMPIRE IMAGE IN RUSSIAN ROMANTIC PROSE

Abstract. The article deals with the history of formation and evolution of the artistic image of the vampire in the Russian prose of the 19th century based on the works of V. N. Olin, O. M. Somov, A. K. Tolstoy, I. S. Turgenev, G. P. Danilevsky. Genetic relations of the image of vampire (ghoul, ghoulak) with Russian folklore and European tradition are revealed, characteristic features and peculiarities of vampire's behavior in Russian literature are singled out. It has been determined that in some stories the vampire has a number of features peculiar to Slavic folklore (*Kiev Witches* by O. M. Somov, *The Family of the Ghoul* by A. K. Tolstoy). In others – a closer connection with Western European literary sources (*Ghosts* by I. S. Turgenev); in some texts these features organically interpenetrate and complement each other (*Ghoul* by A. K. Tolstoy).

Keywords: Russian romantic prose, image, vampire, ghoul, folklore.

В современном культурном пространстве одним из наиболее популярных и растиражированных антигероев, прежде всего в литературе и кинематографе, выступает вампир. В отечественном литературоведении вопрос становления и развития данного образа в европейской романтической традиции изучен достаточно подробно. Однако исследований, рассматривающих генезис этого образа в русской романтической литературе, практически нет. В настоящей работе делается попытка анализа воплощения вампира на русской почве.

В романтической прозе богатейшим источником изображения вампира стали фольклорные воззрения разных народов, к примеру, О. М. Сомов, А. К. Толстой активно используют фольклорные мотивы.

Стоит отметить, что у исследователей фольклорного образа вампира нет единого мнения о культуре-первоисточнике, где

этот персонаж впервые появился. Задачу определения осложняют и многочисленные вариации описания внешности и действий вампира. Тем не менее, одним из главных сущностных признаков вампира выступает жажда крови, но имеющая разные формы проявления.

Первое полноценное упоминание о вампире, как о действующем лице, принадлежит В. Н. Олину. В небольшом рассказе *Вампир* (1833) автор перерабатывает сюжет из хроники датского историка и теолога Саксона Грамматика: «два вождя или князя Нормандских поклялись друг другу быть ратными братьями» [1, с. 14], а потому не расставаться даже после смерти одного из них. Князь Асмонд остается вместе с умершим Асвейтом в гробнице, а через столетие благодаря помощи шведских воинов выходит на свет и рассказывает историю обращения друга в упыря, после чего и сам умирает. Эффективным способом борьбы с вампиром, как и в фольклорной традиции, у О. М. Олина выступает кол и последующее сожжение трупа на костре [1, с. 15].

В *Киевских ведьмах* (1833) О. М. Сомов обращается к славянскому фольклору для изображения целого ряда картин, где действуют различные представители нечистой силы, среди которых можно наблюдать и упырей: «Вокруг него, поодаль от площадки, кипел целый базар ведьм, колдунов, упырей, оборотней, леших, водяных, домовых и всяких чуд невиданных и неслыханных» [3, с. 181]. Стоит сказать, однако, что прозаик не занимается внешней подробной проработкой этого образа: «... резвые, шаловливые русалки носились в дудочке с упырями, на которых и посмотреть было страшно» [3, с. 182].

О. М. Сомов одним из первых выводит в число действующих антигероев вампира-женщину – молодую жену казака Федора, ведьму Катрусю. Показательно, что образ колдуна / ведьмы у О. М. Сомова продолжает вслед за фольклорной традицией быть соотнесен с образом упыря / вампира. Так, Катруся после понимания нарушения обета заявляет Федору: «Кто бы ни был тот, кто подсмотрит наши обряды – но мы должны... ох! тяжело сказать!.. должны высосать до капли кровь его...» [3, с. 185].

В *Упыре и Семье вурдалака* образ вампира приобретает у А. К. Толстого как обобщенные черты западноевропейской, так

и славянской традиции изображения «заложного» кровососущего покойника.

Так, с мифологическими славянскими представлениями соотносится природа упыря. Встреченный на балу Руневским Рыбаренко заявляет, что он лично присутствовал при похоронах Сугробиной, а статский советник Теляев «умер двумя неделями прежде ее» [4, с. 8]. Образы существ из «Семьи вурдалака» же практически полностью взяты из славянского фольклора: «... вурдалаки, как называются у славянских народов вампиры, не что иное в представлении местных жителей, как мертвецы, вышедшие из могил, чтобы сосать кровь живых людей» [4, с. 72].

Внешний вид упырей и способ их «приближения» к потенциальной жертве частично соотносится с фольклорной («Черты лица его переменились, глаза налились кровью и горели, как уголья. Он простер ко мне руки и хотел меня обнять» [4, с. 39]), а частично с западноевропейской традицией («Она обняла меня прелестными руками жадно прижала свои розовые губы к моей шее. В ту же минуту я почувствовал в ней сильную боль, которая, однако, тотчас прошла» [4, с. 47]).

Определенным развитием образа вампира можно считать его изображение в произведении неизвестного автора «Упырь на Фурштатской улице» (1857). В рассказе характерный фольклорный образ «жениха-мертвеца» начинает приобретать вампирические черты. Так, о приходе к девушке упыря может свидетельствовать след на ее шее – «маленькое кровавое пятнышко, весьма похожее с виду на царапину» [2, с. 94]. Кроме того, весьма подробно описывается и ощущения больной от высасывания крови: «Сначала я чувствую как бы озноб по всем членам, потом левая сторона начинает холодеть, точно от прикосновения холодного, ледяного тела и наконец я чувствую, что горячее жало вонзается мне в шею и сосет кровь в течении нескольких минут, до тех пор, пока я засну» [2, с. 95].

Одним из поздних романтических произведений в русской литературе, где одним из центральных образов выступает образ вампира, можно считать «таинственную» повесть И. С. Тургенева *Призраки* (1864).

Несмотря на то, что в произведении прямо не объясняется сущность и природа «призрака» («Что такое Эллис в самом

деле? Привидение, скитающаяся душа, злой дух, сильфида, вампир, наконец?» [5, с. 71]), ряд характерных черт в повести позволяет отнести Эллис к героине-вампиру.

Прежде всего, на это указывает ее внешний вид – бледное лицо, пристальный, лишенный эмоций взгляд, полупрозрачность фигуры: «Я хочу взглянуть в черты таинственной женщины – и вдруг невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодом» [5, с. 5]. Кроме того, описание Эллис развивается в том же самом направлении, что и изображение вампира в английской готической литературе (ср., например, у Дж. У. Полидори: «... некоторые ссылались на взгляд мертвенно-серых глаз, что, остановившись на лице собеседника, словно бы не проникал в душу...» [1, с. 5]; «Несмотря на пепельно-бледный оттенок кожи, – ни румянец стыда, ни игра страстей не имели власти оживить его...» [1, с. 6]).

Однако самым главным показателем принадлежности «призрака» к вампиру выступает жажда крови, а также способ ее удовлетворения. Так, рассказчик неоднократно указывает на постепенное ухудшение собственного физического состояния и озвучивает догадки на этот счет: «Вон и сердце как странно бьется. А когда я летаю, мне всё кажется, что его кто-то сосет или как будто из него что-то сочится, – вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор» [5, с. 44].

Итак, образ вампира в русской романтической прозе находит достаточно широкое распространение в ряде произведений. В части из них вампир имеет ряд особенностей, свойственных славянскому фольклору (*Киевские ведьмы* О. М. Сомова, *Семья вурдалака* А. К. Толстого), в других – более тесную связь с западно-европейскими литературными источниками (*Упырь на Фуриштатской улице* неизвестного автора, *Призраки* И. С. Тургенева); в некоторых текстах эти черты органично взаимопроникают и дополняют друг друга (*Упырь, Семья вурдалака* А. К. Толстого).

Библиографический список

1. Ибо кровь есть жизнь: сборник рассказов зарубежных писателей: пер. с англ. М.: Эксмо, 2024. 320 с.
2. Красногубая гостья: русская вампирическая проза XIX–первой половины XX в. Т. 1 / сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. 230 с.

3. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.) / сост. и авт. коммент. А. А. Карпов и др. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 672 с.

4. Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Художественная проза. Статьи. М.: Худож. лит., 1964. 600 с.

5. Тургенеv И. С. Призраки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 320 с.

УДК 81'42

ББК 81.055

М. Ю. Миронова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье описывается коммуникативное поведение автора полемического высказывания в письменном англоязычном научном дискурсе. Определяются типичные тактики реализации стратегии вежливости, а также языковые средства их объективации.

Ключевые слова: стратегия вежливости, научный дискурс, коммуникативно-прагматические характеристики.

M. Y. Mironova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

IMPLEMENTATION OF POLITENESS STRATEGY IN POLEMICAL SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The article analyses the communicative behavior of the author of a polemical statement in written English-language scientific discourse. Typical tactics of the politeness strategy implementation are determined, as well as linguistic means of their representation.

Keywords: politeness strategy, scientific discourse, communicative and pragmatic characteristics.

Современная лингвистика насчитывает немало работ, посвященных изучению научной коммуникации [1; 3; 4; 5; и др.).

Тем не менее, стабильно высокий интерес к проблематике научного дискурса сохраняется и по сей день, что подтверждает его важность для развития академической науки и обуславливает актуальность исследований в данной области. Несмотря на то, что отдельные стороны научной коммуникации были рассмотрены, интересующая нас проблема в полной мере не решается. В частности, не подвергалось анализу коммуникативное поведение адресанта при осуществлении дискурсивного события несогласия, что позволяет нам сформулировать новизну предлагаемого исследования.

Вслед за П. А. Черновой полемика понимается нами как речевое действие, реализующее оппозиционную точку зрения и направленное на наиболее эффективное выражение полемического содержания, то есть содержания, в основе которого лежит несогласие [6]. Несогласие, как результат оценочной деятельности, основано на восприятии позиции оппонента как отклонение от нормы [4].

Поскольку полемические высказывания предполагают раскрытие негативного, автор продумывает стратегию подачи оппозиционного мнения так, чтобы языковая форма его выражения была социально корректной. Таким образом, достижение основной цели, послужившей непосредственной причиной коммуникации (выразить несогласие и изменить модель мира адресата), предопределяет достижение второстепенной цели, обусловленной необходимостью приспособиться к ситуации и соблюсти нормы общения. Так, стратегия несогласия сопровождается в научном дискурсе **стратегией вежливости**. Вежливость – это соблюдение норм общения путем использования сложной системы национально-специфических стратегий и тактик, направленных на бесконфликтную коммуникацию [2].

Анализ полемических высказываний в английской научной речи позволил установить, что одним из способов корректного представления другого (отличного от существующего) мнения является **тактика смягчения**. Тактика смягчения препятствует прямолинейности и категоричности оценок и критических суждений, что позволяет сократить интеракционные риски в общении.

В письменном англоязычном научном дискурсе тактика смягчения получает реализацию с помощью ряда приемов.

Одним из них выступает прием **выражения сомнения/неуверенности**, например: <...> *seems doubtful whether word-meanings are based on oppositions between words in the same conceptual field.* / <...> **представляется сомнительным**, основаны ли значения слов на противопоставлениях между словами в одном и том же концептуальном поле. Единицы субъективной модальности, характерные для данной тактики, смягчают иллюкутивную силу несогласия, усиливают субъективность и дают адресату возможность не соглашаться с предлагаемой точкой зрения, сохраняя право адресата на личную автономию.

Тактика смягчения может реализовываться и имплицитно, например, через прием **косвенного выражения мнения**. Примером могут послужить вопросительные конструкции, синтаксическая форма которых «маскирует» несогласие: *But why should simple “crying” be regarded as pathological?* / **Но почему простой «плач» должен рассматриваться как патологический?**

Тактика смягчения реализуется и с помощью коммуникативного приема выражения **совета/рекомендации**, который позволяет имплицитно указать оппоненту на то, что другое положение вещей является более правильным и предпочтительным, например *Dr. Ross would, so it seems to me, have done better to proceed directly from his ultimate premises to his final conclusion.* / **Доктору Россу, как мне кажется, было бы лучше перейти непосредственно от своих исходных посылок к окончательному заключению.**

Для минимизации риска коммуникативной неудачи говорящий нередко предпринимает предупреждающие ходы, призванные создать у собеседника настрой на кооперацию. Так, **тактика поощрения (похвалы)** предполагает использование лексических единиц с положительной семантикой для создания положительного эмоционального фона и смягчения категоричности последующих выражений, например: *Although of value in mining and quarrying operations it is academically barren.* / **Несмотря на ценность в горнодобывающей промышленности, она бесполезна с научной точки зрения.**

Другим эмоционально-настраивающим приемом выступает **тактика уважения**, цель которой – подчеркнуть высокое положение другого человека, например: *With all due respect to*

Robb, the essential question is not the conceptual legitimacy of Einstein's convention but its practical scope. / При всем должном уважении к Роббу, существенный вопрос заключается не в концептуальной легитимности соглашения Эйнштейна, а в его практической сфере применения.

Не менее распространенной является **тактика сожаления**. Поскольку сочувствие может выполнять контактоустанавливающую функцию, оно способствует нейтрализации напряжения при выражении несогласия, например: *Unfortunately, many investigators have used the levels of molecular variation <...> such information is likely to be misleading. / К сожалению, многие исследователи использовали уровни молекулярной изменчивости <...> такая информация, вероятно, вводит в заблуждение.*

Тактика уклонения от собственной оценки позволяет перевести оценочное суждение в русло общепризнанных знаний и мнений и, тем самым, нейтрализовать возможный негативный перлокутивный эффект, например: *Obviously no mathematical theory can really be based on such verbal statements. / Очевидно, что ни одна математическая теория на самом деле не может быть основана на таких словесных утверждениях.* Благодаря использованию страдательного залога информация представляется не как личное мнение, а как общепринятая норма или объективная истина, таким образом снижается директивность высказывания.

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что коммуникативные действия дискурсивной личности в ситуации полемики определяют необходимость соблюдения культурно-обусловленных правил социального взаимодействия, что детерминирует использование субъектом дискурса стратегии вежливости. Стратегия вежливости в дискурсивном событии полемики реализуется через тактики смягчения, поощрения/похвалы, проявления уважения, совета, сожаления, уклонения от собственной оценки.

Библиографический список

1. Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аскиологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 34 с.

2. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 507 с.

3. *Марюхин А. П.* Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

4. *Маслова Л. Н.* Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

5. *Холмцова Т. Н.* Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 15–22.

6. *Чернова П. А.* Языковая форма и функции полемиического высказывания: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 20 с.

УДК 81'25'42

ББК 81.18

Е. В. Мишенькина, В. В. Леонтьев

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что заголовки фильмов являются важной составляющей современного мира и отдельным предметом исследования в рамках теории перевода. В статье проводится исследование, материалом анализа которого стали отобранные фильмы английских и американских компаний 2001–2023 года выпуска. Для выбора материала исследования был использован интернет-ресурс *Кинопоиск*. В данной статье на примере заголовков американских и английских кинофильмов рассматриваются главные стратегии и способы их перевода на русский язык. Также в ходе анализа определены тематические группы фильмонимов, такие как человек (объект), пространство (место), событие, время, предметы, смешанная группа, и установлено преобладание того или иного переводческого приема при переводе фильмонимов конкретной группы.

© Мишенькина Е. В., Леонтьев В. В., 2024

Ключевые слова: фильмоним, заголовок, перевод, переводческие приемы, трудности, американские и английский фильмы.

E. V. Mishenkina, V. V. Leontiev
FSBEI HE “Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky”, Yaroslavl

SPECIFICS IN TRANSLATING FILMONYMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract. The relevance of the topic determines the fact that film titles are an important component of the modern world and a research subject within the translation theory. The article describes the analysis of some selected English and American films released in 2001–2023. The Internet resource *Kinopoisk* was used to choose the material under the study. In this article, on the example of the American and English films headlines, the main strategies and ways to translate them from English into Russian are considered. Also, thematic groups of filmonyms were identified, such as person (object), space (place), event, time, objects, mixed group, and predominance of one or another translation technique was revealed when translating filmonyms of a particular group.

Keywords: filmonym, title, translation, translation techniques, difficulties, American and English films.

Кинематограф – одно из самых популярных и многогранных средств массовой коммуникации. Появление кинематографа открыло для переводчиков новые возможности для работы и развития. Вместе с этим у них появились и новые задачи. Название – это первое, на что обращает внимание потенциальный зритель и делает свой выбор. Для обозначения названий фильмов был введен термин *фильмоним*. Долгое время фильмонимы оставались малоизученным явлением и находились вне поля зрения лингвистов, но некоторые исследования в этой области были проведены. Впервые термин *фильмоним* был употреблен российским лингвистом Е. В. Кнышом. «Фильмоним – высказывание, репрезентирующее ситуацию, смоделированную фильмом, ее вербально закодированный образ [3, с. 10]. Другое определение этому термину дает лингвист Ю. Н. Подымова: «Фильмоним – это разряд имен собственных, обозначающих названия кинолент» [5, с. 202]. Согласно своей знаковой природе,

фильмонимы относятся к именам собственным, так как они служат для наименования объектов окружающего мира, а именно: фильмов [1, с. 113].

При переводе фильмонимов перед переводчиком стоит задача максимально сохранить лингвистическую близость одного языка с другим, при этом сохранить функцию заголовка, в том числе и рекламную, а также не оказаться в противоречии с внутренним содержанием фильма. Перевод фильмонимов является комплексной задачей: заголовок одновременно должен передавать идею создателя, быть броским, запоминающимся, соответствовать целевой аудитории и выполнять рекламную функцию. Однако огромный выбор материала влияет на качество самого перевода. Переводчику приходится преодолеть достаточное количество трудностей при адаптации заголовков кинолент [7, с. 85]. Кроме того, перевод названий фильмов и фильмонимов, в частности, осложняется тем, что в большинстве случаев переводом названий фильмов занимаются не переводчики или специалисты межкультурной коммуникации, а дистрибьюторы, т.е. прокатчики [4, с. 33]. Справедливо утверждение, что особое внимание следует уделять проблеме адекватности перевода фильмонимов, поскольку «перевод заголовка является самостоятельной переводческой проблемой, от решения которой во многом зависит судьба кинопродукта в целом» [2, с. 7].

В рамках данного исследования для анализа были отображены фильмы английских и американских компаний 2001–2023 г. выпуска общим объемом 108 единиц. Для отбора материала использовался интернет-ресурс *Кинопоиск*. В результате было выявлено 13 различных приемов перевода фильмонимов: дословный перевод (32 случая); транслитерация (17 случаев); калькирование (14 случаев); описание (1 случай); добавление (10 случаев); замена (23 случая); опущение (8 случаев); конкретизация (5 случаев); генерализация (3 случая); уподобление (3 случая); избегание перевода (2 случая); жанровая адаптация (9 случаев); смысловая адаптация (13 случаев).

Далее представлены наиболее яркие примеры применения переводческих приемов.

Примером дословного перевода является фильмоним **Everything Everywhere All at Once – «Всё везде и сразу» (2021)**. При переводе был использован прием дословного перевода. Фильм повествует о женщине, у которой есть способности перемещаться по параллельным вселенным. В данном случае русскоязычный фильмоним достаточно ярко отражает сюжетную линию фильма и сохраняет задумку автора.

Skyfall – «007: Координаты «Скайфолл» (2012). При переводе использовался прием добавление. Дополнено кодовое имя главного героя – «007», чтобы подчеркнуть, что фильм является частью франшизы, также оригинальное название *skyfall* является названием родового поместья семейства Бондов в Шотландии, с которым связан сюжет фильма.

Fun with Dick and Jane – «Аферисты: Дик и Джейн развлекаются» (2005). Добавив характеристики главных героев в название фильма, переводчику удалось сделать перевод более привлекательным для зрительской аудитории и сформировать более точное представление о фильме.

Dog – «Лулу и Бриггс» (2022). Дословно этот фильмоним можно перевести «собака» или «пес», однако авторы перевода решили заменить оригинальное название на кличку собаки и фамилию главного героя, чтобы подчеркнуть значимость обоих в сюжете и дать зрителю понять, о ком будет вестись повествование. Можно предположить, что имена собственные звучат более интригующе, чем номинатив «собака/пес».

Mary Queen of Scots – «Две королевы» (2018). Дословно название данного фильма переводится «Мария – королева Шотландии». Прием генерализации при переводе данного фильмонима позволяет обозначить, что главными действующими лицами фильма являются две королевы, таким образом в фильмоним заложена идея противостояния, что также привлекательно для потенциального зрителя.

Zombieland – «Добро пожаловать в Зомбилэнд» (2009). При переводе используются приемы транслитерация: *Zombieland* – Зомбилэнд, добавление: «добро пожаловать». Посредством добавления дополнительной информации о содержании фильма переводчик делает фильмоним более ярким и выразительным по звучанию.

The Man from U.N.C.L.E. – Агенты А.Н.К.Л. (2015).

В данном примере наблюдается применение двух переводческих трансформаций. Аббревиатура U.N.C.L.E. транслитерируется на русский язык А.Н.К.Л., а лексема the man – человек, которая имеет более широкое значение, заменяется на лексему «агенты» с более узким значением. Таким образом, фильмоним становится более конкретным и точнее соответствует сюжету фильма.

Анализ фильмонимов по приемам перевода показал, что наибольшее количество названий кинолент переводилось дословным переводом, поскольку рассмотренные примеры оказались достаточно простыми, в них не было игры слов, безэквивалентной лексики или других лексем, которые могли вызвать затруднение при восприятии иностранным реципиентом. Название фильма – это один из основных элементов, который привлекает внимание к кинопроизведению. Качество перевода фильмонимов в значительной степени предопределяет успех кинолент в прокате. В проанализированных примерах наглядно представлено, как трансформации, используемые при переводе, могут создавать или усиливать потенциал привлекательности фильмов для зрителя. Таким образом, исследование фильмонимов в рамках теории перевода представляет не только научный, но и практический интерес.

Библиографический список

1. *Александрова О. И., Николаева У. А.* Стратегия перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Вып. 2. С. 113–122.
2. *Астанкова М. С.* Перевод названий англоязычных художественных фильмов на русский язык // На перекрестке культур : Единство языка, литературы и образования – 1: сб. науч. статей I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Могилев, 01–17 декабря 2018 г.) / под ред. А. К. Шевцовой. Могилев, 2019. С. 6–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38304537> (дата обращения: 21.10.2023).
3. *Кныш Е. В.* Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Одесса, 1992. 91 с.: ил.
4. *Ковганко Е. А.* Особенности стратегий перевода названий зарубежных фильмов на русский язык: сб. науч. трудов III Международной

научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения С. В. Красновой / Филология, лингвистика и лингводидактика. Елец, 2023. С. 31–36.

5. *Подымова Ю. Н.* Фильмонимы как проблема перевода // Студенческий научный журнал АГУ АВ ОВО. 2000. № 1. С. 201–206.

6. *Сакаева Л. Р., Ермоленко А. Ю.* Проблемы перевода фильмонимов на материале английского и русского языков // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3, № 1. С. 41–51.

УДК (811.161.1+811.581):39

ББК 81.006.3

А. М. Муллина

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (В СФЕРЕ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ)

Аннотация. В настоящее время из-за повышенного интереса к предпринимательству на международной арене исследование межкультурной деловой коммуникации приобретает особую актуальность. В связи с этим важной проблемой становится изучение и оптимизация процессов межкультурной коммуникации между представителями разных стран. Любой коммуникативный акт начинается с приветствия, что делает его неотъемлемым элементом данного процесса. В связи с этим в данной статье автор показывает результаты своего исследования, направленного на выявление и сравнение особенностей этикетных формул приветствия на русском и китайском языках. Данная статья представляет интерес для специалистов в области межкультурной коммуникации, бизнес-коммуникации и лингвистики.

Ключевые слова: этикетные формулы, приветствие, китайский язык, русский язык, бизнес-коммуникация.

A. M. Mullina

The National University of Science and Technology (MISiS), Moscow

GREETING ETIQUETTE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES (IN SPHERE OF BUSINESS COMMUNICATION)

Abstract. Nowadays the study of business communication has become particularly relevant due to the increasing interest in entrepreneurial activity. In this regard, the examination and optimization of the processes of intercultural communication between representatives of different countries have turned all the more important. One of the crucial stages in maintaining business relations with other companies is business correspondence. In this regard, in the article the author shows the results of the research aimed at identifying and comparing the features of greeting etiquette in Russian and Chinese languages. This article will be of interest to specialists in the field of intercultural communication, business communication and linguistics.

Keywords: business etiquette, greeting, Chinese language, Russian language, business communication.

Интерес людей к предпринимательской деятельности возрастает с каждым годом во всех странах. Она выступает способом достижения успеха и благополучия, дает людям возможность обогатиться, реализовать себя и свой потенциал. Главной целью предпринимателей становится увеличение прибыли, которое достигается посредством расширения производства и укрепления деловых связей с партнерами из других стран. Таким образом, во всем мире предприниматели развивают экономические отношения между организациями как в одной стране, так и с компаниями их других стран.

Успешное поддержание и укрепление этих связей зависит от умения руководства той или иной фирмы создавать и поддерживать благоприятную атмосферу как внутри организации, так и с людьми за ее пределами, то есть с представителями других организаций, поставщиками, потребителями и т. д. Достигнуть этого невозможно без умения эффективно коммуницировать.

Исходя из того, что в данный момент Российская Федерация нацелена на все более активное развитие экономических

отношений с Китайской Народной Республикой, мы приходим к выводу, что необходимость изучения особенностей российско-китайской делового коммуникации, а также факторов, влияющих на ее эффективность, растет. В связи с этим целью данной статьи является исследование особенностей делового общения между представителями российской и китайской лингвокультур. В частности, в статье будут рассмотрены этикетные формулы приветствия, используемые в бизнес-культурах двух указанных стран. Материалом исследования послужили 120 деловых писем на русском языке и 80 деловых писем на китайском языке.

Этикетные формулы приветствия сопровождают каждый речевой акт в рамках бизнес-коммуникации, также как и в рамках любого другого вида коммуникации. Для российской деловой культуры наиболее распространенными этикетными формулами приветствия являются: «здравствуйте + имя + отчество», «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер», «Добро пожаловать». В официальной сфере встречаются также фразы «Приветствую Вас», «Рад приветствовать Вас» и т. д.

Некоторые из перечисленных формул имеют четкую связь с контекстом происходящего. Так, «Доброе утро!» рекомендуется говорить примерно с 6 часов утра и до полудня. После полудня использование данной этикетной формулы становится неуместным. К числу данного вида этикетных формул относятся также «Добрый день», сфера применения которой ограничивается периодом с полудня до 6 часов вечера, и «Добрый вечер», используемая с 6 часов вечера до 12 часов ночи.

В китайском языке существует три типа приветствия: нейтральное, формальное и неформальное. Для коммуникативных ситуаций в сфере бизнеса характерно использование первого и второго типов приветствий. Нейтральное приветствие включает в себя фразы 早上好! (Доброе утро!), 大家好! (Всем здравствуйте!), 晚上好! (Добрый вечер!) 午安! (Добрый день!) и другие.

«尊敬的法国拉图酒庄进出口贸易有限公司的先生和小姐们, 晚上好!» (Уважаемые дамы и господа из французской торговой компании по экспорту и импорту вина, добрый вечер!) [3].

Так же, как и в русском языке, использование фраз 早上好! (Доброе утро!), 晚上好! (Добрый вечер!) 午安! (Добрый день!) напрямую зависит от времени суток, в течение которого реализуется коммуникативный акт.

Часто используется в китайском языке приветствие «您好», которое используется по отношению к людям старшим по возрасту и более высокого социального положения. Данная этикетная формула буквально переводится на русский язык как «Вам хорошо», то есть с ее помощью говорящий желает собеседнику, чтобы у него было все хорошо.

Во время официальных приемов и мероприятий носитель китайского языка может сказать «热烈欢迎...» (Горячо приветствуем...), «我代表...欢迎大家» (От лица... приветствую Вас) либо «请允许我代表...欢迎你们!» (Разрешите от лица... поприветствовать Вас!).

«我谨代表贸促会和有关各方, 对范女士和潘先生的到来表示热烈的欢迎» (От имени Торгово-промышленной палаты Китая и других заинтересованных сторон я хотел бы горячо поприветствовать госпожу Фань и господина Пань) [4, с. 25].

Характерным для деловой сферы является также форма приветствия «должность + 好». Например, обращение к начальнику на работе может звучать как «老板好», то есть «Здравствуйте, директор!».

Приветствие в китайском языке также может использоваться и в деловой корреспонденции. Оно начинается с обращения «尊敬的», синонимичного по смыслу русскому «уважаемый/уважаемая», к которому присоединяется имя и должность адресата, а также уважительная форма приветствия:

«尊敬的刘先生:

您好!» [1].

Следует отметить, что после обращения к адресату ставится двоеточие, а после приветственной фразы ставится восклицательный знак. Обращение в китайском языке может быть представлено без приветствия. В данном случае после обращения ставится восклицательный знак.

Таким образом, большинство используемых в российской и китайской культурах этикетных формул приветствия

идентичны друг другу. Уникальным для китайского языка является приветствие с указанием должности человека, которое не находит своего аналога в русском языке. Более того, приветствие иногда присутствует и в деловой корреспонденции китайского языка, тогда как в русском языке этого обнаружено не было.

Библиографический список

1. *Корец Г. Б.* Китайский язык. Деловая переписка. М.: Живой язык, 2010. 224 с.
2. *Хуан В.* Практический курс делового китайского языка. Пекин: Sinolingua, 2002. 335 с.
3. *Чжан Ю.* Китайский коммуникативный стиль в контексте делового дискурса: направление подготовки 45.04.02.01 Лингвистика и межкультурная коммуникация: магистерская диссертация; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2017. 107 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/129483702.pdf> (дата обращения: 22.12.2024).

УДК 81'25

ББК 81.18

Ю. А. Ненашева, С. А. Никитина

ЮУрГГПУ, г. Челябинск

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ТЕХНОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ДОБЫЧИ И ПЕРЕВОЗКИ НЕФТИ/НЕФТЕПРОДУКТОВ»)

Аннотация. Авторы предлагают методику использования корпусных методов для формирования понятийного аппарата переводчика, которая позволяет преодолеть противоречия между национальной и интернациональной терминологией, а также помогает составить индивидуальный глоссарий переводчика.

Ключевые слова: корпус, национальная/интернациональная терминология, понятийный аппарат, научный дискурс.

Yu. A. Nenasheva, S. A. Nikitina
SUSHPU, Chelyabinsk

METHODS OF CREATING TRANSLATOR'S CONCEPTUAL FRAMEWAORK (WITH SPECIAL REFERENCE TO "MAN-MADE IMPACT OF OIL/PETROLEUM PRODUCTS PRODUCTION AND TRANSPORTATION")

Abstract. The paper presents the technique of applying corpus analysis to forming the conceptual framework for the interpreter. The technique is aimed at addressing the inconsistencies between the international and national terminologies. It also facilitates composing the glossary for personal usage.

Keywords: Corpus, national/international terminology, conceptual framework, scientific discourse.

Переводческая деятельность включает в себя когнитивную деятельность – ознакомление, восприятие, осознание, поиск наиболее эффективных способов передачи смысла исходного языкового материала – и непосредственную трансляцию результатов этой деятельности на языке перевода. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет выявить факторы, влияющие на формирование переводческой стратегии, поскольку предполагает учет коммуникативных факторов (коммуникантов и совокупности принадлежащих им характеристик, признаков временной протяженности деятельности, коммуникативную ситуацию) [2, с. 5]. Таким образом, деятельность переводчика обусловлена взаимодействием ряда факторов, регламентирующих ее протекание и результат.

Реализация переводческой деятельности в специфической области человеческого бытия – научном дискурсе – предполагает формирование понятийного аппарата, позволяющего эффективно находить эквивалентные единицы в исходном языке (ИЯ) и переводном языке (ПЯ). Понятийный аппарат может рассматриваться как ментальное образование, содержащее в себе концепты, понятия, термины и обеспечивающее протекание мыслительных процессов [3, с. 18]. Понятийный аппарат переводчика представляет собой систему организации знаний, в которую входят базовые знания необходимых номинативных языковых

единиц, знания о специфике их функционирования (комбинаторике, трансформациях и нормативности).

Научный дискурс как институциональный дискурс характеризуется рядом факторов, определяющих специфику его функционирования на ИЯ и обуславливающий специфику переводческой деятельности на ПЯ [1, с. 57–68]. Одним из таких факторов является несоответствие между национальными и интернациональной терминологическими системами [4]. Представляется, что предлагаемая методика формирования понятийного аппарата (и соответствующего ему индивидуального глоссария) при помощи методов корпусного анализа позволит преодолеть можно преодолеть данную трудность.

Разработанная методика реализуется несколькими этапами и может быть применена к любой предметной области научного дискурса. В проведенном исследовании была использована тематика *Техногенное воздействие добычи и перевозки нефти/нефтепродуктов* на материале трех корпусов аннотаций (100 работ в каждом корпусе) – англоязычный (ENG), русскоязычный (RUS) и аннотации русскоязычных статей в реферируемых журналах, переведенные на английский язык (RUS-ENG). Предлагаемая методика включает в себя три этапа. На первом этапе необходимо сформировать список ключевых слов, наиболее широко охватывающих необходимую сферу деятельности и произвести отбор статей на русском и английском языках, включающих данные слова в текст аннотации (*Cyberleninka*, *ResearchGate*, *Semantic Scholar*). На втором этапе корпусы подвергались анализу, на основании которого были выявлены и классифицированы частотность в корпусе и комбинаторика терминологических единиц (*Sketch Engine*). Далее частотность единиц и их коллокаций, обнаруженных в русско- и англоязычных корпусах, была оценена по отношению к референтному корпусу RUS-ENG. Это позволило выявить специфику единиц и их коллокаций, традиционно используемых русскоговорящими авторами для перевода текстов данной тематики в определенном виде дискурса. На третьем этапе, на основании полученных результатов, был сформирован глоссарий, который может быть использован как справочный материал в переводческой деятельности.

Результаты исследования показали следующие преимущества глоссария.

1. Объем. В отличие от тематического словаря, глоссарий позволяет организовать языковые единицы в тезаурусные группы по принципу наличия семантической связи между единицами.

2. Возможность модификации. В отличие от тематического словаря переводчик может легко сформировать один или несколько глоссариев, отвечающих потребностям непосредственной переводческой деятельности, а также модифицировать уже составленный глоссарий, включая в него новые или расширяя уже существующие тезаурусные группы.

3. Синхронность/контемпоральность. Анализируемые тексты произведены близко к моменту проведения анализа. Это позволяет оценить языковые единицы, используемые в ИЯ и ПЯ в настоящее время, что в свою очередь, обеспечивает возможность быстро корректировать переводческую деятельность по мере изменения существующих или появления новых единиц в дискурсе.

Полученные результаты подтвердили актуальность положений исследования: были выявлены виды несоответствия языковых единиц, принадлежащих интернациональной и национальной терминологическим системам, определена степень такого несоответствия, на основании полученных данных были выявлены тенденции использования тех или иных переводческих трансформаций для преодоления отдельных видов (и их степеней) несоответствий.

Так, несмотря на достаточно большой процент совпадения единичных лексем, их частотность в ИЯ и ПЯ различается: 1) для русского научного дискурса характерно стремление к аббревиации используемых терминов (например, *ПАВ – поверхностно-активные вещества*), 2) сложносоставные слова (например, *нефтепродукты*). Эти трудности преодолеваются лексическими заменами, при этом используемые в ПЯ единицы представляют собой словосочетания с двумя и более составляющими. Для русского научного дискурса характерны теоретические статьи с опорой на результаты теоретического анализа, для англоязычного научного дискурса характерны статьи с фактологической основой, что обуславливает необходимость применения транскрипции/транслитерации (например, географические

названия), калькирования, компенсации, переводческих комментариев. Были выявлены термины с частичным несовпадением (комбинаторика морфем / способ словообразования) – *hydrodynamic – hydrodynamics*, которое преодолевается при помощи грамматических преобразований.

Кроме того, единичные совпадающие термины характеризуются различиями в комбинаторике: ‘*давление*’, являющееся интернациональным термином, в русскоязычном корпусе может встречаться изолированно, в аббревиатуре или словосочетании, тогда как английское ‘*pressure*’ практически не встречается в изолированной позиции, но составляет словосочетания, в которых является определяющим словом по отношению к зависимым от него единицам в атрибутивных конструкциях. Для передачи такого рода терминов, состоящих из двух и более составляющих, преимущественно используются грамматические трансформации добавления (*коэффициент извлечения нефти – oil recovery factor*), опущения (*гидроразрыв пласта – hydraulic fracturing*), замены (*нефтедобывающая отрасль России – Russian energy sector*), перестановки и др.

Таким образом, для повышения эффективности переводческой деятельности, переводчику необходимо пользоваться средствами корпусного анализа для формирования и своевременной адаптации своего понятийного аппарата, поскольку специфика научного дискурса заключается в необходимости поддержания высокой точности перевода, которая может существенно влиять на эффективность и безопасность других видов практической профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Карасик В. И. О категориях дискурса // Тверской лингвистический меридиан: сб. ст. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2007. С. 57–68.
2. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
3. Макаренко С. И. Справочник научных терминов и обозначений. СПб.: Научное издание, 2019. С. 18.
4. Универсальная научно-популярная энциклопедия Кругосвет: Терминология. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/TERMINOLOGIYA.html (дата обращения: 17.04.2022).
5. Фурсова И. Н. Когнитивный подход в переводоведении // LINGUA MOBILIS. 2013. № 6(45). С. 66–73.

УДК 372.881.111.1:371.39
ББК 74.268.1

Н. А. Никитюк

Ивановский государственный университет, г. Иваново

МЕТОДИЧЕСКИЕ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация. В современных условиях учителям иностранных языков все чаще приходится прибегать к помощи различных цифровых технологий. Однако, помимо этого, существует потребность и в новых подходах, методах и принципах, с помощью которых можно проектировать учебные материалы и курсы эффективно и быстро. В статье рассматривается несколько методических и цифровых инструментов педагогического дизайна, которые могут быть использованы для создания образовательных ресурсов и обучения в целом.

Ключевые слова: педагогический дизайн, создание обучения, цифровые инструменты, методические инструменты, карта эмпатии, карта пути студента.

N. A. Nikityuk

Ivanovo State University, Ivanovo

METHODOLOGICAL AND DIGITAL TOOLS OF INSTRUCTIONAL DESIGN FOR FOREIGN LANGUAGES TEACHING

Abstract. Under the contemporary conditions, foreign language teachers have to resort to the assistance of various digital technologies more often. However, in addition to this, there is a need for new approaches, methods, and principles through which educational materials and courses can be designed efficiently and quickly. The article discusses several methodological and digital tools of instructional design that can be used to create educational resources and educational content in general.

Keywords: instructional design, education design, digital tools, methodological tools, empathy map, student journey map.

В условиях современного образования и укоренившегося курса на цифровую трансформацию становится очевидной необходимость обновления традиционных подходов к обучению и использования новых технологий и инструментов. Об этом свидетельствуют задачи, поставленные в Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года, среди которых включение педагогических кадров в цифровую экономику, а также внедрение цифровых ресурсов [1]. Более того, в международном докладе *Innovating Pedagogy* описываются такие инновационные цифровые тренды как создание образовательных метавселенных, использование различных инструментов искусственного интеллекта и применение принципов мультимодальной педагогики. Соответственно, перед учителями иностранных языков встают два закономерных вопроса: «Какие современные технологии и инструменты использовать?».

Найти ответы помогают идеи и принципы, заложенные в педагогическом дизайне, который постепенно становится все более и более востребованным в реалиях российского образования. Отметим, что педагогический дизайн как таковой не является чем-то новым для мировой науки. Его концепция зародилась в 40-е годы в Америке, когда возникла необходимость массового, эффективного и быстрого обучения военных. Педагогический дизайн претерпел множество изменений под влиянием различных ученых: от педагогов-новаторов (R. Gagne, R. Mager, M. Scriven) до психологов-бихевиористов (B. Bloom, B. Skinner). На протяжении всей истории своего развития педагогический дизайн неразрывно связан с инновационными технологиями и компьютерным обучением. За это время были сформированы принципы и созданы модели, используя которые можно достичь поставленных образовательных результатов при помощи определенных инструментов.

Все инструменты, которые используются в педагогическом дизайне, можно условно разделить на две большие категории:

- 1) методические – принципы, методики и правила организации содержания учебных материалов;

2) цифровые – программное обеспечение и цифровые технологии, при помощи которых создаются цифровые ресурсы и материалы.

Они могут применяться на разных этапах работы над контентом, которых в классической модели педагогического дизайна ADDIE шесть: анализ, проектирование, разработка, применение и оценка. Рассмотрим несколько конкретных инструментов применительно к созданию факультативного курса по иностранным языкам.

Прежде, чем приступить к созданию и наполнению курса, учителю очень важно исследовать аудиторию, для которой проектируются материалы. В школах зачастую исследование аудитории начинается и заканчивается входным тестированием, которое позволяет узнать примерный уровень освоения предмета. Однако, такой информации недостаточно для создания качественного и индивидуализированного контента. В дополнение к тесту педагог может использовать карту эмпатии (Empathy Map), методический инструмент, использующийся для развития дизайн-мышления. В карте представлен ряд вопросов, которые помогают лучше понять целевую аудиторию, т. е. школьника (рис.).

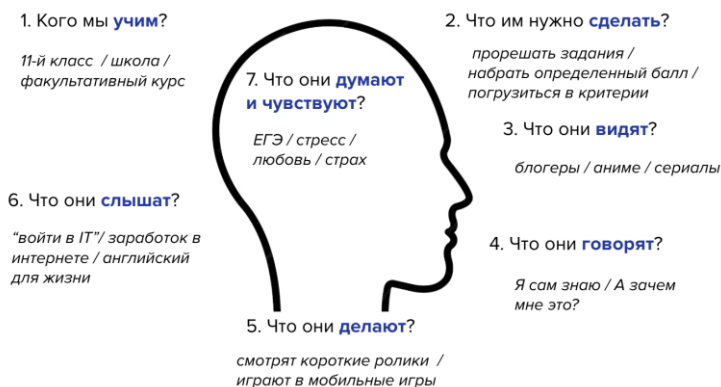

Рис. Заполненная карта эмпатии для ученика 11-го класса

Учитель может самостоятельно попробовать ответить на вопросы, поставив себя на место ученика или основываясь

на наблюдениях. Также рекомендуется провести опрос с возможностью давать развернутые комментарии для того, чтобы проверить информацию в карте. Важно, чтобы проводимое анкетирование было анонимным и доверительным, иначе результаты нельзя будет считать достоверными. Ответы из карты могут быть использованы в дальнейшем для формирования содержания учебных материалов и их персонализации, а также для налаживания контакта с молодым поколением.

Еще одним многофункциональным инструментом, которым стоит овладеть, представляется карта пути студента (Student Journey Map, SJM). Она используется для описания сценариев, по которым может пойти обучение студента. Также учитываются изменения в его эмоциональном состоянии, которое может напрямую влиять на мотивацию и эффективность изучения предмета. Традиционно, в карте пути студента должно быть четыре этапа: подготовка, освоение знаний и навыков, закрепление и применение на практике и сохранение навыков. Количество шагов на каждом этапе может варьироваться в зависимости от формата обучения и образовательных целей. Основное преимущество использования данного инструмента заключается в том, что качественно составленная карта позволяет увидеть процесс освоения материала как единое целое. Карта может охватывать как весь курс, так и отдельные его модули.

В задачи создания карты пути студента входит:

- визуализировать путь учащегося от точки входа в обучения до завершения;
- прогнозировать «узкие» места обучения, которые будут вызывать сложности у обучающихся;
- рассчитывать когнитивную нагрузку;
- внедрять различные стимулы для мотивации студентов, основываясь на сложности материала и эмоциональной составляющей;
- добавлять дополнительные и вспомогательные материалы в зависимости от сложности тем;
- структурировать и усилить связи между изучаемыми темами.

Создавая карту пути студента, учитель может увидеть трудности, с которыми столкнутся учащиеся, и заранее продум-

мать, каким образом можно их нивелировать. Вкупе с картой эмпатии педагог сможет составить более полное представление о том, какие стимулы использовать, какие дополнительные материалы разрабатывать и какие темы требуют больше времени. Для менее опытных учителей, которые впервые планируют работать с каким-либо УМК или разрабатывать собственный факультативный курс такой инструмент является незаменимым.

Если говорить о технических инструментах, необходимых для визуализации карты пути студента или карты эмпатии, то это, прежде всего, онлайн-доски, в которых уже есть готовые шаблоны. Например, отечественный сервис sBoard предлагает широкий набор функций и доступный интерфейс, при помощи которых даже неопытный пользователь сможет создать простую карту. Данный инструмент позволяет рисовать графики и схемы, использовать стикеры для заметок, а также добавлять свои изображения и картинки.

Для создания упрощенной версии карты пути студента можно использовать электронные таблицы типа Microsoft Excel или российский аналог МойОфис. Такой инструмент более ограничен в своих функциях, однако дает верхнеуровневое представление о курсе. Для этого необходимо создать вертикальные столбцы с этапами обучения. В ячейках по горизонтали отметить, какие трудности может испытывать учащийся на каждом этапе, какие вспомогательные материалы ему могут помочь.

Отечественная платформа myQuiz может быть использована учителем не только для создания интерактивных викторин и тестов, но и для проведения опроса. Такой инструмент особенно полезен для сбора информации при составлении карты эмпатии в случае, если педагогу не хватает собственных представлений об учениках.

Инструментарий педагогического дизайнера постоянно пополняется, однако вышеперечисленные инструменты являются основополагающими для разработки образовательных курсов или материалов. Освоив методические инструменты, учитель иностранных языков сможет проектировать более качественные и современные учебные программы и осознаннее подходить к содержательной части курса. Технические инструменты позволят

учителю значительно сэкономить время, а также визуализировать процесс обучения.

Библиографический список

1. *Аверьянова С. В.* Дизайн-мышление как инструмент для мотивирования студентов экономических вузов к изучению иностранного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 4 (837). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dizayn-myshlenie-kak-instrument-dlya-motivirovaniya-studentov-ekonomicheskikh-vuzov-k-izucheniyu-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 25.03.2024).

2. *Инполитова Л. В., Мухаммад Л. П., Кажуро Д. В.* Моделирование цифровой образовательной среды в поликультурном академическом контексте: на примере целевой аудитории иностранных студентов, изучающих русский язык // Современное педагогическое образование. 2022. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-v-polikulturnom-akademicheskom-kontekste-na-primere-tselevoy-auditorii-inostrannyh> (дата обращения: 20.03.2024).

3. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 24.06.2022 N 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420869/ (дата обращения: 13.03.24).

4. Kukulska-Hulme A., Bossu C., Charitonos K., Coughlan T., Deacon A., Deane N., Ferguson R., Herodotou C., Huang C-W., Mayisela T., Rets I., Sargent J., Scanlon E., Small J., Walji S., Weller M., Whitelock D. *Innovating Pedagogy 2023: Open University Innovation Report 11.* Milton Keynes: The Open University, 2023.

УДК 811.111'374
ББК 81.432.1

Е. А. Никулина

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН СЛОВАРЯХ

Аннотация. Статья посвящена неологизмам (*buzzwords*) современного английского языка и способам презентации данных лексических образований в современных онлайн словарях. Современные онлайн ресурсы дают лингвистам и лексикографам возможность найти источник первичного употребления нового слов, проследить рост его популярности. Настоящая работа посвящена опыту исследования так называемых *buzzwords* на основе Интернет-ресурсов *Dictionary.com* и *Wordspy.com*.

Ключевые слова: лексикография, неологизм, *buzzword*, онлайн ресурсы, английский язык.

E. A. Nikulina

Moscow Pedagogical State University, Moscow

LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF ENGLISH NEOLOGISMS IN MODERN ONLINE DICTIONARIES

Abstract. The article is devoted to neologisms (*buzzwords*) of the English Language and means of representation of the lexical units mentioned above in the modern online sources. Nowadays lexicographical fixation of new words happens rather rapidly, new online dictionaries and resources include neologisms regularly. Modern online resources provide scientists with the opportunity to find immediately the first example of usage of a new word, to trace the increase of its popularity. In the paper some methods of working with two of many online resources such as *Dictionary.com* and *Wordspy.com* are introduced.

Keywords: Lexicography, neologism, *buzzword*, online resources, English.

Изучение новых слов, неологизмов, всегда представляет собой серьезный процесс. И, в первую очередь, потому, что с течением времени и в результате значительных событий – смены формация, революций, развития технического прогресса, технологического бума – в естественных языках появляются новые номинации, которые необходимо фиксировать (лексикографировать), категоризировать и изучать в языке и речи. В настоящее время лексикографирование неологизмов представляет собой довольно сложный процесс, который помогает значительно облегчить электронная лексикография. В статье К. М. Денисова и О. М. Карповой отмечается, что электронная лексикография – это не простое продолжение печатной лексикографии, а новая ветвь в развитии теории и практики формирования и популяризации словарных услуг [3, с. 43]. Как пишет С. А. Маник, такой вид лексикографии «(*e-lexicography* или *electronic lexicography*) завоевала значительную популярность за последние годы. Этому свидетельствует постоянно растущее количество лексикографических справочников онлайн, а также число исследований, посвящённых данному вопросу» [6, с. 33–34].

Рассмотрение неологизмов всегда очень актуально. Исследованию новых слов посвящены работы И. В. Арнольд, З. Н. Котеловой, других исследователей. Определение неологизмов можно найти в работах многих ведущих лексикологов.

И. В. Арнольд считает, что «произвольных слов, не связанных с уже имеющимся в словарном составе материалом, не бывает ни в одном языке. Новыми в неологизме оказываются соединение в нем словообразовательных средств, значение и внутренняя форма» [1, с. 324]; ей вторит Н. З. Котелова, которая также считает, что «с теоретической точки зрения, таких слов не должно быть», так как языковая система состоит из уровней (фонема – самый малый компонент системы, из них состоят морфемы, из морфем – лексемы и так далее), и каждая единица сначала должна быть усвоена на своём уровне, перед тем как быть строительным материалом для следующего [5, с. 192–193].

В теории Н. З. Котеловой содержится достаточно полное определение неологизмов, автор основывается на трёх конкретизаторах: по признаку «время», по параметру «языковое пространство» и по типу новизны языковой единицы. Признак

времени уточняется так: неологизмом можно считать такие слова, которые существуют в данный период времени, это слова «возникшие на памяти применяющего их поколения» [2, с. 90], но не существующие в предшествующий период времени. Второй конкретизатор можно описать следующим образом: слова могут быть новыми для определённого языкового пространства (для всех или многих языков, для литературного языка, для диалекта или жаргона, для речи). Третьим конкретизатором является тип новизны языковой единицы – это разграничение между семантическим неологизмом (вторичная номинация существующего слова), неологизм-синоним (новая форма, использующаяся для дублирования существующей семантики), и полным неологизмом, где нова и форма, и значение.

В настоящей статье рассматривается лексикографическая презентация так называемых *buzzwords*:

noun

a word or phrase, often sounding authoritative or technical, that is a vogue term in a particular profession, field of study, popular culture, etc.

First recorded in 1965–70; buzz + word

https://www.dictionary.com/browse/buzzwords?adobe_mc=MCMID%3D18791506335582896839220876203014174621%7CMCORGID%3DAA9D3B6A630E2C2A0A495C40%2540AdobeOrg%7CTS%3D1711997539

Иными словами, *buzzwords* – это неологизмы, ставшие чрезвычайно популярными, так как номинируют объекты действительности, чаще связанные с конкретной областью знания, деятельности, профессии.

Для проведения анализа указанных слов мы обратились к словарям *Dicitionary.com* и *WordSpy.com*. Было проанализировано около 100 единиц; описание некоторых представлено ниже.

Неологизмы в словаре *Dictionary.com*, в частности, сгруппированы в статье под заголовком *Buzzwords Tasty Enough to Eat*. Например, достаточно известные единицы *free-range* и *cage-free*, образованные с помощью так называемых полуаффиксов, сопровождаются не только довольно подробной дефиницией, но и комментарием, что данный вид мяса птицы или

рогатого скота значительно лучше, чем поступающее с обычных ферм:

Free-range and cage-free

Free-range means that livestock or poultry are permitted to roam around to graze or forage for food, as opposed to being in a cage or some other type of confined space. The animal in question supposedly lives in an environment that causes much less stress than say, oh a cage.

And, *cage-free* means the chickens are enclosed in a barn with no access to the outdoors.

Both better than the animal farms some meat comes from, it may be safer to go for pasture-raised and organic items over the more questionable (and unverifiable) *free-range* and *cage-free*.

Часто употребляемая аббревиатура *GMO* иллюстрируется следующим образом:

GMO-free

Before going any further, let's explain *GMO*. This stands for "Genetically Modified Organism." We define *GMO* as "an organism or microorganism whose genetic material has been altered by means of genetic engineering." In other words, guys in lab coats tinkering with really small living things.

Examples of foods that may contain GMOs include bread, pasta, ice cream, fried foods, alcohol. By law, organic products must be made without the use of GMOs. The challenge is figuring out how to avoid GMOs, since they are not required by law to be labeled. Currently (like with organic food), we do not have information about whether GMOs are safe or unsafe, though.

Как следует из описания неологизма, *GMO* может оказаться хлебом, пастой, мороженым, жаренной пищей, даже алкоголем. Тем не менее, до сих пор неизвестны последствия употребления такого вида продуктов для здоровья человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что неологизмы тематической группы «Еда» представлены на ресурсе *Dictionary.com* довольно полно, сопровождаются креолизированным текстом (рисунками, картинками, различного рода шрифтом), иногда приводятся дополнительные данные о тех объектах действительности, которые номинируются этими лексическими единицами.

Несколько по-другому организован ресурс *WordSpy.com*: неологизмы (*buzzwords*) располагаются в виде списка слов, представленных тематически:

Language

acronyms and abbreviations, buzzwords, euphemisms, hashtag, idioms, insults, language, retronyms, verbed nouns,

и лишь перейдя по ссылке на интересующую вас подгруппу, можно увидеть еще большее количество слов, тематически связанных с предыдущим. Например, если перейти непосредственно на страницу *buzzwords*, можно увидеть следующие 57 единиц, среди которых превалируют сложные слова (композиции) синтаксического типа, например:

first-mover-advantage

The advantage a company gains by being first to market with a new product or service.

Причем, в отличие от ресурса *Dictionary.com* здесь представлено несколько примеров употребления конкретной единицы с указанием года, когда этот пример был зафиксирован, и с исторической справкой:

1999

“It’s absolutely true that nothing can make up for first-mover advantage, and the proof is that Yahoo! remains where it is today and eBay remains where it is, despite the entry of many other companies into those vertical categories,” said Lucas Graves, a Latin American Internet specialist at high-tech research company Jupiter Communications in New York.

– Dorren Hemlock, “Mass Production Hits the Web,” Sun-Sentinel (Florida), December 03, 1999

Notes

Rumor has it that the phrase first-mover advantage derives from the board game Monopoly, where the first person to "move into" a property with houses, hotels, etc. has a big advantage (especially on the more expensive properties).

Таким образом, можно констатировать, что в XX в. интернет-лексикография вообще и английская в частности предлагают пользователям качественно новые справочные ресурсы [4, с. 44]. Действительно, современная электронная лексикография

предоставляет большие возможности для изучения неологизмов, их употребления в контексте, тематического структурирования, хронологической презентации, что, безусловно, является значимой помощью для лингвистов и лексикографов, которые занимаются изучением подобного рода единиц, их преподаванию и популяризации, развитию лексикографической практики, в перспективе – созданию печатных и электронных словарей новой лексики.

Библиографический список

1. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка: учеб. пособие, 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука. 2012. 375 с.
2. *Головин Б. Н.* Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1977. 312 с.
3. *Денисов К. М., Карпова О. М.* Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (18). С. 39–44.
4. *Карпова О. М.* Современная лексикографическая картина Великобритании // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 6. С. 28–36.
5. *Котелова Н. З.* Избранные работы. СПб.: Нестор-История. 2015. 276 с.
6. *Маник С. А.* Новый словарь общественно-политической терминологии и его место в современной лексикографии в эпоху киберлексикографии // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 33–40.
7. URL: <https://www.dictionary.com/e/s/buzzwords-tasty-enough-eat/#new-and-improved-now-with-> (дата обращения: 01.04.2024).
8. URL: <https://wordspy.com/tags/> (дата обращения: 01.04.2024).

Н. Д. Новикова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

**САМОУНИЧИЖИТЕЛЬНЫЙ ЮМОР В ЖЕНСКОМ
ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Аннотация. В статье рассматривается самоуничижительный юмор и способы его реализации в женском интериоризованном критическом дискурсе. Выявляются особенности конструирования самоуничижительного юмора нейротипичным автором.

Ключевые слова: самоуничижительный юмор, самокритика, интериоризованный дискурс, интериоризованный критический дискурс, расстройства аутистического спектра (РАС).

N. D. Novikova

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

**SELF-DEPRECATING HUMOR IN WOMEN'S
INTERNALIZED CRITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL
OF MODERN BRITISH FICTION)**

Abstract. The article analyses self-deprecating humour and ways used to implement it in women's internalized critical discourse. The features of constructing self-deprecating humour by a neurodivergent author are revealed.

Keywords: self-deprecating humour, self-criticism, internalized discourse, internalized critical discourse, Autism spectrum disorders (ASD).

Юмор играет немаловажную роль в жизни человека и является неотъемлемой частью британской лингвокультуры. В последнее время внимание учёных всё чаще привлекает исследование юмора, его восприятие и понимание людьми с

расстройством аутистического спектра (РАС) [7; 10]. Данный интерес обусловлен тем, что атипичные индивиды сталкиваются с проблемой декодирования иронии, сарказма, шуток в связи с испытываемыми трудностями применения прагматических навыков [10, с. 2]. Одним из первых, кто заметил отсутствие чувства юмора у детей с аутизмом был Ганс Аспергер [3, с. 127]. Современные психологи и психотерапевты также подтверждают, что у детей и взрослых с РАС могут возникать трудности с пониманием образного языка, однако исследователи не могут прийти к единому объяснению причин данных трудностей, а также выявить закономерности, объясняющие причины, по которым прагматические навыки могут быть только частично снижены.

Данное исследование направлено на изучение самоуничижительного юмора, его специфики и функций в женском интериоризованном критическом дискурсе. В работе под женским интериоризованным критическим дискурсом (термин «интериоризованный дискурс» используется вслед за Ю. В. Погребняк [2]) понимается лингвистическая модель внутреннего мира героинь художественных произведений, в которой персонаж критикует себя, свою внешность, личные качества, поступки и т. д. Как отмечает Ю. В. Погребняк, автор интериоризованного дискурса *«использует словесные эквиваленты для передачи внутреннего психического состояния не только героя, но и, отчасти своего»* [1, с. 96]. Таким образом, такой дискурс позволяет глубже погрузиться в психологию персонажей, поскольку он отражает их внутренний мир и личностные переживания.

Материалом исследования послужили произведения британской писательницы Холли Смейл (серия книг *Geek Girl* 2013–2017, *The Cassandra Complex* 2023), у которой был диагностирован аутизм во взрослом возрасте. В рамках данного исследования выбор произведений, написанных автором с РАС, предоставляет уникальную возможность изучить особенности самоуничижительного юмора, его специфику и функции.

Самоуничижительный юмор представляет собой комплексный феномен, охватывающий различные формы юмора: самоиронию, само-насмешку, сарказм. На первый взгляд может показаться, что этот тип юмора предполагает исключительно негативное высмеивание собственных недостатков, пренебре-

жительное отношение к самому (-ой) себе. Однако в данном исследовании самоуничижительный юмор рассматривается как сложная форма самовыражения, включающая как элементы самокритики, так и саморегулирования, самоидентификации.

Наиболее частотные темы, которые подвергаются осмеянию в интериоризованном критическом дискурсе, – это несоответствие социальным нормам и ожиданиям, чувство изолированности, поведение, внешний вид, умственные способности, перфекционизм. Проведённый анализ фактического материала также выявил, что одной из ключевых особенностей построения высказываний, содержащих самоуничижительный юмор, является включение аллюзий, ссылок и научных фактов. Рассмотрим перечисленные характеристики самоуничижительного юмора в женском интериоризованном критическом дискурсе более подробно.

She beams at me – a genuine, open, beautiful smile. I blink and look down at my battered suitcase, crumpled dinosaur T-shirt and tracksuit bottoms. I'm sticky with sweat from dragging my suitcase about, and even without lifting my arms I can tell that I smell a bit like Hugo when he's been out in the rain. This must be how Regan and Goneril felt around Cordelia in King Lear. I think I'm starting to understand why they put her in prison [8, с. 90].

В приведённом примере героиня прибегает к использованию самоуничижительного юмора, направленного на критику своего внешнего вида. Комический эффект создаётся при помощи ряда приёмов: контраста, сравнения и отсылки к произведению У. Шекспира *Король Лир*. Обращает на себя особое внимание включение литературной отсылки, которая не только вносит глубину в повествование, но и служит связующим звеном для передачи испытываемых чувств героини. Автор не описывает напрямую чувства девушки, она заставляет читателя самостоятельно понять испытываемые чувства (дискомфорт, неловкость, зависть). Однако, не зная, какие отношения были между Реганой, Гонерильей и Корделией, невозможно понять, к чему апеллирует текст, а также в чём заключается комичность повествования.

Apparently, the brain generates between ten and twenty-three watts of power, which is enough energy to power a normal-

sized light bulb. At this precise moment, mine wouldn't even fuel a single Christmas tree light [9, с. 199].

В следующем примере в основу самоуничижительного юмора положен научный факт, что демонстрирует склонность нейротипичных индивидов полагаться не на абстрактные образы, а на конкретные данные. Интеллектуальный самоуничижительный юмор отражает характерные черты людей с РАС: повышенный интерес к фактам, деталям и буквальным интерпретациям.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что в произведениях Х. Смейл заметно преобладание внутреннего монолога в повествовании. Можно предположить, что использование «интериоризованного дискурса», в частности интериоризованного критического дискурса, является характерной чертой произведений авторов с РАС. Данная особенность может быть связана с поведенческими чертами аутистов: замкнутостью, испытываемым чувством одиночества [5], трудностями в межличностной коммуникации [4], в выражении и определении эмоций [6].

Проведя анализ произведений нейротипичного автора Х. Смейл, можно утверждать, что несмотря на сложившееся мнение о том, что аутичные люди зачастую испытывают трудности с определенными прагматическими аспектами языка, диагностированный синдром у Х. Смейл не препятствует написанию текстов и конструированию текстовых фрагментов, содержащих самоуничижительный юмор. Расхождение полученных данных с многочисленными результатами исследований в области психологии и психиатрии могут быть связаны с выявленной у автора гиперлексией, повлиявшей на повышенный интерес к литературе и писательской деятельности. Стоит отметить, что самоуничижительный юмор в произведениях Х. Смейл служит механизмом саморефлексии, а также содействует лучшему пониманию и эмпатии со стороны как нейротипичных, так и нейротипичных читателей.

Библиографический список

1. *Погребняк Ю. В.* Общеречевые функции интериоризованного дискурса. Известия ВГПУ. 2015. № 9–10 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obscherechevye-funksii-interiorizovannogo-diskursa> (дата обращения: 22.02.2024).
2. *Погребняк Ю. В.* Характеристики интериоризованного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 41 с.
3. *Asperger H.* Die “Autistischen Psychopathen” // *Kindesalter. Archiv Für Psychiatrie Und Nervenkrankheiten.* 1944. 117 (1). P. 76–136. Retrieved from. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1007/bf01837709> (10.02.2024).
4. *Chevallier C., Kohls G., Troiani V., Brodtkin E. S., Schultz R. T.* The Social Motivation Theory of Autism // *Trends in Cognitive Sciences.* 2012. 16 (4). P. 231–239. Retrieved from. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.tics.2012.02.007> (10.02.2024).
5. *Hickey A., Crabtree J., Stott J.* “Suddenly the First Fifty Years of my Life Made Sense”: Experiences of Older People with Autism // *Autism.* 2018. 22 (3). P. 357–367. Retrieved from. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29153003/> (10.02.2024)
6. *Metcalfe D., McKenzie K., McCarty K., Pollet T. V.* Emotion Recognition from Body Movement and Gesture in Children with Autism Spectrum Disorder is Improved by Situational Cues // *Research in Developmental Disabilities.* 2019. 86. P. 1–10. Retrieved from. URL: <https://sci-hub.se/10.1016/j.ridd.2018.12.008> (10.02.2024).
7. *Saban-Bezael R., Dolfin D., Laor N., Mashal N.* Irony Comprehension and Mentalizing Ability in Children with and without Autism Spectrum Disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders.* 2019. 58. P. 30–38. Retrieved from. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.rasd.2018.11.006> (10.02.2024).
8. *Smale H.* Model Misfit. London: HarperCollins, 2013. 258 p.
9. *Smale H.* Picture Perfect. London: HarperCollins, 2014. 279 p.
10. *Vicente A., Michel C., Petrolini V.* Literalism in Autistic People: A Predictive Processing Proposal // *Review of Philosophy and Psychology.* 2023. Retrieved from URL: https://www.researchgate.net/publication/373523307_Literalism_in_Autistic_People_A_Predictive_Processing_Proposal (10.02.2024).

УДК 81'42:324
ББК 81.006.21

О. В. Новоселова

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), филиал в Твери, г. Тверь

МЕНАСИВНАЯ ТАКТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОГО АДРЕСАТА В ПРЕДВЫБОРНОЙ ДИСКУРСИИ

Аннотация. В статье поднимается вопрос целенаправленного использования менасивных высказываний как средства политической борьбы за голоса избирателей. Автор ставит своей целью проследить определенные тенденции в использовании менасивов в предвыборных выступлениях американских политиков.

Ключевые слова: менасив, предвыборная коммуникация, менасивная тактика, прагматика, политическая менасология.

O. V. Novoselova

Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art),
branch in Tver, Tver

MENASIVE TACTIC AS A MECHANISM FOR INFLUENCING ON THE MASS ADDRESSEE IN ELECTION DISCOURSE

Abstract. The article raises the question of the purposeful use of menasive statements as a means of political struggle for the votes. The author's aim is to trace certain trends in the use of menasives in the election speeches of American politicians.

Keywords: menasive, pre-election communication, menasive tactics, pragmatics, political menasology.

Участники предвыборной политической борьбы используют широкие возможности вербальной репрезентации своего коммуникативного намерения для того, чтобы воздействовать на массовое сознание избирателей и побудить их проголосовать

за свою кандидатуру [1]. Не вызывает сомнений, что в ходе предвыборной агитации политики осознанно используют различные прагматические типы высказываний, среди которых особое место занимают менасивы (также: менасивные высказывания, высказывания со значением угрозы или высказывания-угрозы).

Целенаправленная реализация менасивных высказываний в публичных выступлениях кандидатов на пост Президента США позволяет проследить определенные тенденции в использовании таких высказываний как средства политической борьбы за голоса избирателей. Знакомство с публичными выступлениями претендентов на пост Президента США в 2016 и 2020 гг. обнаруживает наличие предвыборных высказываний-угроз, маркированных определенными языковыми средствами. При этом обращает на себя внимание тот факт, что менасивные высказывания использовались каждым из политиков-кандидатов в разном количестве, а наибольшее число угроз зафиксировано в анонсирующей речи Дональда Трампа от 18 июня 2018 г.

Активная реализация политиками менасивных высказываний в качестве средства политической борьбы поднимает вопрос о тактическом использовании указанного прагматического типа высказываний в предвыборной дискурсии. В частности, интересно выяснить, как политики располагают высказывания-угрозы в предвыборных выступлениях, какие менасивные тактики они задействуют, а также какое прагма-эмоциональное воздействие планируют оказать на избирателей.

Безусловно, менасивные высказывания способны оказывать достаточно интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей, вводя их в аффицированное или дискомфортное эмоциональное состояние [2; 3]. Иначе говоря, предвыборные менасивы могут служить эффективным средством политической борьбы, но могут и запугать избирателей, вводя их в состояние дискомфорта. Безусловно, представляется достаточно трудным оценить интенсивность прагма-эмоционального воздействия менасивных высказываний на представителей электорального сообщества без какого-либо адекватного когнитивного инструмента. В качестве такого инструмента может выступать коммуникативный конструкт

предвыборной угрозы, являющий собой тип контрарных отношений между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием, *Я*-политика и *Я*-избирателя [4; 5].

При использовании выбранного когнитивного инструмента для оценки прагма-эмоционального воздействия менасивных высказываний на избирателей важно учитывать, что предвыборная угроза рассматривается как способ запуска механизма для изменения эмоционального состояния *Я*-избирателя в направлении дискомфортного состояния с целью побудить избирателя проголосовать за политика. Характерно, что интенсивность воздействия менасивов (движение к точке дискомфорта) обусловлена их манифестационными и функционально-семантическими свойствами [2]. С этих позиций представляется возможным утверждать, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть использован как когнитивный инструмент, который пригоден к использованию для систематизации прагма-эмоционального воздействия политиков на *Я*-избирателя при помощи высказываний со значением угрозы.

Например, менасивы, содержащие указание на возможность наступления негативных последствий для представителей оппозиционных партий оказывают аффицированное воздействие на электорат, так как такие практики не содержат эксплицитного указания политика на характер менасивного воздействия и затрагивают избирателей косвенно. В свою очередь, высказывания-угрозы с негативными последствиями для представителей электорального сообщества вводят массового адресата в состояние близкое к дискомфортному по причине того, что они указывают на антецедентно-консеквентную связь между каузируемым политиком действием и менасивным воздействием за отказ от его выполнения.

На основании возможностей варьирования политиками интенсивности прагма-эмоционального воздействия менасивов на избирателей и последовательной реализации высказываний-угроз в предвыборной дискурсии можно говорить о ***менасивных тактиках*** (МТ), как тактиках целенаправленного использования угроз в той или иной структурной части предвыборного выступления политического деятеля. В американском предвыборном дискурсе претендентов на пост Президента США удалось

зафиксировать три менасивных тактики, среди которых наибольший интерес представляет *МТ последовательного менасивного воздействия* на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей.

Прагма-эмоциональное воздействие высказываний-угроз, реализованных при помощи *МТ последовательного менасивного воздействия* на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, направлено на введение массового адреса в аффицированное состояние. Ярким примером использования указанной *МТ* является предвыборное выступление Джо Байдена от 18 мая 2019 г. Складывается впечатление, что политик не ставит своей задачей ввести избирателей в пиковую точку дискомфорта эмоционального состояния, а направляет высказывания-угрозы на введение избирателей в промежуточные (аффицированные) диспозиции эмоционального состояния на оси коммуникативного менасивного конструкта.

В этой связи можно утверждать, что Джо Байден осуществляет преднамеренный отказ от интенсивного менасивного воздействия на диспозиции эмоционального состояния избирателей. Например, *We know there's serious work to be done; China isn't waiting to build 5G or to master AI or to write new rules for the internet; There's not a single thing that building a wall or imposing another tariff can do to address these issues; It's the only way we're going to invest in the educational system our people need to succeed in the 21st Century*. Другими словами, Джо Байден осуществляет тщательный подбор языковых средств маркировки коммуникативного намерения угрозы, чтобы не оказать слишком интенсивное менасивное воздействие на эмоциональное состояние избирателей как массового адресата.

Итак, *МТ последовательного менасивного воздействия* на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей оказалась прагматически эффективной в условиях американского политического дискурса 2020 года. При этом, важно понимать, что выбор политиком той или иной менасивной тактики не определяет исход его предвыборной кампании, так как на результаты выборов влияет большое количество факторов, включающих умения политика вести предвыборную кампанию, устанавливать контакт с оппонентами и избирателями.

Библиографический список

1. Новоселова О. В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискурсии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 3. С. 73–85. URL: www.tverlingua.ru
2. Новоселова О. В. Предвыборные менасивы в вербальном поведении американских политических деятелей // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 4. С. 44–61. URL: <http://www.tverlingua.ru>.
3. Романов А. А., Новоселова О. В. Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2 (48). С. 96–117. doi 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117.
4. Романов А. А., Новоселова О. В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. М.: Флинта, 2021. 440 с.
5. Романов А. А., Новоселова О. В. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США. М.: Флинта, 2023. 240 с.

УДК 004,4'27:811.411.21

ББК 81.2

Н. В. Новоспасская, А. Д. Хаддад

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва

АЛГОРИТМ СОЗДАНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО СЛОВАРЯ СИРИЙСКОГО ДИАЛЕКТА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Арабский язык представляет собой сложную лингвистическую структуру, которая включает множество диалектных образований, требующих научного анализа. Это может быть достигнуто с помощью инновационных решений – создания мультимедийного словаря. В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются диалектологи, и предложен алгоритм наполнения мультимедийных словарей диалектов арабского языка.

Ключевые слова: лексикография, мультимедийный словарь, арабский язык, диалект, кинодискус.

Благодарности: Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультиязычного терминологического словаря».

N. V. Novospasskaya, A. D. Haddad
RUDN University, Moscow

ALGORITHM FOR CREATING DICTIONARY FOR SYRIAN ARABIC

Abstract. Arabic language is a complex linguistic structure that includes many dialects which need scientific analysis. This can be achieved through innovative solutions – by creating a multimedia dictionary. The article discusses the main problems faced by dialectologists and proposes an algorithm for creating multimedia dictionaries of Arabic dialects.

Keywords: lexicography, multimedia dictionary, Arabic language, dialect, cinematic discourse.

Acknowledgments: The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 124022500238-1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Литературный арабский язык (ЛА) является официальным языком в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. Он используется в официальных документах, образовании и других формальных сферах. В некоторых арабских странах иностранные языки, такие как английский и французский, широко используются и являются официальными наряду с государственным ЛА [4, с. 49]. На территориях распространения ЛА отмечается значительное диалектное варьирование: существует свой диалект арабского языка, который отличается по произношению, грамматике и лексике от литературного варианта языка [2, с. 763].

В арабском языке существует понятие *فصاحة* [фасаха] «красноречие», в контексте названия литературного арабского языка *اللغة العربية الفصحى* [ал'л'уга алаараб'иа ал'фусхаа] «литературный арабский язык». Данное понятие трактуется в словаре следующим образом:

تعريف و معنى الفصحى في معجم المعاني الجامع - معجم عربي عربي

1. فُصْحَى: (اسم)
 - الجمع : فُصْح
 - مؤنث أفصح
 - اللغة العربية الفصحى: لغة القرآن والأدب، وهي لغة خالصة سليمة من كلّ عيب، لا يخالطها لفظ عامي أو أعجمي، خلاف العامية يحرص الخطباء والدعاة على استخدام الفصحى في كلامهم،

Рис. 1. Выдержка из толкового словаря арабского языка

لغة القرآن والأدب، وهي لغة خالصة سليمة من كلّ عيب، لا يخالطها لفظ عامي أو أعجمي.

«Язык Корана и литературы. Это чистый язык, свободный от каких-либо дефектов, без примеси разговорного или иностранного происхождения».

Несмотря на это, современный словарь литературного арабского языка сохраняет множество архаичных элементов и следов древних диалектов. Это проявляется в различных типах варьирования слов, а также в богатой синонимии. Существует значительное количество заимствованной лексики: главным критерием признания заимствованной единицы словом, относящимся к литературному арабскому языку, является степень ее фонетической и морфологической ассимиляции. Тем не менее, фундаментом современного литературного арабского словаря является классическая и послеклассическая лексика, закрепленная в языке в процессе многовековой литературной практики [2, с. 41].

Таким образом, средства повседневного общения арабоязычающих – диалекты – остаются малоизученными и не лексикографированными. Создание словарей диалектов арабского языка позволяет сохранять и документировать особенности лексического запаса, грамматического строя, паремической системы, отражать функциональные особенности живой речи и этнокультурную информацию [3, с. 68]. В процессе разработки проекта мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка, возникает ряд теоретических и практических вопросов, в том числе соотношение литературного и диалектного вариантов языка, поскольку граница между ЛА и его диалектами размыта.

При работе на начальных этапах создания словаря сирийского диалекта арабского языка (сбор языкового материала и его

систематизация) зоной особого внимания стали следующие аспекты:

1. разнообразие диалектов, которые отличаются друг от друга на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. При создании словаря необходимо определить, какой диалект будет использоваться, как учитывать и представить различия между диалектами и литературным арабским языком в словаре;

2. смешение разных языков/форм языка в речи носителя: употребление диалектов в арабском мире тесно связано с социокультурными аспектами, такими как региональная принадлежность, образование и т.д. Данные факторы оказывают влияние на выбор языка общения. Это создает сложности при определении границы литературного и разговорного компонентов, так как в некоторой степени диалекты арабского языка пользуются частью лексического состава ЛА, его синтаксическими и грамматическими правилами, но не обязательно подчиняются им;

3. ограниченность исследований: количество научных работ, посвященных описанию диалектов арабского языка, незначительно. Исключение составляют академические исследования отдельных аспектов языка, но они ограничены по объему и охвату языковых особенностей;

4. этимологическая неоднозначность: слова могут иметь несколько гипотез происхождения. Более того, в некоторых случаях исторические записи о происхождении слова могут быть ограниченными или отсутствовать полностью. Это связано с тем, что диалекты в течение долгого времени не представляли интерес для исследователей;

5. полисемия и омонимия: значительный объем лексики в арабских диалектах может иметь несколько значений или использоваться в разных контекстах. Это создает сложности при формулировании толкования и примеров употребления, затрудняет разработку единого словаря диалектов арабского языка, который будет удовлетворять различных пользователей: المعى [л'аа] 1) болтать 2) тошнить;

6. лексический состав диалектов меняется со временем, важно обеспечить регулярное обновление словаря и техническую поддержку для добавления новых терминов или корректировки существующих.

Для организации процесса создания первых мультимедийных словарей диалектов арабского языка на начальных этапах рекомендуется следовать следующему алгоритму проведения работы:

- Выбор одного из распространенных диалектов арабского языка поможет сузить объем работы и сделать процесс более управляемым.

- Обязательный анализ особенностей фонетики и грамматики отобранных диалектных лексических единиц для формирования понимания границы между двумя формами языка. В ЛА существуют строгие правила сочетания звуков, так сочетание [н] и [р] считается признаком заимствования: نرفير [нарфаз] «нервничать» от англ. nervous.

- Сбор обширного словника, паремического корпуса и корпуса текстов на выбранном диалекте. Одним из рекомендуемых источников материала является кинодискурс, так как в нем фиксируется широкий спектр лексических единиц и контекста их употребления, что важно в отсутствии возможности проведения полевого исследования.

- Этимологический анализ языкового материала: большое количество диалектных лексем было взято из литературных арабских слов/выражений, в связи с чем важно исключить наличие литературного корня перед рассмотрением вопроса заимствования.

- Синтагматическая структура лексической единицы: рекомендуется представить употребление слова в контексте, продемонстрировать его сочетаемость.

- Парадигматическая структура лексической единицы: целесообразно представить синонимические ряды, антонимические пары слов.

Таким образом, создание словаря диалекта арабского языка является трудоемким процессом, требующим тщательной подготовки, исследования, систематизации данных и неоднократной проверки информации.

Библиографический список

1. *Белкин В. М.* Арабская лексикология. М., 1975. 200 с.
2. *Мухаммед А. А.* Язык и культура: контексты на английском и иракском арабском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 761–773. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773
3. *Сьянова Е. И.* К проблеме создания электронного сводного диалектного словаря // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. № 12 (1). С. 68–77.
4. *Тулеубаева С. А.* О современной языковой ситуации в арабских странах // Арабистика Евразии. 2019. № 8. С. 45–56.
5. *معجم المعاني الجامع* [Этимологический словарь арабского языка]. URL: <https://goo.su/oVX57p> (дата обращения: 26.03.2024).

УДК 811.111

ББК 81.055.1

М. В. Оберюхтина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

КОНЦЕПТ «PUBLICS» В ПИАРОЛОГИИ В ГЛОССАРИИ САНДРЫ КЕЙН *KEY CONCEPTS* *IN PUBLIC RELATIONS*

Аннотация. В данной работе проанализированы подходы к концептуальному анализу пиар-индустрии и концепта *publics*, являющегося одним из важнейших для данной отрасли бизнеса. Делается вывод о том, какие концептуально важные ядерные и периферийные семантические элементы присутствуют на языковом уровне в данном концепте, через который пиар описывается как отрасль бизнеса.

Ключевые слова: пиар, концепт, концептуальный анализ, семантический компонент.

M. V. Oberyukhtina

Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, Moscow

CONCEPT OF “PUBLICS” IN PR EXPLAINED IN SANDRA CAIN’S DICTIONARY OF KEY CONCEPTS IN PUBLIC RELATIONS

Abstract. This paper analyzes the approaches to the conceptual analysis of PR and the concept of *publics*, which is central to the PR industry. The author draws the conclusion about what core and peripheral semantic components that might be conceptually relevant are present at the linguistic level in this concept describing PR as a branch of business.

Keywords: PR, concept, conceptual analysis, semantic component.

Внутри когнитивной лингвистики среди направлений выделяется лингвоконцептология, для которой предметом исследования являются наиболее частотные концепты в конкретных сферах деятельности и их лингвистическая манифестация в профессиональном языке. Концепт в такой его трактовке обозначается специальным термином «лингвоконцепт». Исследованиями различных типов текстов с точки зрения лингвоконцептологии занимались и занимаются по сей день как русское, так и англоязычные филологические сообщества. Задачей лингвоконцептологии является сравнительный анализ в дискурсе в целом и в пиар-дискурсе в частности. Анализ концептов представляет собой исследование стереотипных смысловых образов и моделей толкования различных ценностей, в нашем случае – в пиаре и для специалистов по пиару.

Одним из методов, наиболее значимых для анализа текстов специалистами по пиару, иначе говоря, по *public relations*, является изучение концептуализации и категоризации в лексической системе английского языка. Важность изучения концептов в текстовом поле пиара кроется в том, что любое поле текстов определенной направленности, составляющее дискурс профессиональной области, неизбежно определяется через некие концептуальные константы, ядерные и периферийные, и может быть охарактеризовано посредством их изучения филологическими методами. Они являются, как и когнитивная доминанта, частью когнитивной лингвистики.

Концептуальный анализ предполагает выделение концептов, значимых для данного текста или дискурса, исследование их составляющих и их значения для содержания и авторского замысла данного текста [1], [3]. По утверждению О. Д. Вишняковой в статье *Концептуальный анализ и его роль в процессе преподавания языков* для того, чтобы выделить концепты и их компоненты, необходимо уделить внимание «ориентирам, тем «точкам отсчета», которые являются базовыми для актуализации...ценностных смыслов»; они проявляются на уровне репрезентации в лексических единицах определенных семантических компонентов» [1, с. 34]. Данная работа отсылает также к классической методике концептуализации по А. Вежбицкой, согласно которой в процессе концептуализации выявляются основные признаки культурного пространства определенной культурной общности. Центральные компоненты культуры выделяются в форме ключевых слов, отличающихся частотностью употребления, использования при описании характерных для данной культурной общности феноменов. [1, с. 30]

Согласно методике Ю. С. Степанова, при концептуальном анализе выделяется внутренняя форма слова, этимологическая связь с древнейшими понятиями, составляющими базу современной культуры, по крайней мере, в ее лингвистической репрезентации. Позже последовательно анализируются историческая «пассивная» составляющая концепта и, наконец, его современное состояние и репрезентация в современных текстовых источниках [3, с. 55].

Яркий пример методики концептуального филологического анализа, основанного на подходе Ю. С. Степанова, приводят в своей работе Русакова О. Ф. и Русаков В. М.: «Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов категоризации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимий...» [2, с. 100].

В англоязычной лингвистике наиболее последовательно анализ концептов проводится такими учеными, как Джордж

Лакофф и Марк Джонсон. В своих основополагающих работах в данном направлении (в т. ч. *Metaphors We Live by*) они выделяют группы концептов и концептуальных метафор, вокруг которых строятся дискурсы в современном мире. Так, например, абстрактные понятия «хорошее, позитивное» и «рациональное» ассоциируются с абстрактным понятием «движение вверх, верхняя часть», а «негативное» и «эмоциональное» с понятием «движение вниз, нижняя часть» и т. д. [5]. Авторы указывают, что слова из каждой такой пары используются в сходных коллокациях (лексически и фразеологически связанных словосочетаниях), в сознании больших групп людей непроизвольно отождествляются друг с другом. Соответственно, на таких концептах может строиться игра слов, метафорический ряд в речи, развернутые метафоры и так далее, в том числе в устных и письменных текстах, производимых специалистами по пиару.

В глоссарии Сандры Кейн *Key Concepts in Public Relations*, послужившем материалом для данного исследования, объединены термины и лексические единицы из лексико-семантического поля «пиар», концептуально значимых для пиар-дискурса: “bottom line” («чистый доход от какой-либо пиар-кампании»), “commercial speech” – «речь, напрямую относящаяся к бизнесу компании» и т. п. Т. е. речь идет о тех лингвистических единицах, преимущественно устойчивых словосочетаниях и идиоматических выражениях, которые появились или постоянно используются именно специалистами по пиару, возникли вместе с самими понятиями.

В данной работе проанализированы другой концепт, представленный в данном пособии, а именно *publics*.

В ходе исследования были выявлены следующие свойства концепта *publics*: [4, с. 180].

– конкретность данного понятия для такой отрасли бизнеса, как пиар. Если в словарях может быть зафиксировано абстрактное значение данной лексической единицы вне контекста словосочетания, то для пиар-индустрии она обозначает конкретные группы людей и их значение для организации, для которой осуществляется пиар-кампания;

– многокомпонентность: среди категорий *publics* указаны такие разновидности *publics*, как *non-publics*, *latent publics*,

aware publics, active publics. Таким образом, *publics* представляют собой концепт, состоящий из ядерного компонента – *audience* (если исходить из его определения, приведенного на с. 81: «“categorised audience” – “audiences and stakeholders who relate to a particular organization”») [4] и периферийных компонентов, означающих виды аудитории, на которую направлен пиар организации или персоны; в частности, например, периферийные компоненты включают *stakeholders* – “publics who have interest in the organization”. В цепочке определений, с которыми используется слово *publics*, можем наблюдать градуальную лексическую оппозицию, градацию от наименее заинтересованной в пиаре группы – *non-publics* до наиболее заинтересованной – *active publics*.

Как было выявлено в результате анализа, в определениях терминов из области пиара главенствующими семантическими компонентами являются «группа общественности», «кризис», «общение». Это позволяет говорить о пиаре как об отрасли бизнеса, в терминологии которой наиболее ярко выделяющимися семантическими компонентами являются коммуникация, отношения и их различные грани, а также уровни, выражаемые на лингвистическом уровне. Таким образом, с помощью концептуализации словаря пиара подтверждается гипотеза о том, что пиар как отрасль бизнеса должен являться предметом и объектом филологического исследования.

Библиографический список

1. Вишнякова О. Д. Концептуальный анализ в процессе преподавания языков // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: сборник статей и научных сообщений международного научного семинара 26 октября 2014 г. Прага, Чешская республика, University of West Bohemia. Т. 1. С. 29–36.
2. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс. Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2008.
3. Степанов Ю. С. Концепт. // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.
4. Cain S. Key Concepts in Public Relations. London: Red Globe Press, 2009. С. 180–181.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: Chicago University Press, 2004.

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2

А. А. Олонцев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ
«НАВЕРНОЕ» В СВЕТЕ МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОГО
КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. В статье осуществляется микродиакронический корпусный анализ функционирования лексемы *наврное* за период XIX–XXI вв. Обсуждается ее семантическая эволюция и функциональная вариативность.

Ключевые слова: микродиакронический анализ, корпусные данные, лексема *наврное*, функциональное варьирование

A. A. Olontsev

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow

**FUNCTIONAL VARIATION OF LEXEME “NAVERNO”
 (“PROBABLY”) IN ASPECT OF MICRO-DIACHRONIC
CORPUS RESEARCH**

Abstract. The article provides a micro-diachronic corpus analysis of the functioning of the lexeme *naverno* (“probably”) for the period of the XIX–XXI centuries. Its semantic evolution and functional variability are discussed.

Keywords: micro-diachronic analysis, corpus data, lexeme *naverno* (“probably”), functional variation

В работе представлены очередные результаты предпринятого нами исследовательского проекта по микродиакроническому корпусному анализу русских наречий за период XIX–XXI вв. Микродиакронический анализ корпусных данных способствует выявлению семантических изменений и функциональных преобразований слов русского языка и последующей верификации

данных процессов по массиву контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В центре нашего исследовательского внимания в настоящей работе находится лексема *наверное*. Начиная примерно с первой половины XX в. и по настоящее время для данного слова преобладает его употребление как модального слова в синтаксической функции вводного слова, обозначающего слабую степень уверенности говорящего в сообщаемом, о чем свидетельствуют данные НКРЯ за XX–XXI вв.:

*В принципе, это все условности, я вполне в состоянии сама открыть машину и сесть, но при этом мне же гораздо приятнее, если мой спутник мне поможет. И ему, **наверное**, тоже* [Запись LiveJournal (2004)];

*Но в трезвом уме и доброй памяти, **наверное**, средний человек не сделает такую дорогую покупку* [«Аргументы и факты», 2003.06.04];

*Читатель, **наверное**, помнит, что электрическое взаимодействие частиц описывается законом Кулона, очень похожим на ньютоновский закон всемирного тяготения* [«Знание – сила», 2003];

***Наверное**, наш огромный мир не менее неисчерпаем, чем геном, чем электрон, чем атом...* [«Знание – сила», 2003];

***Наверное**, настоящих ковбоев в Америке встретить сложнее, чем настоящих казаков в России* [«Богатей» (Саратов), 2003.03.20].

Это же значение отражено и в русских толковых словарях, например, в БАС оно приводится в качестве первого, основного: «**Наверное**. 1. В знач. вводн. слова. То же, что *наверно* (в 1-м знач.)» → «**Наверно**, нареч. 1. В знач. вводн. слова. Вероятно, по-видимому» [2]. Аналогично зарегистрировано в словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой: «1. Употр. как вводное слово, соответствуя по значению сл.: *наверно, вероятно, по-видимому*» [3].

Однако преобладание этой лексемы в функции вводного слова в значении «вероятно, по-видимому» характерно только для XX в., причем, как показывают наблюдения за корпусными данными на этот хронологический период, к концу века и началу следующего употребление *наверное* в функции вводного слова становится все более и более частотным. В XIX в. на первый

план выходило другое его значение, которое в БАС отражено в качестве второго, с пометой *устаревшее*: «2. Устар. То же, что *наверняка*» → «**Наверняка**, нареч. Разг. Несомненно, безусловно» [2]. Схожую картину наблюдаем в словаре под ред. Т. Ф. Ефремовой: «2. устар. Несомненно, безусловно» [3].

В качестве подтверждения приведем текстовые иллюстрации к словарным толкованиям в БАС: «*Кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть **наверно***. Н. В. Гоголь, Игроки. *Рыбак, глядящий на безоблачное небо во время безветрия, почти **наверное** будет прав, предполагая, что через час не будет бури*. А. И. Герцен, Концы и начала. *Для того, чтобы приказание было **наверное** исполнено, надо, чтобы человек выразил такое приказание, которое могло быть исполнено*. Л. Н. Толстой, Детство» [2].

Аналогичным образом ведет себя сокращенный вариант анализируемой лексемы – слово *наверно*, что можно видеть из текстовых иллюстраций к словарным толкованиям лексемы *наверно* в БАС: «*Знаю **наверно**, что Дубровский пятью годами старше Маши*. А. С. Пушкин, Дубровский. *Я это **наверно** решил!* Ф. М. Достоевский, Подросток. *Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я **наверно** придумаю что-нибудь хорошее*. В. Гаршин, Лягушка-путешественница» [2].

Показательно, что все текстовые иллюстрации из русской классики к словам *наверное* и *наверно* относятся именно к периоду XIX в.

Таким образом, уже на этом уровне анализа мы можем увидеть динамику функционального варьирования и семантических изменений для этих слов за период от XIX в. к XX и XXI вв. В плане функциональном отмечается переход от доминирующей функции обстоятельства образа действия, морфологически выраженного наречием, к доминирующей функции вводного слова, морфологически выраженного модальным словом. В плане семантическом изменения еще значительнее, потому что значение слова меняется практически на противоположное – от выражения точной уверенности, несомненного знания к выражению вероятностного знания, меньшей степени уверенности, сомнения.

При этом русские словари видят определенные нюансы в выражении определенного знания для слов *навверное* и *навверно*. См., например, толкование слова *навверно* в словаре под ред. Т. Ф. Ефремовой: «**Навверно**, нареч. разг. 1. Точно, определенно. 2. Несомненно, обязательно, навверняка» [3]. Теперь вернемся к текстовым иллюстрациям словарного толкования лексемы *навверно* в БАС: «*Знаю навверно, что Дубровский пятью годами старше Маши*» = «знаю точно»; «*Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я навверно придумаю что-нибудь хорошее*» = «обязательно придумаю».

Эти наблюдения подтверждаются и данными НКРЯ:

(1) «точно, определенно»:

Мы не знаем навверное, имеет ли г. Гончаров охоту к живописи... [А. В. Дружинин. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 года (1855)];

– *Одно существо, про которое я до сих пор только полагал, что оно умерло... а теперь я это навверное знаю* [И. С. Тургенев. Стук... стук... стук! (1870)];

Я-то дура, в том моем расчете на тебя, даже навверное обещала ему, и честное слово дала, а вышло, что понадула [В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 6 (1867)];

Только они одни знают навверное, чего хотят, только они одни не допускают сомнений насчет своих намерений и действий [М. Е. Салтыков-Щедрин. Новаторы особого рода (1868)];

... хотя он, Кряжов, и не может ничего утверждать навверное, даже и предположений не решается делать, чтобы не обмануться, так как ведь все может случиться, все, – даже отказ... [А. К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)];

(2) ‘несомненно, обязательно, навверняка’:

Да, этот выдержит, не сделает ошибки и навверное достигнет цели [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)];

Загляните вы в сербское регулярное войско и вы там найдете навверное людей из Старой Сербии, Болгарии, Македонии, Черногории и из австрийско-венгерских земель. [П.А. Ровинский. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // «Вестник Европы». 1870. № 5];

Взгляните вперед и вы **наверное** убедитесь, что там, где-то, вдали, мотается кусок... [М. Е. Салтыков-Щедрин. Легковесные (1868)];

Что за шалость убить кандидата в Бисетр в смиренный дом, или быть им убитым, искалеченным и **наверное** попасть под суд, бросить свои занятия, и все это для того, чтоб доказать, что я его не боюсь... [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть седьмая. Вольная русская типография и «Колокол» (1866)];

Ежели мы поедем, мы почти **наверное** попадем в плен, и бог знает... [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867–1869)].

Семантические различия между (1) и (2) связаны с тем, что семантика «точно, определенно» не может быть реализована при фактивном предикате в будущем времени или ирреальной модальности. Кроме того, различия между этими значениями коррелируют с различиями между событиями и фактами, о которых писала Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999]. Семантика «точно, определенно» тяготеет к области применимости фактивных предикатов (типа *знать, помнить, сожалеть, говорить* и пр.), а семантика «обязательно» связана с областью применимости событийных предикатов, описывающих происходящее в объективной реальности (*попасть в плен, достигнуть цели, найти* и пр.).

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999. 896 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VII. 1958. 752 с.
3. СЕ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: АСТ: Апрель, 2000. Т. I. 1088 с.

А. Д. Павлова

Ивановский государственный университет, г. Иваново

СКАЗКИ М. КУЗМИНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА

Аннотация. В статье рассматривается работа М. Кузмина с жанровыми формами сказки. Анализируется цикл из девяти сказок, написанных в 1912–1913 годах и ориентированных на взрослую аудиторию. Исследование показывает, что использование стилизации под известные сказочные форматы приводит к формированию читательского ожидания, условности и стереотипы которого затем последовательно нарушаются Кузминым с помощью иронии, перевертывания ситуации, обнажения сказочных приемов, опустошения финальной морали. Таким образом, художественный текст для писателя становится пространством диалога с предшествующей культурной традицией.

Ключевые слова: М. Кузмин, литературная сказка, игровые стратегии, литература Серебряного века, трансформация жанра, интертекст.

A. D. Pavlova

Ivanovo State University, Ivanovo

M. KUZMIN'S FAIRY TALES: TRANSFORMATION OF GENRE

Abstract. The article considers the work of M. Kuzmin with the genre forms of a fairy tale. It analyzes a series of nine fairy tales written in 1912–1913 and aimed at an adult audience. The study shows that the use of stylization under the known fabulous format leads to the formation of reader's expectations, conventions and stereotypes. They are consistently violated by Kuzmin through irony, reverse the situation, reveal of fairy-tale tricks, and break of the final moral. Thus, the artistic text for the writer becomes a space of dialogue with the previous cultural tradition.

Keywords: M. Kuzmin, fairy tale, game strategies, Silver Age literature, transformation of genre, intertext.

В 1912–1913 гг. М. Кузмин обращается к жанру литературной сказки и создает цикл из девяти сказок, которые впоследствии войдут в четвертую книгу рассказов (1914). Сказки были написаны без ориентации на детскую аудиторию, поскольку Кузмину нужен взрослый читатель, разбирающийся в литературном процессе и способный оценить диалог с литературными традициями.

Все сказки цикла М. Кузмина стилизованы либо под конкретный жанр, либо соединяют в себе элементы разных жанров. При этом разброс достаточно велик: от стилизации под чисто фольклорную волшебную сказку до текстов, близких к реалистическому, эпическому повествованию. Большая часть сказок цикла стилизована под одну из разновидностей фольклорной сказки – волшебную или бытовую. Стилизация позволяет сформировать у читателя ожидания, которые впоследствии будут разрушены.

Так, в сказке *Принц-желание* реализуется типичный для волшебной сказки сюжет: магическое существо, крестный, дарит бедняку богатство и власть. Закономерно, читатель ожидает в завершении поучительный сюжет о том, что жадность и желание материальных благ разрушительны. Однако у Кузмина сюжет развивается совершенно иначе. Непьючай вместо того, чтобы стать еще более жадным, чувствует в конце пресыщение от всех удовольствий, которыми он обладает: «Я знаю, что лишь чего только я пожелаю, все сейчас же исполнится; поэтому мне даже не хочется желать» [1, с. 120]. Уже в этот момент конфликт представляется сложным для типичного сказочного сюжета. Принц-желание возвращает рыбака к его первоначальному состоянию, но и это не приносит ему радости. В финале место поучения занимает ирония над главным героем, который сам не знает, чего хочет.

Сказка *Рыцарские правила* стилизована под рыцарский роман с элементами, свойственными русской народной сказке. Кузмин использует лексику, характерную для куртуазной традиции, совмещая ее с выражениями, типичными для народных сказок. По мнению Н. А. Мясниковой, это вызывает у читателя ассоциацию с образом «излюбленного героя русских сказок, Иванушки-дурачка, который в начале сказки так же сидит за

печкой, пока не складывается ситуация, в которой ему придется проявить себя и доказать, что он не такой дурачок, каким кажется на первый взгляд» [3, с. 82]. Совмещение двух разных традиций позволяет Кузмину снова создать ожидания, которые в конце подвергнутся разрушению. У героя этой сказки есть два пути, по которому он мог бы пройти: проявить себя как благородный рыцарь или как находчивый парень, способный выйти из любой ситуации победителем. Но Ульрих не способен пойти ни по одному из путей. Сказка завершается тем, что пастух говорит Ульриху об отсутствии универсальных правил.

Идею *Рыцарских правил* продолжает сказка *Шесть невест короля Жильберта*. Король проводит заведомо абсурдное «испытание», чтобы выбрать себе жену. Он дает объявление о поисках невест, но выбирать будет из тех женщин, которые не запишутся. Вторая часть испытания: беседа с королем, где тот пытается выяснить у девушек, почему они не записались. По итогу бесед последняя, шестая невеста, становится женой короля. При этом жена, выбранная королем, не обладает какими-то отличительными качествами, это простая женщина, которая даже у короля продолжает заниматься домашними делами: зашивает носки и варит варенье. В финале король делает вывод: «Сами поступки ничего не значат, а важны причины, их породившие, а главное, люди» [2, с. 139]. Пока Ульрих пытается делать то, что установлено правилами, – ведь именно так он сможет соответствовать статусу благородного рыцаря, король Жильберт демонстрирует, что действия неважны, важнее человек, совершающий их. Это позволяет понять, почему пастух в *Рыцарских правилах* не осуждает Ульриха, наоборот, он говорит, что тот ни в чем не виноват.

Обращение к сказочному жанру позволило Кузмину выстроить диалог с литературной традицией прошлого. Он использует хорошо известные сюжеты и типажи для того, чтобы посмотреть на них под другим углом. В сказке *Послушный подпасок* наиболее ярко выражен диалог с традицией изображения маленького человека, в частности с *Повестями Белкина* А. С. Пушкина. Жизнь главного героя *Послушного подпаска* полна неудач, она трагически обрывается, так как мир сильнее его. В сказке нет персонажей, сопереживающих ему; даже

рассказчик высмеивает главного героя. Это отличается от привычного изображения маленького человека.

М. Кузмин использует сказочный жанр в своем творчестве для того, чтобы провести своеобразный «литературный» эксперимент. Жанр сказки предполагает, что в конце прозвучит урок, однозначная мораль. Но дидактический элемент оказывается вторичным, Кузмина больше интересуют персонажи: их поступки, переживания и решения, которые они принимают. Конфликты в сказках остаются нерешенными, персонажи сохраняются в своем пограничном состоянии, так как неизвестно, был ли их вывод верным. И это оказывается более важным и ценным, чем проговаривание очевидного нравочения в конце.

Библиографический список

1. *Кузмин М. А.* Принц-желание // Проза: в 9 т. Т. 4. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1985. С. 113–122.
2. *Кузмин М. А.* Шесть невест короля Жильберта // Проза: в 9 т. Т. 4. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1985. С. 131–139.
3. *Мясникова Н. А.* Повествователь в сказках Михаила Кузмина // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 80–83.

УДК 811.111'373.43:61
ББК 81.053.2

М. С. Петросян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВИДЫ ЗАВИСИМОСТИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантические признаки неологизмов, обозначающих зависимость от алкогольных веществ в англоязычном медицинском дискурсе. Особое внимание в статье уделяется вопросу определения оценочной семантики. Раскрываются понятия «медицинский дискурс», «неологизм», «оценка».

Ключевые слова: неологизм, семантический компонент, оценка, алкогольная зависимость, медицинский дискурс.

M. S. Petrosyan

Kuban State University, Krasnodar

ENGLISH NEOLOGISMS OF MEDICAL DISCOURSE CHARACTERIZING TYPES OF ADDICTION: SEMANTIC ASPECT

Abstract. This article examines the semantic features of neologisms denoting dependence on alcoholic substances in English-language medical discourse. Particular attention is paid in the article to the issue of defining evaluative semantics. The concepts of “medical discourse”, “neologism”, “evaluation” are revealed.

Keywords: neologism, semantic component, assessment, alcohol addiction, medical discourse.

Лексический состав языка «динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной

жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований» [4, с. 32].

Неологизмы возникают «вместе с определенными реалиями, существуют вместе с ними, теряя новизну, а иногда выходят из оборота, становясь историзмами» [7, с. 5]. Таким образом, неологизмы являются лакмусовой бумагой «своего» времени.

Медицинский дискурс представляет собой один из типов институционального дискурса. Медицинский дискурс рассматривается «через следующие оппозиции: научная картина мира vs наивная картина мира; речь профессионала vs речь маргинала; профессиональная (элитарная) языковая личность vs непрофессиональная языковая личность. В связи с этим особое внимание уделяется изучению факторов, определяющих использование профессиональной медицинской лексики в медицинском дискурсе: это может быть акцентирование объективности специальной информации при помощи терминов или, напротив, смягчение асимметрии, стремление к коммуникации, ориентированной на носителя обыденного знания, путём использования в речи вариантов терминов, метафор, сравнений для достижения высокого уровня взаимопонимания» [6, с. 10].

Являясь одним из древнейших видов дискурса, медицинский дискурс «лежит на пересечении интересов различных дисциплин – лингвистики в широком ее понимании и когнитивной лингвистики, социологии, деонтологии, этики, психологии» [5, с. 47].

В данной статье исследуется группа англоязычных неологизмов медицинского дискурса, характеризующих зависимость от алкогольных веществ. Материалы исследования взяты из <https://neologisms.rice.edu/word/browse> [8].

В настоящее время в общей проблематике когнитивной лингвистики все большую значимость приобретает рассмотрение языка в аспекте его соотнесенности с аксиологическими категориями этической, эстетической и этнокультурологической направленности. Оценка – одно из самых «антропоцентричных» явлений, так как оценка представляет собой отражение реальной действительности «в зеркале субъективной модальности». Кроме того, в оценке формируется ценностная картина мира, в свою очередь определяющая восприятие человеком окружающего мира и межличностные отношения [2, с. 47].

Оценка – категория логико-семантическая. Она всегда связана с мнением говорящего, исходя из его мироощущения, личного мнения и вкуса. Выражение отношения к чему-либо зависит также и от коллектива, т. е. «в основе интерпретации оценки всегда лежит принятые данным социумом нормы» [3, с. 85].

В зависимости от оценочного компонента относительные прилагательные-предикаты можно разделить на 3 основные группы: положительные оценки, отрицательные оценки, нейтрального оценочного значения [3, с. 87].

В нашем случае подавляющее большинство неологизмов представлено лексемами с отрицательной оценочной маркированностью: *behoozled* – extremely high inebriation due to consumption of gross amount of alcohol; *bellige* – being very loud and aggressive whilst intoxicated; *drunkorexia* – a dangerous condition in which a one starves themselves for a short period in order to avoid excessive calorie intake from drinking at a party, leading to a faster intoxication; *hammered* – intoxicated through excessive consumption of alcoholic beverages, often resulting in impaired memory and general loss of coherent thought.

Семантический анализ данной группы неологизмов показал, что в семантику изучаемых неологизмов входят:

1) компонент интенсификации: *extremely* – being far beyond the norm (выходить за рамки нормы), *high* – of greater degree (в высшей степени), *very* – extremely (чрезвычайно), *extreme* – the greatest or highest degree (высшая степень), *excessive* – exceeding a normal, usual, reasonable, or proper limit (превышение нормального, обычного, разумного или должного предела), *incredibly* – too extraordinary (нестандартный);

2) эмоциональная лексика с негативной коннотацией: *aggressive* – ready and willing to fight, argue: feeling or showing aggression (готовый и желающий бороться, спорить: чувствовать или проявлять агрессию), *dangerous* – involving possible injury, pain, harm, or loss (связанный с возможной травмой, болью, вредом или потерей);

3) семантические компоненты, номинирующие психоактивные вещества: *alcohol* – the intoxicating agent in fermented and distilled liquors (опьяняющий компонент в ферментированных и дистиллированных ликероводочных продукциях), *marijuana* –

the psychoactive substance (психоактивное вещество), alcoholic substances, alcoholic beverages;

4) компоненты степени опьянения: a state of extreme intoxication, an advanced level of intoxication, to consume alcohol in large doses, to be seriously drunk/intoxicated, to reach the state of drunk, incredibly intoxicated, to get extremely drunk;

5) результат применения алкогольных напитков: being very loud and aggressive, aggressive behavior, can't remember what happened, mental and physical abilities are impaired, can no longer control themselves, barely able to think, to be extremely intoxicated.

В процессе своей когнитивной деятельности, связанной с образованием системы смыслов (концептов), информирующих об актуальном или возможном положении вещей в мире, познающий субъект выступает как лицо активное, деятельное, следовательно, его деятельность не может не сопровождаться эмоциональным и оценивающим восприятием действительности [1, с. 127].

Таким образом, анализ англоязычных неологизмов медицинского дискурса, характеризующих зависимость от алкогольных веществ, продемонстрировал наличие неологизмов с отрицательной оценочной маркированностью. Подтверждают и усиливают данное утверждение выявленные в ходе анализа компоненты интенсификации, эмоциональная лексика с негативной коннотацией, лексемы, характеризующие степень опьянения и негативные последствия применения алкогольных веществ.

Библиографический список

1. *Гибатова Г. Ф.* Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 127–122.
2. *Дормидонтова О. А.* Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2. Ч. 1. С. 47–49.
3. *Кабирова Г. У.* Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук. Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. С. 85–87.
4. *Катермина В. В., Литириди С. Х.* Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации // Известия

Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. (4). С. 31–39.

5. Новые слова и словари новых слов / Н. З. Котелова. Ленинград: Наука, 1983. 223 с.

6. *Майборода С. В.* Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 22 с.

7. *Флоря А. В.* К вопросу о русской неологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2000. № 2. С. 4–8.

8. Neologisms. 2024. <https://neologisms.rice.edu/word/browse>. URL: (дата обращения: 26.02.2024).

УДК 372.881.111.1

ББК 74.268.19.432.1

А. А. Попов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ
«КОУЧИНГ» В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЙЕНСА ШПАРШУ
КОМНАТНЫЙ ФОНТАН)**

Аннотация. В статье рассматриваются средства и способы решения коммуникативной задачи *коучинг* в бизнес-среде на примере романа Йенса Шпаршу *Комнатный фонтан*. Бизнес-коммуникация как социокультурное явление включает в себя такого участника коммуникации как коуч, который принимает непосредственное участие в решении различного рода коммуникативных задач. Фокус анализа эпизодов, повествующих о стадиях коучинга и самостоятельного бизнес-общения, направлен на осмысление выбора ситуативно-обусловленных вербальных средств.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, бизнес-задача «коучинг», коммуникативная и когнитивная задача, коллективная идентичность единичного и коллективного субъекта.

A. A. Popov

Voronezh State University, Voronezh

**MEANS AND METHODS OF SOLVING “COACHING”
OBJECTIVE IN BUSINESS COMMUNICATION
(BASED ON THE JENS SPARSHUH NOVEL
ROOM FOUNTAIN)**

Abstract. The article deals with the means and ways of solving the communicative objective *coaching* in the business environment on the example of Jens Sparshu's novel *Room Fountain*. Business communication as a socio-cultural phenomenon includes such a participant of communication as a coach, who is directly involved in solving various kinds of communicative tasks. The focus of the analysis of the episodes exposing the stages of coaching and independent business communication is directed to the comprehension of the choice of situationally conditioned verbal means.

Keywords: business communication, business objective *coaching*, communicative and cognitive task, collective identity of a single and collective subject.

Предлагаемый анализ концентрируется на изучении функционального потенциала средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи с помощью разнородных и разноуровневых языковых средств. Задача «коучинг» в бизнес-коммуникации избрана в качестве объекта приложения исследовательского интереса в силу ряда причин:

– неуклонное увеличение доли бизнес-коммуникации во всех коммуникативных средах (устной, письменной, компьютерно-опосредованной), в которой задействованы разнообразные малоизученные форматы общения;

– наличие в бизнес-коммуникации наряду со всеми признаками любого социокультурного по своей природе явления значительного числа характеристик, свойственных только ей (об упомянутом соотношении см. подробнее в [7]);

– высокая степень содержательной, функциональной и формальной вариативности бизнес-коммуникации, а также ее многозадачность и обусловленность значительным числом разнообразных факторов, внешних и внутренних по отношению к осуществляемой деятельности (подробнее см. в [7]);

– внимание к изучаемой коммуникативной и когнитивной задаче писателей при конструировании ими фикциональной реальности, когда участники бизнес-коммуникации и их действия становятся либо частью сюжета, либо его конституирующим стержнем.

Наглядным примером сказанного следует признать роман Йенса Шпаршу *Комнатный фонтан* (*Der Zimmerspringbrunnen*), события в котором разворачиваются в период падения Берлинской стены и вскоре после этого¹. Сюжет строится на повествовании о судьбе обычного, ничем неприметного, человека, вынужденного менять под давлением внешних обстоятельств профессию и обратиться за помощью к коучу².

Из названного романа выписано 28 эпизодов, в которых детально описываются все фазы коучинга³, а также действия обоих участников этого процесса: коуча и его клиента; далее

¹ Главный герой Хинрих Лобек (Hinrich Lobek), житель ГДР, потерявший интерес к жизни после объединения Германии и погружившийся в рутину будней, устраивается на работу в компанию, которая находится на территории бывшей ФРГ. Его новая профессия – коммивояжер, его задача – продавать «западную новинку» – увлажнители воздуха. Благодаря прошлой работе у него сохранился список с адресами людей, живущих в Берлине, на территории бывшей ГДР. Вместе с коучем Штрювером (Uwe Strüver) Лобек пользуется адресами из списка, чтобы продать товар, пытаясь убедить даже тех, кому этот товар явно не нужен. Вскоре он понимает, что работа в паре с коучем не приносит должного результата, так как большинство его советов оказываются неудачными. И он решает действовать в одиночку, благодаря чему расо крывает в себе талант убеждения. Тем самым он обнаруживает в себе новые качества характера: из закрытого человека он превратился в человека, который может найти подход к каждому.

² Коучинг – это профессиональное партнёрство с клиентом, ориентированное на творческое создание и реализацию особых, значимых для его жизни изменений в личной и/или профессиональной сфере. С помощью коучинга клиенты углубляют свои знания, развивают новые навыки и улучшают качество жизни» [5]

³ По функциональному признаку коучинг условно подразделён на три основные крупные группы – три стратегические специализации: лайф-коучинг – вопросы ЖИЗНИ; бизнес-коучинг – вопросы ДЕЛА; ментор-коучинг, «менторинг» – вопросы ОБУЧЕНИЯ [1].

повествуется о различных этапах деятельности – по началу не-самостоятельной, под руководством коуча¹, и неуспешной, а затем самостоятельной и сверхуспешной. Анализируемые эпизоды имеют в романе разный объем – от 11 до 18 страниц. Учитывая специфику сюжета, представляется целесообразным сравнить конструирование писателем в фикциональном пространстве способов решения бизнес-задач с конвенциональными представлениями о данном виде деятельности, как его осмысливают эксперты в данной области [8].

В этом контексте целесообразно рассмотреть советы и действия коуча Штрювера (Strüver), а также действия главного героя Хинриха Лобека (Hinrich Lobek) в наиболее типичных для них случаях взаимодействия (см. таблицу, обобщающую соответствующие данные).

Сопоставление теоретических сведений о таких задачах бизнес-коммуникации, как коучинг и продажа товара на дому, можно заметить, насколько последовательно и корректно, согласно правилам организации бизнес-коммуникации, писатель описывает способы решения этих задач (ср. описания этих задач в специальных учебниках по бизнес-коммуникации в [7]). Вместе с тем, становится понятным, что главный герой, получив основные знания от своего коуча, со временем и с приобретением собственного опыта перестал прислушивался к конкретным советам относительно способов установления доверительной атмосферы с клиентами, так как на собственном опыте видел их нерезультативность: *Andererseits gibt man nach Strüvers Methode kampflos und leichtfertig gewonnenen Boden preis, wenn man*

¹ Не любой сотрудник или человек, разбирающийся в определённой области знания, может называться коучем. Для этого специально обучаются, осваивают необходимые методики, получают сертификат. Получив знания, коуч помогает клиенту достичь поставленной цели [6, с. 361]. Задача коуча – помочь партнеру сформулировать цель, придумать план ее достижения и способы поддержать себя по мере движения по разработанному плану [2]. Клиент в коучинге – субъект, у которого есть ресурсы на изменения. Коуч работает с задачами, а не проблемами, с позитивными, а не негативными целями. И если психолог работает с прошлым, то коуч работает с настоящим, чтобы помочь своему партнеру изменить будущее [2].

nämlich noch einmal zum Auto muß, um die Vorführmodelle zu holen. «Lassen Sie mal, das ist nicht nötig!» hört man dann und steht wieder vor der Tür. Strüvers »Musterkoffermanie« jedenfalls, mit der er mich während langer Autofahrten endlos traktiert hatte, sollte sich in diesem Falle als völlig unbegründet erweisen! [Sparschuh, S. 101].

Вариативность средств решения одной коммуникативной задачи

Параметры ситуации	Фазы интеракции «продажа»		
	Коммуниканты: торговец – потенциальный покупатель		
	Приветствие	Представление продавца и товара	Завершение интеракции
Примеры	Guten Tag	1) Ich bin von der Firma PANTA RHEIN 2) Wenn Sie einen Augenblick Zeit haben – wir möchten Sie für ein Angebot interessieren.... 3) Kurzes Vorstellen, selbstbewusstes Betreten der Wohnung ohne Einladung.	1) Vereinbarung eines neuen Treffens 2) Unterzeichnung des Vertrags, Kauf von Zimmerbrunnen 3) Ablehnung von Angeboten zum Kauf eines Zimmerbrunnens
Характер действий	Постоянные	Ситуативно обусловленные	Ситуативно обусловленные
Место	Восточная часть Германии (бывшая ГДР)		
Время / эпоха	Объединение Германии, падение Берлинской стены		

Поэтому Лобек, анализируя будущего покупателя, грамотно оценивает ситуацию, применяет ситуативные подходы и решения. Именно это помогает ему добиться успеха. Например, он учитывает особенности покупателя, покоря одинокую пожилую женщину своей уверенностью и обходительностью: *Zum ersten Mal seit vielen Jahren sieht sie einen Mann, der ihr einfach und klar sagt, was sie tun soll, ohne Worte zu verschwenden* [Sparschuh, S. 80]. Для покупателей, проживающих в Восточном Берлине, он изменил форму товара так, чтобы она напоминала им своей формой о временах ГДР; и после этого они воспринимали

товар не как увлажнитель воздуха, а как реликвию, которая вызывает ностальгию и добрые чувства о жизни в ГДР: *Aber die Mehrheit behandelte ATLANTIS wie ein Kultobjekt. Wie oft sah ich sie mit Ehren in der roten Ecke stehen. Manchmal hatte ich das Gefühl, in einem Gedenkmuseum zu sein. Wenn ich auf Empfehlung irgendwo hinging, wurde ich als Gleichgesinnter empfangen* [Sparschuh, S. 104].

Кроме того, вместо стандартного краткого представления товара, он внимательно, долго и участливо слушает речь покупателя и отвечает на его вопросы: *Aber ich blieb und wurde in gewisser Weise für meine Aufmerksamkeit und meine Zeit belohnt, indem ich einen Vertrag über den Kauf von bis zu drei Modellen auf einmal unterzeichnete!* [Sparschuh, S. 93]. Лобек понимает, что пенсионеру не хватает внимания, которое ему смог подарить Лобек, за что тот и был вознагражден.

Именно благодаря нестандартным решениям и тщательному и творческому анализу ситуации Хинрих Лобек добился успеха и стал в фирме начальником восточного сектора. Другими словами, успешным Лобек смог стать только тогда, когда начал принимать во внимание особенности коллективной идентичности своих клиентов-граждан экс-ГДР (подробнее о сложном соотношении личностной и коллективной идентичности в эпоху социальных поворотов см. [8]). Таким образом, становится понятным, что для успешности деятельности персонаж романа действует креативно, творчески перерабатывая общие рекомендации, адаптируя свой выбор способов и средств реализации коммуникативной стратегии к актуально сложившимся условиям. При этом главным фактором, способствующим его профессиональному успеху, стал учет особенностей коллективной идентичности единичных субъектов, имеющих общий социокультурный опыт взаимодействия.

Интересно при этом обратить внимание на средства номинации реалий из экс-ГДР, тогдашнего образа жизни и характера взаимоотношений носителей культуры: *in der roten Ecke – Gedenkmuseum – als Gleichgesinnte – östliche Ruhe und meditative Kraft – Kindergarten – Freihausgrafe – Karl-Marx-Stadt DDR-Heimatvetrübenerverband – Solidaritätsbasar – Spreewälder Senfgurken – FDJ-Hemd – Wach auf, Verdammter dieser Erde* и пр.

Подобные единицы можно условно разделить на две группы. С одной стороны, это средства, локализирующие фикциональную реальность темпорально и локально максимально общо, только как относящую к немецкому культурному пространству: *Berlin*, *Alois Boldinger* и др. С другой стороны, это единицы в первичной и вторичной номинативной функции, отсылающие читателя к определенной эпохе и вполне конкретной локации: *Kindertagesstätte*, *Sparkasse*, *Chemnitz* и т. д.

Обобщая наблюдения, можно акцентировать ряд наиболее значимых наблюдений.

Для реализации своей цели – конструирование фикциональной реальности, обладающей уникальными характеристиками, – писатель использует, с одной стороны, первичные номинативные средства, обозначающие социокультурно и семиотически релевантные границы фикционального пространства, не обнаруживающие ярко выраженной специализации на особенности того или иного социокультурного пространства и/или эпохи. С другой стороны, это средства, имеющие однозначную темпоральную и локальную привязку. С помощью этих языковых средств в их первичной и/или вторичной функции писателю удается воссоздать эпоху объединения Германии сквозь призму личностной идентичности субъекта, испытавшего неизбежные трудности трансформации своей личностной и коллективной идентичности в сложнейшую эпоху кардинальных перемен во всем обществе.

Таким образом, особенности использования языковых средств конструирования фикциональной реальности относительно легко можно интерпретировать как маркеры трансформации личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъекта как носителя языка и культуры.

Библиографический список

1. *Зотов А. В.* Учебник по коучингу. Базовый уровень: учебное пособие. 2-е издание, дополненное, переработанное. М.: Институт Консалтинга и Управления, 2020. 80 с.
2. Что такое коучинг и почему люди платят за то, чтобы им задавали вопросы [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/645348769a794768e421b357> (дата обращения: 19.03.2024).

3. Международный Эриксоновский университет коучинга [Электронный ресурс]. URL: <https://erickson.ru/about/> (дата обращения: 20.03.2024).

4. Исследование результатов коучинга в бизнесе Manchester Inc [Электронный ресурс]. URL: <https://erickson.ru/publications/articles/coaching-business/13076-manchester-inc-research/> (дата обращения: 23.3.2024).

5. Кузнецова А. Р., Казакова В. В. Коучинг как эффективное средство обучения персонала // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). С. 542–547.

6. Аллаярова Ж., Данилова Н. Лидерство в стиле // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2015. № 3. С. 359–361.

7. Карлова Е. Ю. Этика бизнес-коммуникаций в современной России: дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 209 с.

8. Гришаева Л. И. Эпоха социальных поворотов в литературном зеркале: Универсальное и специфическое в поиске личностной и коллективной идентичности // Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. С. 312–332.

Источник примеров

Sparschuh J. Der Zimmerspringbrunnen. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1995. 159 S.

УДК 811.111'22:659
ББК 81.055.51

С. А. Резцова, Н. Ю. Степанова

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна

КОМПОНЕНТЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рекламному медиатексту как разновидности мультимодального текста. Авторы рассматривают концепцию мультимодальности, акцентируя важность взаимодействия знаков нескольких семиотических систем. В статье описаны ключевые компоненты рекламного медиатекста на примере англоязычных рекламных роликов сферы туризма 2022–2023 гг. выпуска.

Ключевые слова: мультимодальность, рекламный текст, медиатекст, вербальный компонент, визуальный ряд, звуковой ряд, слоган.

S. A. Reztsova, N. Yu. Stepanova

State University of Humanities and Social Studies, Kolomna

COMPONENTS OF ENGLISH LANGUAGE ADVERTISING TEXTS: INTERPRETATION PROBLEM

Abstract. The paper discusses an advertising media text as a type of a multimodal text. The authors consider the concept of multimodality and stress the importance of the interaction of several semiotic systems. The paper dwells on the key components of an advertising media text. Commercials released in 2022–23 serve as the research material.

Keywords: multimodality, advertising text, media text, verbal component, visual component, audial component, slogan.

Развитие массовых коммуникаций в последние десятилетия привело к переосмыслению понятия «текст». Современный медиатекст отличается динамизмом и интеграцией множества невербальных компонентов, которые, наряду с вербальными, способствуют порождению комплекса смыслов и требуют изучения особенностей их интерпретации.

Особый интерес с точки зрения анализа способов воздействия на целевую аудиторию представляет собой рекламный медиатекст. В работах как российских, так и зарубежных лингвистов (Е. П. Гаран, Е. Л. Головлева, J. Voden, M. Pricken и др.) рекламный текст стал рассматриваться как *видеовербальный текст, лингвовизуальный комплекс* или *изоверб*. Ученые сходятся во мнении, что рекламный текст является *мультимодальным текстом*.

По мнению А. А. Кибрика, понятие мультимодальности относится к разграничению между человеческими органами чувств, в первую очередь – зрительным и слуховым каналами [2]. Мультимодальная коммуникация предполагает, что сообщение воспринимается целиком, все модусы значения считываются и воспринимаются одновременно в едином информационном и смысловом ключе. Вербальный модус текста, ранее выступавший как ключевой, теряет статус основного смыслообразующего компонента [1].

В современной концепции мультимодальный текст понимается как объемное и многослойное образование. Это толкование противостоит линейному видению текста как объединённой общим смыслом последовательности вербальных знаков. Благодаря многослойности современный рекламный текст выходит за пределы знаковой системы вербального уровня и вбирает в себя знаки других семиотических систем – графических, звуковых, языковых и визуальных. Именно это «семиотическое многоязычие» зарубежные исследователи называют *мультимодальностью* [6].

Л. В. Полубиченко и М. М. Донская выделяют в рамках одного рекламного видеоролика до 14 семиотических смыслообразующих систем – как вербальных, так и невербальных (цвет, танец, кинесика, мимика, музыка, костюмы и др.) [5]. Вслед за З. Ю. Пальговой мы будем выделять три основных компонента в структуре рекламного текста: вербальную составляющую, визуальный ряд и звучание [4].

Рассмотрение *вербальных* компонентов позволяет сделать вывод, что необходимым условием эффективности рекламы является ее краткость, что влечет за собой высокую концентрацию

информации в рекламном сообщении. Особую роль в этой связи приобретает рекламный слоган как квинтэссенция сообщения.

Визуальный ряд является одной из главных составляющих семиотического единства рекламного медиатекста, он позволяет усилить выразительность и в сочетании со звуковыми и вербальными компонентами создавать новые образы и смыслы, способствуя повышению коммуникативной эффективности рекламы. Визуализация способствует мгновенной передаче эмоций, образов и ассоциаций, поэтому рекламодатели оставляют простор для работы воображения зрителя, давая лишь намёк в виде какого-либо предмета, цвета, ситуации, чтобы актуализировать все чувства и эмоции потенциального потребителя.

Ученые утверждают, что существует особый порядок восприятия полимодальной информации: сначала образ, затем слово. Для полного рекламного воздействия недостаточно только вызвать эмоцию или образ, необходимо, чтобы они прочно закрепились за рекламируемым товаром. Только текст способен задать необходимый уровень восприятия. Заголовок рекламного сообщения управляет процессом интерпретации, ведя читателя в «нужную сторону» [4].

Рекламные медиатексты обычно строятся на определенных видах визуальной информации. Например, документальное изображение придает сообщению достоверность, а динамическое изображение, особенно анимация, не только развлекает зрителей, но и обладает высокой степенью информативности, что позволяет сократить объём вербальной составляющей и придать ей большую экспрессивность [3].

Звуковой ряд в рекламном медиатексте может быть представлен в виде различных звуковых эффектов, музыкального сопровождения, а также в виде озвучивания вербальной составляющей текста. Звуковые эффекты используются, чтобы привлечь внимание, сформировать положительную эмоциональную установку у целевой аудитории.

Ярким примером эффективных мультимодальных текстов являются рекламные видеоролики сферы туризма. Объединяясь, слово, образ и звук значительно повышают свой коммуникативный потенциал и способствуют созданию многогранного рекламного образа. Для наглядности приведём два рекламных

туристических медиатекста, в которых прослеживается единство вербальных и медийных компонентов.

В рекламном ролике туристической компании *Exoticca* мы видим экран компьютера, обои которого представляют собой живописный пейзаж [7]. Постепенно грань между фотографией и реальностью стирается, пейзаж оживает, и мы оказываемся не сторонними зрителями, а героями этого ролика. Вербальная составляющая медиатекста гласит, что однажды мы узнаем, что только один щелчок мыши отделяет нас от того, чтобы мир, о котором мы мечтаем, глядя на экран, стал реальностью. Образ поддерживается звуком щелчка компьютерной мыши и слоганом *Just a click away*.

Еще один рекламный ролик представляет собой крайне удачный синтез звуковой, визуальной и вербальной информации. Слоган рекламной кампании Сингапурских авиалиний гласит: *The sound of Singapore Airlines: a melodic journey awaits* [8]. В ролике используется техника анимационного фильма. Действие разворачивается внутри салона бизнес-класса. В салоне звучит умиротворяющая музыка, и вот мы видим, что салон находится не в самолете, а в музыкальной шкатулке. Полет сопровождается красочными визуальными символами, оказывающими позитивное воздействие: яркая бабочка – символ красоты и легкости полета, ароматные цветы, чашечка ароматного кофе. Реклама воздействует на все органы чувств зрителя и завершается фразой: *Let your senses take flight with Singapore Airlines*. В слогане актуализируются прямое и метафорическое значение коллокации *take flight* – «улететь, упорхнуть» и «скрыться». Визуальный ряд дополняет вербальный и в сочетании с ним актуализирует добавочные значения медиатекста.

Таким образом, очень важно воспринимать рекламный ролик как единый медиатекст, полное понимание которого возможно только при интерпретации всех его компонентов как единого целого.

Мультимодальность напрямую связана с множественностью образов, возникающих в рекламном сообщении. Так, в рекламном дискурсе довольно часто значение вербального компонента основанного на обыгрывании значения фразеологической единицы, многозначного слова или фигуры речи, приобретает

своё логическое завершение только при добавлении невербального элемента.

В качестве примера двойной актуализации смысла в единстве вербальных и визуальных компонентов в составе рекламного медиатекста приведём рекламу Ирландских железных дорог *Break up with your car* [9]. Ролик основан на персонификации автомобиля как партнера девушки-героини ролика. 30-секундный сюжет начинается со стереотипной сцены расставания. Девушка, сидя в салоне автомобиля, произносит *It's over*. Внезапно зритель понимает, что слова адресованы самому автомобилю. Он поет грустную песню, а героиня оправляется путешествовать на поезде. Посредством двойной актуализации смысла – вербального и визуального обыгрывания фразового глагола *break up* путём привлечения дополнительного аттрактора – анимированного автомобиля – создатели рекламы стараются внести в процесс рекламной коммуникации что-то новое и необычное. Данный пример позволяет сделать вывод, что существование в рекламном тексте «множественности семиотических рядов» оказывает значительное влияние на повышение коммуникативной эффективности рекламного дискурса.

В заключение, следует отметить, что многоаспектность и многомерность мультимодального рекламного текста повышает прагматическую эффективность рекламного воздействия на целевую аудиторию. Умение правильно интерпретировать совокупность компонентов мультимодального медиатекста позволяет добиться успешной коммуникации в ходе рекламной кампании.

Библиографический список

1. Грищенко В. Д., Резцова С., Степанова Н. Ю. Мультимодальность и цифровые технологии в современном иноязычном образовании. Академическая наука на службе обществу и государству: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2022. С. 12–18.
2. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика исследования: сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134–152.
3. Медведева Е. Рекламная коммуникация. М., 2008. С. 20.

4. Пальгова З. Ю. О специфике интерпретации многомерных рекламных медиатекстов // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 32–39.

5. Полубиченко Л. В., Донская М. М. Семиотика вербального и невербального в мультимедийном рекламном дискурсе // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2. С. 37.

6. Kress G., Leeuwen T. van. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L., 2001. P. 20.

7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1HVza-0N0BA>

8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QjxLpprwR2w>

9. URL: <https://vimeo.com/733936292> (дата обращения: 28.03.2024).

УДК 81'42

ББК 81.0

А. А. Романов, Л. А. Абросимова-Романова

Тверской государственный университет, г. Тверь

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ФЕЙКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И БОРЬБЫ С НЕЙ

Аннотация. В статье описан опыт разработки механизма для противоборства с фейковыми коммуникативными практиками в публичной сфере общения. На базе фрейм-анализа представленных обманных посланий предложена трехуровневая модель фреймовой конфигурации, которая помогает отфильтровывать фейковые информационные послания и способствует выявлению ложных установок и замыслов авторов таких посланий.

Ключевые слова: дезинформация, воздействие, дискурс, механизм когнитивной защиты, обманная коммуникация, фактуальность, фейк, фейковая практика, фрейм-анализ, фреймирование.

A. A. Romanov, L. A. Abrosimova-Romanova
Tver State University, Tver

FRAME MODELING AS A MECHANISM TO EXPOSE AND COMBAT FAKE REALITY

Abstract. The article describes the experience of developing a mechanism to combat fake communicative practices in the public sphere of communication. Based on the framework analysis of submitted fraudulent messages, a three-level model of frame configuration is offered, which helps to filter out fake information messages and helps to identify false attitudes and intentions of authors of such messages.

Keywords: disinformation, exposure, discourse, mechanism of cognitive protection, deceptive communication, factuality, fake, fake practice, frame analysis, framing

В работах, посвященных описанию регулятивного механизма распространения и внедрения «вирусных» или фейковых коммуникативных практик, отмечается, что масштаб и интенсивность выхода на авансцену массива сфабрикованного информационного воздействия на массового адресата прямо или косвенно создаёт проблему искажения передаваемой информации и веры людей в эту искаженную и постправдивую информацию, чтобы достичь глобального доминирования над коллективным адресатом или отдельной личностью и тем самым добиться изменения сознания в собственных интересах субъекта/субъектов, организовавших фейковое информационное воздействие [8, с. 3–6; 7; 9, с. 4–5]. В этих условиях приобретают особую значимость и важность оценки наличия и возможностей потенциала функционально-деструктивного и дезруптивного влияния разработанных и внедрённых в информационное пространство коммуникативно-дискурсивных технологий и средств, «мимикрирующих» (подстраивающихся) под конкретный объект коммуникативного воздействия с целенаправленными приемами, техниками и подходами для выработки вербо – логико – психологических «ловушек» сознания человека в виде образования вербального каскада «информационных меметико-регулятивных или вирусно-реплицирующих структур» [5, с. 59–66; 8, с. 8–10].

Попадая под влияние таких искусных «ловушек», человек автоматически принимает решение действовать не на основании своего знания о получаемой информации, а на основании того, что такие действия могут повторить или делать также и другие люди [4, с. 69–73; 5, с. 62–64 ; 6, с. 88–93]. Человека, попавшего под такое влияние, нацеливают на создание иных (других, контрарно конкурирующих или просто противоправных) систем коммуникативных практик массовой – в том числе и сетевой («свободной») – коммуникации, чтобы он своими действиями (или своим поведением) оказывал воздействующее влияние на систему рассуждений и убеждений другого человека или на коллектив людей. Такое воздействующее влияние осуществляется посредством подаваемых (специально созданных, «срежиссированных», «сконструированных», подсказанных) ему через инфраструктуру уже существующих или вновь создаваемых СМИ тех или иных ложных «фактов», псевдофактов, «мифологических историй» или симулякров в виде «фейкньюз» и всевозможных посланий уровня «хайли лайкли», которые, ввиду своей многозначности и семантической расплывчатости, могут получать самые разные прочтения и интерпретации – вплоть до диаметрально противоположных (подробнее см.: [5; 8; 9]).

В контексте заявленной проблематики уместно заметить, что в работах представителей Тверской лингвистической школы *Динамической модели регулятивной коммуникации* в течение целого ряда лет ведутся под руководством проф. А. А. Романова исследования в области постправдивой, фейковой, обманной коммуникации, направленные на *выявление* формирования и подачи типов, видов и подвидов искажённой информации, например, диффамации, «красивых слов», «эвфемизмов», постправды, фейков, а также откровенной лжи, спрятанной за «хайли лайкли» и подаваемой потребителю в качестве истинной информации, а также обыденного обмана, фантазийных рассказов, «историко-мифотворческих» описаний и абсурдных вымыслов. Ряд работ представителей данной научной школы посвящён попыткам описать *чем и насколько* коммуникативные практики с искажённой информацией отличаются, с точки зрения воздействия и передачи объёма, от правдивой (фактуальной, настоящей, действительной) или полуправдивой (искажённой,

недовысказанной, специально утаённой, спиндокторинговой) информации. Не вдаваясь в детали, назовём существующий в настоящее время массив обманных посланий-практик, циркулирующих в глобальном информационном пространстве, одним условным, но достаточно популярным сегодня в коммуникативно-информационной среде словосочетанием – «фейковая реальность». «Фейковая реальность» представляет собой такую реальность, которая «хочет казаться» настоящей реальностью, но на самом деле таковою не является. Она только «притворяется» реальностью и «рядится» (маскируется) под неё по каким-то отдельным, пусть даже и характерным (или референтным) признакам. Но у такой реальности отсутствует область конкретной референции, которая (область) есть у той, действительно реальной ситуации, под которую фейковая реальность подстраивается или «рядится».

Другими словами, фейковая реальность есть такая реальность, которая не является тем, за кого себя выдает или тем, чем себя и экспонирует, и презентует одномоментно. При этом, однако, возникает существенная неопределённость, которая заключается в том, что такую реальность можно также считать как просто «обманной» (ср. термин – «обманная коммуникация» в [4, с. 58–63; 2, с. 35]), так и «поддельной» («подделкой»), «фальшивой» («фальшивкой») реальностью, которая также «срежиссирована», преднамеренно сконструирована и в таком виде передаётся или подаётся адресату-потребителю. Иначе говоря, в такой коммуникации выдаётся *не та* информация, за *которую* она себя выдаёт. Больше того, ряд исследователей сходятся во мнении, что практически «любая коммуникация является частично обманной» [2, с. 35]. По замечанию К. Беккера, «обманная коммуникация может иметь много форм и выполнять различные задачи. Умолчание, преувеличение, двусмысленность, полуправда, ложное направление, притворство (или ирония, опирающаяся на сходные лингвистические модели) – все могут рассматриваться как виды обманной коммуникации». Кроме того, механизмы притворства могут присутствовать в ряде других ментальных процессах, таких, как «опровержение фактов или атрибуция в практике телепатии. В то время как намеренно обманная коммуникация безусловно

преследует цель утаивания, непреднамеренно обманная коммуникация происходит вследствие ряда факторов, основанных на отсутствии контекста или на двусмысленности, вытекающей из смущения и недопонимания» [2, с. 33–34; см. также: 4, с. 103–114; 5, с. 74–83].

Очевидно, что отмеченная широта трактовок фейковых сообщений (фейковых практик) раскрывает масштабность проблем, связанных не только с разработкой критериев выявления и распознавания фейковой природы коммуникативных практик (сообщений), но и факторов, нацеленных на построение функционально-семантической (прагматической) типологии фейковых практик, которые вписывались бы в более значимый по объёму класс «вирусно-меметических, коммуникативно-дискурсивных проявлений или практик, принадлежащих сфере информационно-вербального воздействия на концентриальное пространство («вместилище») ментальных репрезентаций любого – как единичного, так и массового адресата» (подробнее см.: [10, с. 443–445]). Очевидно также и то, что проблема неразграниченности самих типов сообщений, уходящих и удалённых от фактуальной реальности (правды), требует более тщательной проработки и поиска дополнительных критериев, направленных не только на их структурное и функционально-семантическое разграничение.

Становится понятным, что обозначенная проблематика оказывается не на прямую обусловлена отсутствием или недостаточной разработанностью предложенных определений феномена «фейк / фейковость» и связанных с ним дериватов – «фейковое сообщение», «фейковая практика», «фейковая реальность». Вероятнее всего, эта проблема в большей степени лежит в плоскости противостояния отношений между глобальными игроками на международной арене и требует своего рассмотрения в аспекте их противоборства за репутационный капитал, экономические ресурсы и политическое лидерство в глобальном мире. Тем не менее, становится очевидным, что любые типы фейковых сообщений находятся в плоскости их туннельного размещения (локации) в гиперконструкте «таргетированное отклонение от правды» [10, с. 445–446].

В этой связи встают вопросы, которые побуждают исследователей ещё пристальней рассматривать области взаимодействия человека с получаемой им в качестве адресата информацией как по каналам СМИ, так и в процессе дискурсивно-интерактивного общения с другим собеседником в формате «лицом – к – лицу» или в сетевой интернет-коммуникации. В этих условиях целесообразно уделить внимание вопросу о *возникновении* конкретных *причин и условий*, например – геостратегических и геополитических, политико-экономических, социально – экономических и внутриэкономических (маркетинг, реклама, рынок услуг и системы продаж), социально-культурных, культурно-исторических, национальных и психологических, которые становятся причиной порождения предпосылок, способствующих возникновению тех или иных видов и разновидностей фейковых практик, а вместе с ними и формирование фейковой (или преднамеренно сконструированной, обманной) реальности. Не менее интересным представляется вопрос и о том, *насколько и в какой степени* сконструированная (фейковая) реальность становится аттрактивнее vs агрессивнее обыденной и конкретной – пусть даже и с привкусом горечи – реальности в информационно-коммуникативном пространстве того или иного социума.

Представляется также важным прояснить вопрос и о том, *какие сферы* жизнедеятельности человека “фейковизируются” (неологизм наш) в большей, а какие в меньшей степени. И, безусловно, в этой связи нельзя обойти вниманием вопрос о выработке эффективных *механизмов когнитивной защиты* как отдельного человека говорящего и человека социального, но также и самого общества от массива дезинформационных, обманных, фейковых посланий, в котором живёт человек, погружённый в непрерывный информационный поток. И, наконец, сегодня требуется крайне внимательно не только подойти к вопросу разработок коммуникативных и психолингвистических технологий по противоборству и противодействию самого человека говорящего как *homo loquens* фейковому или дезинформационному массиву деструктивных посланий, но и к проблеме обучить его пользоваться такими моделями, разработками, технологиями и приёмами в условиях своей жизнедеятельности.

Больше того, при обучении противоборству и противодействию фейковым посланиям и фейковой реальности целесообразно обучить человека как когнитивного агента не только противостоять потокам информационных фейковых посланий и эффективно отражать их. Важно, чтобы в процессе такого противоборства человек опирался на механизм *«вербального принуждения создателей и распространителей «фейкометательных практик» к признанию публичной фактуальности»* [8, с. 3–18].

Принимая во внимание значимость отмеченных факторов фейкового, деструктивного влияния на формирование общественного мнения в мировом информационном пространстве и подрыва в нём информационно-репутационного капитала участников геополитического взаимодействия в виде активно продвигаемых программ постиндустриальной «культурной пропаганды и исторической дезинформации» [2, с. 7], целесообразно рассмотреть на конкретном материале дискурсивное противоборство двух противоположных начал или сторон – представителей фактуальной дискурсии (дискурса правды) и представителей фейковой дискурсии (дискурса постправды). Эти противоположные стороны ведут борьбу за информационное доминирование и стратегическую инициативу не только по выработке и медийному распространению «мифотворческих» и «миротворческих» (т. е. придуманных, фейковых, «срежиссированных», постправдивых) эпизодов как современных, так и исторических сценариев жизни. Борьба между ними также ведётся и по линии стратегического противодействия сторон относительно друг друга. Обозначенный выше круг вопросов, связанных с исследованием феномена «информационной фейковизации» и процесса интенсивного фейкометания дезинформационных и деструктивных посланий в частности, не исчерпывается количеством поставленных выше вопросов, которые можно объединить в качестве базовых или отправных посылов для разработки исследовательской программы, посвящённой явлению информационной фейковизации и когнитивной защиты (или когнитивной безопасности) от неё отдельной личности и целого общества.

В этом смысле важно учитывать, что функциональное предназначение фейковых (дезинформационных, обманных)

посланий выполнять роль «консциентального оружия» в виде воздействующих (атакующих, поражающих, деструктивных) и «срежиссированных» (специально вбрасываемых) информационно-коммуникативных посланий (сообщений, посылов). Основная направленность есть их «орудийная» функция, которая сводится к тому, чтобы *а)* поражать массовое сознание противоположающейся стороны, приводя её к принятию решений, наносящих себе непоправимый ресурсный ущерб, *б)* получать тотальное и доминантное преимущество в материальной и коммуникативно-информационной сферах и *в)* успешно перепрограммировать существующую коммуникативно-информационную и общественную систему атакованного фейками адресата, то есть, по С. П. Расторгуеву, «найти или специально *создать* для неё в окружающем мире *такую модель*, на которую данная система должна стать похожей», чтобы её могли принять в качестве приемлемой и своей (цит. по: [9, с. 18; см. также: 8; курсив наш. – А. Р., Л. Р.].

Не вызывает сомнений, что основной «мишенью» информационно – фейковых атак является существующая к моменту публичного медийного воздействия *коммуникативно – информационная система* оппонента-адресата, захват и поражение которой открывает прямой путь к массовому сознанию атакованной стороны и, в конечном итоге, к использованию её различных ресурсов – от репутационного капитала, природных богатств и геополитического подчинения. Не исключено, что сторона, продуцирующая дискурсы постправды (фейковые дискурсы), отстаивающая и распространяющая их в глобальном медийном пространстве в качестве инструмента воздействия и давления на противоположную сторону, будет стремиться использовать *арсенал различных приёмов, средств и технологий* различного информационно-психологического (например, «спиндокторингового, диффамационного») воздействия и влияния. Противоположная сторона, в свою очередь, будет изыскивать различные аргументы и контраргументы, логико-смысловые ловушки и семантические уловки, а также риторические приёмы и коммуникативные техники, чтобы отстаивать общепринятые принципы верификации используемых фактов и результатов их аналитико-синтетической обработки на основе

фактуально-референтной соотнесенности событийных (точнее, событийно-исторических) сценариев в сравнении с их медийной спиндокторинговой (заранее подготовленной) и постправдивой, фейковой трактовкой, интерпретацией и заказной оценкой другой – противоборствующей – стороны (подробнее: [6; 8; 10]). При этом нельзя исключить ситуации, в которых любая из сторон может использовать в контрдискурсивной борьбе эмотивную аргументацию и атакующий арсенал вербально-агрессивных практик на грани дозволенного, чтобы не просто «уравнять, сгладить, нивелировать или уничтожить различия» в позициях, оценках, выводах и умозаключениях противоположной стороны, но также переубедить и склонить на свою сторону противника. То есть любая сторона противодействия будет стараться осуществить операцию переформатирования сознания противоборствующей стороны и принудить её к признанию наличия реальной фактуальности [10].

Специфику реализации стратегической инициативы информационного доминирования в дискурсивном воздействии и контрдискурсивном противодействии сторонников дискурса правды и дискурса постправды можно проследить на примере политического интервью между российским корреспондентом и представителем государственной власти из Эстонии. Отметим, что дискурсивный vs контрдискурсивный обмен между ними осуществляется в рамках типовой гиперфреймовой конфигурации «обвинение» с присущими ей базовыми терминальными, слотовыми, подслотовыми и субслотовыми валентными узлами (о специфике валентных связей терминальных, слотовых и субслотовых узлов фреймовых конфигураций см.: [3; 4; 6; 10]). Также следует уточнить, что фреймовый сценарий дискурсивного взаимодействия собеседников в рамках типовой конфигурации «обвинение» задает определенный (примерный) порядок в чередовании действий собеседников, которые (действия) реализуются в соответствии с программным развертыванием глобальной цели иллюкутивного потенциала предикатной вершины названной фреймовой конфигурации.

Для реализации типового иллюкутивного потенциала «обвинение» инициатору взаимодействия (т.е. журналисту, интервьюеру) важно придерживаться в своих вербальных практиках

целевой установки на порядок следования инициирующих шагов с тем, чтобы существовала возможность *а)* установить фактуальность повода для достижения поставленной глобальной цели, *б)* обозначить, зафиксировать, а затем и вербально побудить своего собеседника признать фактуальность (факт) своей сопричастности к содержанию тематического пространства терминального узла «инцидент», чтобы доказать его сопричастность к сложившемуся положению дел, которая и послужила для инициатора поводом обвинить адресата, *в)* предусмотреть негативное отношение адресата к сложившемуся положению дел и поэтому не допускать выработки отрицательного отношения (оценки) с его стороны к такому положению дел, *г)* убедить, показать, продемонстрировать и, вербально фехтуя (атакуя и отражая атаки), фактуально доказать, что сложившееся положение дел обуславливает дискомфортное состояние инициатора-корреспондента как сторонника и поборника фактуальности и дискурсивной правды, *д)* продемонстрировать стремление инициатора к снятию своей дискомфортности и на этом фоне *е)* раскрыть сознательное (умышленное) бездействие адресата, не заботящегося о снятии наступившей дискомфортности.

В свою очередь, адресат (гость студии, интервьюируемый) будет стремиться выражать свое отношение к перечисленным условиям реализации глобальной цели (*а–д*) в предложенном тематическом пространстве терминала «инцидент» таким образом, чтобы нейтрализовать, нивелировать, ослабить и даже отрицать или исказить (диффамировать) фактуальную основу действий инициатора по перечисленным программным условиям реализации своей цели.

Обозначенные инициатором условия реализации глобальной цели типового иллюкуивного потенциала фрейма «обвинение» (*а–д*) определяют стратегию поведения инициатора, коррелирующую с его планом вербальных действий: *предъявляя* реальные факты, *доказать причастность адресата* к дискомфортному положению дел в тематическом пространстве терминала «инцидент» *и*, в случае неприятия адресатом приведённых фактов, *уличить адресат* в стремлении скрыть истину и использовать постправдивую (диффамационную) дискурсию в качестве оправдания своей позиции.

Представим в схематичном виде функциональную трёх-уровневую фреймовую модель «принуждение к фактуальности», в основании которой заложен фрейм «обвинение» с терминалами, слотами и субслотами. Процесс фреймирования (т. е. вербальная реализация ментальных репрезентаций) носит динамический характер, так как сама «когнитивно-вербальная игра» с элементами фреймовой конфигурации – явление динамическое, а не статическое:

Первый уровень начинается с «Игры в оценку». Эта манипулятивная “игра” строится по принципу «положительно / хорошо – +» и «отрицательно / плохо –». Данный уровень базируется на том, что действительность может быть интерпретирована средствами языка *вариативно* – одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира) можно назвать словом или словосочетанием, которое вызовет, в зависимости от установки говорящего, либо положительную, либо негативную ассоциацию (реакцию). Для этой цели используются так называемые *прагматические эфемизмы* или “красивые слова” (*splendid words*), когда при помощи тщательно подобранных языковых единиц можно заменить «знак восприятия» того или иного факта (события, явления) на противоположный [5, с. 58–66], т. е. с «плюса» на «минус» и наоборот, ср.: «ветераны СС» -----> «люди»; «митинг» -----> «собираются вместе»; «гитлеровская форма» -----> «старый солдатский мундир»; «митинги проводятся регулярно» -----> «кто-то из них, иногда / кое-где».

Манипулятивная операция осуществляется в следующем порядке: из гиперфреймового тематического пространства с ярко выраженной негативной окраской терминалов и их слотового содержания (фреймы «Фашизм – СС – Преступления против человечества») *говорящий* (представитель Эстонии) «переносит» (активирует) *аудиторию* в тематическое пространство *абсолютно нейтрального* слотового подфрейма «Старые солдаты вспоминают свою юность», который может вызвать даже позитивные ассоциации (например, на основе сочувствия к старым воинам).

На этом этапе работы с оценками *важно разделять* понимание *фрейма* как особого рода когнитивной и знаковой структур представления знаний. Фрейм как когнитивная структура

представляет собой упорядоченность основных структурных элементов – единиц ментальной репрезентации в виде терминалов и его составляющих – слотов, субслотов и подслотов, образующих концентриальный фундамент для развертывания процессов восприятия, хранения информации, мышления и разработки языковых форм общения в виде коммуникативно-когнитивных конструкторов. По М. Минскому, познавая (актуализируя, выбирая), человек выбирает из памяти некоторую структуру данных (образ) или фрейм [3]. Фреймовой организации подчинено не только зрительное восприятие, но и переработка символической информации. Поэтому человек имеет набор разных фреймов и гиперфреймов для различных видов деятельности, окружающих условий, для описания форм повествования, объяснения, аргументации. Эти фреймы и механизмы их взаимосвязи (гиперфреймы) формируются и развиваются в течение жизни самого человека.

С каждым фреймом ассоциирована информация о деятельности в различных типах обстоятельств. Такая (ассоциированная и актуализированная) информация указывает, каким образом следует использовать этот фрейм. Также наличествует информация о том, что может повлечь за собой исполнение фрейма и информация о том, что следует предпринять, если вдруг эти ожидания не подтвердятся. В когнитивном пространстве человека фрейм представлен (или можно представить) в виде сети, состоящей из обозначения предикатной вершины, узлов (терминалов и их слотов, подслотов и субслотов) и валентных связей между ними. Вершина и терминалы слотов чётко определены, потому что они образованы такими понятиями, которые референтны (приложимы) по отношению к предполагаемой (соотносимой) ситуации.

Итак, на первом уровне говорящий (представитель Эстории) выбирает из тематического пространства с ярко выраженной *негативной окраской* слоты (гиперфрейм «Фашизм», включающий в себя терминалы и слоты: «СС – Преступления против человечества») и «переносит» их, погружая аудиторию в *туннельное* тематическое пространство *абсолютно нейтрального* фреймового терминала/слота «*Старые солдаты вспоминают свою юность*», который может вызвать даже позитивные

ассоциации (например, на основе сочувствия). На этом уровне задача инициатора взаимодействия – фактуально воспрепятствовать такому переносу.

Второй уровень: «Игра со слотами». Манипулятивное воздействие на данном уровне происходит в рамках одного фрейма, в котором *манипуляции подвержены* содержательные слоты, образующие фреймовую структуру и фиксирующие *важные смысловые узлы* (или терминалы) фреймового тематического пространства, включающие в себя определенные наборы слотов. Рассмотрим тематическое пространство гиперфрейма «Великая Отечественная война». В его структуре (т. е. в нашем коллективном/массовом и индивидуальном сознании) можно выделить следующие терминалы с определёнными слотами (т. е. актуализированными смысловыми блоками): – *победа – борьба с захватчиками – советский солдат-освободитель – ужасы войны – миллионы погибших – память.*

Следующий шаг сводится к динамическому заполнению фреймовых слотов, динамически наполняя, расширяя их или суживая, чтобы разместить в самой фреймовой конфигурации. При актуализации нескольких терминалов с их слотами (например, «Победа», «Память», «Советский солдат-освободитель»), тематическое пространство будет заполняться следующими слотовыми содержательными единицами: «Спасибо деду за Победу», «Освобождение Европы советскими войсками», «СССР и советский народ спасли Европу от уничтожения», «Никто не забыт, ничто не забыто». Актуализируя динамическим образом терминал «Победа», мы заполняем тематическое пространство следующими слотовыми содержательными единицами: Великая победа; Победа советского народа; Праздник Победы и т. д. Терминал «Борьба с захватчиками» можно дополнить слотами (борьба регулярной армии, борьба партизан, борьба подполья, борьба людей на оккупированной врагом территории и т. д.).

На этом уровне возможна манипуляция с изменением фреймовой конфигурацией. При актуализации одного из терминалов и его слотового (подслотового, субслотового) наполнения в рассматриваемом (обсуждаемом, поданном или актуализированном в медийном пространстве) гиперфреймовой конфигурации, остальные терминалы и их слоты *могут отходить* на

задний план или *сознательно вытесняться* на периферию тематического пространства, а также *могут вообще заштриховываться* или *затеняться*. Используется известный приём: «свет и тень». Рассмотрим, например, популярную в последние годы актуализацию терминала «Миллионы погибших в ВОВ», вызывающую (каузирующую) следующие слотовые смысловые цепочки – «9 мая – не день победы, а день скорби», «9 мая – пиррова победа», «Что можно праздновать при таком количестве жертв?» и т. д. И тогда в зависимости от собственной установки интервьюируемый может по своему усмотрению высветить то, что он посчитает нужным и актуальным, а всё остальное оставить в тени. Задача интервьюера блокировать такую манипуляцию соответствующими историческими фактами.

Третий уровень: «Игра с фреймами» в гиперфреймовой конфигурации ВОВ. На этом уровне осуществляется манипулятивное расширение или сужение фрейма «Великая Отечественная Война» через определенные терминалы, например, через терминалы «Миллионы погибших в ВОВ» и «9 мая – пиррова победа», которые через псевдовалентные связки манипулятивно прикрепляются к тем или иным узлам самого фрейма ВОВ и, расширяя его, увязываются с фреймом «победа сталинского режима», который, в свою очередь» также расширяется и выходит на всевозможные терминалы сегодняшней политической повестки в мире. Задача интервьюера остаётся прежней: фактами и нереферентной валентностью осуществлять блокировку таких манипуляций, опираясь на соответствующие исторические реалии и конкретные примеры и разрушать псевдовалентные логические связки. Инициатору важно блокировать логическую связь, используя при этом технику туннельной направленности вербальных предикатов.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма: пер. с фр. // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
2. *Беккер К.* Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Vienna: Selene, 2002. 112 с.

3. *Минский М.* Фрейм для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
4. *Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. 183 с.
5. *Романов А. А.* Политическая лингвистика. Москва; Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверской гос. ун-т, 2002. 191 с.
6. *Романов А. А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. М.: ЛЕНАНД, 2020. 264 с.
7. *Романов А. А., Малышева Е. В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме-5: Материалы международной научной конференции. М.: Канцлер, 2015. С. 225–226.
8. *Романов А. А., Романова Л. А.* Векторная направленность перестроенного погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электр. ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 1–32. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 23.02.2024).
9. *Романов А. А., Романова Л. А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья первая [Электр. ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 1–39. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 23.02.2024).
10. *Романов А. А., Романова Л. А.* Фейк vs факт в информационной борьбе за репутационный капитал // Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 11–13 февраля 2020 г. Тверь: Тверская ГСХА, 2020. С. 441–446.

УДК 811.161.1.09“18“
ББК 83.3(2Рос-Рус)5-8

Д. А. Романов

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ *ДЕТСТВО* В ПРОЕКЦИИ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ТВОРЧЕСТВО Л. Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее показательные лингвопоэтические характеристики повести Л. Н. Толстого *Детство*, относящиеся к уровням сюжетного построения, композиции, языковых единиц, стилистических приемов. Исследуется влияние биографического фактора на поэтику повести и намечаются эволюционные ходы отдельных лингвопоэтических явлений в дальнейших произведениях автора.

Ключевые слова: лингвопоэтика, художественный текст, детское сознание, композиция, лексика, деталь, языковой переход.

D. A. Romanov

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University, Tula

POETICS OF THE STORY *CHILDHOOD* IN PROJECTION ON FURTHER WORK OF L. N. TOLSTOY

Abstract. The article examines the most revealing linguistic and poetic characteristics of the story by L. N. Tolstoy's *Childhood*, related to the levels of plot structure, composition, linguistic units, stylistic devices. The influence of the biographical factor on the poetics of the story is explored and the evolutionary courses of individual linguistic and poetic phenomena in the author's further works are outlined.

Keywords: linguopoetics, literary text, children's consciousness, composition, vocabulary, detail, language transition.

Детство Л. Н. Толстого заложило основу большой литературной традиции восприятия бытия глазами ребенка, причем это касается не столько тематики текста, сколько его лингвопоэтики, т. е. особого ракурса изображения, особого подбора

языковых средств, особой смены композиционных блоков, особого движения точек зрения и т. д. Именно от толстовского текста берут отсчет произведения «детского цикла» Н. Г. Гарина-Михайловского, А. Н. Толстого, А. М. Горького, В. П. Катаева и др. Об определенном единстве их поэтики говорится достаточно давно (в частности: [7, с. 63]). В творчестве самого Л. Н. Толстого «Детство» также является истоком многих дальнейших линий художественного развития.

Детство – то произведение, к которому Л. Н. Толстой обращался в разные периоды своей жизни как к своеобразному краткому, но емкому «конспекту» своих важнейших идей и начинаний, – «конспекту» энергичному, молодому, сделанному автором, перед которым только открывалось большое творческое время.

Детство – первое крупное литературное творение Толстого, создание неопытного гения, но именно его Толстой помнил в мельчайших деталях долгие годы. Даже тогда, когда он захотел (или сделал вид, что захотел) отречься от своих зрелых романов – после «перелома» 1870-х гг. – *Детство* все равно оставалось в поле его зрения. В воспоминаниях, написанных в 1902–1903 гг., Л. Н. Толстой несколько раз обращается к тексту повести *Детство*, где отразились существенные для его мировоззрения наблюдения над временем и людьми.

Как уже отмечалось, особенностью *Детства* является специфический ракурс изображения мира – посредством сознания и через сознание ребенка. Разумеется, во многом такой подход стал возможен благодаря автобиографичности произведения, которое, следовательно, в определенном смысле представляло реконструкцию детского сознания самого автора, находившегося во время написания текста в достаточно молодом возрасте (Л. Н. Толстому не было еще и двадцати пяти лет) и не забывшего своего детского мироощущения. Так его анализирует Н. А. Николина: [3, с. 100–103]. В свои семьдесят пять лет Л. Н. Толстой, например, указывал на то, что многие герои *Детства* имеют реальных прототипов, и один из них – Карл Иванович: «Немца нашего учителя Федора Ивановича Рёсселя я описал, как умел подробно, в *Детстве* под именем Карла

Ивановича. И его история, и его фигуры, и его наивные счёты – все это действительно так было» [6, с. 444].

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что повесть, автобиографичная во многом (особенно в деталях предметного мира и событийных фрагментах), в целом представляет собой текст, созданный по законам художественного вымысла, а не по мемуарным правилам исчерпывающей достоверности. Следовательно, Л. Н. Толстой моделирует, а не воспроизводит, творчески создает, а не просто вспоминает детское ощущение мира. Именно поэтому произведение получило такой горячий отклик и до настоящего времени остается одним из самых читаемых творений Толстого.

Л. Н. Толстой избирает для определения тех или иных понятий, предметов особые слова, которые не характерны лексикону взрослого человека. Так, уже первая глава *Детства* начинается рассказом о дне рождения главного героя, когда он, по его собственному выражению, «получил такие чудесные подарки». На протяжении всего текста подобного рода определения будут повторяться. К числу таких относится, например, «несносные башмаки с бантиками» и т. п. Именно *Детство* дало начало толстовскому использованию слова «как непосредственного, простого, правдивого отражения жизни во всей ее пестроте и сложности» [1, с. 350].

Сознание ребенка воспроизводится Л. Н. Толстым в противоречивом единстве, в быстрой смене противоположных эмоций, чувств и переживаний. В той же первой главе Николенька практически без пауз переходит от *возбуждения* и *страха* к *слезам* и *расстройству*, а затем к *ощущению гармоничности августовского утра*. Справедливо замечание В. Б. Шкловского: «Толстой в самом начале своего пути занялся анализом того, что в современной западной литературе называется «потокосом сознания». Сознание бралось в противоречии его элементов» [8, с. 269].

Детализация внешнего облика в восприятии ребенка гораздо более подробна, чем у взрослого человека. За каждым движением, казалось бы, самым простым, стоит для него некая черта внутреннего мира человека. Можно утверждать, такой подход к деталям внешности (не только в восприятии ребенка, но и в любой значимой точке зрения текста) составляет заметное

своеобразии лингвопоэтики Л. Н. Толстого. О «говорящих» внешних деталях применительно к зрелым романам Толстого не раз писали критики и филологи. В *Детстве* это многократно повторяется и оттачивается. Приказчику Якову была характерна *нервическая привычка подергивать плечом*, а сестре главного героя, как и многим девочкам в определенном возрасте, свойственно *особое движение плеча*, посредством которого они направляют сдвинувшуюся горловину платья, что видится главному герою очень трогательным. Именно такая детализация – реалистично-достоверная, психологически нагруженная и сопровождаемая особыми чувствами (по принципу «мелочности и генерализации» [2, с. 25]) – создает неповторимую атмосферу толстовского произведения.

Речь героев Толстого не просто социально детерминирована, что свойственно любому реалистическому художественному произведению, но и снабжена большим количеством сугубо индивидуальных лексических и синтаксических единиц, которые выделяют именно этого героя из ряда других. Писатель любит присваивать героям речевые опознавательные знаки. В последующем творчестве Толстой будет все более оттачивать и акцентировать этот лингвопоэтический прием. Вспомним, например, присловье *Чистое дело марки!* у дядюшки из *Войны и мира*, образные «словечки» *навынтараты* и *образуется* у старого слуги Матвея из *Анны Карениной*. В *Детстве* Толстой как бы «нащупывает» этот прием. В частности, когда Карл Иванович сердится, у него появляется такая запоминающаяся читателю речевая единица: «Карл Иванович рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, *кукольная комедия* (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощения...» [5, с. 29].

К числу заметных речевых особенностей героев Толстого на протяжении всего творчества относится употребление в речи иноязычных слов и в целом переход с одного языка на другой. Соотношение «свое-чужое» в языке персонажей для Толстого весьма показательно. Данная лингвопоэтическая особенность также начала разрабатываться в повести *Детство*. Причем уже здесь она приобрела видимую значимость для автора и читателя. В частности, княгиня Корнакова, приехавшая поздравлять

бабушку главного героя с именинами, изображается с явной антипатией и, как следствие, говорит преимущественно на французском языке. Бабушка же, явно ею недовольная, посредством перехода с одного языка на другой дает понять ей свое негативное отношение. В тексте присутствует, например, такое замечание: «...я заметил, что бабушка была ею недовольно: она как-то особенно поднимала брови, слушая ее рассказ... и, *отвечая по-русски на французскую речь княгини*, она сказала, особенно растягивая свои слова: «Очень вам благодарна, моя милая...»» [5, с. 71]. Через некоторое время, уже успокоенная и благодушная, бабушка меняет свою «языковую политику»: «...бабушка смягчилась, стала говорить с ней по-французски, перестала называть ее *вы, моя милая* и пригласила приехать к нам вечером...» [5, с. 74].

Прием языкового перехода, проиллюстрированный выше, станет для Толстого впоследствии весьма важной характеристикой героев. Вспомним, например, Марию Дмитриевну Ахросимову из *Войны и мира*, которая почти всегда говорит по-русски и вызывает явную симпатию автора и читателей, а прямо противоположную характеристику – в речи и авторском отношении – имеет, например, Анна Павловна Шерер. Общеизвестно, что сам Толстой впоследствии (в азбучных рассказах и русских *Книгах для чтения*) вообще отказался от иноязычных вставок и стремился минимизировать количество иностранных слов. Писатель пришел к заключению: «Язык – и это главное – есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное – язык не позволит...» [9, с. 70].

Показательной лингвопоэтической чертой *Детства* является использование ретроспективных и проспективных ходов в организации нарратива. Впоследствии Толстой будет использовать это в своих больших жанрах, о чем мы уже писали: [4]. Из-за того, что в тексте совмещаются два фокуса зрения героя, перспекция и ретроспекция особенно уместны и выразительны. Герой-взрослый возвращается воспоминаниями в прошлое; герой-ребенок неразрывно связан с осмыслением своих поступков и переживаний в будущем. Приведем по одному примеру перспективы и ретроспекции, которых в тексте достаточно много. Например, в главе *Гриша* после рассказа о молитве юродивого, глубоко впечатлившей героя-ребенка, возникает такой вырази-

тельный перспективный ход: «Много воды утекло с тех пор, много воспоминаний о былом потеряли для меня значение и стали смутными мечтами, даже и странник Гриша давно окончил свое последнее странствование; но впечатление, которое он произвел на меня, и чувства, которые возбудил, никогда не умрут в моей памяти» [5, с. 53]. А в главе *Детство*, где доминирует повествователь-взрослый, осмысливающий свое прошлое, используется такая ретроспекция: «Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мамап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы» [5, с. 62].

Библиографический список

1. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1982. 329 с.
2. *Живолупова Н. В.* Русская литература: множественность смыслов. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2021. 344 с.
3. *Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы. Изд. 4-ое, стер. М.: Флинта, 2022. 425 с.
4. *Романов Д. А.* Ретроспекция как композиционно-стилистический прием в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Русский язык в речевом существовании: Анализ и интерпретация: материалы XXXIV–XXXVI Международных филологических конференций. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 7–16.
5. *Толстой Л. Н.* Детство // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1960. С. 16–122.
6. *Толстой Л. Н.* Воспоминания // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: ГИХЛ, 1964. С. 414–476.
7. *Фохт У. Р.* Типологические разновидности русского реализма // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 39–80.
8. *Шкловский В. Б.* Повести о прозе. Размышления и разборы. Т. 2. М.: Художественная литература, 1966. 463 с.
9. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1974. 359 с.

УДК 372.881.111.1:371.3
ББК 74.480.25:81.432.1

И. С. Романова

Ивановский государственный энергетический университет, г. Иваново

ИНЖЕНЕРНАЯ ИНФОГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Анализируются причины обращения к инфографике как методу обучения различным дисциплинам. Автором предпринимается попытка дать определение концепту «инженерная инфографика». Рассматриваются также возможности использования инженерной инфографики для обучения студентов английскому языку.

Ключевые слова: инфографика, инженерная инфографика, визуализация, методы обучения.

I. S. Romanova

Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo

ENGINEERING INFOGRAPHICS AS TECHNICAL INFORMATION VISUALISATION MEANS FOR TEACHING ENGLISH

Abstract. The reasons of using infographics in teaching process are analyzed. The author makes an attempt to give the definition to the concept of “engineering infographics”. The opportunities of teaching English with engineering infographics are also considered.

Keywords: infographics, engineering infographics, visualization, teaching methods

Стремительно развивающиеся цифровые технологии и вынужденный перевод школьников и студентов колледжей и высших учебных заведений на дистанционное обучение по причине пандемии коронавируса явились причиной появления

огромного количества новых подходов и методов в обучении. Среди них все большую популярность набирает обучение с помощью инфографических изображений, которое сейчас очень активно применяется как на уроках в школе, так и на занятиях в средних специальных и высших учебных заведениях.

Учителя, преподаватели и методисты выдвигают разные причины обращения к инфографике как методу обучения различным дисциплинам, однако, из них можно выделить три основные: 1) клиповое мышление обучающихся, связанное с современными реалиями технического прогресса; 2) более развитый визуальный вид памяти, благодаря которому информация в виде изображений, рисунков, таблиц, диаграмм, блок-схем, графиков и т.п. запоминается быстрее, 3) цифровизация во всех сферах жизни и видах деятельности от науки до образования на всех его этапах.

Подтверждением этому может послужить ряд статей, написанных преподавателями вузов [1], [2], [4], [5] и исследователями в области педагогики [3].

Следует отметить, что к инфографике обращаются при обучении практически всем дисциплинам, что можно подтвердить огромным количеством исследовательских статей, посвященных использованию инфографики на занятиях по информатике, математике, истории и т.д. Внедрение цифровых ресурсов в обучение иностранным языкам в технических вузах, в частности, привело к появлению концепта «инженерная инфографика», который, на наш взгляд, пока еще не получил четко сформулированного определения.

Целью данной работы является раскрытие содержания и специфики понятия «инженерная инфографика», которое может использоваться как способ визуализации технической информации при обучении студентов английскому языку, а также рассмотреть преимущества, которые данная технология может предоставить на занятиях со студентами.

В первую очередь заметим, что инженерную инфографику не нужно путать с понятием «инженерная графика», которое связано с черчением и реализуется как дисциплина с одноименным названием во всех вузах технической направленности. В своей статье *Инженерная инфографика в дистанционном*

образовании авторы Ю. В. Семагина и М. А. Егорова формулируют правила создания «инженерной инфографики» [4]. Однако, эти правила больше касаются технических аспектов создания чертежей при помощи компьютерных программ, т. е., в них регулируются нормы шрифтов, полутонов, наличия текста в кадре и пр. На наш взгляд, в данной ситуации понятия «инженерная графика» и «инженерная инфографика» практически тождественны, поскольку различаются лишь тем, что под первым понимаются чертежи, выполненные вручную, с помощью карандаша, а под вторым – изображения, созданные на компьютере.

М. Г. Бондарев в статье *Использование инфографики как инструмента визуализации учебного текста в рамках курса «Иностранный язык для специальных целей»* замечает, что «инфографика – альтернативный способ представления информации, сочетающий в себе иллюстративность рисунка и вербально-логическую наполненность текста» [1, с. 4]. Учитывая слабый уровень владения иностранным языком большинства студентов технических вузов, обращение к визуализации учебных материалов представляется эффективным и необходимым в наше время методом обучения, так как графические изображения воспринимаются современными студентами намного быстрее, чем текстовая информация.

Однако, многие исследователи отмечают, что сочетание текста и графического изображения не всегда можно отнести к инфографике. В вышеупомянутой работе М. Г. Бондарев подчеркивает, что «использование изображений ради эффекта, а не для передачи смысла не является инфографикой» [1, с. 4], т. е., если убрать изображение, а смысл передаваемой информации не изменится, то убранный фрагмент может считаться лишь привлекательным элементом, но не инфографическим изображением.

Исследователь С. А. Золотухин в «Инфографика как информационный пакет. Инфографика в образовании» полагает, что инфографика отличается от других видов наглядной информации тем, что если при наличии только цифр и иконок, без текста понятно, какую информацию это изображение призвано донести, то это будет являться инфографикой [3, с. 3]. В противном случае, это просто иллюстрация.

Анализируя взгляды исследователей на инфографику, так или иначе связанную с инженерным направлением, можно сделать вывод, что единого, общего определения рассматриваемому понятию пока не дано. Возможно, это связано с тем, что в инженерных направлениях она пока не нашла широкого применения.

На наш взгляд, инженерная инфографика должна представлять собой большой объем информации, связанный с инженерией и представленный в виде схем, графиков, чертежей, таблиц, диаграмм, который должен легко восприниматься обучающимися. При этом, сопроводительный текст должен быть максимально кратким или совсем отсутствовать, если в изображениях есть все необходимые для понимания данные.

Преимущества использования инфографики как средства обучения английскому языку будущих инженеров рассмотрены в статье Н. С. Швайкиной и А. А. Попель *Использование инфографики для обучения говорению студентов инженерных специальностей на занятиях по иностранному языку*. Среди них нам видятся интересными формирование коммуникативной компетентности обучающихся и развитие у них критического мышления [5, с. 189]. Поскольку будущая профессиональная деятельность студентов технических вузов непосредственно связана с обработкой большого количества визуальной информации (таблицы, блок-схемы, диаграммы), применение инфографики на занятиях дает обучающимся возможность самостоятельно воспринимать и усваивать новые знания, учиться создавать свои инфографические схемы и рисунки. Когда студенты размышляют в процессе создания собственного инфографического изображения, у них формируются способности к визуальному мышлению и к работе с компьютерными технологиями.

Использование инженерной инфографики в процессе обучения английскому языку является актуальным инструментом для подготовки будущих специалистов, так как она помогает развивать у них техническую грамотность, абстрактное мышление и умение объяснить свои идеи и мысли доступно и наглядно.

Библиографический список

1. *Бондарев М. Г.* Использование инфографики как инструмента визуализации учебного текста в рамках курса «Иностранный язык для специальных целей» // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2012. № 3 (10). URL: [https://ivtio.sfedu.ru/lib/10/7-2012-3\(10\).pdf](https://ivtio.sfedu.ru/lib/10/7-2012-3(10).pdf) (дата обращения: 13.11.2023).
2. *Бычкова Д. Д.* Методические рекомендации по созданию инфографики на внеурочных занятиях по информатике с помощью специальных компьютерных программ. URL: <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2019-18-9-23-28> (дата обращения: 15.12.2023).
3. *Золотухин С. А.* Инфографика как информационный пакет. Инфографика в образовании. URL: <https://mic.org.ru/phocadownload/25-zolotuhin.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).
4. *Семагина Ю. В., Егорова М. А.* Инженерная инфографика в дистанционном образовании. URL: http://ng.sibstrin.ru/brest_novosibirsk/2021/doc/050.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
5. *Швайкина Н. С., Попель А. А.* Использование инфографики для обучения говорению студентов инженерных специальностей на занятиях по иностранному языку // Вестник самарского Государственного технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 4. С. 185–194. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.4.15>

УДК 811[161.1+111]’373
ББК 81.053

Е. В. Рыжкина

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва

О НЕКОТОРЫХ ИННОВАЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые инновации в современных языках для специальных целей. На примере английского и русского языков показано, что современная терминологическая номинация обнаруживает сходство с фразеологической: терминологические новообразования нередко возникают в результате образного переосмысления или по аналогии и могут демонстрировать такие черты, как идиоматичность, неоднозначность и коннотация.

Ключевые слова: терминологическая номинация; инновация; метафора; аналогия; образность; идиоматичность.

E. V. Ryzhkina

Moscow State Linguistic University, Moscow

ON INNOVATION IN MODERN ENGLISH AND RUSSIAN TERMINOLOGY

Abstract. The article looks into the new tendencies in the development of modern English and Russian languages for special purposes. The analysis shows that today's terms display some of the features typical of idiomatic expressions. Newly formed terminological units often result from semantic transfer or emerge by analogy with some conventional language signs. The study has also revealed such properties of many recently coined terms as ambiguity, idiomaticity, and connotation.

Keywords: terminological nomination; innovation; metaphorical transfer; analogy; imagery; idiomaticity.

Динамика познания мира находит отражение в таком имманентном свойстве языка, как его вариативность. Это – «форма существования всех языковых единиц, будь то слова в

общеязыковой сфере или термины в LSP» [1, с. 193]. Взаимодействие языка с когнитивной деятельностью человека проявляется не только в создании новых единиц языка, фиксирующих новые знания, но и в качественных изменениях, затрагивающих саму языковую систему.

Принципы языкового развития распространяются на все подсистемы языка, включая терминологию несмотря на то, что терминологическая номинация отлична от обычной лексической или фразеологической номинации. Однако «естественно-языковым субстратом термина» служит лексическая единица [2, с. 30]. Таким образом, на уровне своего языкового субстрата термин так же включен в эволюционные процессы языка в соответствии с закономерностями, характерными для лексической системы данного языка.

С позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы центральное место в изучении термина занимает его сложная внутренняя природа, обусловленная свойствами профессиональной коммуникации и профессионального познания: в русле когнитивного направления терминология рассматривается именно как результат концептуализации и вербализации профессиональных знаний [3, с. 150]. Этот подход включает терминологию в общий процесс концептуализации знаний и объясняет особенности функционирования терминов в современном дискурсе, в том числе новые тенденции в терминообразовании.

Этому, во-первых, способствуют внеязыковые факторы, такие, как междисциплинарный характер современных исследований и их активная популяризация через СМИ. Как следствие, сегодняшний язык для специальных целей не только обеспечивает обмен знанием между отдельными областями науки, но и проникает в массовую коммуникацию, где на базе терминов могут формироваться новые знаковые функции. Так, космологический термин *big bang* (*большой взрыв*) приобрел фразеологическое значение и свободно используется в обыденной речи. Во-вторых, меняется характер языков для специальных целей; их новые единицы демонстрируют ранее нехарактерные черты: их образность, идиоматичность и аналогия обеспечивают дополнительную выразительность, убедительность и, значит, эффективность профессиональной коммуникации [5, с. 20].

В новейший период многие терминологические новообразования возникают в результате переосмысления или иного семантического процесса на базе единиц, уже имеющих в арсенале языка. Следует заметить, что тропы, в частности, метафора и метонимия, испокон веков использовались при формировании терминов. Например, термины *несущая поверхность* (*lifting surface*), *мертвый ход* (*back lash*), *холостой ход* (*idle running*), *холостой заряд* (*blank charge*) и мн. др. возникли в результате метафорического переноса. Среди метафор, лежащих в основе терминологических наименований, обращает на себя внимание обилие в их составе соматизмов: *головка винта* (*screw head*), *щека приклада* (*cheekpiece*), *палец шептала* (*arm of sear*), *каркасный замыльщик приклада* (*skeleton butt plate*). Этот тип метафорической номинации позволяет представить научное понятие сквозь призму представлений человека о своем теле.

Формирование терминов как знаков вторичной номинации и связанный с этим образный характер их семантики могут быть также обусловлены сложностью онтологической природы обозначаемого научного понятия. Информационная емкость и лаконизм языкового образа позволяет максимально полно и адекватно передать «пакет» информации, который раскрывает суть соответствующего объекта. Например, левый компонент, создающий образную основу радиотехнического термина, *елочная антенна* (*fishbone aerial*), дает наглядное представление о предмете номинации. Четырехрожковый вертикальный приемник именуется *науком* (*cow type receiver*); так же по ассоциации с внешним сходством возник полисемантический термин *краб* (*crab*).

Образность терминов не является только средством выразительности. Многие термины являются продуктом концептуальной метафоры (КМ), которая служит механизмом представления внеязыкового опыта в языке. Одной из частотных моделей КМ в терминообразовании является объективация. Например, термины из различных областей с компонентом «сила» (*force*): *сила тяги* (*traction force*), *сила трения* (*friction force*), *производительные силы* (*production forces*) и др. являются продуктами объективации, причем основой для переноса здесь служит представление о телесных возможностях человека.

Во многих терминосистемах весьма распространены зооморфные метафоры: *змеевик (worm-pipe)*, *хвост ракеты (rocket-tail)*, *сотовая связь (cell service)*, а также фитоморфные образы, например, *ядро (nucleus)*: *ядро клетки (cell nucleus)*, *ядро кометы (comet nucleus)* и др.

Технически метафоризация осуществляется в ходе концептуальной интеграции, которая «на когнитивном уровне строится на взаимодействии языковой информации с культурно-историческими, прагматическими и другими фоновыми знаниями из областей-источников» [4, с. 183]. Это особенно ярко проявляется в случае образования термина на базе фразеологизма, антропонима или иного культурно-языкового знака, кодирующего значительный объем знания (*Peter Pan syndrome* – патологическая боязнь взросления).

Схематичность моделей метафоры обусловила еще одну тенденцию в современном терминообразовании – наименование по аналогии. Так, на основе термина *водяная баня*, обозначающего способ термической обработки реагентов, по заданной модели возник целый ряд терминов-аналогов: *масляная / глицериновая / парафиновая баня* и др. В условиях когнитивного усложнения мира, умножения и дробления понятий аналогия позволяет просто и экономично отразить в языке всю сложность сегодняшней субкатегоризации мира.

Вместе с тем амбивалентность образных номинаций, с одной стороны, создает условия для использования термина в качестве эвфемизма (*restructuring* – рус. *оптимизация*, т. е. сокращение штатов; *window dressing / creative accounting* – приукрашивание финансовой отчетности); с другой стороны, обуславливает развитие полисемии, в том числе в терминологии. Так, *black hole (черная дыра)* – это и термин, и идиома.

Подводя итоги, следует отметить неоднородность современных терминосистем, включающих элементы с различными свойствами, что, вероятно, требует уточнения самого понятия «термин» (терминологическая номинация).

Библиографический список

1. *Авербух К. Я.* Манифест современной терминологии. Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах

«Коммуникация-2002» (“Communication Across Differences”). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 192–194.

2. *Лейчик В. М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

3. *Новодранова В. Ф.* Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте. Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Москва; Рязань, 2003. С. 150–155.

4. *Новодранова В. Ф., Дудецкая С. Г.* Концептуальная интеграция и аналогия как когнитивные механизмы метафоризации (на материале русской стоматологической терминологии). Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2016. С. 182–183.

5. *Рыжкина Е. В.* Некоторые особенности терминологической и фразеологической номинаций в аспекте неологии (на материале современного английского языка) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Языкознание. 2011. № 18 (624). С. 19–28.

УДК 81'25

ББК 81.18

Е. Х. Саргсян

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОМИКСОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИКСА *МАЙОР ГРОМ*)

Аннотация. В статье описывается опыт работы с анализом перевода комикса с русского на английский язык на примере комикса *Майор Гром*. Подробно описаны особенности перевода вербальной и невербальной составляющей комиксов, приведены примеры, а также представлены результаты их анализа.

Ключевые слова: английский язык, комиксы, креолизованный текст, перевод.

E. H. Sargsyan

Ivanovo State University, Ivanovo

**TRANSLATION PECULIARITIES OF VERBAL
AND NON-VERBAL COMPONENTS OF COMICS
FROM RUSSIAN INTO ENGLISH
(BASED ON THE COMIC *MAJOR GROM*)**

Abstract. The article describes the experience of working with the analysis of the translation of a comic book from Russian into English using the comic book *Major Grom*. There is a detailed description of the features of the translation of the verbal and non-verbal components of comics. The paper provides examples and findings of the analysis.

Keywords: English, comics, creolized text, translation.

Жанр комикса появился в США в конце XIX в. Его популярность была связана прежде всего с распространением грамотности и тем фактом, что газеты были главным средством массовой информации. Культура США – это культура иммигрантов, и яркие рисунки (комиксы) на последней полосе газет помогали людям эффективнее интегрироваться в общество, быстрее усваивать культуру страны, в которую они попадали. Со временем комикс стал международным средством общения. Так, российской серии комиксов о майоре МВД Игоре Громе, созданным издательством Bubble Comics, удалось получить признание даже за рубежом. В 2021 году вышел фильм *Майор Гром: Чумной Доктор*, через некоторое время компания Netflix выкупила права на фильм. Некоторые называют эту картину «Российской версией Бэтмена».

Перевод литературных произведений и комиксов требует тщательной работы с текстами, включающей поиск соответствующей лексики, преобразование лексико-грамматических структур и изменение структуры текста. В отличие от комиксов, литературные произведения не имеют элементов, невозможных для перевода, и не ограничиваются графическим представлением. Одной из отличительных особенностей вербальной составляющей *креолизованного* текста является проблема адекватного перевода, которая «стоит особенно остро, прежде всего, по той

причине, что значения вербального и иконического (изобразительного) компонентов не просто складываются, а тесно переплетаются между собой» [1].

Существует ряд лингвостилистических особенностей комиксов: наличие большого количества неполных односоставных и односложных, междометных предложений; предложения, выражающие размышления или рассуждения; контактоустанавливающие высказывания; жаргонизмы; фразеологизмы; нарушение общепринятых правил орфографии и пунктуации; сокращения слов; употребление слов фамильярно-разговорного языка; стилизованная лексика; реалии; неологизмы; имена собственные.

Одной из характерных черт комиксов является наличие в них разговорной речи, а, следовательно, междометий, которые используются для выражения чувств и эмоций, но при этом не называют их.

В качестве материала для перевода нами был выбран комикс *Майор Гром*. В комиксе события происходят в Санкт-Петербурге, где служит майор полиции Игорь Гром – честный, целеустремлённый, пренебрегающий правилами и эффективный в борьбе с преступностью. Однако иногда система сбоит, и отъявленные негодяи выходят сухими из воды. И вот в Петербурге объявляется мститель в плаще и маске, безжалостно выжигает таких людей очистительным пламенем, – Чумной Доктор. Идеалист Гром решает поймать этого вершителя самосуда, вот только это дело явно самое трудное в его карьере.

При анализе перевода комикса от Webtoon, мы определили следующие трудности: междометия (*Thump! Thump!* – Топ! Топ! *Uggh!* – УФФ! *VROOM* – ВРУМ), реалии (*Санкт-Петербург* – *Saint Petersburg*, *Шаверма* – *Shawarma*), имена собственные (*Plague Doctor* – *Чумной Доктор*, *The Ghost* – *Призрак*, *Major Grom* – *Майор Гром*, *Vasya–The Skull* – *Вася–Череп*), и идиомы (*Чего ты мнешься!*/Come here, what are you waiting for?; *Куда прешь на красный?*/Неу you, running the red light!; *Я займусь бумажной волокитой и спрошу своих информаторов*/I'll get the paperwork done and will question my informers).

Примеры с иллюстрациями:

1. BY THE WAY, WANT SOME SHAWARMA? / КСТАТИ, БУДЕШЬ ШАВЕРМУ?

В оригинале используется термин *шаверма*. Согласно Викисловарю, шаверма – «горячая лепёшка (обычно – тонкий армянский лаваш), в которую завёрнута начинка из курицы или иного мяса с добавлением салата из свежих овощей, с кетчупом, острыми приправами». Также есть пометка, что данное слово используется в определенных регионах России (Санкт-Петербург, Ленинградская и Новгородская области). На английском языке представлен вариант *Shawarma*, который перевели транскрипцией (при транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова).

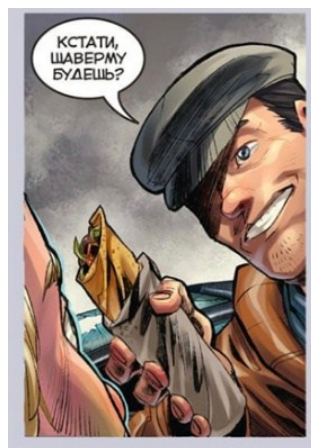

Рис. 1. Иллюстрация Примера 1

2. I'LL GET THE PAPERWORK DONE AND WILL QUESTION MY INFORMERS / Я ЗАЙМУСЬ БУМАЖНОЙ ВОЛОКИТОЙ И РАССПРОШУ СВОИХ ИНФОРМАТОРОВ.

Согласно толковому словарю Кузнецова, термин *волоки-та* означает «затягивание дела или решения какого-л. вопроса из-за мелочных формальностей; нарочито-медлительное исполнение какого-л. поручения, работы и т. п.». Также есть пометка разговорного стиля речи. В переводе используется «paperwork»,

который, согласно словарю Merriam-Webster, переводится как «рутинная канцелярская или делопроизводственная работа, часто сопутствующая более важной задаче». В переводе отражается смысл оригинального слова, но теряется стилистическая окраска.

Рис. 2. Иллюстрация Примера 2

При переводе комиксов следует использовать словари, в которых представлены идиомы и стилистически маркированная лексика, анализировать словарные статьи и дефиниции, а также изучать материалы, представленные на интернет-сайтах и форумах, посвященных различным сериям комиксов. Переводчик должен рассматривать текст как целостную структуру и учитывать культурные различия между исходным языком и целевым языком, точно передавать идиоматические выражения, сохранять смысл оригинального текста и достигать аналогичного эффекта в целевом языке, избегать использования ложных друзей переводчика и не бояться вносить существенные изменения в текст при необходимости, но не добавлять стилистически маркированной лексики, которых нет в оригинале.

Библиографический список

1. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург: УГПУ, 2006. С. 75–79.
2. *Матанцева М. Б.* Лингвистические особенности русского комикса // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. С. 3–7.
3. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

УДК 82-1/-9

ББК 83.3(2=411.2)6

Л. С. Сидоренко

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», г. Самара

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕОПОЭТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. ИЛИЧЕВСКОГО *ИСЛАНДИЯ*)

Аннотация. Статья посвящена исследованию пространства современного романа с точки зрения геопоэтического подхода. Рассматриваются особенности ландшафтов романа А. Иличевского *Исландия* в сопоставлении с образами более ранних произведений автора. Представлены основные пространственные антитезы: город-пустыня, дневной и ночной локусы. Особое внимание уделено мотиву времени и его образной выраженности в деталях и образах ландшафта.

Ключевые слова: геопоэтика, художественное пространство, современный роман, А. Иличевский.

L. S. Sidorenko

Samara National Research University, Samara

MODERN NOVEL THROUGH THE PRISM OF GEOPOETICS (BASED ON MATERIAL OF A. ILICHEVSKY'S NOVEL *ICELAND*)

Abstract. The article is devoted to the study of the space of the modern novel from the point of view of the geopolitical approach. The features of the landscapes of A. Ilichevsky's novel *Iceland* are considered in comparison with the images of the author's earlier works. The main spatial antitheses are presented: desert city, day and night loci. Special attention is paid to the motif of time and its figurative expression in the details and images of the landscape.

Keywords: geopoetics, the space of the novel, the modern novel, A. Ilichevsky.

Геопоэтические или геокритические подходы к анализу современного романа предполагают психоаналитическое прочтение, которое заключается в совместном конструировании автором и читателем меняющегося литературного пространства. Термин *геопоэтика*, впервые введенный К. Уайтом [8], упоминается в работах М. Колло [7] и других исследователей. Он подчеркивает особую связь между отношением к миру и творческим актом. При геопоэтическом подходе ландшафт является местом осуществления мысли в пространстве.

Мы обращаемся к анализу романов А. Иличевского в его тесной связи с развитием современного литературного процесса в России. Произведения писателя отмечены премией «Большая книга» в 2010 году за роман *Матисс* и в 2020 году за роман *Чертеж Ньютона*. По мнению В. Елистратова, творчество автора отражает важные тенденции развития отечественной литературы: «Александр Иличевский – тот же Шишков или Даль (прозаик) XXI в. Проза его – палеонтологическая ретроспекция, высокохудожественная каталогизация накопленного русской прозой за последние полтора–два века» [2, с. 219].

Особые смыслы ландшафта, особая пейзажная линза свойственны А. Иличевскому. А. Парщиков выделяет определенный тип героев писателя – «мерцающий фантом между пространством высказывания и происходящим» [5].

Мир в романах А. Иличевского представляется точечным и локально-обусловленным: «Москва, Молдавия, Крым, Ока, Каспийское море, Израиль, Кипр» [2, с. 217]. По мнению В. Пустовой, герой «маниакально» увлечен ландшафтом, его «путешествие – сверхсюжет этой прозы, герой Иличевского охотно перемещается по карте – Москвы, России, мира» [6]. Исследователь даже выделяет сверхперсонажей прозы А. Иличевского: ландшафт и зрение. Особый фокус и частое употребление слов «глаз», «сетчатка», «пейзажная линза», упоминание оптических приборов, таких как микроскоп и телескоп, формирует образ окружающего пространства, в котором авторская картина мира мозаично состоит из увиденного и сокрытого. Это сокрытое обнаруживает герой, а вслед за ним интерпретирует и воспринимает читатель. В итоге рождаются новые концептуальные смыслы ландшафта. Эту особенность в творчестве писателя отмечает и С. Беляков: «ландшафт – ключевое понятие в прозе Иличевского: “ландшафт важнее, таинственнее государства”» [1].

В романе *Перс* пространственные образы связаны с глубинными смыслами: его реки текут на Юг и Восток, к местам детства главного героя, прошедшем на Апшероне. Они становятся метафорическим образом времени жизни. Путь реки – это путь в воспоминания, в детство. По мнению С. Белякова, в романе присутствуют и воронки пространства или границы: берега и реки, плавни и вокзалы – «ворота в бездну, в бескрайние и бесконечные пространства» [1].

Бездна противопоставляется населенному городскому локусу с его архитектурными доминантами. Так, в романе *Чертеж Ньютона* убранизированные ландшафты противопоставлены ненаселенным пустынным, горным районам. И граница между суетным миром столицы и тайнами безграничной Вселенной лежит в вертикальной плоскости: герой стремится подняться над городом на самолете, лифте, что позволяет ему осмыслить пережитое. Этот способ самопознания и понимания мира В. Елистратов называет «новой самоидентификацией», которая свойственна современной отечественной литературе в целом [2, с. 217].

По мнению самого писателя, «каждый следующий роман <...> – это такое строительство: заселение домами новых земель» [4]. А читатель наделяет ландшафты особыми смыслами, ибо «роман – живое существо» [4].

В романе *Исландия* главный герой Михаил, по прозвищу Топограф, работает геодезистом в Иудейской пустыне. До недавнего времени он жил в городе, но всегда завидовал лётчикам и ангелам, «способным скользить по коже карты» [3, с. 198].

В начале романа героя приглашают на коллоквиум в Берлин, где по дороге в полупустом вагоне он видит слепца со спутником. Михаила поражает ощущение тьмы, в которую погружен незрячий человек, и его стремление населить эту пустую тьму звуками голоса: он просит спутника постоянно с ним говорить. Это ключ к пониманию всего пространства романа. Оно наполнено смыслами, нет пустого пространства: оно – книга. И ее должен прочесть герой Иличевского. У него имеется особый анализатор, о котором говорится во вставной драме: «Сегодня хороший урожай на алфавит. Анализатор потрудились. (Михаил достаёт из сумки прибор, нажимает кнопки.) Для пустыни тем более роскошная добыча» [3, с. 197].

А еще ландшафт является живым как «тело Адама»: «в этой небольшой стране – размером с тело Адама – от одной простёртой руки до другой простёртой руки меняется время года» [3, с. 214]. Поэтому пространство связано с ощущением времени. Герой сопоставляет населенное пространство с быстротечностью жизни, а в пустыне, как и в небесной сфере, время замедляет свой ход: «Медленное время – для страданий. Когда страдаешь, время останавливается» [3, с. 198].

Сквозной деталью, связанной с перемещением в пространстве памяти и с ощущением времени, являются «дедовские часы». На самом деле «часы прадеда, оказывается, совсем не часы. А некий особенный прибор, обучающий человека вечности» [3, с. 232].

Иличевскому важно показать, что граница города и пустыни не только пространственная («жизнь здесь стоит на краю Иудейской пустыни» [3, с. 214]), но и временная. Когда город пустеет и стихает дневная суэта: «солнце опускается за карнизы,

и в город вглядывается пустыня» [3, с. 215], а утром «рассвет тлеет в золе пустыни» [3, с. 215].

Для героя пространство ночи – это мир, воспринимаемый через череду воспоминаний и личных смыслов, которые он открывает в себе самом: «Луна движется за мною на поводке, и ночь распускает свой синий парус. Я встаю на цыпочки и ножом распарываю его. За парусом сидят керубы, я слышу их затаившееся дыханье» [3, с. 215].

Ночной город – живое призрачное существо: «Камень домов под луной кажется телом призрака. Мальчик засыпает внутри камня и видит сны моллюска, эти сны – крупинки известняка» [3, с. 215].

В дневное время городское пространство в восприятии Михаила связано с полуденным солнцем: «в этом городе "жизнь", "олива", "солнце", "роза", "воздух" – однокоренные слова» [3, с. 215].

Городу противопоставлен пустынный ночной ландшафт. Рождается образ через «готику отвесных склонов», «скальные соборы», образы монастырей в пустыне. Герой в пустыне обращается к смыслу человеческого существования и неизбежности смерти: «Стоит заблудиться в пустыне, чтобы встретить себя. Смерть – это объятия двойника» [3, с. 219]. Двойник – это сам герой, заблудившийся в лабиринтах своей памяти. «Я и другой» – это путь разрушительного двойничества, неспособность преодолеть самого себя прежнего, раздвоенность внутренняя: между самим собой сейчас и воспоминаниями.

Именно пустыня, в которой герой прокладывает геодезическими метками дорогу, является особым мистическим ландшафтом, где возникает ощущение, что время жизни, даже если оно замедляется, не остановить. Поэтому для героя страшнее всего «застыть, уподобиться шпанской мушке, утопающей в слезе вишневой смолы» [3, с. 217–218] или заблудиться.

Таким образом, проблема смысла человеческой жизни, связи личного и общего в масштабах истории человечества выражается в восприятии пространства: «человек состоит из голоса и горстки воспоминаний. Город, в котором он идёт, подобно игле в бороздке, по узким, заросшим доверху камнем улочкам, заново извлекает одному ему ведомую мелодию» [3, с. 218].

В авторской концепции пространства важны особые знаки ландшафта: «Пустыня, человек, каменная пирамидка, заклинающая духов пустыни, – знак, запятая. Строки тоже призваны зачать духов чистой бумаги» [3, с. 219].

Образ книги, которую прочитывает герой, перемещаясь в пространстве, имеет особые локусы притяжения: от суетного мира города – в пустые пространства, где герой через личные переживания открывает смысл жизни. Человек Иличевского – знак, запятая на страницах книги ландшафта. В то же время ландшафт – книга, которую нужно прочесть. Так рождается геопэтика романа «Исландия», которая базируется на ключевых пространственных метафорах.

Библиографический список

1. *Беляков С.* Память ландшафта // Новый Мир. 2008. № 10. С. 170–176. То же: URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/10/pamyat-landshafta.html?ysclid=ltngov3rgg120039495 (дата обращения: 11.03.2024).
2. *Елистратов В.* Молчание известняка // Знамя. 2008. № 10. С. 216–219.
3. *Иличевский А. В.* Исландия. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 310 с.
4. *Иличевский А.* Хищность зрения: Ответы на вопросы Дм. Бавильского // Топос. 27.04.2007. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/hishchnost-zrenia/dossier_1294/ (дата обращения: 11.03.2024).
5. *Паршиков А.* Свобода первична по отношению к выбору: О прозе Иличевского // Новый метафизис. 2008. 26 января. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/parshikov-ob-ilichevskom/?ysclid=ltndwm8q9140184325> (дата обращения: 11.03.2024).
6. *Пустовая В.* Крупицы тверди. Александр Иличевский // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 96–112. То же: URL: <https://voplit.ru/article/krupitsy-tverdi-aleksandr-ilichevskij/?ysclid=ltng5q6ro659970933>
7. *Collot M.* Pour une géographie littéraire. Corti, Paris, 2014. P. 280.
8. *White K.* Le Plateau de l'albatros: Introduction à la géopoétique. Paris: Grasset, 1994. 363 p.

УДК 81'373.46
ББК 81в3

А. Ю. Соколова

Тверской государственной медицинской университет, г. Тверь

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА *АССИМИЛЯЦИЯ*

Аннотация. В российской лингвистике значительно увеличилось количество работ, посвященных изучению различных аспектов процесса заимствований. Однако, как показывает исследование, отсутствует общепринятая единая терминология данного направления. В настоящей статье приводится обоснование использования термина *ассимиляция* для описания процессов преобразования заимствованных единиц в языке-реципиенте.

Ключевые слова: заимствования, преобразования заимствований, терминология, ассимиляция.

A. Yu. Sokolova

Tver State Medical University, Tver

DEVELOPMENT OF THE TERM *ASSIMILATION*

Abstract. In Russian linguistics, the number of works devoted to the study of various aspects of the borrowing process has increased significantly. However, as the study shows, there is no generally accepted unified terminology in this area. This article provides a rationale for using the term *assimilation* to describe the processes of transformation of borrowed units in the recipient language.

Keywords: borrowings, transformations of borrowings, terminology, assimilation.

Данное исследование является продолжением серии работ, посвященных разработке терминологического аппарата, который используется при описании преобразований языковых единиц в процессе заимствования. В данной статье приводится обоснование использования термина *ассимиляция* для обозначения указанного явления.

В советской лингвистической литературе отсутствовала единая терминология для обозначения преобразований заимствованных языковых единиц. Для этого использовались такие термины, как *переоформление*, *изменение*, *освоение* [1], *усвоение* [4], *преобразование* [2], *адаптация*, *вхождение в язык*, *упорядочение*, *приспособляемость*, *трансформирование* [3; 4].

На современном этапе развития российской лингвистики значительно увеличилось количество работ, посвященных изучению заимствований. Это естественным образом связано с расширением языковых контактов и закономерным увеличением объема заимствований в языке. Однако терминология данного раздела лингвистики так и осталась не сформированной. Наиболее часто в данном разделе российского языкознания используются термины *ассимиляция*, *натурализация*, *интеграция* и *адаптация*. Эти термины были заимствованы российской лингвистикой из зарубежной литературы [7; 8; 9].

Как показало проведенное исследование, наиболее удачным термином является термин «ассимиляция», под которым понимаются изменения, происходящие в процессе интеграции или натурализации заимствованных слов к системе языка-реципиента.

Подобный вывод был сделан на основе сравнительного, семантико-этимологического анализа различных терминов, используемых в этой области.

Однако остается открытым вопрос, насколько оправдано употребление этого заимствованного термина.

Для начала мы исходим из того факта, что в указанной терминологической области отсутствовала общепринятая терминология. В связи с этим возникает необходимость введения единого термина. Им становится термин «ассимиляция», который сам, будучи заимствованным из иностранных лингвистических исследований, подвергается преобразованиям. Данный термин прошел полную фонетическую, графическую, грамматическую и синтаксическую ассимиляцию, то есть приобрел все языковые характеристики, свойственные единицам русского языка. Наиболее значимым моментом развития самого термина *ассимиляции*, как в прочем и любого другого заимствования, являются лексико-семантические преобразования.

Под лексико-семантической ассимиляцией подразумеваются изменения, происходящие с семантикой слова. Как известно, заимствованные единицы могут сохранять свое значение в языке-реципиенте, изменять (постепенно или резко) в связи с изменением самого понятия или появлением нового понятия, а также приобретать новое значение. Термин *ассимиляция* сохранил свое значение в русском языке. Но как показало исследование, среди лингвистов предыдущего поколения возникают споры о возможности использования этого термина для описания преобразования заимствованных единиц. Это связано со значением, которое приписывалось данному термину в советском языкознании. Термин *ассимиляция* в советском языкознании широко использовался в фонетике. Ассимиляция в этом разделе науки о языке рассматривается как уподобление одного звука другому в артикуляционном и акустическом отношениях (ср.: *диссимиляция*). Ассимиляция возникает у гласных с гласными, у согласных с согласными. В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило термин *ассимиляция* получает трактовку из сферы социолингвистики – слияние одного народа с другим путем усвоения его языка, обычаев или смена одного лингвокультурного кода другим [6].

Очевидно, что неприятие термина *ассимиляция* было вызвано тем, что в русском языке на момент заимствования этого термина в языке уже использовался его омоним, имевший другое значение и признанный лингвистами. Естественно само понятие уже имелось в языке, не было необходимости его заимствовать. Но оно не имело четкого наименования. Это привело к появлению иностранного заимствования, которое удовлетворяло критериям существования любого термина в целом: точность и практическая краткость.

Критерий точности гарантирует то, что каждое понятие выражается особым звуковым комплексом, не применяемым для обозначения другого понятия в той же или родственной системе терминов. Именно это и свойственно заимствованному термину *ассимиляция*. Специфичное содержание понятия удачно и эффективно для восприятия передается именно эти термином. Причем содержание указанного термина должным образом отражает все признаки данного понятия. Термин *ассимиляция*

происходит от латинского слова *assimilare* «уподоблять» и восходит к праиндоевропейским элементам **ad* «к, около, у» и **sem-* «похожий, существующий вместе с подобным». Ассимиляция называет процесс становления элементом новой среды в результате неких внутренних преобразований субъекта; неосознанный, нецеленаправленный процесс. Иные термины, используемые в данной области лингвистики, не способны выразить всесторонность данного явления. Так, термины *натурализация* и *интеграция* описывают сами процессы вхождения единицы (языка) в новую систему, однако они не затрагивают никаких аспектов изменений единиц, которые сопровождают этот процесс. Термин *адаптация* содержит в себе семантику «активного осознанного действия», что вряд ли может быть применимо к языковым единицам. Данный термин вполне употребим при обозначении процесса преобразования новых иноязычных языковых единиц носителями языка-реципиента.

Стоит отметить, что привлечение заимствований – один из наиболее распространённых способов терминообразования. Именно заимствование способно передать все содержание понятия, а не его отдельные стороны, что мы и видим с терминологией исследуемой области. Иноязычный термин *ассимиляция*, таким образом, является более точным и признанным во всем мире.

Предлагаемый в исследовании вариант соответствует всем критериям термина (классификации, предложенная Д. С. Лотте [4, с.101–103]):

– внедренность: термин *ассимиляция* в настоящее время широко используется не только в англоязычной литературе, но и российской;

– однозначность: в пределах указанной терминосистемы предлагаемый термин является однозначным;

– единственность: отмечается отсутствие абсолютно синонимичных терминов по значению и сферы употребления;

– качество формы: термин *ассимиляция* полностью соответствует критериям краткости и удобства в употреблении. Данный иноязычный вариант является более точным для описания преобразований заимствованных единиц и международно-признанным.

Библиографический список

1. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / под редакцией Н. С. Валгиной. М.: Логос, 2002. 528 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Рус. яз., 2002. 527с.
3. Ильина О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск: НГУ, 1998.
4. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учеб. для филол. специальностей высш. пед. учеб. заведений / предисл. В. А. Виноградова. М.: Аспект-пресс, 1996. 536 с.
6. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим, 2010. 376 с.
7. Bloomfield M. Assimilation and Adaptation // The American Journal of Philology. 1895. Vol. 16, no. 4. P. 409–434. URL: <https://doi.org/10.2307/288280>.
8. Hafez O. Phonological and Morphological Integration of Loanwords into Egyptian Arabic / Ola Hafez // Les langues en Égypte. 1996. Vol. 27–28. P. 383–410. Doi: 10.4000/ema.1958.
9. Zhou L. Loan Words in Modern English and Their Features // Sino-US English Teaching. March 2016. Vol. 13, no. 3. P. 209–212. Doi: 10.17265/1539-8072/2016.03.006.

УДК 81'37:821.161.1-1
ББК 81.055.52:83.3(2Рос-Рус)6-8

Л. А. Соколова

ФГБОУ ВО ПГУПС императора Александра I, г. Санкт-Петербург;
ГБОУ «Морская школа, г. Санкт-Петербург

**ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ
НАПОЛНЕНИЕ НОМИНАЦИЙ ГРУППЫ ФЛОРОНИМЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ К. Д. БАЛЬМОНТА:
ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ МИРА**

Аннотация. В статье рассмотрены слова лексико-семантической группы флоронимы. Исследованы номинации флоронимов (наименований цветов) с точки зрения их включения в авторский контекст и взаимодействия с другими словами. Выявлено, что флоронимы играют важную роль в восприятии автором мира: имеют символическое значение; расширение семантики связано либо с конкретным поэтическим периодом, либо с результатом индивидуально-авторского восприятия окружающего мира. Таким образом, в семантической структуре того или иного флоронима обнаружены традиционное и индивидуально-авторское значение.

Ключевые слова: флоронимы, номинация, символ, семантика, лексико-семантическая группа, расширение семантики слова, индивидуально-авторское восприятие.

L. A. Sokolova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University,
St. Petersburg; Maritime School, St. Petersburg

**LINGUISTIC REALIZATION AND SEMANTIC CONTENT
OF NOMINATIONS OF FLORONYMS GROUP IN POETIC
WORLD OF K. D. BALMONT: REFLECTION OF
INDIVIDUAL AUTHOR'S PERCEPTION OF THE WORLD**

Abstract. The article examines the words of the lexico-semantic group floronyms. It examines the nominations of floronyms (names of flowers) from the point of view of their inclusion in the author's context and interaction with other words. It is revealed that floronyms play an important

role in the author's perception of the world: they have symbolic meaning, the expansion of semantics is associated either with a specific poetic period or with the result individually-the author's perception of the surrounding world. Thus, the traditional and individual author's meaning are found in the semantic structure of a floronym.

Keywords: floronyms, nomination, symbol, semantics, lexico-semantic group, expansion of the semantics of the word, individual author's perception

Цветы цветут, их чаши дышат страстно,
Желанны их цветные лепестки,
И роскошь их оттенков полновластна.

К. Д. Бальмонт

[*Отречение*, Т. 2, с. 607, сб. *Только любовь*].

В русской поэзии растительный мир по праву можно назвать феноменом, и природным, и историко-культурным, и духовным. Это связано прежде всего с тем, что в трепетном отношении к растительности своей родины творческое сознание поэтов включает в себе вспероникающую, глубокую и искреннюю любовь к русской природе, раскрывая смысл всемирно значимых традиций, обозначая суть историко-культурных и бытийных ценностей. Растительный мир предстает перед читателем как средство многогранного воплощения авторского художественного мира, в котором природа осмысливается не только как среда обитания всего живого, но как средоточие высокой духовности.

В поэзии Константина Дмитриевича Бальмонта отношение автора к миру природы является главным стержнем его художественного мира: выросший на лоне природы в деревне Гумнищи (Ивановская область), поэт с раннего детства впитывал красоту родных мест, природа вдохновляла и одухотворяла его, впоследствии он считал природу непостижимой, недоступной рациональному восприятию, живущей своей жизнью, со своими великими целями, не поддающейся объяснению, «это мир недосказанного, царство призрачных теней, того, что чувствуется, но не поддается выражению» [3, с. 278].

Исследователь-бальмонтовед Т. С. Петрова в статье *Мир растений в поэзии К. Бальмонта* не без основания утверждает, что автор почти не употребляет слова семантического поля

«растительный мир» без контекстных смысловых приращений: «Даже в чисто пейзажных стихах деревья, цветы, травы – это явления единого мира, в котором у человека есть свое, определенное место и который человек пытается осмыслить; естественно, что образы и номинации растений становятся знаками-символами» этого мира» [4, с. 278]. Одним из таких знаков-символов в поэтическом мире автора можно назвать цветы, как воплощение неисчерпаемого богатства природы.

В данной работе для обозначения цветов мы используем термин *флоронимы*, являющийся в лингвистике относительно новым. В научной литературе можно встретить синонимичные понятие *фитоним* и образованные по аналогии *зоонимы*, *антропонимы* и т. д. В нашем исследовании мы будем придерживаться достаточно узкого определения флоронимов, подразумеваемая под ними цветущие растения.

Цветы в поэзии К. Д. Бальмонта являют собой отдельный многозначный образ, это прелестные и поэтичные создания природы, символизируют мир, красоту и совершенство; юность, весну и расцвет; нежность, любовь и гармонию. Флоронимы посредством индивидуально-авторского восприятия приобретают дополнительные смысловые компоненты, наряду с традиционным, прямым значением у слова посредством включения его в контекст и сочетаемость с другими словами появляется метафорическое, индивидуальное значение в структуре символа.

Спектр использования флоронимов в текстах К. Д. Бальмонта, по нашим наблюдениям, достаточно широк, условно их можно разделить на три группы:

– полевые (луговые, лесные, водные, горные) цветы: лютик (амур, адонис амурский, любисток), мак, колокольчик, кашка, клевер, ромашка, одуванчик, василек, хмель, подснежник, незабудка, барвинок, ландыш, купава, лилия, папоротник, эдельвейс, акация;

– садовые (домашние) цветы: роза, лилия, мимоза, гвоздика, амараллис (гипераструм), георгины, ирис, нарцисс, сирень, мимоза, маргаритка, глициния (люпин), резеда, фиалка (левкой), иммортель (сухоцвет);

– цветы других стран: орхидея, жасмин, лотос, гибискус, магнолия (чампак), бромелия, эпомея (вьюн), арум.

Первая группа используется чаще всего, это цветы родного края, образы-символы их отражают историко-культурный контекст, в частности, мифологию наших предков славян. Так, флороним *ландыш* по славянской легенде – это слезы царевны Подводного царства Волхвы, полюбившей Садко и впоследствии узнавшей о его любви к другой [6].

Бальмонт сохраняет доминирующей признак флоронима – любовь, следуя славянской традиции, преобразуя и дополняя его семантику через включение слова в контекст:

Май, Май, / Свежий сон, / ... Ландыш здесь, / И ландыш тут, / Эти ландыши поют... [*Май*, Т. 2, с. 602, сб. *Хоровод времён*, 1908]; ... Где ландыши в роще и дышат, и светят, / И если их спросишь, – слезами ответят... [*Позабывтое*, Т.1, с. 161, сб. *Тишина*]; ... Весною светлой, как вестник Мая, / Целую ландыш, в мечту влюблённый... [*Снежные цветы*, Т.1, с. 143, сб. *Тишина*] – антропоцентричность образа несомненна: ландыши, словно живые создания, могут дышать, воспроизводить музыкальные звуки, излучают свет (предположительно, как светятся глаза у счастливого человека). В словосочетаниях «слезами ответят» и «в мечту влюбленный» реализовано значение образа, закрепленное в славянском мифе о Волхве.

Факт того, что ландыш – нежный цветок, связанный с любовью, помогают усилить определения и эпитеты с указанным словом:

Как хороши цветы! В них райская есть слава! / И запах ландышей – медвян, певуч и густ... [*Прости, Избранное*, с. 306, сб. *Белый зодчий*, 1914]; Твой смех прозвучал серебристый... / Нежнее, чем ландыш душистый... [*Нежнее всего*, Т. 1, с. 241, сб. *Горящие здания* 1899]. Любимый авторский прием синэстезии помогает читателю почувствовать необыкновенный тонкий аромат цветка: наряду с тем, что это запах приятный, медовый и насыщенный, он еще обладает музыкальностью.

Наиболее часто в текстах автора используется фитоним *роза*. Этому цветку приписывают множество символов: выражение своих чувств, любовь, страсть, признательность, желание [5]. В поэтическом мире К. Д. Бальмонта роза связана в большинстве случаев употребления слова с красным цветом, с цветом крови:

... Кровью дышат все поля. / Кровью дышат розы, маки,
И дневные две зари... / Яркие маки, маки с кровью, / Яркие розы,
в розах кровь... [*Огонь*, сб. *Литургия красоты*].

Семантика любовного чувства присутствует в словосочетаниях «ласковость в розах», «зардевшие розы», «губы роз», в сравнении мерцания роз с дрожанием желаний лирического героя:

В моём саду мерцают розы белые, / Мерцают розы белые
и красные,

В моей душе дрожат мечты несмелые, / Стыдливые, но
страстные. [*В моём саду*, Т2, с. 411, сб. *Будем как солнце*, 1902].

Фитонимы, которые автор встречал в заграничных поездках, наполнены значением с семой «чужое», а значит, вызывающее негатив, неприязнь, даже агрессию: «арум – губительный цветок», «лотос – печаль», «мертвенный цвет туберозы» и т. п. Для автора цветы родины ближе, они вызывают только положительные эмоции, в то время как цветы чужестранные воспринимаются как что-то враждебное.

В целом, поэтический мир К. Д. Бальмонта посредством включения лексем-фитонимов обретает индивидуальность и красоту, а Красота объединяет и одухотворяет природу; Бальмонт приходит к предположению, что цветы – проявление сущности природы, живые знаки этой сущности.

Таким образом, флоронимы в творчестве К. Д. Бальмонта служат не только художественным средством для передачи красоты родной природы или в целях усиления лирической выразительности, они передают органическую» сущность поэтического мировосприятия, обеспечивают цельность его творческой системы. Несомненно, через образы цветов в творчестве писателей и поэтов раскрывается тема красоты и непостижимой таинственности мира. Семантика образов фитонимов посредством включения их в сочетаемость с другими словами расширяется.

Библиографический список

1. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: в 2 т. Можайск-Терра, 1994.
2. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1–5. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.

3. Константин Бальмонт. Стозвучные песни. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1990. 336 с.

4. Петрова Т. С. Мир растений в поэзии К. Бальмонта // Константин Бальмонт и мировая культура: сборник научных статей I Международной конференции (2–4 октября 1994 г.). Шуя, 1994.

5. Символ розы – значение и символика. URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-can-roses-symbolize.html> (дата обращения: 12.03.2024)

6. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303с.

УДК 82.09-1

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-45

Е. И. Соловьева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ХАРАКТЕР ВЫСТРАИВАНИЯ ОППОЗИЦИЙ ВНУТРИ ПЕЙЗАЖНЫХ ОБРАЗОВ И. ЖДАНОВА (ОПЫТ АНАЛИЗА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ)

Аннотация. В статье ведется речь о специфике выстраивания оппозиций в поэтических пейзажах И. Жданова. Образы рассматриваются с точки зрения системного подхода, а также через призму понятия метаболы. Делаются выводы о нейтрализации противоречащих начал внутри пейзажа. Оппозиционная унификация, свидетельствующая о природном генезисе поэтических форм, определяется как маркер пейзажного кода.

Ключевые слова: пейзаж, пейзажный код, метаболы, метареализм, поэтическое мировоззрение

E. I. Solovyeva

Ivanovo State University, Ivanovo

**THE NATURE OF BUILDING OPPOSITIONS
WITHIN LANDSCAPE IMAGES BY I. ZHDANOV
(EXPERIENCE OF ONE POEM ANALYSIS)**

Abstract. The article discusses the specifics of building oppositions in the poetic landscapes by I. Zhdanov. Images are considered from the point of view of a systems approach, as well as through the prism of the concept of metabola. Conclusions are drawn about the neutralization of contradictory principles within the landscape. Oppositional unification, testifying to the natural genesis of poetic forms, is defined as a marker of the landscape code.

Keywords: landscape, landscape code, metabole, metarealism, poetic outlook.

Обращение к природным образам и осмысление взаимоотношений человека и природы было характерно для литературного творчества с момента его зарождения. При этом поступательное развитие художественной поэтической и научной литературоведческой мысли приводит нас к целесообразности не только выделения понятия пейзажа, но и разработки концепции пейзажного кода. Системная суть кода подразумевает понимание пейзажа как структуры, обнаруживающей взаимосвязь всех своих элементов, где фоновая, декоративно-бездейственная условность исключена. При этом сам характер взаимосвязи раскрывается во множественных проявлениях, в том числе и в том, как соотносятся между собой полярные, противоречащие категории.

Надо сказать, что оппозиционная модель очевидно привычна как для природного мира (день сменяется ночью, лето спорит с зимой и т. д.), так и для пейзажа, не только фиксирующего и осваивающего имеющиеся в природе полярности, но и выстраиваемого в изначально оппозиционной горизонтально-вертикальной плоскости. При этом оппозиции природные и человеческие едва ли существуют по эквивалентным законам: человек стремится к преодолению противоречий путем выбора одного из вариантов, природному же миру более свойственен

принцип синтеза и сосуществования. В этом, вероятно, кроется причина, по которой природные оппозиции не вызывают у нас дискомфорта ощущения необходимости выбора и даже, напротив, свидетельствуют о гармоничном устройстве неруко-творной действительности. В свою очередь, метареалистическая картина мира, основанная на метаболическом приращении и взаимном перетекании бесконечных реальностей, предлагает нам синтезированную совокупность, основанную не просто на сосуществовании, но на взаимодействии и обратимости.

В поэтическом мире Ивана Жданова, обращаясь к чьим текстам, М. Н. Эпштейн формулирует сам принцип метаболической взаимосвязи реальностей [4], пейзажи занимают особое место, служат неким ключом к постижению действительности, способом расширения ее границ и приобщения к вселенским тайнам.

Рассмотрим на примере стихотворения *Пустая телега уже позади*, как внутри пейзажных образов Жданова происходит выстраивание оппозиций. Выбранный текст интересен нам тем, что развертывает сюжет отрешения человека от бытовой гонки (бега) и присоединения его к идиллическому природному миру. Фактически сюжет сводится к умиранию героя (по крайней мере, умиранию для суетной реальности, переходу из нее в другую), но реализуется через мотив возвращения к истокам, к природному миру, то есть не через мотив утраты, а, напротив, приобретения, возвращения от ложного к истинному, мимолетного к вечному, исчерпаемого к беспредельному, обыденного к нетривиальному. Иными словами, сама тематическая основа и мотивная канва стихотворения может быть сжата до оппозиционной пары жизнь/смерть или природное/человеческое:

Пустая телега уже позади,
и сброшена сбруя с тебя, и в груди
остывшие угли надежды.
Ты вынут из бега, как тень, посреди
пустой лошадиной одежды [1, с. 79–80].

Простор степей обретает космические масштабы, лишая пейзажную картину рамок, лирический герой оказывается один на один с самим собой и пейзажем, постепенно становясь его

частью, но одновременно обретая значимость и самость. Происходившее в человеческой материальной среде носило принудительный, насильственный характер («ты вынут», «ты брошен» – страдательный залог), тогда как внутри пейзажа лирический герой действует сам, понимая и принимая то, что с ним происходит, как нечто естественное и верное («ты явился», «ты уходишь» – действие совершает сам субъект):

Таким ты явился сюда, на простор
степен распростертых, и, словно в костер,
был брошен в веление бега.

Таким ты уходишь отсюда с тех пор,
как в ночь укатила телега [1, с. 80].

Примечательно, что для осуществления метаболического сообщения природной (вечной) и человеческой (преходящей) реальностей используется сравнение человека с животным. С одной стороны, событийная круговерть приравнивается к животному, бездумному, загнанному состоянию, с другой – когда телега оказывается позади, а сбруя сброшена, то есть утрачивается все созданное человеком, временное и подверженное разрушению, то возобновляется первородная связь с природой, и сравнение с лошадьё уже воспринимается как символ избавления от тягот, возникают полные беззаботности и свободы образы буланого детства и бродящего табуна, а также образ кобылы, почти соотносимый с материнским:

А там, за телегой, к себе самому
буланое детство уходит во тьму,
где бродит табун вверх ногами
и плачет кобыла в метельном дыму,
к тебе прикасаясь губами [1, с. 80].

Важно заметить, что при несомненном метареалистическом единстве природы и самого человека противоречие между земной людской суетой и гармонической природной нирваной отнюдь не снимается. О неразличении между этими двумя мирами речи не идет, однако важно констатировать саму возможность порталного перехода между ними. Концептуальная непреодолимость данной оппозиции может быть объяснена

изначальной несоразмерностью ее составляющих. Так, исследуя творческую манеру Жданова, Н. С. Чижов отмечает, что в текстах поэта реализуется убеждение о катастрофическом исходе такого типа отношений человека к окружающей его природной среде, при котором человек признается тождественным природе [3]. В свою очередь, О. Н. Меркулова отмечает, что противопоставление в поэтическом мире Жданова состоит в том, что жизнь в ее естественных разнополярных составляющих приравнивается к непреложной, бессмертной истине, тогда как все искусственное и ненастоящее является ложным, обманчивым и тленно-преходящим [2].

В завершающей строфе мы видим примирение оппозиции небесного и земного, явленной как через классическую зеркальную взаимосвязь неба и воды, так и посредством выстраивания более частного и детализированного образа клубящейся в небесах травы. Мир растений и облаков оказывается метаболически сближен через третью, общую реальность утреннего тумана, не только позволяющего траве уподобиться облачному пару, но и изменяющего расстояние, уравнивающего горную вертикаль с земной горизонталью. Сам рассвет тоже воспринимается как переходное состояние, объединяющее ночь и день и делающее далекое, недостижимое, космическое тело осязаемым в теле земного животного:

Небесный табун шелестит, как вода,
с рассветом приблизятся горы, когда
 трава в небесах закружится
 и тихо над миром повиснет звезда
со лба молодой кобылицы [1, с. 80].

Таким образом, пейзажные образы И. Жданова существуют на обратимости, как на неисчерпаемом метаболическом топливе: даже хаос в них не деструктивен, а подчинен консонансным законам вечной жизни. Единственная обнаруживаемая в поэтике Жданова оппозиция внепейзажна и состоит в том, что природа, определяемая как бессмертное постоянство, оказывается подчеркнута неравновесной категорией в сравнении с человеческим, искусственным, суетным, недолговечным миром. Лирический наблюдатель, встраиваемый в природную парадигму

посредством субъективного восприятия и художественного освоения пейзажа, тем самым приобщается к вечной жизни. При этом связь со вторым (бренным) началом не утрачивается всецело, но приглушается и денегативизируется. В самом стремлении лирического субъекта слиться с пейзажем, но так обрести свою подлинную суть, тоже читается оппозиция – индивида и всего мироздания – которая если и не снимается окончательно, то утрачивает проблемный пафос. Нацеленность на примирение оппозиций внутри пейзажных образов, безусловно, соответствует метареалистической концепции миропонимания. Метаболический перенос значения делает полярные реальности равновеликими, обнаруживает их гармоническое единство. Стирание оппозиций внутри воспроизводимых поэтических образов становится признаком отнесенности их к нерукотворному, вечному миру, свидетельствует о наличии в них природного начала, что позволяет определить данную особенность как один из маркеров пейзажного кода.

Библиографический список

1. *Жданов И. Ф.* Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М.: Русский Гулливер, 2006. 176 с.
2. *Меркулова О. Н.* Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова: дис. ... канд. филол. наук 10.01.01. Иркутск, 2016. 173 с.
3. *Чижов Н. С.* Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук 10.01.01. Тюмень, 2016. 261 с.
4. *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

УДК 821-133.1
ББК 83.3

А. Н. Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново

РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ В КОМЕДИЯХ МОЛЬЕРА

Аннотация. В статье исследуется соотношение в пьесах Мольера реального и виртуального планов, что обусловлено основными положениями классицистской эстетики и установкой на реализацию принципа правдоподобия.

Ключевые слова: классицизм, барокко, правдоподобие, реальное, виртуальное.

A. N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo

REAL AND VIRTUAL IN MOLIÈRE'S COMEDIES

Abstract. The article examines the correlation in Molière's plays of the real and virtual plans. That is explained by the basic principles of classicist aesthetics and the focus on the realization of the simulacrum.

Keywords: Classicism, Baroque, simulacrum, real, virtual.

Творчество Мольера в настоящее время облачено в статус классической литературы и рассматривается большей частью в русле истории литературы. Оно – яркий пример классицизма, классика комедийного искусства. Известно, что проблема правдоподобия в классицизме является одной из важнейших и достаточно изученных. Она, в свою очередь, выводит к понятию реального. Реальное, согласно классицистской эстетической норме, не адекватно правдоподобному [см. об этом 3; 8].

Для Мольера реальность, правда жизни – это объективная действительность, сфера акцидентальных явлений, эмпирически воспринимаемая субъектом. Ее восприятие и интерпретация зависят от установки сознания на определенный свод понятий.

Мольер считает, что таковыми являются принципы, восходящие к аристотелевской и декартовской философии, которые трактуют реальную действительность через устойчивые универсальные законы рации, отрицая случайное, частное. Таким образом, восприятие реальности Мольером, стремясь к правдоподобию, через рационалистическую обработку создает ее условную или, можно сказать, виртуальную модель, что типично для классицизма в целом. Так, Франсуа д'Обиньяк пишет: «На сцене все изображается не таким, каким является в действительности, но таким, каким должно быть <...>» [7, с. 334].

Исходной эстетической установкой Мольера становится позиция золотой середины, должной виртуальности. Она является точкой отсчета при оценке других виртуальных моделей. Понятие «виртуальное» (от лат. *virtualis* – возможный) в различных современных словарях может иметь различные значения. Попыткой их обобщения можно считать следующее определение О. И. Немыкиной: «это понятие, обозначающее состояние, возникающее в результате взаимодействия определенных элементов объективной и субъективной действительности (элементов нашего сознания, компьютера и человека), при наличии определенных искусственно созданных условий и взаимосвязей внутренних компонентов целого, существующее как относительно самостоятельная целостная структура неопределенное время и характеризующееся неопределенностью своего бытия» [6, с. 60].

Известно, что французское общество XVII в. представляет собой весьма сложную структуру в социальном, политическом, религиозном, этическом, культурном планах, что порождало весьма сложную систему различных мировоззрений. Исследователи творчества Мольера справедливо отмечали, что в основе его комедий всегда оказывались факты реальной жизни, осмысленные затем по законам классицистской эстетики (*Общество свя-тых даров*, Фронда и т. д.). К этому следует добавить, однако, что представление о реальной действительности в пьесах Мольера, как правило, являет собой сосуществование различных виртуальных моделей, стремящихся заместить, подменить или исказить реальность. При этом одна из них представляет собой авторскую позицию, основанную на принципах правдоподобия, другие

оказываются случайными, иллюзорными, ложными. Авторская точка зрения, присутствующая в тексте, часто усиливается путем введения персонажа, исповедующего авторскую идеологию золотой середины.

Идеологические виртуальные модели возникают на основании идей и закрепляются в правилах, нормах, ритуалах, поведении, этикете и, что самое главное, в языке. Мольер прекрасно понимал, что именно через язык барокко и классицизма создаются различные модели реальности и по-разному ее интерпретируют. Он так же отчетливо осознавал присутствие во французском языке своего времени разных социальных языковых уровней.

В свое время М. М. Бахтин писал о стратификации языка, выделяя различные его социолекты. С его точки зрения, существует «Внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов (у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты)» [1, с. 76]. Теорию Бахтина по-своему развивает Р. Барт, для которого социолект – особый тип «письма», – «опредметившаяся в языке идеологическая сетка» [2, с. 378].

Подтверждений того, что Мольер чутко улавливал различные социолекты и культурные регистры языка, множество. «Что за дьявольский жаргон? Вот уж поистине высокий стиль!» (пер. Н. Яковлевой) [4, с. 131] – восклицает Горжибюс, услышав речи своих родственниц-прециозниц в *Смешных жеманницах*. В *Версальском экспромте* Мольер учит различным манерам речи своих актеров: «Постарайтесь понять как следует характер ваших ролей и представить себе, что вы и есть те самые лица, которых вы изображаете» (пер. В. Чернявского) [5, с. 184]. Далее каждому дается подробная установка.

Еще одним из подобных примеров является знаменитый монолог Сганареля в *Дон Жуане*, начинающийся словами: «Было бы вам известно, сударь: повадился кувшин по воду ходить – там ему и голову сломить» (пер. А. Федорова) [4, с. 394], в котором хаотично воспроизводятся различные языковые страты.

Идеологическая сетка письма создается коннотативным механизмом, что особо актуально для барочной культуры, в которой преобладает геометрия искривленных линий и переносных смыслов в отличие от классицистского предпочтения прямым линиям и прямым смыслам. Прециозная культура – в первую очередь – язык, создающий виртуальную реальность через коннотацию. Виртуальное подменяет реальное, создает миф. В уже упомянутых *Смешных жеманницах* в основе реальности, присутствующей в сознании героинь, мещанок Мадлон и Като, художественный мир романа Мадлен де Скюдери *Клелия, римская история*, который, в свою очередь, представляет собой вторичную реальность, реальность виртуальную, возникшую на основе определенного типа идеологии, присущей салонной культуре того времени и воплощенной в жизнь особого рода социолектом, активно преобразующим мир через коннотативный механизм. Мольер карикатурно иллюстрирует его, вводя в текст специфичные метафоры. Итог пьесы – разрешение конфликта реального и виртуального в пользу последнего через прием разоблачения, разоблачения и в прямом смысле тоже – через раздевание переодетых в аристократов слуг.

В более поздних комедиях структура сталкивающихся между собой виртуальных реальностей становится сложнее. В комедии *Тартюф* главный герой выступает как идеолог, который через ритуал и социолект своего круга (кружка) возводит конструкцию виртуального мира на основе универсальных традиционных ценностей: добро, сострадание самопожертвование. Эта реальность – сеть, в которую попадают его жертвы, прежде всего Оргон, утрачивающие возможность воспринимать реальное положение дел. В какой-то мере Альцест из мольеровского *Мизантропа* становится проекцией дальнейшего существования прозревшего Оргона. Особый интерес в связи с рассмотрением механизма формирования и функционирования определенной идеологической сетки через соответствующее письмо или социолект представляет комедия *Мещанин во дворянстве*. Господин Журден, мещанин, мечтающий стать представителем другого социального пространства, классический пример человека, создающего виртуальное пространство, в котором он существует и которое, в конце концов, он начинает считать истинным.

Чтобы каким-то образом наладить коммуникацию с ним, нужно создать еще один виртуальный мир, сходный с его собственным, а для комического эффекта – еще более далекий как от реальной действительности, так и в еще большей степени от виртуального мира должной разумности, который создается Мольером.

Смех Мольера направлен на виртуальные реальности, материализованные в различного рода социолектах, к которым автор относится критически. Их столкновение и противоборство по законам комедийного искусства заканчивается триумфом авторской позиции, победой универсального разумного начала, то есть утверждением должной виртуальности. Многие комедии Мольера, однако, несут в себе потенциальное трагическое начало. Более того, комическое в них оказывается в большей степени виртуальным, чем трагическое. Идеальный виртуальный мир Мольера может существовать лишь как художественное допущение, а его творчество является своего рода заклинанием смехом зла, предостережением от пороков человеческой природы, то есть отступлений от норм разумности, но не орудием его искоренения.

Библиографический список

1. *Бахтин М.* Слово о романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–233.
2. *Косиков Г. К.* От структурализма к постструктурализму // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2б. Теория литературы. Методология гуманитарных наук. М.: Центр книги Рудимина, 2012. С. 243–436.
3. *Махов А. Е.* Категория правдоподобия в литературной теории французского классицизма // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 2. С. 10–33.
4. *Мольер Ж. Б.* Комедии. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 944 с.
5. *Мольер.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1937. 748 с.
6. *Немыкина О. И.* Понятие виртуальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. 2011. № 1. С. 53–62.
7. *Обиньяк Ф. д'* Практика театра // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 320–360.
8. *Пахсарьян Н. Т.* Понятие «правдоподобие» во французской поэтике // Литературоведческий журнал. 2008. № 23. С. 77–83.

УДК 81'42
ББК 81.055.1

С. Ю. Тюрина

Ивановский государственный энергетический университет
им. В. И. Ленина, г. Иваново

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА: СИСТЕМА SYMLOG

Аннотация. В работе рассматриваются понятия *дискурс* и *текст*. Описываются различные методы анализа текста. Представлен более подробный анализ метода SYMLOG для работы с текстом.

Ключевые слова: текст, дискурс, анализ текста.

S. Yu. Tyurina

Ivanovo State Power University, Ivanovo

METHODS OF TEXT ANALYSIS: SYMLOG SYSTEM

Abstract. The paper examines the concepts of discourse and text. Various text analysis methods are described. A more detailed analysis of the SYMLOG method for text analysis is presented.

Keywords: text, discourse, text analysis.

Ключевыми вопросами в лингвистике являются понятия *текст* и *дискурс*. Как правило, текст и дискурс рассматривают как письменную (текст) и речевую форму (дискурс) [1, с. 36]. Однако это утверждение может вызывать некоторые споры в научном сообществе.

Так, если рассматривать понятие *дискурс*, как текст в контексте ситуации общения, то существует множество определений. В рамках прагмалингвистики дискурс – это интерактивная деятельность партнеров по коммуникации с целью воздействия на собеседника [4; 6]. Функциональный подход изучает функции дискурса в широком социокультурном контексте [5; 7]. Лингвостилистический анализ дискурса сравнивает регистры общения, разграничивает устную и письменную речь с учетом жанров и

функциональных стилей [3]. С точки зрения структурно ориентированной лингвистики дискурс – высказывание выше уровня предложения [8]. В контексте социолингвистического анализа дискурса исследуются ситуация и участники общения как представители социальных групп [2, 5].

Богранд и Дресслер определяют *текст* как коммуникативное событие, соответствующее следующим критериям: связность, целостность, ситуативность, интенциональность, приемлемость, информативность, интертекстуальность [1, с. 39–43].

Выделяют различные методы анализа текста: контент-анализ, конверсационный анализ, нарративная семиотика, критический дискурс-анализ, функциональная прагматика.

В рамках данной работы остановимся на методе SYMLOG. В переводе с английского аббревиатура SYMLOG расшифровывается как *система для многоуровневого анализа групп*.

Изначально метод использовался для наблюдения за группами. Некоторые ученые применяли его в рамках контент-анализа при описании социальных взаимоотношений в ситуациях повседневного общения, то есть это семантико-прагматическая процедура, в основе которой лежит задача исследования *ситуации* [1, с. 185].

В основе метода SYMLOG лежат различные теории и концепции, например, социально-когнитивные (теория баланса Ф. Хайдера, теория диссонанса Л. А. Фестингера, теория атрибуции Г. Келли), символический интеракционизм, теория социального обмена, теория действия (Т. Парсонс) и основы семейной терапии), а также теория психоанализа и теория поля Курта Левина [1, с. 185].

Метод SYMLOG направлен на исследование 3-х уровней. Это особенности вербального и невербального поведения, содержание идей в процессе осуществления коммуникации и наличие ценности, а именно «за» и «против».

Данные уровни рассматриваются в пространственной модели SYMLOG. Используя факторный анализ, были выявлены такие измерения как: усиление или уклонение от влияния, склонность или отсутствие к демонстрации эмоций, сотрудничество/целенаправленность или импульсивность/эмоциональность.

Если говорить о цели метода SYMLOG, то это исследование малых групп (например, семья, группы обучающихся), а именно анализ характеров отдельных людей, а также их взаимоотношений.

Тичер отмечает, что SYMLOG является процедурой кодирования, исследующую поведение, содержание и ценности, представленные в виде *сообщений* в некой кодированной форме [1, с. 189]. При этом учитываются следующие составляющие:

1. время итерации;
2. имя актора и адресата;
3. комментарий о поведении;
4. ценность актора по отношению к идее (за - против);
5. кодирование поведения;
6. локализация идеи в так называемом классе содержания (среди них: я, другие, группа, ситуация, общество).

В основе метода SYMLOG лежат традиционные критерии валидности и достоверности.

Поскольку в центре внимания подхода SYMLOG анализ взаимодействия участников общения, то он может применяться в следующих ситуациях [1, с. 193]:

- анализ транскрибированных интеракций небольших групп;
- анализ протоколов наблюдений;
- анализ нарративов;
- анализ стереотипов или описаний личности.

Необходимо помнить, что использование метода SYMLOG требует тщательной тренировки кодировщиков [1, с. 193].

В заключение отметим, что метод SYMLOG работает дедуктивным путем, в целом, метод SYMLOG – это подход, основанный на данных и разработанный на основе данных, который применяется к эмпирическим полям.

Библиографический список

1. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веммер Е. Методы анализа текста и дискурса: пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

3. *Bhatia V.K.* Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. L., 1993.
4. *Blakemore D.* Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics. Cambridge, 1993.
5. *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge, 1983.
6. *Dijk T.A. van.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981.
7. *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford, 1994.
8. *Stubbs M.* Discourse Analysis. L., 1994.

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2. 36

А. А. Хуснутдинов

Ивановский государственный университет, г. Иваново

«ОТ ПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ»: О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКЕ ЯДЕРНОЙ ЧАСТИ ИДИОМАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье дается комментарий к фразеологическому лексикону А. С. Пушкина с точки зрения состава и употребления. Выявляются особенности функционирования идиоматических выражений, использованных в художественных и нехудожественных текстах основоположника современного русского литературного языка, в живой русской речи в пределах «от Пушкина до наших дней». Показывается, что *Словарь русских идиом А.С. Пушкина* и созданный на его основе *Словарь-минимум идиоматических выражений русского языка* при условии их реализации могли бы стать ценными практическими пособиями для всех говорящих на русском языке и изучающих его как неродной.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, идиоматика, фразеография, авторская лексикография.

A. A. Khusnutdinov
Ivanovo State University, Ivanovo

**“FROM PUSHKIN TO PRESENT DAYS”:
ABOUT LEXICOGRAPHICAL DEVELOPMENT OF CORE
PART OF RUSSIAN LANGUAGE IDIOMATICS**

Abstract. The article provides a commentary to the phraseological lexicon of A. S. Pushkin from the point of view of content and use. The features of the functioning of idiomatic expressions used in literary and non-fiction texts of the modern Russian literary language founder are identified in living Russian speech within the limits “from Pushkin to the present day”. It is supposed that *Dictionary of Russian Idioms by A. S. Pushkin* and the *Minimum Dictionary of Idiomatic Expressions of the Russian Language* created on its basis, if implemented, could become valuable practical aids for all the speakers of Russian and those studying it as a second language.

Keywords: Russian language, phraseology, idiomatics, phraseography, author's lexicography.

В словарном деле так называемые «краткие» толковые словари занимают особое место. Их основное назначение – в лексикографически обработанном виде представить тот минимальный по объему корпус лексических и фразеологических единиц, который относится к ядерной части словарного состава языка, т. е. те единицы, которые не просто активно используются в живой речи на протяжении длительного времени, но и относятся к наиболее частотным, «покрывающим» значительное количество текстов и речевых ситуаций.

Такой словарь должен быть ограничен по словнику (для фразеологизмов он составляет в среднем около тысячи единиц), однако каждая единица в нем должна быть описана с возможной полнотой и детальностью, так как описание единицы в словарной статье должно отразить как свойства самой единицы в языке, так и особенности ее употребления в речи (причем употребления нормативного, правильного, образцового). Указанные требования ставят перед составителями такого словаря целый ряд вопросов, касающихся его содержания и построения. Решить эти вопросы применительно к словарю-минимуму идиоматических выражений русского языка, на наш взгляд, поможет обращение к фразеологическому лексикону А. С. Пушкина.

О роли и значении А. С. Пушкина в формировании русского литературного языка знают не только лица с филологическим образованием, но и выпускники общеобразовательных школ. В данном случае речь пойдет об особенностях фразеологического лексикона Пушкина в части, касающейся идиоматических выражений. Анализ состава и использования идиом в текстах Пушкина, составляющих его творческое наследие, позволяет сделать ряд наблюдений, непосредственно касающихся функционирования фразеологических единиц в русском литературном языке в пределах «От Пушкина до наших дней».

Идиоматика Пушкина на материале всех его текстов, опубликованных в полном собрании сочинений, исследовалась специально (см. [4]). Основные результаты этого исследования применительно к теме данной статьи можно представить в виде нескольких положений.

1. Общее количество идиоматических выражений, зафиксированных в текстах Пушкина, составляет около 1300 единиц (более 6,5 тыс. употреблений).

2. Анализ состава идиоматических выражений показывает, что в текстах Пушкина представлены те единицы, которые на протяжении более двух столетий находятся в активном употреблении, ср.: *битый час, на глазах, давать слово, душа в душу, одним словом, прибрать к рукам, сколько угодно, на скорую руку, слава богу, сходить с ума, ни то ни се, без ума, хоть куда, черта с два, шагу ступить нельзя, язык отнялся* и др. Устаревшие к нашему времени идиоматические выражения в текстах Пушкина представлены незначительным числом единиц. Это либо историзмы – фразеологизмы, перешедшие в пассивный запас языка в связи с утратой тех реалий, для обозначения которых они использовались (*брить лоб, на долгих, целовать крест* и др.), либо идиомы, которые впоследствии были «обновлены» – вытеснены появившимися новыми вариантными формами или синонимичными единицами, обозначающими те же понятия (*от времени до времени > время от времени, единожды навсегда > раз и навсегда, ни полушки > ни копейки, на посылках > на побегушках, не по летам > не по годам* и др.). Здесь следует заметить, что некоторые встречающиеся в текстах Пушкина идиоматические выражения в толковых словарях современного

русского языка определяются как устаревшие (*бить челом, на медные деньги, паче чаяния* и др.). Однако на самом деле они достаточно активно употребляются в живой речи и в наши дни (см., например, статью о функционировании выражения *бить челом* в русском языке [1]). Важно также отметить, что в текстах Пушкина находим единицы, которые употреблялись в русском языке конца XVIII–начала XIX вв., но в словарях того времени по тем или иным причинам не фиксировались, например: *во все глаза, после дождичка в четверг, в двух шагах, иметь виды, как раз, без лишних слов, ни сват, ни брат, не шутка* и др. Как видно из примеров, такие единицы так же активно употребляются в современной русской речи.

3. Сопоставление идиоматики Пушкина с идиоматикой русского национального языка показало также их соответствие друг другу: идиомы соотносимы как по формальным и содержательным признакам и употреблению в речи, так и по соотношению их в целом и по отдельным параметрам (форме, семантике, лексико-грамматическим свойствам и т. д.). Можно, таким образом, утверждать, что идиоматика, представленная в текстах Пушкина, является ядерной частью фразеологического состава русского языка в целом, причем такой частью, которая находится в активном употреблении уже более двух столетий, включая и наши дни. В этой связи считаем необходимым обратить внимание на то, что отмеченные выше особенности идиоматики Пушкина указывают на возможность разработки нескольких типов словарей, способных, на наш взгляд, удовлетворить потребности современных пользователей. Определим их кратко следующим образом.

1. Это в первую очередь *Словарь русских идиом А. С. Пушкина* [2]. Основная задача данного словаря – дать всестороннее и комплексное описание идиоматики Пушкина в целом и каждой единицы в отдельности по всем признакам, по которым характеризуются идиоматические выражения как особые единицы языка. Добавление к этому материалу данных из *Словаря русского языка XVIII века*, с одной стороны, и данных из толковых, в том числе и специальных фразеологических, словарей XIX–XXI вв., с другой стороны, покажет, какие единицы, какие формы употребления Пушкин отбирал для своих текстов,

какие особенности их употребления в речи он в них отразил, какие способы трансформации идиом он использовал и т. д.

2. Исследователями отмечено, что указанный выше словарь может стать основой для переводного русско-иноязычного словаря идиом. В этом случае описание единицы, представленное в *Словаре русских идиом А. С. Пушкина*, в соответствующих разделах словарной статьи будет переводиться на другой язык с подбором эквивалентов к данной единице из другого языка. Такой словарь окажет большую помощь тем читателям оригинальных текстов Пушкина, для которых русский язык не является родным. О проекте такого словаря для монгольского читателя см. [4].

3. *Словарь русских идиом А. С. Пушкина* может послужить основой для создания специального *Краткого словаря идиом современного русского языка с историческим комментарием*. Такой словарь будет включать в себя около тысячи идиом, отобранных на основе словаря Пушкина и с цитатами из него. Этот материал будет дополнен данными, показывающими особенности использования описываемой единицы в русском языке в пределах «От Пушкина до наших дней». Такой словарь будет востребован широким кругом пользователей, в том числе теми, кто осваивает русский язык, или пользуется им как неродным.

Библиографический список

1. Старовойтова О. А., Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица *бить челом* и ее дериваты в русском языке: к историко-временной характеристике употребления // *Славянская историческая лексикология и лексикография*. Вып. 4. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН. 2021. С. 46–58.

2. Хуснутдинов А. А. Фразеологический словарь А. С. Пушкина: проблемы и решения // *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: материалы Всерос. Академической школы-семинара*. СПб.: Наука, 2005. С. 333–343.

3. Цэрэндорж Ц. Фразеология А. С. Пушкина (состав и употребление): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. 240 с.

4. Цэрэндорж Ц. О русско-монгольском фразеологическом словаре А. С. Пушкина // *Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: материалы Всерос. Академ. школы-семинара*. СПб., 2005. С. 361–367.

УДК 821
ББК 83.3

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАННЕЙ НОВЕЛЛИСТИКИ АРТУРА ШНИЦЛЕРА

Аннотация. Австрийский писатель Артур Шницлер (1862–1931), врач по образованию, первым в немецкоязычной литературе исследовал на уровне глубинной психологии значимые экзистенциалы человека. Его герои одиноки (*Фрау Берта Гарлан*), переживают страх и отчаяние перед смертью (*Мёртвые молчат*).

Ключевые слова: венский модерн, экзистенциализм, одиночество, страх, смерть, поток сознания.

Yu. L. Tsvetkov

Ivanovo State University, Ivanovo

EXISTENTIAL DIMENSION OF EARLY SHORT STORIES BY ARTHUR SCHNITZLER

Abstract. The Austrian writer Arthur Schnitzler (1862–1931), a physician by training, was the first in German-language literature to explore significant human existentials at the level of deep psychology. His characters are lonely (*Frau Bertha Garlan*), experiencing fear and despair before death (*The Dead are Silent*).

Keywords: Viennese modernism, existentialism, loneliness, fear, death, stream of consciousness.

Экзистенциальность является важнейшей категорией субъективности модернизма, в том числе и венского модерна (1890–1910). *Познающее Я*, по Иммануилу Канту в *Критике способности суждения* (1790), является «существом мыслящим», а субъективность указывала на синтетическое единство когнитивных чувственно-интеллектуальных процессов сознания человека. По мнению К. Э. Гилберта и Г. Куна, появление системы Канта явилось *событием, которое потрясло мир, доказав, что эстетическое наслаждение при всей своей самобытности*

и характерности (моральной, логической, реальной) более глубоко и философично, чем физическая наука [2, с. 342]. Известно, что Кант уделял главное внимание переживаниям человека, а искусство было для него областью творческого воображения.

Личностное восприятие мира и искусства стало основным положением *Наукоучения* (1794) Иоганна Готлиба Фихте. Его тезис *Я полагает само себя, своё собственное бытие* означает, что индивид порождает свой собственный дух, свою свободу, а бытие «Я» целиком выводится из деятельности самого субъекта [6, с. 768]. Фихте писал о необходимости интроспективного взгляда на человека: *Вникни в самого себя; отвори свой взор от всего, что тебя окружает, и направь его внутрь себя – таково первое требование, которое ставит философия своему ученику. Речь идёт не о чём-то, что вне тебя, а только о тебе самом* [7, с. 513].

Идею о самоценности человеческой личности своеобразно преломил в психологическую плоскость датский философ и писатель Сёрен Киркегор (1813–1855), творчество которого органично объединило сферы философского и художественного знания: *Несомненно, Киркегор был поэтом, поэтом в своём творчестве, которое насквозь пронизано высокой художественностью, – поэтичности его произведений трудно найти аналог даже среди величайших творений мировой философии и литературы* [3, с. 18–19]. Основное понятие Киркегора – существование (*экзистенция*), и только то мышление, которое исходит из экзистенции, может быть по-настоящему подлинным. Следствием такой установки философа стало углублённое исследование противоречий души человека и его противоборства с окружающим миром. Для Киркегора состояние, предшествующее возникновению свободы, характеризуется метафизическим страхом человека, который он называет «ничто»: *По Киркегору, нужно самому быть бытийно причастным к ничто, быть смертным, быть созданным из ничего, чтобы понять его как реальность. Ничто для Бога выступает как отрицательное начало, он не видит его как реальность, поэтому Бог не знает, что такое ничто. Оно открывается только человеку. Каким же образом оно открывается ему? В феномене страха, говорит Киркегор* [1, с. 234].

Несомненно, что рассуждения Киркегора выходят за рамки философского идеализма и дают основания для создания *экзистенциальной философии*, а его психологические наблюдения позволяют говорить о нём, как о предшественнике психоанализа венца Зигмунда Фрейда (1856–1939). У Киркегора страх в чувстве вины, возникающей при нарушении нравственных запретов, также рассматривается как проблема отношения сознательного к бессознательному. Однако средства для избавления от страха предлагались различные: *Если Фрейд – в полном соответствии со своим убеждением, что страх возникает в силу внешнего запрета, – предлагал освобождение от страха путём освобождения от запрета, представлявшегося ему насильем над человеком (всякое внешнее запрещение действительно есть насилье), то Киркегор, напротив, искал избавления от болезни в максимальном усилении самой болезни* [1, с. 251].

Экзистенциальное сознание, по Киркегору, стремилось преодолеть традиционные стереотипы мышления: *Если индивид не отлучится от смышлёной опытности через себя самого, он никогда не станет цельным, ибо конечное всегда объясняет всё только по частям, но никогда полностью...* [5, с. 247]. Иррационалистический пафос его философии укоренён в его личной жизни, интимно-личностных переживаниях, творческом затворничестве и самонаблюдении. Трагическое мироощущение датского мыслителя, потребность в одиночестве и необходимость личного выбора ведут к постижению субъективной истины, единственной ценности в этом мире: *Апричинность экзистенциального мышления ломает социальную и историческую мотивацию личности* [4, с. 31].

На рубеже XIX–XX вв. происходят глубинные изменения в категории субъективности, связанные с открытиями в области психологии и психиатрии, к которым была непосредственным образом причастна Вена. Открытие многомерности человеческого сознания в формах подсознательного и бессознательного нарушало механизмы, существовавшей ранее модели рефлексивно и иронически осмысляющей себя субъективности в сторону её экзистенциональности. Постоянный интерес к области психологии проявили известные писатели венского модерна

Артур Шницлер, Гуго фон Гофмансталь, Рихард Бер-Гофман и Леопольд фон Андриан [8, с. 71–79].

История болезни (невроза) некоей госпожи Элизабет фон Р. в *Исследованиях по истерии* (1895) З. Фрейда и Й. Бройера во многом сходна с состоянием героини в новелле Шницлера *Фрау Берта Гарлан* (1900). Изложение женских биографий во многом совпадают: смерть отца и нестабильность семьи в обоих текстах являются причиной решения женщин выгодно жениться. Для Берты начинается череда скучных вечеров в браке со страховым служащим, затем приходят заботы о маленьком сыне. Отказ от юношеских надежд стать пианисткой привёл её к резкому ощущению противоречия между супружеским долгом и страстным любовным желанием к другому человеку. По Фрейду, исцеление госпожи Элизабет фон Р. наступило через страдания, через катарсис. Текст Шницлера не содержит исцеления Берты. Она не способна преодолеть свои тайные желания. В несобственно-прямой речи, синтаксис которой прерывист, отражается неуверенность, слабость характера и боязнь собственных чувств: *Откуда же эта ужасная тревога, как будто всему конец? Почему до сих пор нет ответа?... Но что делать ей? Не может же она всё время стоять у окна и смотреть? Часы тянутся бесконечно. Она чуть не плачет от нетерпения, от отчаяния!* [9, с. 230].

Берта вспомнила свою юношескую влюблённость в известного скрипача Эмиля Линдбаха. Она вновь испытала тайное желание быть любимой, чувствуя при этом *вину и страх*. Во сне она полностью отдалась своему воображению, а наяву стыдилась чувств. В борьбе противоречивых чувств к скрипачу скрывалось также и желание утвердиться в роли «верной супруги». Перед читателем предстала расчётливая женщина, материальное благополучие которой выстроилось в продуманную жизненную перспективу. Так её научили жить в родительском доме. Она открыла для себя внутренний мир, наполненный *страхами*. Берта, задавая вопросы экзистенциального характера, руководствовалась не только силой чувственного желания, которое доминировало в исследованиях Фрейда, но и ощутила, с одной стороны, неуверенность в жизни и страх перед ней, с другой же, притягательную силу филистерского мира, из прочных оков которого ей никогда не освободиться. Обречённость героини перед властью

судьбы лишило её героических или романтических черт, но спасло от физической гибели и ситуации быть отверженной обществом.

Новелла Шницлера *Мёртвые молчат* (1897) передаёт трагическую историю о смерти молодого любовника замужней женщины по имени Эмма, вызывая прямые ассоциации с романом Г. Флобера *Мадам Бовари*. Эмма и её любовник в непогожий вечер отправились на свидание. Неожиданно пьяный кучер опрокинул фиакр, наехав на кучу щебня. Молодой человек погиб, кучер ушёл за помощью, а Эмма осталась одна рядом с телом любовника, испытав невероятное потрясение: *Вдруг ей слышался рядом вздох. Она наклонилась к побледневшим губам Франца. Нет, не дышит. Кровь на виске и на щеке, казалось, засохла. Она внимательно взглянула ему в глаза, в погасшие глаза – и содрогнулась. Да, почему же я не верю – это же так... это смерть! Она вся затрепетала. Единственное, что она ощущала: мёртв. Я и мертвец, у меня на коленях мертвец». Она дрожащими руками отодвинула голову, так что та опять оказалась на земле. Только теперь она почувствовала весь ужас своего одиночества* [9, с. 70].

Внезапно она, словно очнувшись, поняла последствия огласки смертельного случая: *Нельзя же так, ведь это ужасно, не могу же я допустить, чтобы меня застали тут с ним...* [9, с. 70–71]. Вспомнив о своей репутации, Эмма посчитала Франца виновным в её несчастье и в бессознательном состоянии сбежала с места происшествия, чувствуя *отчаяние и страх: Но вот она идёт... идёт быстрее... бежит... прочь отсюда... назад... к свету. К шуму, к людям!* [9, с. 72]. Эмма пришла домой, увидела мужа и непроизвольно произнесла вслух слова: *Конечно... страшный сон. Он никому не скажет... и никогда не будет мстить, никогда... он мёртв... конечно, мёртв... а мёртвые молчат* [9, с. 77]. Хаотичность сознания её самых роковых мгновений (многоточие, тире, обрывки фраз и предложений без начала) выходит за рамки монолога «про себя» и свидетельствует о наличии *потока сознания*, воспроизводящего подсознательные импульсы, когда предложения теряют свою структуру, превращаясь в бессвязные обрывки фраз. Шницлер с особой точностью показал *страх, отчаяние и бездну нравственного*

падения героини, руководствовавшейся в жизни ложными идеалами.

Как и французский писатель-натуралист Эмиль Золя (1840–1902), Шницлер поместил героев с разным темпераментом в сложные жизненные обстоятельства и внимательно наблюдал за ними. Натуралистический эксперимент позволил Шницлеру проанализировать многие уровни субъективности персонажей и исследовать их потаённые чувства и побуждения под влиянием Эроса и Танатоса. Новеллы Шницлера использовали богатый арсенал изобразительных приёмов и нового понимания характера человека в пограничной ситуации.

Библиографический список

1. *Гайденок П. П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
2. *Гилберт К. Э., Кун Г.* История эстетики. СПб.: Алетейя; «Университет», 2000. 652 с.
3. *Долгов К. М.* От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. 399 с.
4. *Заманская В. В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границе столетий. М.: Наука, 2002. 304 с.
5. *Кьеркегор С.* Страх и трепет: эстетические трактаты. М.: Республика, 1993. 382 с.
6. *Румянцева Т. Г.* Фихте // Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. С. 767–769.
7. *Фихте И. Г.* Избранные сочинения. М.: Путь, 1916. Т. 1. 521 с.
8. *Цветков Ю. Л.* Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.
9. *Шницлер А.* Жена мудреца. М.: Худож. литер., 1967. 703 с.

УДК 81'34, 81'42
ББК 81

Н. Б. Цибуля

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва

ПРОСОДИЧЕСКИЕ И ПРОКСЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО КИНОДИСКУРСА

Аннотация. В статье на материале кинодискурса анализируются зоны общения, разработанные Э. Холлом, в рамках гендерного, социального и произносительного факторов. Выявляется просодия, характерная для каждой коммуникативной дистанции.

Ключевые слова: кинодискурс, проксемика, зоны общения, просодия, тип произношения.

N. B. Tsibulya

Moscow State Linguistic University, Moscow

PROSODIC AND PROXEMIC CHARACTERISTICS OF ENGLISH AND AMERICAN CINEMATIC DISCOURSE

Abstract. The article deals with communicative zones, worked out by E. Hall, within the framework of gender, social, and pronunciation factors. Prosody typical of each particular interaction distance is revealed.

Keywords: cinematic discourse, proxemics, distance zones, prosody, type of pronunciation.

Пространство, окружающее людей, играет важную роль в их жизнедеятельности, в том числе в общении между собой. Как известно, исследование пространства в процессе межличностной коммуникации связано с именем американского ученого-антрополога Э. Холла, который в конце 40-х гг. XX в. явился основоположником проксемики – новой научной области изучения невербального поведения человека.

Э. Холл и его коллеги в результате проведенных ими исследований пришли к выводу о том, что на расстояние между коммуникантами оказывают прежде всего такие факторы, как культура, социальный статус, профессия, гендер, возраст и степень знакомства. Эксперимент, поставленный в группе профессионалов (профессора, адвокаты, врачи, бизнесмены, актеры, политики) – носителей англо-саксонской культуры – выявил определенные дистанции межличностного общения, тесным образом связанные с уровнем громкости голоса.

Так, в интимной зоне (0–45 см) наблюдаются пониженная громкость или шепот; в личной (45 см–1,2 м) – средняя степень громкости; в социальной зоне (1,2 м–3,6 м) речь коммуникантов становится громкой, а в публичной (3,6 м–7,5 м и более) наблюдается высокая степень громкости. Также замедляется темп речи, отмечается очень четкая артикуляция, тщательный отбор лексики и грамматических конструкций.

Так как эксперимент Э. Холла был ограничен определенной группой информантов, то ученый предупреждал, что указанные дистанции общения и соответствующий им характер отношений между говорящими не являются универсальными. Они культурно обусловлены и могут подвергаться воздействию различных факторов [4].

Настоящее исследование лежит в русле *актуального* направления в области полимодальной лингвистики, изучающей корреляцию разномодусных составляющих дискурса [2; 3]. *Цель* эксперимента состояла в определении, с одной стороны, коммуникативного расстояния между героями кинодискурса и характера их отношений. С другой стороны, выявлялись просодические параметры речи: частота основного тона (ЧОТ), интенсивность звукового сигнала (ИЗС) и среднеслоговая длительность (ССД), характерные для конкретной дистанции общения. Такой подход к изучению полимодального дискурса представляет *новизну* исследования, *материал* которого составили художественные фильмы в жанре комедии с похожим сюжетом – английский художественный фильм *Nuns on the Run* (Монахини в бегах) и американский – *Some Like It Hot* (Некоторые любят погорячее).

Отобранные 32 эпизода (по 16 эпизодов в каждом фильме), иллюстрирующие четыре дистанции общения (по Э. Холлу), были проанализированы с точки зрения статуса и взаимоотношений говорящих, их гендерной принадлежности и типа произношения. Последний представлен стандартным произношением RP и диалектом кокни в английском кинодискурсе и общепринятым американским произношением GA и просторечием в американском кинодискурсе. Эксперимент проводился с применением последних версий компьютерных программ *VLC*, *Freemake Video Converter* и *Praat*.

В таблице 1 представлены результаты анализа просодических параметров речи в английском кинодискурсе *Nuns on the Run*.

Таблица 1

Просодические показатели речи в четырех зонах общения в английском кинодискурсе

Просодические показатели		Зоны общения							
		Интимная		Личная		Социальная		Публичная	
		М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
ИЗС (дБ)		56		54		58		59	
ЧОТ (Гц)	средн.	122	128	139	231	192	213	154	339
	мин.	85	77	77	165	112	84	120	256
	макс.	196	272	227	335	245	360	342	395
ССД (мсек)	средн.	210		178		202		276	

Согласно нашему исследованию, показатели ИЗС варьируются в небольших пределах (54–59 дБ) вне зависимости от гендерного фактора.

Что касается ЧОТ, то в нейтральной речи, как известно, диапазон мужского голоса изменяется в пределах 75–155 Гц со средним показателем 120 Гц, а для женских голосов он составляет 150–300 Гц со средним уровнем 225 Гц [1; 5].

Наш эксперимент выявил более высокие параметры ЧОТ как мужской, так и женской речи, что, в первую очередь, связано с высокой степенью модально-эмоциональной экспрессии комедийного кинодискурса. Важно отметить, что наблюдается тенденция возрастания параметров ЧОТ в каждой последующей

зоне общения – от интимной до публичной. При этом наиболее репрезентативными являются средние и максимальные показатели ЧОТ.

Темп речи значительно замедляется в публичной зоне по сравнению с другими дистанциями и составляет 276 мсек ССД.

Рассмотрим результаты анализа просодических параметров в американском кинодискурсе *Some Like It Hot*, представленные в таблице 2.

Таблица 2

**Просодические показатели речи в четырех зонах общения
в американском кинодискурсе**

Просодические показатели		Зоны общения							
		Интимная		Личная		Социальная		Публичная	
		М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
ИЗС (дБ)		71		74		74		75	
ЧОТ (Гц)	средн.	144	183	170	240	207	258	323	298
	мин.	84	108	132	190	133	218	75	104
	макс.	186	284	206	290	243	294	429	473
ССД (мсек)	средн.	173		192		204		234	

В американском кинодискурсе показатели ИЗС также не зависят от гендерного фактора и варьируются в небольших пределах. Однако они значительно превышают параметры ИЗС речи английских респондентов: 71–75 дБ vs 54–59 дБ соответственно.

Параметры ЧОТ, так же как в английском кинодискурсе, превышают показатели, характерные для нейтральной речи, и постепенно возрастают в каждой последующей зоне общения – от интимной до публичной. Наиболее репрезентативными при этом также являются средние и максимальные показатели ЧОТ.

Темп речи героев фильма является убыстренным в интимной и личной зонах, становится нейтральным в социальной зоне и значительно замедляется на публичном расстоянии общения. Таким образом, показатели ЧОТ и ССД в обоих кинодискурсах подтверждают теорию Э. Холла об изменении уровня громкости голоса и темпа речи в зависимости от увеличения коммуникативной дистанции.

Что касается соотношения статуса говорящих и расстояния общения, то наш эксперимент обнаруживает некоторые расхождения с результатами исследований Э. Холла. Так, например, английские полицейские (диалект кокни) и американские блюстители закона (произношение GA) могут установить личную или даже интимную зону при общении с незнакомым человеком, угрожая ему или сообщая конфиденциальную информацию. Персонажи фильма (настоятельница монастыря, священник и др.), говорящие на RP, которое является маркером их статуса, в основном общаются с малознакомыми людьми в пределах социальной зоны. В американском кинодискурсе для героев в основном характерно произношение GA за исключением речи представителей криминального мира, говорящих на просторечии. Расстояние общения между ними зависит от конкретной ситуации.

В целом в английском и американском комедийном кинодискурсе для героев типичны неформальные отношения, и часто устанавливается личная зона общения, что также имеет выражение на просодическом уровне – речь персонажей отличается высоким уровнем эмоциональной экспрессии. В обоих дискурсах наблюдается повышение просодических показателей с увеличением коммуникативного расстояния.

Библиографический список

1. *Вартанян И. А.* Звук – слух – мозг. Л.: Наука, 1981. 176 с.
2. *Ирисханова О. К.* Полиmodalный дискурс как объект исследования // Полиmodalные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 15–32.
3. *Цибуля Н. Б.* Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 129–135.
4. *Hall E. T.* The Hidden Dimension. New York: Anchor Books, 1990. (Copyright: N. Y.: Anchor Books / Doubleday & Co., 1966). 220 p.
5. *Orwen M., Bachorowski J.* Measuring emotion-related arousal // Handbook of Emotion Elicitation and Assessment / J. A. Coan, J. J. B. Allen. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 239–266.

УДК 81.42
ББК 81.432.1

А. Ю. Цымбал

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления восклицательных конструкций в академической презентационной речи. Особое внимание уделяется прагматической функции восклицательных конструкций. На материале англоязычных академических презентационных выступлений показано, как восклицания передают интенции оратора, являясь средствами вовлечения адресата в рассуждение и облегчая восприятие академического текста на слух.

Ключевые слова: английский язык, академический дискурс, презентация, восклицательные конструкции, авторская модальность, вовлечение адресата в рассуждение.

A. Y. Tsimbal

Ivanovo State University, Ivanovo

EXCLAMATORY CONSTRUCTIONS AS MEANS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S MODALITY IN ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

Abstract. The article examines peculiarities of the use of exclamatory constructions in the academic presentation speech. Special attention is paid to the pragmatic function of exclamatory expressions. Based on the material of English-language academic presentations it is shown how exclamations convey the speaker's intentions being a means of involving the addressee in reasoning and facilitating the aural perception of an academic text by the listeners.

Keywords: English language, academic discourse, presentation, exclamatory constructions, author's modality, involvement of the addressee in reasoning.

В статье обсуждаются структурно-семантические типы восклицательных высказываний и особенности их функционирования в академическом презентационном дискурсе. Использование таких средств художественной выразительности как восклицательные конструкции организует дискурсивное пространство, отражаясь на композиционно-синтаксической структуре публичного выступления и на функционировании языковых средств в речи оратора. Обладая эмоциональной окраской, восклицательные конструкции являются одним из способов представления в академическом тексте субъективного отношения автора к предмету речи, связанного «с авторской позицией, или авторской модальностью» [2, с. 167].

В англоязычном презентационном выступлении восклицательные конструкции представлены повествовательными высказываниями, среди которых присутствуют утверждения и отрицания, сочетающие в себе функции адресации, номинации и характеристики. Являясь сопутствующей чертой повествовательных номинативных высказываний, восклицательность «разграничивает эмоционально-насыщенные и эмоционально-нейтральные конструкции» [3, с. 82], не образуя при этом «отдельный коммуникативный тип» [1, с. 169].

Для структуры восклицательных конструкций типично употребление таких грамматических форм, как наречия и прилагательные в положительной и превосходной степени (например: *major crises, would be unusual, worst extinction, twice as much, crazy, small*), которые в составе восклицательного предложения выражают целый ряд эмоций оратора (от печали, тревоги, разочарования, гнева, возмущения, презрения до состояния радости, принятия, уверенности и оптимизма). Наряду с вопросами и вопросными комплексами восклицательные конструкции используются в академической презентационной речи для “реализации тактики вовлечения адресата в рассуждение, активизируют внимание слушателей, делая их активными участниками дискуссии, что определяет актуальность изучения избранной проблематики” [3, с. 81].

Библиографический список

1. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почетцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 287 с.

2. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.

3. Цымбал А. Ю. Интонационное оформление восклицательных конструкций в академической презентационной речи // Вестник молодых ученых Ивановского государственного университета. 2018. № 1. С. 81–85.

УДК 372.881.111.1:004.8

ББК 74.480.25

С. В. Чертоусова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск

ЧАТ-БОТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ РЕФЕРИРОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматривается лингводидактический потенциал чат-бота *ChatGPT* при обучении реферированию студентов на занятиях по испанскому языку. Анализируются лексические, грамматические и синтаксические трансформации, использованные нейросетью для компрессии аудиовизуального текста. Особое внимание уделяется сохранению смысловой эквивалентности в процессе реферирования.

Ключевые слова: лингводидактика, вербальная лабильность, реферирование, чат-бот, промпт.

S. V. Chertousova

Ogarev Mordovia State University, Saransk

CHATBOT AS A TOOL FOR DEVELOPING SUMMARIZING SKILLS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract. The present article examines the linguodidactic potential of ChatGPT when teaching summarizing to students in Spanish classes. The lexical, grammatical and syntactic transformations used by the neural network in order to compress audiovisual text are analyzed. Special attention is paid to maintaining semantic equivalence after summarizing.

Keywords: linguodidactics, verbal agility, summarizing, chatbot, prompt.

Одним из показателей владения языком на высоком уровне является наличие у говорящего вербальной лабильности, под которой традиционно понимается «умение передавать и переформулировать смысл сообщения на родном и иностранных языках в соответствии с дискурсивным контекстом» [3, с. 132], что предполагает подбор синонимических средств на разных языковых уровнях для передачи ключевого смысла высказывания. Данную компетенцию необходимо развивать при обучении иностранному языку на среднем и продвинутом этапах, когда обучающиеся обладают достаточно обширным активным словарным запасом и набором синтаксических конструкций. Кроме того, задания на реферирование полезны и в переводческой практике, когда требуется адаптировать тексты для потенциального реципиента с изменением их жанра или функционального стиля (А. Паршин называет такой тип перевода транспозицией [2, с. 15]).

Поскольку механизмы речевого сжатия и смыслового свертывания остаются малоизученными [1, с. 181], в лингводидактике не существует единой методики овладения навыками реферирования. В этой связи представляется возможным обратиться к нейросети *ChatGPT* [4], в основе которой лежит самообучающаяся языковая модель, для прослеживания процесса создания и переформулирования информативных текстов по заранее заданным критериям.

В качестве материала для эксперимента нами было выбрано видео на испаноязычном Youtube-канале *Un Mundo Inmenso*, который в научно-популярном стиле освещает актуальные темы, связанные с географией. Реферируемый эпизод анализирует связь климата и уровня экономического развития разных стран [5]. В соответствии с тематикой и жанром аудиовизуальный текст содержит термины из областей экономики и географии (*la latitud* – широта, *la fertilidad* – плодородие, *la densidad de la población* – плотность населения и др.), логическая связь предложений обеспечивается за счет разнообразных средств когезии (*sin embargo* – тем не менее, *a contramano* – напротив, *está claro que...* – очевидно, что...), а риторические вопросы усиливают выразительность повествования.

Предполагаемой целью реферирования стала адаптация информативной части видео для более широкой аудитории, не обладающей обширными знаниями в данных областях науки. Вместе с тем, компрессия исходного текста и упрощение его языкового оформления не должны нарушить логическую структуру сообщения или привести к появлению смысловых лакун.

Следует отметить, что для продуктивной работы с чат-ботами и получения желаемых результатов рекомендуется максимально точно формулировать промпты – текстовые инструкции или вопросы. В нашем случае был составлен следующий запрос: «Simplifica y resume en 50 palabras este texto para un alumno, evita los términos» (упрости и сократи до 50 слов этот текст для школьников, избегай терминов). Полученный от чат-бота результат был проанализирован со студентами 2 курса факультета иностранных языков, изучающими испанский как второй иностранный язык, в рамках практического занятия по теме *Погода и климат*. При сравнении исходного текста и сгенерированного реферата выявлены лексические трансформации, прежде всего, касающиеся специальной лексики: это исключение терминов (пример 1), в том числе с помощью экспликации (пример 2) и морфологической трансформации (пример 3):

Исходный текст

(1) Ahora podemos preguntarnos si algún clima es mejor que otro para el desarrollo de los *seres humanos*.

(2) Se puede *observar*, por ejemplo, que varios de los países más ricos del mundo se sitúan *en latitudes altas*, donde suele hacer más frío. A contramano, muchos de los más pobres están en la *zona ecuatorial*.

(3) ...debido a la distancia que las separa de los puertos y las *estaciones terminales*.

Реферат

¿Hay algún clima mejor para que las *personas* vivan?

Se ha *notado* que muchos países ricos están en *lugares fríos* y muchos países pobres están en *lugares cálidos*.

Esto puede deberse a la distancia a los puertos y a las *estaciones de tren*.

Синтаксическая структура текста также претерпевает существенное упрощение, что отражается в сокращении длины предложений (примеры 2 и 4):

Исходный текст

(4) A esta cuestión se han dado múltiples respuestas, muchas de ellas muy deterministas.

Реферат

Algunos dicen que sí.

Анализ текста, предложенного *ChatGPT*, показал соблюдение в нем основного требования к рефератам – достижения смысловой эквивалентности оригиналу и сохранения когнитивной информации. Теоретические положения представленного экономического исследования иллюстрируются на примере ряда стран, названия которых практически полностью переносятся в сокращенный вариант (пример 5):

Исходный текст

(5) *Estados Unidos* posee amplios territorios sobre las mismas latitudes y con climas similares. A contramano, *Chile* posee una evidente desproporción en sentido contrario, lo que hace que nos encontremos con climas demasiado diferentes.

Реферат

Por ejemplo, *Estados Unidos* tiene áreas con climas similares, mientras que *Chile* tiene climas muy diferentes en diferentes partes del país.

Единственной фактуальной информацией, опущенной при реферировании, стало указание на исследование американского экономиста Роберта Каплана, что, на наш взгляд, вполне обоснованно ввиду ориентации на широкую аудиторию, указанную в промпте (пример 6):

(6) El autor Robert Kaplan, en su libro *La venganza de la geografía*, aporta un elemento en ese sentido...

Таким образом, лингводидактический потенциал реферативных текстов, созданных с помощью искусственного интеллекта, заключается в возможности как расширения словарного запаса обучающихся с помощью синонимических рядов и дефиниций терминов, так и отработки стилистической адаптации для разных аудиторий реципиентов, что в дальнейшем находит свое применение в устном и письменном переводе.

Дополнительным заданием после лингвистического анализа сгенерированного реферата может быть подготовка студентами собственных сокращенных текстов и сравнение выбранных ими лексико-грамматических средств и синтаксических конструкций с предложенными чат-ботом вариантами. Поскольку студенты, с которыми проводилось реферирование, владели испанским языком на среднем (пороговом) уровне, в их текстах отчетливо прослеживается тенденция замены специальной лексики на ее общеупотребительные эквиваленты и отказ от вводных конструкций и союзов, типичных для книжного стиля (пример 7):

(7) Los países más *ricos* se sitúan en latitudes altas, donde *hace más frío*, y los países *pobres* están en la zona ecuatorial. En los países pobres *hay mucha gente* y por eso existe la posibilidad de cultivar grandes cantidades de alimentos, pero no hay posibilidad de venderlos porque es *caro* y difícil llevar los productos a otros países.

Вместе с тем такие максимально сжатые и упрощенные тексты сохраняют ключевую информацию, релевантную для передачи основной мысли аудиовизуального сообщения.

Итак, предпринятый анализ позволяет с уверенностью утверждать, что чат-боты могут выступать эффективным инструментом развития навыков реферирования и продуктивно использоваться на занятиях по иностранному языку с целью развития у обучающихся вербальной лабильности. Помимо

этого, перспективным представляется применение ChatGPT для исследования процессов речевого свертывания в разных языках.

Библиографический список

1. *Герте Н. А.* Реферативный перевод: особенности порождения вторичного текста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2013. № 7 (49). С. 181–187.
2. *Паршин А.* Теория и практика перевода. СПб.: СГУ, 1999. 202 с.
3. *Стрекаловская Ю. О.* Обучение внутриязыковому переводу как подготовительный этап профессионального тренинга устного переводчика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 43. С. 132–140.
4. ChatGPT [Электронный ресурс]. URL: <https://openai.com/chatgpt> (дата обращения: 23.03.2024).
5. ¿Frío o calor?Cuál es el mejor clima para el desarrollo humano // Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9u4nv1I-vro> (дата обращения: 23.03.2024).

УДК 81'1:39

ББК 81.006.3

Чжан Цзин

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *НОВЫЙ*

Аннотация. Современные лингвистические исследования акцентируют внимание на роли слов в формировании языкового мировоззрения. В статье анализируется слово *новый*, ключевое для русского языка, и его влияние на лингвистическое и культурное пространство, оценивая его значимость в контексте новизны, изменений и прогресса.

Ключевые слова: лингвокультурология, новый, языковая картина мира, семантика, русский язык.

Zhang Jing

Ivanovo State University, Ivanovo

LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF THE WORD *NEW*

Abstract. Modern linguistic research focuses on the role of words in the formation of a linguistic worldview. The article analyzes the word *new*, the key word for the Russian language, and its influence on the linguistic and cultural space, assessing its significance in the context of novelty, change and progress.

Keywords: linguoculturology, new, linguistic worldview, semantics, Russian language.

Слово *новый* в русском языке несет в себе не только обозначение чего-то вновь появившегося, но и является знаковым символом, отражающим глубокие культурные и исторические процессы. Это слово служит мостом между прошлым и будущим, между традициями и инновациями, между устоявшимся порядком вещей и стремлением к прогрессу. В связи с этим, анализ лингвокультурологического потенциала слова *новый* открывает широкие перспективы для понимания динамики социальных и культурных изменений в русском языковом пространстве. Особенностью слова *новый* является его способность адаптироваться и изменять свои коннотации в зависимости от контекста использования, что делает его уникальным инструментом для исследования языковых инноваций и культурной динамики.

Важно отметить, что слово *новый* активно функционирует в различных социокультурных и исторических контекстах, приобретая специфические оттенки значения, что отражает сложность и многообразие культурного ландшафта русского языка. Как подчеркивает А. А. Леонтьев в своей работе о языке и культурной идентичности, «новое» часто ассоциируется с понятием «прогресса», но в то же время может вызывать страх перед потерей традиционных ценностей и устоев [1]. Эта двойственность позволяет исследователям глубже погрузиться в анализ социальных и культурных процессов, проявляющихся через язык.

В контексте современных лингвистических и культурологических исследований слово «новый» выступает как центральный элемент в изучении механизмов развития и изменения языка. Оно позволяет анализировать, как через языковые формы происходит отражение и в то же время формирование культурных и социальных парадигм. Данный аспект особенно актуален в эпоху глобализации и информационных технологий, когда понятие «новизны» приобретает новые измерения и становится критическим элементом в процессах культурного взаимодействия и влияния.

Таким образом, введение в тему лингвокультурологического потенциала слова «новый» представляет собой многоуровневый анализ, включающий в себя как теоретические, так и прикладные аспекты изучения. Оно направлено на выявление ключевых функций и значений этого слова в различных языковых и культурных контекстах, позволяя осмыслить его роль в динамике современной русской культуры и общества.

Детальный анализ лингвокультурологического потенциала слова «новый» позволяет глубже понять его многослойность и значимость в контексте современного русского языка и культуры. Исследуя это слово, мы сталкиваемся с его широким спектром значений, которые простираются от простого указания на что-то недавно созданное или открытое до глубоких культурных и философских импликаций, касающихся изменений, инноваций и переосмысления [2].

Слово «новый» играет ключевую роль в формировании языковой картины мира, будучи не просто средством для обозначения новизны, но и маркером социокультурных трансформаций. В его семантическом поле отражается динамика культурных процессов, связанных с постоянным стремлением общества к развитию и обновлению. Это слово воплощает в себе человеческую потребность в прогрессе, одновременно подчеркивая важность сохранения связи с прошлым и культурными традициями.

Анализируя культурные коннотации слова «новый», становится очевидной его двойственная природа. С одной стороны, новизна воспринимается как возможность для роста и самореализации, как шанс на изменение к лучшему. С другой стороны,

она может вызывать опасения и сопротивление, поскольку несет в себе неопределенность и риск отказа от привычного порядка. Таким образом, слово «новый» отражает сложное взаимодействие между инновацией и традицией, между желанием изменить мир и стремлением сохранить его устойчивость [3].

В контексте лингвистических исследований, слово «новый» предоставляет уникальную возможность для изучения того, как язык отражает и формирует культурные идентичности, как через него проявляются социальные изменения и как он способствует адаптации к новым реалиям жизни. Осмысление этого слова позволяет не только глубже понять механизмы культурной динамики, но и выявить способы, с помощью которых общество реагирует на вызовы современности [4].

В ходе данного исследования был проведен анализ лингвокультурологического потенциала слова «новый», который позволил выявить его многоаспектность и глубокую вовлеченность в процессы социальных и культурных изменений в русском обществе. Слово «новый» выступает не только как индикатор изменений и новаций, но и как значимый элемент культурной самоидентификации, отражающий динамичное взаимодействие между традициями и инновациями.

Исследование показало, что слово «новый» обладает сложной семантикой, включающей в себя не только указание на временной аспект появления чего-либо, но и несущее глубокие культурные и идеологические коннотации. Это слово служит мостом между прошлым и будущим, между устоявшимися ценностями и стремлением к прогрессу, между сохранением идентичности и адаптацией к новым условиям существования [5].

Анализ лингвокультурологического потенциала слова «новый» в русском языке выявил его ключевую роль в формировании языковой картины мира и культурных парадигм. Слово «новый» стимулирует к размышлениям о балансе между новизной и традицией, между изменениями и стабильностью, что особенно актуально в условиях современного динамичного мира.

В заключение можно сказать, что слово «новый» является не просто средством обозначения новизны, но и важным инструментом для понимания культурных и социальных процессов, происходящих в русском языке и обществе. Понимание его

лингвокультурологического потенциала открывает новые перспективы для изучения языка как зеркала культуры и как активного участника в процессе социальных трансформаций.

Библиографический список

1. *Леонтьев А. А.* Происхождение языка: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2010. С.400–401.
2. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 2016. С. 284.
3. *Сорокина Т. С.* Грамматика в англоязычном дискурсе: функционально-когнитивные и социолингвистические аспекты // Вестник МГЛУ. Вып. 514. М.: МГЛУ, 2006. С. 196.
4. *Дигина О. Л.* Язык и культура: ежегодный альманах / Челяб. гос. ин-т культуры; гл. ред. О. Л. Дигина. Челябинск: ЧГИК, 2017. С. 118.
5. *Леонтьев А. А.* Что такое язык. М.: Педагогика, 2006. С. 96.

УДК 81'374

ББК 81.054

Н. А. Шамова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ИГРОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЯХ

Аннотация. Наличие игрового компонента в словарях – характерная особенность электронной лексикографии XXI века. Геймификация повышает интерес к иностранному языку. В статье рассматриваются игровые компоненты некоторых современных электронных словарей, среди которых *Cambridge Dictionary*, *Collins* и *Merriam-Webster*.

Ключевые слова: электронная лексикография, электронный словарь, обучение, геймификация, игровые компоненты.

N. A. Shamova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

GAME COMPONENTS IN MODERN ELECTRONIC DICTIONARIES

Abstract. A game component in dictionaries is a distinctive feature of electronic lexicography of the XXI century. Gamification increases the interest in the foreign language. The game components of some modern electronic dictionaries such as *Cambridge Dictionary*, *Collins* and *Merriam-Webster* are examined in the article.

Keywords: electronic lexicography, electronic dictionary, education, gamification, game components.

В настоящее время многие современные англоязычные электронные словари предоставляют не только привычные блоки информации, например, транскрипцию, дефиницию, переводной эквивалент, но и дополнительные разделы, в которые включены различные игры. Их учебная направленность способствует эффективному закреплению материала, а игровой формат повышает мотивацию к изучению иностранного языка. Исследователи справедливо отмечают, что геймификация «стимулирует инновационную направленность деятельности, создает ситуацию интереса в выполнении познавательных задач, развивает творчество и возможность самореализации обучающихся» [1, с. 20].

О. М. Карпова указывает на то, что «лексикографическая парадигма цифровой лексикографии сегодня во многом ориентирована на запросы пользователей, которые в настоящее время являются определяющим звеном англоязычного лексикографического дискурса» [2, с. 282]. Действительно, современные словари учитывают потребности пользователя. Так, процесс геймификации становится характерным для электронной лексикографии XXI в. Игровой компонент можно встретить во многих авторитетных электронных словарях, например, *Cambridge Dictionary*, *Collins*, *Merriam-Webster*, особенности которых будут рассмотрены далее.

Так, словарь *Cambridge Dictionary* имеет раздел *Cambridge Dictionary +Plus*, в котором находятся разнообразные игры [3].

Категория *Image Quizzes* включает, например, викторины про животных, транспорт, еду и напитки и т. д. Кроме того, предлагается установить один из четырех уровней сложности (*easy, not so easy, tricky, challenge me*) [3]. Возможность выбора тематики и сложности игры свидетельствует не только об ориентации на предпочтения пользователя, но и на его уровень владения иностранным языком, что подтверждает тенденцию антропоцентрического характера современной лексикографии. Акцентируем внимание на том, что в данном словаре зарегистрированные пользователи могут составлять свои собственные списки слов и викторины, что указывает на высокий потенциал лексикографии XXI в.

В свою очередь, словарь *Collins* содержит задания по разным языковым аспектам, среди которых *English Grammar* (английская грамматика), *English Collocations* (английские коллокации), *English Idioms* (английские идиомы), *English Synonyms* (английские синонимы) и некоторые другие [4]. Словарь включает игру-викторину по английской грамматике *English Confusables* [4]. Удобство (в частности, для учащегося) состоит в том, что после автоматической проверки результатов, при нажатии на неверный вариант, словарь предлагает ознакомиться с грамматическим правилом, повторив которое, пользователь может пройти игру повторно.

Словарь *Collins* также содержит игру *Scrabble*, целью которой является составление слов из букв [4]. В качестве помощи в игре словарь дает возможность ознакомиться со специальными списками слов, находящимися в дополнительном разделе *Word Lists* [4]. Списки формируются по количеству букв в словах, а также по включению в них определенной английской буквы. Например, так будет выглядеть название списка слов, состоящих из четырех букв и заканчивающихся на букву *D*: *Four-letter words ending with D*.

Интересной представляется игра *Collins Conundrum*, правила которой заключаются в составлении слова из предложенных букв [4]. Если у пользователя возникает сложность с выполнением задания, то можно воспользоваться подсказкой *Display Hint*, а именно получением краткой дефиниции к загаданному слову. В случае если дается неверный ответ, словарь

предлагает ссылку на полную словарную статью, исходя из которой, пользователь может понять допущенную ошибку.

В свою очередь словарь *Merriam-Webster* имеет специальный раздел *Games and Quizzes* [5]. В подразделе *Games* представлены такие игры как *Quordle*, *Blossom*, *The Missing Letter*, *Name that Thing* [5]. Раздел *Quizzes* содержит более 200 различных заданий, направленных на повторение лексики, например, *Test your Vocabulary*, *Name that Thing*, *Spell It* и т. д. [5].

В ходе анализа игрового компонента электронных словарей *Cambridge Dictionary*, *Collins* и *Merriam-Webster* удалось установить следующие характерные черты:

- 1) разнообразное графическое оформление игр;
- 2) наличие звукового оформления к играм (можно отключать по желанию пользователя);
- 3) возможность выбора игры по желанию пользователя (в соответствии с тематикой или грамматическим правилом);
- 4) установка уровня сложности игры;
- 5) предоставление пользователю подсказок в игре (в случае необходимости);
- 6) создание собственных викторин (для зарегистрированных пользователей).

Таким образом, мы приходим к выводу, что игровой компонент является неотъемлемой составляющей современной электронной англоязычной лексикографии.

Библиографический список

1. Асташова Н. А., Бондырева С. К., Попова О. С. Ресурсы геймификации в образовании: теоретический подход // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 1. С. 15–49.
2. Карпова О. М. Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка) // Современная германистика и западноевропейская литература. М.: Флинта, 2022. С. 273–294.
3. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 04.03.2024).
4. Collins. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.03.2024).

УДК 81.28
ББК 81.2

А. Л. Шамшин

НГЛУ им Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

РОЛЬ ЗНАНИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В РАЗВИТИИ МУЛЬТИЛИНГВИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются диалекты итальянского языка в контексте развития мультилингвизма. Дается ответ на вопрос, каким образом их знание позволяет понять другие языки, что облегчит изучение последних. Подробно приводятся примеры связей диалектов с другими иностранными языками.

Ключевые слова: диалект, язык, мультилингвизм, Италия, итальянский язык.

A. L. Shamshin

LUNN, Nizhniy Novgorod

ROLE OF ITALIAN DIALECTS KNOWLEDGE IN DEVELOPMENT OF MULTILINGUALISM

Abstract. The article examines the dialects of the Italian language in the context of the development of multilingualism. The paper explains how their knowledge makes it possible to understand other languages, which will facilitate the study of the latter. Examples of the connections of dialects with other foreign languages are given in detail.

Keywords: dialect, language, multilingualism, Italy, Italian language.

В современном мире глобализация и международные связи стали неотъемлемой частью нашей жизни. Итальянский язык в силу того, что его всё чаще выбирают для изучения, становится популярнее. Чтобы успешно адаптироваться в среде итальянцев и установить эффективное общение с местными жителями, необходимо знание не только стандартного итальянского языка, но и его диалектов. В данной статье будет рассмотрена роль знания диалектов итальянского языка и их связь с развитием мультилингвизма.

Было решено изучить данную тему потому, что, читая книги, смотря фильмы, слушая музыку, общаясь с носителями итальянского языка, рано или поздно можно заметить, что нигде не прослеживается так называемый *Стандартный итальянский язык* (ит. *Standard letterario*). В связи с этим, возникает вопрос – насколько может человек, изучающий итальянский язык, приблизиться к нормам для носителей, если он не будет владеть диалектом.

На данный момент ученые склоняются ко мнению, что стандартного итальянского языка *без влияния диалектов* не существует. Да, есть уже упомянутый *Standard Letterario*, который регулируется различными книгами по грамматике, однако такой вариант практически не встречается в повседневном общении, за редчайшим исключением, поэтому нельзя его считать полноценным языком ни по социальному критерию, ни по географическому распространению. Это – совокупность норм письменного варианта, либо языка профессиональных групп: актеров, спикеров и, в принципе, людей, который прошли специальные курсы подобного «языка», включая нормы интонации и фонетики.

Более современным считается *Neo-Standard* (ит. *Новый стандарт*), который состоит, в основном, из норм *Standard Letterario*, но уже с немного более упрощённым синтаксисом и морфологией. Образованные итальянцы сегодня считают такой вариант нормой, более близкой к аутентичной речи. Здесь акцент смещается больше в сторону самого говорящего: по его речи, даже если человек образованный, можно заметить региональные отличия в произнесении открытых и закрытых гласных, интонации и т. д.

Самый разговорный с точки зрения ученых – третий вариант – *Italiano Regionale Popolare* (ит. *Региональный народный итальянский*). Здесь наилучшим образом прослеживаются диалектные вкрапления в речь. Данная форма речи более точно, ясно и лаконично передает суть сказанного. Безусловно, такой вариант языка маркирован с точки зрения местности.

Помимо свободного владения итальянским языком, знание диалектов помогает овладеть и *другими иностранными языками*. Причина этому кроется в том, что Италия относительно недавно (в 1861 г.) объединилась и стала единым государством.

До этого многочисленные итальянские княжества числились в составе разных иностранных империй, соответственно официальный язык и местный говор/диалект смешались до такой степени, что современный диалект более похож на язык «оккупантов», чем на итальянский. Приведем некоторые примеры: «Носок» итальянского «сапога» – регион Калабрия. Диалект той местности славится бесчисленными заимствованиями из греческого языка. Данное явление характерно из-за того, что уже с VIII в. до н. э. на южных границах Апеннинского полуострова находились греческие колонии (лат. *Magna Graecia*), язык которых «законсервировался» в калабрийском диалекте.

Среди ярких представителей можно выделить названия:

- Животных: *carcarazza* – сорока (вместо ит. *gazza*), *bucalaci* – улитка (вместо ит. *lumaca*), *zzimbaru* – козел (вместо ит. *caprone*).

- Кухонных принадлежностей: *bucali* – бокалы (вместо ит. *boccale*), *bìmbula* – кувшин (вместо ит. *brocca piccola per acqua*), *tigani* – сковорода (вместо ит. *tegame*).

- Продуктов питания: *timogna* – вся собранная пшеница (вместо ит. *cumulo di grano*), *scordo* – чеснок (вместо ит. *aglio*), *petrusìni* – петрушка (вместо ит. *prezzemolo*), *cuddhura* – круглый хлеб (вместо ит. *pane di forma circolare*).

- Фруктов, ягод, орехов: *prìcora* – абрикос (вместо ит. *albicocca*), *ciuràsa* – вишня (вместо ит. *ciliegia*), *circusì* – фундук (вместо ит. *poccioli*).

В 1061 году норманны завоевывают Калабрию и, естественно, пользуются французским языком, чье отражение мы видим и в наши дни: *travagghiari* – работать (вместо ит. *lavorare*), *mucaturì* – платок (вместо ит. *fazzolletto*), *broccia* – вилка (вместо ит. *forchetta*), *buccherì* – мясник (вместо ит. *macellaio*), *racina* – виноград (вместо ит. *uva*) и многие другие.

В XV–XVI вв., Калабрия, как и многие другие части Италии, оказалась под влиянием королевства Арагона, которое позднее стало королевством Испании. Итог – множество заимствований из испанского языка (преимущественно – из каталанского): *nzertari* (вместо ит. *indovinare*), *capezza* (вместо ит. *testa*), *cucchiàra* (вместо ит. *cucchiaino*), *pignata* (вместо ит. *pentola*) и т. д.

Не уходя далеко от Калабрии, посмотрим на Сицилию, которая тоже успела побывать под властью разных народов. В основном, конечно, греков: *tumassu* (вместо ит. *potodoro*), *kouros* (вместо ит. *ragazzo*), *roucamiso* (вместо ит. *maglia*); арабов: *carrubo* – *рожковое дерево* (араб. *harrub*); норманнов: *accattari* – *покупать* (фр. *acheter*), *arrieri* – *назад/сзади* (фр. *derrière*); испанцев: *abbuccari* – *кусать* (исп. *abocar*), *cascia* – *ящик* (исп. *caixa*) и т. д.

С тем же успехом можно взять северные регионы Trentino Alto Adige, Friuli Venezia Giulia, Valle d’Aosta, которые, гранича с немецкоговорящими странами, позаимствовали такие частотные слова как *kuchl* – *кухня* (вместо ит. *cucina*), *schtuba* – *гостиница* (вместо ит. *salotto*).

Говоря о грамматических, синтаксических и фонетических особенностях, целесообразно отметить, что для групп северных диалектов характерны следующие явления:

- присутствие определенного артикля даже перед именами человека – характерная особенность греческого языка;

La Luisa – *Луиза* (вместо ит. *Luisa*), *Il Mario* – *Марио* (вместо ит. *Mario*);

- особая форма выражения отрицания, когда отрицательное слово ставится в самый конец фразы – так же, как в немецком;

Io lo so mica (вместо ит. *Io non lo so*), *Si può no* (вместо ит. *Non si può*)

- звук [s] звучит средне между [ʃ] и [s];

Sono sinonimi [‘fɔno ʃi’nonimi]

Для центра страны:

- у опр. артикля «выпадает» звук [l] и удваивается первая согласная следующего слова – идентичная ситуация в арабском языке;

i’ccane (вместо ит. *il cane*), *i’ttreno* (вместо ит. *il treno*)

Для юга и островов ситуация мало чем отличается;

- безударная гласная в слове как правило становится [ə] или полностью выпадает – схожесть с португальским языком и, в некоторой степени, с русским;

la nɔtt(ə) (вместо ит. *la notte*), *la femm(ə)n(ə)* (вместо ит. *la femmina*)

- притяжательные местоимения ставятся *после* имени существительного – греческий;

i genitori vostri (вместо ит. *i vostri genitori*), *il telefono tuo* (вместо ит. *il tuo telefono*)-

- глагол, обозначающий «обладать» или «иметь что-то» – tenere, а не привычный avere – идентичная ситуация в испанском языке;

Tengo fame (вместо ит. Ho fame), Tiene molti amici (вместо ит. Ha molti amici)

- одна из ярких особенностей сардинского диалекта – постановка глагола в самый конец предложения – немецкий язык;

Noi con le nostre amiche andate siamo. (вместо ит. *Noi siamo andate con le nostre amiche*)

- типичнейшее использование глагола «быть» (*essere*) вместо «находиться/чувствовать себя» (*stare*) для выражения Presente Progressivo (аналог англ. *Present Continuous*) – то же самое мы наблюдаем в английском;

Sono scrivendo una lettera (вместо ит. Sto scrivendo una lettera)

Таким образом, проанализировав примеры, можно сделать вывод, что понимая диалекты, можно также понять и другие языки, что облегчит изучение последних и, как следствие, способствовать развитию мультилингвизма. Зная особенности произношения, специфическую лексику разных регионов и её происхождение в Италии, представляется возможным без ощутимых усилий изучить греческий, арабский, испанский, французский и другие языки.

Библиографический список

1. *Гаврилова Ю. В.* Краткий обзор диалектальной ситуации в Италии // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 3.

2. *Салеева М. В.* Итальянский язык и диалект: современное состояние. Минск, Республика Беларусь: БГУ, 2015.

3. *Чельшева И. И.* Стратегии использования диалекта в итальянской художественной литературе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сб. науч. статей. Т. 10. М.: Институт языкознания РАН, 2018. С. 215–228.

4. URL: <https://kupzova.wordpress.com/2015/04/06/hofstede-russia-italia/>

5. *Sabatini F.* Lingua e Linguaggi. Educazione linguistica e italiano nella scuola media / LOESCHER EDITORE. Torino, 1980.

6. *Berruto G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Nuova edizione / CARROCI EDITORE. Roma, 2021. С. 23–30.

УДК 37.018.43:371.3

ББК 74.26

В. М. Шаронова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ОБУЧАЮЩИМИСЯ В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Данная статья исследует применение сторителлинга в онлайн-обучении и его эффективность в создании художественных текстов обучающимися. В статье проведен обзор литературы по этой теме и представлены примеры использования сторителлинга в онлайн-обучении. Эта статья может быть полезной для учителей, которые ищут новые методы, чтобы привлечь внимание и повысить эффективность обучения в онлайн-форматах, а также для исследователей, которые занимаются развитием педагогических методов в сфере онлайн-образования.

Ключевые слова: сторителлинг, онлайн-обучение, создание художественного текста.

V. M. Sharonova

Moscow Pedagogical State University, Moscow

STORYTELLING AS A TOOL FOR CREATING LITERARY TEXT BY STUDENTS IN ONLINE LEARNING

Abstract. This article explores the use of storytelling in online learning and its effectiveness in the creation of literary texts by students. The article reviews the literature on this topic and presents examples of the use of storytelling in online learning. This article may be useful for teachers who are looking for new methods to attract attention and increase the effectiveness of teaching in online formats, as well as for researchers who are developing pedagogical methods in the field of online education.

Keywords: storytelling, online learning, literary text creation.

Введение

В последние годы с увеличением числа студентов, обучающихся в онлайн-форматах, появилась необходимость разработки новых методов, позволяющих привлекать внимание учащихся и улучшать эффективность обучения в условиях удаленной формы. Хотя онлайн-занятия обычно не так интерактивны, как те, которые проводятся в очном формате, многие учителя исследуют новые методы, которые могут помочь студентам излагать свои мысли лучше и эффективнее. В условиях онлайн-обучения студенты сталкиваются с новыми вызовами, в том числе и с тем, как создавать художественные тексты. Одним из инструментов, который может помочь в этом, является сторителлинг. Целью исследования заключается в определении эффективности данного инструмента в онлайн-обучении.

Обзор литературы

Сторителлинг в переводе с английского означает рассказывание историй [4]. Вообще сторителлинг изначально стал применяться в сфере управления персоналом. Считается, что термин *storytelling* ввел Дэвид Армстронг – руководитель концерна *Armstrong International*. Сейчас этот приём активно используется в маркетинге, блоггинге и педагогике [3].

Что такое история, и какой она должна быть? Авторы книги *Сториномика* Роберт Макки и Том Джерас отвечают на этот

вопрос так: «Суть любой хорошей истории, когда-либо созданной и рассказанной людьми, можно выразить тремя словами: конфликт меняет жизнь. Поэтому фундаментальное определение гласит: история – это динамическая эскалация движимых конфликтом событий, которые вызывают значимые изменения в жизни главного героя» [1; 41].

Из этого следует, что история должна иметь конфликт, тем самым цеплять и вызывать эмоции.

По мнению многих исследователей, сторителлинг в образовании выполняет большое количество педагогических задач: служит для передачи информации, повышает мотивацию учащихся, развивает самостоятельность и коммуникативные и ИКТ компетенции [2].

Авторы статьи пишут: «Сегодня педагогический сторителлинг применяется при активном использовании мультимедийных технологий, а значит, может без труда использоваться преподавателями как в очном, так и в дистанционном формате обучения» [5; 74]. Таким образом, можно считать сторителлинг универсальным инструментом, подходящим для занятий в очном формате и в онлайн.

Примеры использования сторителлинга на уроках русского языка и литературы

Сторителлинг можно использовать на уроках русского языка и литературы для создания художественных текстов, которые будут интересны и привлекательны для читателей.

Один из способов использования сторителлинга в создании художественных текстов – это использование персонажей и сюжета. Ученики могут создать персонажей и развивать их характеры, а также придумывать сюжеты, которые будут захватывающими и интересными для читателей.

Вторым способом использования сторителлинга может быть создание описания, которое будет более живым и запоминающимся. Например, вместо простого описания леса, студенты могут использовать сторителлинг, чтобы создать образ леса, который захватит воображение читателя и поможет ему лучше представить себе место, о котором идет речь.

Третий способ: сторителлинг может быть использован для создания диалогов между персонажами, которые будут более естественными и реалистичными. Это поможет студентам развивать навыки письма и создания художественных текстов, которые будут более привлекательными и интересными для читателей.

Выводы

Таким образом, сторителлинг является отличным инструментом для создания художественных текстов в условиях онлайн-обучения. Он помогает студентам развивать навыки письма и создания текстов, развивает навыки анализа и интерпретации литературных произведений. Использование сторителлинга позволяет студентам лучше понимать структуру и содержание текста, а также выявлять главные темы и идеи произведения.

Также сторителлинг помогает развивать коммуникативные навыки студентов. Создание и обсуждение историй в группе помогает студентам учиться выражать свои мысли и идеи, а также слушать и понимать точки зрения других людей.

Библиографический список

1. *Макки Р.* Сториномика: Маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире. М., 2018
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-storitelling-kak-sovremennaya-obrazovatel'naya-praktika/viewer>
3. URL: <https://news.pressfeed.ru/storytelling-6-tips/>
4. URL: https://skillbox.ru/media/education/storitelling_v_obrazovani_i_prosto_modnaya_fishka_ili_deystvitelno_poleznaya_shtuka/
5. URL: https://www.iedtech.ru/files/journal/2017/1/9_1_2017.pdf

УДК 81'366
ББК 81.052.1

А. М. Шестопалова

Московский городской педагогический университет, г. Москва

РОЛЬ НАРЕЧИЯ В РАМКАХ КВАЗИСУБЪЕКТНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются квазисубъектные модели типа *Машина резко останавливается / The car stops abruptly*, внимание также уделяется семантическим особенностям составных компонентов данных моделей. В частности, поднимается вопрос о необходимости наличия в составе квазисубъектных моделей наречия и его роли.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, наречие, роль наречия, семантический компонент, семантика синтаксиса.

A. M. Shestopalova

Moscow City University, Moscow

ROLE OF ADVERB IN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTION

Abstract. The paper focuses on quasi-subject constructions such as *Mashina rezko ustanavlivaetsja / The car stops abruptly*, and dwells on the semantic features of the respective structural components. Specifically, the research brings up the question whether the adverb is a relevant and necessary component as well as considers its role within the quasi-subject construction.

Key words: quasi-subject construction, adverb, semantic component, adverb role, syntax semantics.

На современном этапе развития лингвистической науки одним из динамично развивающихся направлений выступает когнитивный подход к изучению языковых средств, с помощью которых осуществляются процессы категоризации и концептуализации явлений внеязыковой действительности [1; 2]. Такими языковыми средствами могут служить различные синтаксические конструкции, анализ составных компонентов которых

позволяет в дальнейшем представить исследуемое языковое явление в структурированном виде и предложить его исчерпывающее семантическое описание [3; 4]. В данной статье рассматриваются квазисубъектные модели типа *Машина резко останавливается / The car stops abruptly*, описывающие такие ситуации, в которых свойства и качества неодушевленного субъекта обеспечивают его способность выполнять некоторые действия (определяется, будет ли субъект активным или пассивным участником ситуации). При этом отмечается наличие имплицитно заданного постороннего деятеля, который может прилагать усилия для реализации соответствующего события. В структуру данных синтаксических конструкций входят три семантических компонента, а именно субъект, предикат и наречие. В частности, в рамках настоящей работы внимание уделяется роли наречия в составе исследуемой синтаксической модели.

Как представляется, наречие позволяет отнести реализуемый в высказывании глагол к глаголам среднего залога, а также описать соответствующее событие через призму свойств и качеств субъекта высказывания. Наряду с этим с помощью наречия возможно имплицитно указать на наличие некоего внешнего агенса, который прилагает усилия для последующей реализации описываемого события [5]. Поднимается, тем не менее, вопрос о том, является ли наречие обязательным структурным компонентом исследуемой синтаксической модели, поскольку в некоторых языках, например, французском, данные конструкции можно считать квазисубъектными, даже если наречие отсутствует, при этом не будет наблюдаться нарушения нормы узуса языка. Ср. фр. *Cette solution se discute / This solution is debatable / Это решение можно обсуждать*. В английском языке, напротив, конструкции без наречия не всегда можно считать приемлемыми. Ср. *The shirt washes, *The book sells* [7, с. 42–44].

Существуют, тем не менее, такие английские модели, которые можно признать адекватными даже в случае отсутствия наречия, что характерно также и для русских моделей. Ср. *The door opens, The plane lands, Окна закрываются, Солнце светится*. Как представляется, модели без наречия можно отнести к абсолютным непереходным конструкциям (состоят из существительного в позиции субъекта и переходного глагола,

который в данном случае принимает непреходное прочтение). Такая конструкция вносит информацию о самом факте реализации события, при этом оно рассматривается как происходящее само по себе без вовлечения в процесс каких-либо внешних деятелей. С помощью моделей с наречием, напротив, описываются такие ситуации, которые обуславливаются определенными качествами и свойствами субъекта высказывания. Наряду с этим имплицитно вносится информация о наличии некой внешней силы, воздействие которой обеспечивает возможность осуществления соответствующего действия [6, с. 385]. Ср. *Окно закрывается* – *Окно резко закрывается*, где первое предложение отмечает лишь факт реализации описываемого события, тогда как во втором примере наречие *резко* имплицитно задает наличие постороннего наблюдателя, который делает вывод о характере производимого действия (оценивает степень внезапности реализации действия *закрываются*). Иными словами, можно наблюдать изменение типа высказывания в случае отсутствия наречия, что влияет на семантику всей фразы.

Таким образом, наречие становится тем параметром, который определяет, можно ли отнести высказывание к квази-субъектным, поскольку данный структурный компонент позволяет поместить в фокус качества и характеристики субъекта, но при этом передать информацию об имплицитно заданном постороннем агенте, наблюдающем за реализацией действия или влияющем на него. Следовательно, необходимость употребления наречия в составе модели принимает структурный характер [7, с. 148–149].

Наречие представляется обязательным компонентом также с точки зрения прагматики. В знаниях носителя языка о внеязыковой действительности уже содержится информация о том, что машины могут останавливаться, двери, окна открываться и закрываться, поэтому высказывания без наречия в данном случае не всегда будут рассматриваться как адекватные. Следовательно, в целях передачи новой информации необходимо ссылаться на характер описываемого действия или на свойства и качества субъекта высказывания, что обеспечивается при помощи наречия [7, с. 147].

Вместе с тем, в некоторых языках, в частности, в английском языке наречие в составе квазисубъектной модели необходимо для того, чтобы восстановить имплицитно заданного постороннего деятеля, поскольку в данном случае в высказывании не содержатся какие-либо другие синтаксические или морфологические маркеры [7, с. 144–145]. Например, в английской квазисубъектной модели предикативный компонент выражен глаголом в форме активного залога, который, на первый взгляд, представляет субъект высказывания как реального производителя действия. Ср. *The food digests quickly*, где субъект *food* якобы выполняет действие *to digest* самостоятельно, однако наречие *quickly* позволяет предположить, что соответствующее действие выполняется за счет усилий некоего постороннего деятеля или обусловлено свойствами и качествами субъекта *food* (способности пищеварительного тракта человека, состав пищи и пр.). В русском языке, напротив, используется возвратный глагол с формантом *-ся*, в семантику которого уже заложен компонент, указывающий на наличие внешней силы, влияющей на реализацию события: *Еда быстро переваривается* [5, с. 453].

Следует отметить, что в состав квазисубъектной модели могут входить только такие наречия, которые будут характеризовать представленный в высказывании субъект или образ выполняемого действия, не ссылаясь при этом на характеристики имплицитно заданного постороннего агенса [7, с. 145]. Например, в высказывании *The car stops abruptly* с помощью наречия *abruptly* отмечается характер производимого действия (описывается процесс резкого торможения), а не некой внешней силы, влияющей на реализацию описываемого события. Ср. **Рубашка аккуратно стирается*, где наречие *аккуратно*, напротив, описывает качества постороннего деятеля (отмечается, насколько тщательно некое постороннее лицо подходит к выполнению действия). Иными словами, в рамках квазисубъектных моделях говорить об особенностях имплицитно заданного агенса не приходится.

С учетом приведенных выше положений можно заключить следующее. Во-первых, наречие позволяет поместить в фокус свойства и качества неодушевленного субъекта, которые обуславливают его способность выполнять некоторые действия.

Во-вторых, данный элемент указывает на наличие постороннего участника ситуации, напрямую влияющего на реализацию события или являющегося наблюдателем, который делает вывод о характере производимого действия. В частности, данная функция наречия представляется релевантной в рамках английских квазисубъектных моделей в силу отсутствия морфологических маркеров, указывающих на имплицитно заданный агенс. В русских моделях, даже при наличии глагола с формантом *-ся*, наречие позволяет дать некую характеристику субъекту высказывания или описать образ выполняемого действия. Таким образом, наречие становится обязательным структурным компонентом квазисубъектной модели, без анализа которого не представляется возможным предложить исчерпывающее описание семантики данной конструкции.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я., Попова Л. Г., Шатилова Л. М.* Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 15–22.
2. *Карданова-Бирюкова К. С.* Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 85–97.
3. *Никитина В. В.* Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа XSHUDDERSTOV // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 191–194.
4. *Фомина М. А.* Особенности семантики русских «стихийных» моделей // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 807–811.
5. *Шестопалова А. М.* Квазисубъектные модели типа *Книга легко читается* в залоговой перспективе // Научный старт-2021: Сборник статей магистрантов и аспирантов / редколлегия: Л. Г. Викулова (отв. ред.) [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2021. С. 451–454.
6. *Langacker R. W.* Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, Inc., 2008. 562 p.
7. *Lekakou M.* In the Middle, Somewhat Elevated: The Semantics of Middles and Its Crosslinguistic Realization: PhD Thesis. University College London, 2005. 251 p.

УДК 372.881.1:371.3
ББК 81.471

А. П. Шумакова

Ивановский государственный университет, г. Иваново

ПРЕПОДАВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ-СПЕЦИАЛИСТАМ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. Исследование посвящено анализу методико-дидактических проблем в преподавании французского в качестве второго и третьего иностранного языка, а также поиску оптимальных решений. Автор обращает внимание на положительный перенос, интерференцию и другие языковые аспекты, которые выступают на первый план в мультилингвальном методическом пространстве.

Ключевые слова: французский язык, второй иностранный язык, третий иностранный язык, методика, мультилингвизм.

A. P. Shumakova

Ivanovo State University, Ivanovo

TEACHING FRENCH AS A SECOND AND THIRD FOREIGN LANGUAGE TO SPECIALIST STUDENTS: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract. The Research is devoted to the analysis of methodological and didactic problems in teaching French as a second and third foreign language, as well as the search for optimal solutions. The author draws attention to the positive transference, interference and other linguistic aspects that have come to the first plan in the multilingual methodological space.

Keywords: French, the second foreign language, the third foreign language, methodology, multilingualism.

Изучение второго и третьего иностранного языка студентами-филологами и будущими учителями иностранных языков оправдано не только с профессиональной точки зрения (возможность преподавания сразу двух языков или выбора из двух языков в зависимости от типа школы/колледжа/вуза решает задачу

конкурентоспособности будущего специалиста), но и с точки зрения лучшего усвоения родного и первого иностранного языка. Особое внимание мы уделим преподаванию второго иностранного языка как занимающего большее место в учебном плане. Обучение третьему иностранному языку подчиняется тем же лингвистическим и психологическим законам, что и второму ИЯ, но, ввиду меньшего удельного веса этой дисциплины, требования к уровню овладения им значительно ниже. В связи с вышесказанным перед обучающимися второму иностранному языку стоят следующие задачи:

1) овладение французским языком на уровне, предполагающем реализацию учебных, образовательных и профессиональных целей;

2) восприятие французской культуры и менталитета, отличающихся от уже освоенных моделей мира;

3) поиск сходных языковых явлений в английском и французском языках и связанное с этим закрепление и лучшее усвоение языковых структур английского языка;

4) патриотическое воспитание студентов средствами второго ИЯ.

Таким образом, целью обучения второму иностранному языку студентов-будущих специалистов является *качественное изучение второго ИЯ*, то есть овладение языковыми и неязыковыми компетенциями, формирующими поликультурную и мультилингвальную личность, способную осуществлять иноязычную коммуникацию на французском языке и/или преподавать французский язык наравне с английским языком.

1. Обучение французскому как второму иностранному языку в вузе происходит на базе английского языка как основного ИЯ, преподаваемого со второго класса школы. К моменту начала изучения французского (1 курс, 1 семестр) уровень английского языка у многих студентов достаточно высок, но опыт изучения второго иностранного языка имеют только около 20 % обучающихся, то есть большинство студентов не владеют навыками сравнения и сопоставления иностранных языков. Французский язык как относящийся к романской группе языков, берущих своё начало в латинском языке, представляет, с одной стороны, прекрасную базу для одновременного изучения

праязыка и современного романского языка, с другой стороны, существенно отличается от английского как языка германской группы. Учёт этого дуализма необходим для облегчения изучения французского на базе английского языка (и латыни). Отметим здесь, что, напротив, студенты-старшекурсники, овладевающие французским как третьим ИЯ после английского и немецкого, проявляют большую склонность к применению компаративного подхода к языкам, легче осваивают следующий иностранный язык, что исследователи связывают с отлаженностью переноса психолингвистических механизмов овладения предыдущим(и) иностранным(и) языком (языками) [1, с. 278]. Чем прочнее закреплено применение языковых законов и принципов в лингвистическом опыте учащихся, тем быстрее они пользуются этим преимуществом в изучении французского языка.

2. Общение на французском языке, правильное понимание собеседника, адекватная реакция на правила и порядки могут усложняться ввиду невнимательности к традициям, культуре, обычаям, особенностям менталитета французов. Незнакомый «французский мир» неотделим от языка. Этот мир входит в занятия по французскому со страноведческими терминами, песнями, поговорками, стихами, невербальными средствами (жесты, мимика и т. д.). Само название Франции *la douce France* – *милая (сладкая) Франция*, идущее еще из *песни о Роланде*, отличается от понятий *old merry England*, *Vaterland* и *матушка-Русь* тем, что Франция воспринимается самими французами как возлюбленная, а не как родственница, что накладывает отпечаток на язык и менталитет. Галантность (дух рыцарства), дух критицизма, свобода и республиканские ценности, любовь, индивидуализм, бережливость, элегантность и вкус к комфорту – таковы национальные французские концепты [4, с. 197–212]. Баланс чувственности, эмоциональности, открытости с одной стороны, а также рациональности и интеллекта, с другой стороны, находит отражение в языке, начиная с фонетики (много назальных звуков, связывание и сцепление) заканчивая синтаксисом и грамматикой (сложные, симметричные синтаксические конструкции и разветвленная логичная система времен). Культура разговора, вежливость, куртуазность – все это отражается в речи и жестах французов, занимает значительное место в

межкультурной коммуникации. Формирование социокультурной компетенции при обучении французскому языку – одна из главных целей преподавателя.

3. Говоря об изучении второго и последующих иностранных языков, все педагоги и лингвисты сходятся во мнении о существовании положительного переноса, облегчающего изучение иностранного языка, и интерференции, затрудняющей его усвоение. Степень выраженности межъязыковых взаимодействий обусловлена влиянием таких факторов, как типологическое сходство языков, общность национально-культурных черт, уровень владения языками, частота их использования и т. д. [5, с. 27]. Необходимо акцентировать внимание на собственно *лингвистических*, *социолингвистических* и *психолингвистических* причинах межъязыковых взаимодействий при овладении французским как вторым /третьим иностранным языком. Говоря о *лингвистических факторах*, отметим, что французский и английский, являясь европейскими языками, имеющими одинаковый алфавит (латиницу), графико-акустические соответствия, систему артиклей, аналитический строй, обладают сходными типологическими чертами и представляют большой потенциал для положительного переноса, чем, например, французский и русский или французский и арабский языки. Использование контрастивно-сопоставительного подхода при изучении лексики и грамматики позволяет преподавателю ярче проиллюстрировать взаимосвязь языковых феноменов, подключить языковую догадку, прогнозировать успехи и ошибки, опираясь на лингвистический опыт обучающихся. В то же время общие черты английского и французского языков могут представлять собой «ловушки» для неискушенных пользователей языка. В первую очередь, интерференция в отношении французского языка проявляется на лексическом и семантическом уровнях. Это обусловлено историческими событиями, в результате которых, по разным данным, от 60 до 80 % английских слов имеют французское (латинское) происхождение. К семантической интерференции, то есть ошибкам в использовании языковых единиц, могут привести многозначность, омонимия и синонимия грамматических и лексических форм обоих иностранных языков. Часто совпадая в одной семе, грамматические формы расходятся во

второстепенных функциях, что мешает их полному отождествлению и порождает неправильное употребление или некорректный перевод. Так, значение прошедшего завершённого действия, передаваемые во французском языке временем *Passé Composé*, частично передаётся в английском временем *Present Perfect*, частично *Past Simple*, а значение незаконченного прошедшего *Imparfait* – частично *Past Simple*, частично *Past Continuous*. Примером лексической интерференции служат так называемые «ложные друзья переводчика», то есть слова, сходные или идентичные по написанию и звучанию, но различающиеся по значению. Например: *library* (англ. – «библиотека») – *librairie* (франц. – «книжный магазин»), *je contemple* (фр. – «я созерцаю») – *I contemplate* (англ. – «я размышляю/думаю»).

Что касается *социолингвистических факторов*, к которым относят условия усвоения каждого из языков, характер и число обслуживаемых языками коммуникативных сфер, частоту использования, функциональный статус языка, то французский язык по своему употреблению выступает как миноритарный иностранный язык, использование и появление которого в русскоязычной среде носит спорадический характер, тогда как присутствие английского языка, имеющего также статус иностранного, более обширно и носит массовый характер.

Психолингвистические факторы в изучении французского языка проявляются как потенциальная способность активироваться при необходимости и конкурировать с другими иностранными языками. Эти факторы тесно связаны с социолингвистическими факторами и зависят от количества часов, уделяемых французскому языку обучающимися в учебное и внеучебное время, а также ситуаций, когда французский язык востребован для общения или работы/исследований.

4. Понимание французской культуры и обычаев, особенностей поведения в разных ситуациях позволяет провести сравнение с традициями нашей страны, глубже понять свою культуру, понять себя и свой народ, по достоинству оценить достижения своего отечества. Необходимо взять лучшее из иноязычного наследия, обогатить свое мировоззрение, развить себя как разностороннюю личность и профессионала, подготовить себя к жизни и деятельности на благо Родины. Французский

язык – посредник в ознакомлении обучающихся с лучшими образцами литературы и философии Франции и франкоговорящих стран, средство обучения анализу и развитию мысли, способ информирования франкофилов о нашей стране.

Для решения вышеуказанных задач в условиях лимитированного количества часов на французский как второй, и тем более третий ИЯ, актуальным становится поиск нетрадиционных методов обучения французскому языку, а также самостоятельная работа обучающихся во внеаудиторное время. Ответом на заявленные вопросы стала идея Романской Ассамблеи (*Assemblea Romana*) – такого собрания, где студенты могли бы выступать на латыни и романских языках: петь песни, читать стихи, разыгрывать постановки, проводить квизы и конкурсы. Такой вид работы требует значительного времени на подготовку, что увеличивает вовлеченность студентов в изучение французского языка недирективными методами, повышает мотивацию, сплачивает группы, позволяет проявлять индивидуальность и демонстрировать творческие способности, креативность, артистизм. Романские Ассамблеи стали местом сбора ребят, изучающих французский язык на разных курсах и факультетах, а также местом общения с франкоговорящими студентами-африканцами. Подобное общение плавно перетекает из стен университета и продолжается в реальной жизни, позволяя расширить сферы применения французского языка и интенсивность его использования.

Проведение ежегодного Фестиваля французской песни и поэзии *Chanson d'automne* (*Осенняя песня*) с конкурсами чтецов поэзии и исполнителей песен на французском языке среди вузов и школ города и области служит сильным стимулом для совершенствования фонетических и лексических навыков, умения держаться на сцене, работы над ораторским мастерством.

Большое значение в преодолении вызовов, стоящих в обучении французскому как второму/третьему ИЯ, служит индивидуализация обучения и личностно-ориентированный подход. Решение творческих задач на языке (создание ментальных карт по изучаемым темам, коллажей, личного герба, открыток к праздникам) наряду с широким применением игровых методик (настольные игры на французском языке), способствуют интенсификации процесса обучения. Воздействие на разные органы

чувств обучающихся и разнонаправленность влияния элементов французского языка и культуры способствуют достижению прочных знаний и поддержанию мотивации.

Таким образом, личностно-ориентированное обучение, опора на положительный перенос из английского, русского и латинского языков, а также нетрадиционные формы проведения занятий становятся сильным оружием в руках преподавателя французского языка, повышают заинтересованность студентов в процессе и результате обучения второму/третьему ИЯ в условиях ограниченного учебного времени.

Библиографический список

1. *Аюста В. Е.* Психолингвистический феномен «положительный перенос» в свете овладения вторым иностранным языком // Психология: аспекты теории и практики. 2020. Вып. 1 (035). С. 277–280.

2. *Арсланова Г. А.* Патриотическое воспитание студентов в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык» в вузе // Иностранные языки в современном мире: актуальные проблемы обучения языкам для профессиональных и специальных целей: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 469–474.

3. *Багана Ж., Кривчикова Н., Трещёва Н.* Langue et culture française: Культура французской речи: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 144 с.

4. *Кирнозе З. И.* (совместно с И. Сокологорски) // Межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032800 «Культурология», 033200 «Иностранные языки». Нижний Новгород, 2001. С. 197–212.

5. *Лещенко Ю. Е., Остапенко Е. С.* Межъязыковые взаимодействия и межъязыковые влияния как проявление языковых контактов // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. Вып. 6. С. 26–30.

УДК 811.581'361'373
ББК 81Я.21

Юйхань

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва; Педагогический университет Внутренней Монголии,
Хух-Хото

О. В. Лазарева

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва

**ЗАИМСТВОВАНИЕ АББРЕВИАТУР
СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ
НА РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема заимствования аббревиатур как неотъемлемой части современной коммуникации в сфере международной торговли на русском и китайском языках. *В результате исследования* выявлены общие черты в структуре аббревиатур на русском и китайском языках, доказано, что оба языка используют сокращение по первым буквам или слогам, составляющим фразы, могут использовать дополнительные фонетические транскрипции или символы. Произношение и транскрипция звуков в русском и китайском языках оказывают влияние на заимствование и использование аббревиатур; обнаружены некоторые различия в их семантической нагрузке на русском и китайском языках.

Ключевые слова: сфера международной торговли, аббревиатура, терминологическая система, заимствованная единица.

Благодарности: Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультиязычного терминологического словаря».

Yuhan

RUDN University, Moscow; Pedagogical University of Inner Mongolia,
Hohhot

O. V. Lazareva

RUDN University, Moscow

BORROWING INTERNATIONAL TRADE ABBREVIATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Abstract. The article considers the problem of borrowing abbreviations as an integral part of modern communication in the field of international trade in Russian and Chinese. The study revealed common features in the structure of abbreviations in Russian and Chinese languages, proved that both languages use the abbreviation for the first letters or syllables of the phrase, can use additional phonetic transcriptions or symbols. The pronunciation and transcription of sounds in Russian and Chinese influence the borrowing and use of abbreviations; some differences have been found in their semantic load in Russian and Chinese.

Keywords: international trade sphere, abbreviation, terminological system, compound word.

Acknowledgments: The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 124022500238-1 “Multilingual terminological dictionary model”.

В современном мире международная торговля стала неотъемлемой частью глобальной экономики. Китай и Россия активно взаимодействуют на мировом рынке; в процессе такого сотрудничества возникает необходимость в унификации терминологии и создании общих языковых инструментов, включая аббревиатуры. Использование аббревиатур является одним из способов упрощения и сокращения обмена информацией и обеспечивает (в условиях глобализации и расширения международных рынков) эффективную коммуникацию, которая служит ключевым фактором успеха в данной сфере. Соответственно, исследовательский интерес вызывает проблема использования аббревиатур в сфере *международной торговли*, в большей степени заимствованных из английского языка, как неотъемлемой части современной коммуникации на русском и китайском языках. Рассмотрение проблемы заимствования аббревиатур в сфере

международной торговли на русском и китайском языках имеет высокую актуальность [1–10]. Остается лакунарным сравнительное описание анализа процесса заимствования аббревиатур на русском и китайском языках в сфере международной торговли.

Материалом послужили аббревиатуры, выявленные методом сплошной выборки из *Русско-китайского толкового словаря экономических терминов* под ред. Ван Тун, Цзинь Тао. Владивосток, 2006. 155 с.; *Учебного словаря терминов по экономике и менеджменту* под ред. И. Е. Козырской. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. 334 с.; *汉俄国际经贸词典 (Китайско-русский внешнеторговый и внешнеэкономический словарь*, Пекин, 2011. 987 с.); *现代汉语缩略语词典 (Современный словарь сокращений китайского языка*, 2002).

В русском и китайском языках существуют определенные различия в подходе к образованию и использованию аббревиатур. Русская торговая лексика обычно состоит из аббревиатур, образованных по принципу сокращения иностранных слов. Например, аббревиатура *МТС* образована от *Международное телефонное сообщество*. Такой подход позволяет сохранить и передать основной смысл иноязычного слова, сократив при этом его длину и упростив произношение; аббревиатура *НДС* ‘налог на добавленную стоимость’, образованная путем сокращения начальных букв иноязычного выражения.

В китайском языке, напротив, заимствование аббревиатур преимущественно осуществляется на основе звучания иноязычных слов или терминов. Китайцы, имеющие особую письменную систему, используют аббревиатуры, которые представляющие собой прямое озвучание иноязычного слова или термина. Например, англоязычная аббревиатура *CPC* (*cost per click*) звучит как *сиписи* и обозначает «индекс потребительских цен» на китайском языке. В китайском языке аббревиатура *CPC* выражается как 消费者价格指数 [xiāofèizhǐ jiàgé zhǐshù]. Кроме того, данная аббревиатура также может выражаться как 每点击成本 [měi diǎnjī chéngběn], что означает «стоимость за клик». В китайском языке также существует специфический вид аббревиатур, называемый *пиньинь*, который представляет собой систему транскрипции китайских звуков с помощью латинских букв и

широко используются в международной торговле и понятны говорящим на различных языках. Аббревиатура *CNY* обозначает китайскую валюту «юань» и представляется в китайском языке как 人民币 [yúán rénminbì].

Еще одной особенностью заимствования аббревиатур в китайском языке является их звучание, основанное на схожести с оригинальными словами на других языках. Например, аббревиатура *NBA* (*National Basketball Association*) выражается на китайском языке как 南北中美篮球架 [*Nan Bei Zhong Mei Lan Qiu jia*] и буквально означает «баскетбольная ассоциация Северной и Южной Америки». Также в китайском языке используется множество аббревиатур, связанных с технологиями и интернетом, таких как *Wi-Fi*, *GPS*, *USB*, *HTML* и др., что связано с ролью Китая как одной из ведущих стран в области информационных технологий и электронной коммерции.

Особенностью заимствования аббревиатур в русском языке в сфере международной торговли является их сокращение и адаптация иностранных терминов. В качестве примера можно привести аббревиатуру *ОМС*, которая обозначает *Основную международную сеть* (*Origin Mainstream Service*) и аббревиатуру *ТЭУ*, которая номинует «транспортно-экспедиционные услуги».

В китайском языке также встречаются аббревиатуры, связанные с конкретными отраслями международной торговли. Например, аббревиатура *FTA* имеет значение «свободная торговая зона» (*Free Trade Area*), и на китайском языке она звучит как 自由贸易区 [zìyóu màoùyì qū]. Эта аббревиатура широко используется в контексте соглашений и договоров между странами для снижения барьеров в международной торговле. Еще одним примером аббревиатуры в китайском языке может быть *WTO* (Всемирная торговая организация), которая выражается на китайском языке как 世界贸易组织 [shìjiè màoùyì zǔzhī]. Кроме того, в китайском языке часто используются аббревиатуры, связанные с различными торговыми пунктами: аббревиатура *SME* «малые и средние предприятия» (*Small and Medium-sized Enterprises*) и звучит как 中小企业 [zhōngxiǎo qìyè].

Таким образом, особенности заимствования аббревиатур в русском и китайском языках в сфере *международная торговля*

обусловлены историческими, языковыми, культурными и пр. контекстами России и Китая. В русском языке чаще используется сокращение и адаптация иностранных терминов, в то время как в китайском языке часто сохраняется оригинальное звучание иноязычных аббревиатур или используется транскрипция. Аббревиатуры могут быть использованы как в оригинальной форме, так и в адаптированном виде, что обусловлено необходимостью сокращения информации и упрощения процесса коммуникации.

Библиографический список

1. *Бавинова И. Е.* Функционально-структурные особенности использования аббревиатур в русских и английских экономических текстах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 12. С. 159–164.
2. *Борисов В. В.* Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / под ред. проф. А. Д. Швейцера. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
3. *Кострубина С. А.* Сокращения терминов в английском и русском субъязыках экономистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославль, 2018. 23 с.
4. *Ли Сяогэ.* Сопоставление аббревиатур в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 2. С. 454–463.
5. *Мутылина А. Ю.* Русско-китайское внутрифразовое переключение и смешение кодов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Владивосток, 2012. 25 с.
6. *Назаренко Н. А.* Структурно-семантические и функциональные характеристики экономической терминологии (в рамках сегмента терминосферы рыночная экономика): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2005. 272 с.
7. *Ярмашевич М. А.* Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2004. 40 с.
8. *刁觅哲, 王一涛.* 汉英缩略语的构词类型对比浅析 // 文教资料. 2016 年第. 1 期: 18–19. [Си Мичжэ, Ван Итао. Сравнительный анализ типов словообразования китайских и английских аббревиатур // Материалы культурно-просветительные. 2016. № 1. С. 18–19].

9. 俞理明. 词语缩略的界定及其理论诠释 // 四川大学学报. 2000 年第 2 期: 124–128. [Юй Лимин. Определение и теоретическое толкование аббревиатур // Вестник Сычуаньского университета. 2000. № 2. С. 124–128].

10. 郭伏良. 试论建国后汉语简缩成词的类型与特点 // 汉字文化 1998 年第 4 期: 9–14. [Го Фулян. О типах и характеристиках сокращенных китайских слов после основания Китайской Народной Республики // Культура китайского языка. 1998. № 4. С. 9–14].

СОДЕРЖАНИЕ

Современная филологическая наука (С. А. Маник)	6
Алешкина Ю. В., Стрельчук Е. Н. Потенциал китайских социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному	9
Анашкина И. А. Прологомены к изучению звучащего текста как социо-культурной ценности	15
Андреева В. О. Когнитивно-дискурсивный подход в изучении советского плаката 1945–1953 гг.	18
Анисимова А. Г. Языки для специальных целей: авторские термины и их роль в расширении терминологических систем	23
Анферова А. В. Внедрение блогов в учебный процесс при изучении английского языка	33
Асташкина Н. Н. Интертекстуальность как инструмент дискурсивной манипуляции в британском политическом дискурсе	38
Баранова Л. Л. Речевой этикет в английском языке как лингвокультурное и культурно-специфическое явление	43
Басовец И. М. Взаимосвязь референциальных типов субъекта и категорий медиатекста	48
Белова Н. А. Принципы создания и лингводидактические особенности электронного учебного пособия-практикума «русский язык для студентов-граждан иностранных государств»	53
Бойчук Е.И., Голубева А.Е. К вопросу о возможности автоматизированного поиска средств комического	63
Будникова Е. И. Что скрывают классификаторы, или о релевантных признаках в структуре лексического значения ...	73
Быстров Н. А. Культурная обусловленность языковой системы и ее концептосферы	79
Валле Чилина Ирина Доменика. Влияние психолингвистических факторов в обучении. Личный опыт	84
Витошинова А. М. Герменевтика транслингвального текста (на примере романа Тани Д. Дэвис <i>Russian-English Romance</i>)	89
Воронцова И. А. Стратегии описания прецедентных имен в словарях (на материале английского языка)	95

Ворошикевич Д. В., Савинова М. С. Использование генеративного искусственного интеллекта при обучении письменной речи на иностранном языке	99
Ворсунова А. С. Гуманистическая педагогика как основа развития гибких навыков в плюрилингвальном мире	104
Генделев И. Д. Мелодические модели полимодального страноведческого дискурса	109
Григорян А. А. Имя прилагательное и наречие в английском языке: сходство и отличие	114
Григорян А. М. Вечер накануне Ивана Купала Н. В. Гоголя в свете невербальной семиотики	117
Гудкова Л. В. Дидактические возможности учебной платформы <i>Fobizz</i> для работы с искусственным интеллектом на занятиях по иностранному языку	122
Gupina N. A. Teaching academic writing in English to undergraduate students	128
Гурбанова А. М. Культурные измерения г. Хофстеде в образовательной среде университета Турции	134
Даминова С. О. Англо-русский словарь по химии и химической технологии как средство формирования иноязычной лексической компетенции у студентов-нефилологов	138
Дзѣба А. С. Использование подкастов для совершенствования навыков профессионально-ориентированной речевой деятельности у студентов технических специальностей	144
Дульмухаметов Д. М. Вербализация концепта «дипломатические отношения» в англоязычных новостных медиатекстах	149
Евстигнеев К. А. Лингвопрагматические особенности функционирования неоместоимений в современной коммуникации: к постановке вопроса	155
Егошина Н. Б., Николаева О. А. Формирование компетентности в области межкультурной коммуникации на основе изучения английского языка	160
Ермошина М. А. Аксиологический потенциал коммуникативного образования в педагогическом вузе	165
Зверев М. Э. Описание ритмических структур ненативной речи и их вокалических и акцентуационных характеристик	170
Зими́на М. В., Москалева С. И. Особенности функционирования отрицательной частицы <i>nicht</i> с различными видами детерминантов и распространителями предиката и актанта	174

Иванова А. М., Начинкина Т. А. Цифровые технологии реферирования текста в преподавании перевода	179
Иванова Н. К. О соблюдении закона РФ «О русском языке как государственном»: «Бочка дегтя и ложка мёда»	185
Исаева М. Г., Кожина И. Ю. Прагматические особенности кодовых переключений в автобиографическом романе А. Симана <i>Out of Egypt. A Memoir</i>	191
Кириллова А. В. Обучение английскому языку студентов информационных технологий с использованием задания ориентированного обучения и преподавания	199
Кириллова Ю. М. Связь компьютерной лингвистики с NLP	205
Кирокосьянци-Пауль Г. Культурные концептуализации как важный компонент полноценной международной коммуникации	209
Князева А. А. Особенности коммуникативного поведения женщины-матери в трудной жизненной ситуации (на материале американского мини-сериала <i>Maid</i>)	216
Комарова А. И., Окс И. Ю. Учебный контекстный словарь глаголов и глагольных словосочетаний ESP географии ...	220
Конькова И. И. Монография как жанр научно-технического дискурса (корпусный подход)	228
Кострубина С. А. Применение технологий искусственного интеллекта в современном языковом образовании	233
Красина Е. А., Рыбинок Е. С. Феномен нарратива в экранном тексте (на примере сериала Ю. Грымова <i>Казус Кукоцкого</i>)	239
Крупина Е. А. Развитие навыков говорения с помощью УМК Language Hub (уровень Beginner)	246
Куклева А. А. Национальные особенности публичного выступления политика (на материале сербского языка)	249
Курбаков И. А. Влияние юридического дискурса на использование языка в специальных целях: лингвистический анализ	256
Куров А. С. Анализ аудиовизуального перевода на примере фильма <i>Берегись автомобиля</i>	261
Лаврентьева Н. Г. Обучение реферативному переводу с иностранного языка на русский как способ развития коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза ...	265
Ладыгина С. Ю. Пропозициональные схемы многокомпонентных терминов категории предметов и материалов в подъязыке автомобилестроения	269

<i>Лисовицкая В. Н.</i> Автор и герой в произведениях <i>Жилинско-го цикла</i> братьев Стругацких	275
<i>Лонцкая М. А.</i> Проблемы компьютерного лексикографирования глаголов состояния в русском языке	280
<i>Лотарева Е. М.</i> Игровые технологии на уроке английского языка в средней школе глазами молодого педагога	286
<i>Лутцева М. В.</i> Особенности лексикографического описания юридической терминологии в словарях для специальных целей	290
<i>Малышева Е. В.</i> Специфика формирования «вирусного» контента сетевой коммуникации	296
<i>Маник С. А.</i> Корпусные исследования в эпоху нейронных сетей	304
<i>Маник С. А., Чоккой А. Д.</i> Общие вопросы подготовки дошкольников к обучению иностранному языку (на примере обучения в языковом центре)	309
<i>Маякина М. А., Савельева И. Г., Киселева Н. С.</i> Предметно-интегрированные методы обучения английскому языку: CLIL, CBI и ESP	313
<i>Миронов Н. М.</i> Специфика изображения вампира в русской романтической прозе	318
<i>Миронова М. Ю.</i> Реализация стратегии вежливости в полемической научной коммуникации	323
<i>Мишенькина Е. В., Леонтьев В. В.</i> Специфика перевода фильмонимов с английского языка на русский	327
<i>Муллина А. М.</i> Этикетные формулы приветствия в русской и китайской лингвокультурах (в сфере бизнес-коммуникации)	332
<i>Ненашева Ю.А., Никитина С.А.</i> Методика формирования понятийного аппарата переводчика (на материале «техногенное воздействие добычи и перевозки нефти/нефтепродуктов»)	336
<i>Никитюк Н. А.</i> Методические и цифровые инструменты педагогического дизайна в обучении иностранным языкам	341
<i>Никулина Е. А.</i> Лексикографическая репрезентация английских неологизмов в современных онлайн словарях	347
<i>Новикова Н. Д.</i> Самоуничительный юмор в женском интериоризованном критическом дискурсе (на материале современной британской художественной литературы) ...	353
<i>Новоселова О. В.</i> Менасивная тактика как инструмент воздействия на массового адресата в предвыборной дискуссии ...	358

Новоспаская Н. В., Хаддад А. Д. Алгоритм создания мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка	362
Оберюхтина М. В. Концепт «publics» в пиарологии в глоссарии Сандры Кейн <i>Key Concepts in Public Relations</i>	367
Олонцев А. А. Функциональное варьирование лексемы «наверное» в свете микродиахронического корпусного исследования	372
Павлова А. Д. Сказки М. Кузмина: трансформация жанра	377
Петросян М. С. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие виды зависимости: семантический аспект	381
Попов А. А. Средства и способы решения задачи «коучинг» в бизнес-коммуникации (на материале романа Йенса Шпаршу <i>Комнатный фонтан</i>)	385
Резцова С. А., Степанова Н. Ю. Компоненты англоязычных мультимодальных рекламных текстов: проблема интерпретации	393
Романов А. А., Абросимова-Романова Л. А. Фреймовое моделирование как механизм разоблачения фейковой реальности и борьбы с ней	398
Романов Д. А. Поэтика повести <i>Детство</i> в проекции на дальнейшее творчество Л. Н. Толстого	413
Романова И. С. Инженерная инфографика как средство визуализации технической информации для обучения студентов технических вузов английскому языку	419
Рыжкина Е. В. О некоторых инновациях в современной английской и русской терминологии	424
Саргсян Е. Х. Особенности перевода вербальной и невербальной составляющей комиксов с русского языка на английский язык (на материале комикса <i>Майор Гром</i>)	428
Сидоренко Л. С. Современный роман через призму геопоэтики (на материале романа А. Иличевского <i>Исландия</i>)	433
Соколова А. Ю. Развитие термина «ассимиляция»	439
Соколова Л. А. Языковая реализация и семантическое наполнение номинаций группы флоронимы в поэтическом мире К. Д. Бальмонта: отражение индивидуально-авторского восприятия мира	444
Соловьева Е. И. Характер выстраивания оппозиций внутри пейзажных образов И. Жданова (опыт анализа одного стихотворения)	449
Таганов А. Н. Реальное и виртуальное в комедиях Мольера ...	455

Тюрина С. Ю. Методы анализа текста: система SYMLOG	460
Хуснутдинов А. А. «От Пушкина до наших дней»: о лексико-графической разработке ядерной части идиоматики	463
Цветков Ю. Л. Экзистенциальное измерение ранней новеллистики Артура Шницлера	468
Цибуля Н. Б. Просодические и проксемные характеристики английского и американского кинодискурса	474
Цымбал А. Ю. Восклицательные конструкции как средство выражения авторской модальности в англоязычном академическом дискурсе	479
Чертюсова С. В. Чат-бот как инструмент развития навыков реферирования при обучении иностранному языку	481
Чжан Цзин Лингвокультурологический потенциал слова <i>новый</i>	486
Шамова Н. А. Игровые компоненты в современных электронных словарях	490
Шамшин А. Л. Роль знания итальянских диалектов в развитии мультилингвизма	494
Шаронова В. М. Сторителлинг как инструмент создания художественного текста обучающимися в условиях онлайн-обучения	499
Шестопалова А. М. Роль наречия в рамках квазисубъектной модели	503
Шумакова А. П. Преподавание французского языка как второго и третьего иностранного языка студентам-специалистам: вызовы и решения	508
Юйхань, Лазарева О. В. Заимствование аббревиатур сферы международная торговля на русском и китайском языках	515

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА:
ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ**

Сборник материалов Международного симпозиума

Иваново, 23–25 мая 2024 г.

*Ответственность за содержание и оформление материалов,
достоверность приводимых фактов несут авторы публикаций*

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *О. Н. Масленниковой*

Подписано в печать 06.05.2024 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 30,69.
Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 300 экз. Заказ № 16. Цена свободная.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, стр. 8

☎ 8-930-330-26-70. E-mail: presto@mail.ru

В сборнике публикуются материалы Международного симпозиума, посвященного актуальным проблемам филологической науки, лингвистики и литературоведения.

В конференции приняли участие филологи, лингвисты, литературоведы, преподаватели вузов из многих регионов России, а также ученые из зарубежных стран (Белоруссия, Монголия, Китай, Турция, Казахстан, Узбекистан, Вьетнам, Сенегал, Нигерия, Таиланд и др.). Исследования проведены на материале русского, английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, турецкого, сербского, китайского, арабского и др. языков.